

Петражицкий
Проф. Л. И. ПЕТРАЖИЦКІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЪ И НАУКА.

ОПЫТЪ ТЕОРИИ И ТЕХНИКИ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ДѢЛА
И
НАУЧНАГО САМООБРАЗОВАНІЯ.

Томъ II.

Практическіе выводы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Практическіе выводы.

	стр.
1. Обція начала высшей автодидактики (техники научнаго самообразованія)	341
2. Основныя положенія университетской дидактики	502
3. Основныя положенія университетской политики	522
Заключеніе	622

ПРИЛОЖЕНІЕ.

0) высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведенійхъ	633
--	-----

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По первоначальному плану, второй томъ настоящаго сочиненія долженъ былъ содержать въ себѣ, кромѣ началъ высшей автодидактики (техники высшаго научнаго самообразованія), университетской дидактики (техники высшаго преподаванія) и университетской политики, еще два приложенія: 1) «О высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ» и 2) «О среднемъ образованіи». Изъ за неоконченности второго приложенія пришлось въ свое время отложить появленіе второго тома, причемъ я надѣялся, что мнѣ удастся скоро довести до конца это приложеніе и опубликовать тогда второй томъ въ полномъ предположенномъ видѣ. Къ сожалѣнію, эта надежда до сихъ поръ не могла быть осуществлена, а теперь положеніе таково, что я не знаю, когда мнѣ будетъ возможно возвратиться къ продолженію изслѣдованія о среднемъ образованіи и закончить его. Въ виду этого я рѣшился выпустить въ свѣтъ, уже давно напечатанный, 2-й томъ, безъ второго приложенія, а послѣднее издать, когда удастся его кончить, въ видѣ особой брошюры. Это, пожалуй, удобнѣе и потому, что изслѣдованіе о среднемъ образованіи: о классической и реальной школѣ, объ общеобразовательной школѣ и т. д., оказалось при исполненіи, вопреки ожиданіямъ автора, довольно обширнымъ и значительно увеличило бы объемъ этой книги, не представляя непосредственнаго интереса для большинства читателей вслѣдствіе различія темы.

Условія нашей жизни, въ томъ числѣ и академической, быстро мѣняются, и они были въ нѣкоторыхъ существенныхъ отношеніяхъ иныя во время писанія и печатанія этой книги, чѣмъ теперь. Я принужденъ просить читателя принимать это во вниманіе при чтеніи нѣкоторыхъ замѣчаній, касающихся «злободневныхъ» вопросовъ.

Здѣсь считаю необходимымъ спеціально отмѣтить слѣдующее.

Во время писанія и печатанія замѣчаній на стр. 604 и сл. о переполненіи университетовъ, комплектахъ и т. д. фактически особыхъ затрудненій и бѣдствій отъ переполненія аудиторій еще не приходилось испытывать. Но теперь, начиная съ осенняго полугодія 1907 г., положеніе ухудшилось; приходится и на юридическомъ факультетѣ отказывать желающимъ учиться въ приемѣ за недостаткомъ достаточнаго количества большихъ аудиторій; имѣется дѣйствительное переполненіе, и есть основанія предполагать, что въ будущемъ вопросъ о недостаткѣ мѣстъ и необходимости отказывать въ приемѣ многимъ желающимъ учиться быстро будетъ приобретать все болѣе грозный характеръ.

Бури и потрясенія въ народной жизни ведутъ, психологически неизбѣжно, къ важнымъ измѣненіямъ въ состояніи индивидуальной и массовой психики. Ослабляется и разрушается сила инерціи, склонность слѣдовать традиціямъ и привычкамъ, спокойно оставаться въ прежней колеѣ, и усиливается стремленіе искать новыхъ жизненныхъ путей, критически относиться къ старому, искать новаго и т. д.

Отсюда можно предвидѣть разныя болѣе или менѣе быстрыя и сильныя измѣненія въ разныхъ областяхъ народной жизни.

Такъ, что касается экономической области, то здѣсь можно полагать, что, если не наступятъ новыя осложненія, предстоитъ періодъ подъема предпріимчивости; въ области народнаго образованія можно ожидать сильнаго подъема спроса на образованіе и притока къ школамъ, въ томъ числѣ къ университетамъ.

Для устраненія уже существующаго бѣдствія, состоящаго въ невозможности надлежащаго удовлетворенія желаній учиться, и предотвращенія еще большаго бѣдствія этого рода, необходимо предпринять экстренныя мѣры и сдѣлать это немедленно. Въ частности, необходимо немедленно позаботиться о постройкѣ болѣе обширныхъ, припоровленныхъ къ числу учащихся, зданій для университетовъ, страдающихъ отъ недостаточности помѣщеній, и объ увеличеніи числа университетовъ. Последнее предполагаетъ увеличеніе числа ученыхъ силъ, которое теперь весьма недостаточно даже для удовлетворительной постановки преподаванія въ существующихъ университетахъ. Общія и постоянныя мѣры, годныя для повышенія энергіи научной дѣятельности и уровня преподаванія въ университетахъ, а равно для выработки кадровъ ученыхъ и привлеченія кандидатовъ

къ учено-преподавательской дѣятельности, указаны въ самой книгѣ. Но въ виду создавшагося грознаго положенія необходимо прибѣгнуть къ усиленнымъ и чрезвычайнымъ мѣрамъ для скорѣйшей подготовки ученыхъ силъ, къ усиленному привлеченію кандидатовъ, къ посылкѣ желающихъ и способныхъ за границу и т. д.

8-го декабря 1907 г.

Опечатка.

На стр. 449 въ строкѣ 31-й сверху слѣдуетъ зачеркнуть случайно попавшее въ текстъ изъ зачеркнутой части рукописи слово stenocardia.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Практическіе выводы.

1. Общія начала высшей автодидактики (техники научнаго самообразованія).

I.

Теоретическія знанія, знанія предметовъ и явленій, ихъ причинныхъ свойствъ, способностей вызывать извѣстныя другія явленія и т. д., независимо отъ ихъ цѣнности самихъ по себѣ, доставляютъ человѣку ту пользу, что изъ нихъ можно выводить практическія свѣдѣнія, правила рациональнаго, цѣлесообразнаго поведенія. Изъ знанія, что извѣстное воздѣйствіе на человѣческой организмъ вызываетъ извѣстные болѣзненные процессы, вытекаетъ практическое правило, правило гигиены, что этихъ воздѣйствій слѣдуетъ избѣгать; изъ знанія, что извѣстное другое воздѣйствіе на организмъ способно останавливать такіе то болѣзненные процессы, вытекаетъ соотвѣтственное практическое правило медицины о примѣненіи такого то средства для устраненія такой то болѣзни, и т. п.

Сообразно съ этимъ такія науки, которыя направлены на выработку рациональныхъ, цѣлесообразныхъ правилъ поведенія въ извѣстной области жизни, называются прикладными науками; онѣ являются прикладными по отношенію къ другимъ наукамъ, теоретическимъ, которыя, въ свою очередь, могутъ быть названы по отношенію къ прикладнымъ «основными науками» или «теоретическими базисами» прикладныхъ.

Идеаломъ развитія системы прикладныхъ дисциплинъ было бы такое состояніе этой области человѣческаго знанія, чтобы для всѣхъ областей человѣческой жизни имѣлся руководящій

научный свѣтъ въ видѣ соотвѣтственныхъ практическихъ дисциплинъ, соотвѣтственныхъ научныхъ, основанныхъ на надлежащемъ научно-теоретическомъ базисѣ, правилъ разумнаго поведенія.

Теперь въ весьма многихъ областяхъ жизни люди лишены такого научнаго свѣта, блуждаютъ въ темнотѣ и совершаютъ не мало вредныхъ, подчасъ роковыхъ и непоправимыхъ ошибокъ, а во всякомъ случаѣ не достигаютъ такихъ результатовъ, какіе могли бы быть достигнуты при наличности надлежащаго научнаго руководства. Наука должна стремиться къ восполненію такихъ пробѣловъ, къ разработкѣ необходимыхъ теоретическихъ базисовъ и построенію соотвѣтственныхъ практическихъ дисциплинъ.

Къ числу такихъ, пока отсутствующихъ, по подлежащихъ созданію и развитію въ будущемъ практическихъ дисциплинъ, относится дисциплина, имѣющая своимъ теоретическимъ базисомъ психологическую теорію науки и процессовъ пріобщенія къ научной эмоционально-интеллектуальной психикѣ, и направленная на выработку системы рациональныхъ правилъ научнаго (въ тѣсномъ и высшемъ смыслѣ) самообразования, т. е. пріобщенія къ научной психикѣ и достиженія учестости.

Въ руководящемъ свѣтѣ такой дисциплины, особой вѣтви педагогики въ общемъ смыслѣ, могущей быть пазванною техникой научнаго самообразованія, или высшей автодидактикой (или «доктикой») нуждаются разныя категоріи лицъ.

Прежде всего мы имѣемъ въ виду студентовъ (и студентовъ, курсистокъ и т. д.). Между тѣмъ какъ дѣти и подростки, обучаемые дома и въ низшихъ школахъ, являются вообще несвободными объектами учительскаго руководства и обученія, лишены свободы и самостоятельности въ дѣлѣ выбора средствъ и пріемовъ достиженія образованія, студенты, взрослые люди, находятся въ положеніи свободы и самодѣятельности, въ положеніи людей, самостоятельно и свободно работающихъ надъ своимъ научнымъ образованіемъ, занимающихся самообразованіемъ, и, какъ уже отчасти видно изъ предыдущаго изложенія и еще яснѣе и полнѣе обнаружится дальше, для нихъ въ высшей степени важно относиться къ дѣлу съ сознательнымъ выборомъ и имѣть для этого научный руководящій свѣтъ.

Далѣе, въ такомъ руководствѣ нуждаются люди, продолжающіе свое научное самообразование въ послѣ-университет-

ское время, какъ тѣ, которые посвящаютъ себя практической дѣятельности на почвѣ спеціального научнаго образованія или вообще не посвящаютъ себя спеціально наукѣ, такъ и люди, спеціально посвящающіе себя научной дѣятельности и стремящіеся къ достиженію высшихъ ступеней учености.

Многіе, стремящіеся къ научному образованію, не въ состояніи пользоваться для этой цѣли слушаніемъ лекцій въ университетѣ. Въ ихъ распоряженіи имѣется суррогатъ слушанія лекцій — чтеніе научной литературы. Фактически и студенты, особенно студенты слабыхъ и слабѣйшихъ университетовъ, находятся часто по отношенію къ разнымъ наукамъ въ такомъ же положеніи (за отсутствіемъ профессора или надлежащаго профессора по данной наукѣ). Общія начала высшей автодидактики примѣнимы и ко внѣуниверситетскому, «домашнему» научному самообразованію, съ тою разницею, что слушаніе лекцій замѣняется чтеніемъ научной литературы и что соотвѣтственные директивы относительно выбора матеріала для чтенія получаютъ здѣсь особенно важное значеніе.

Дальнѣйшее изложеніе представляетъ попытку установить общія и основныя начала высшей автодидактики въ намѣченномъ смыслѣ, вытекающія изъ предыдущихъ теоретическихъ изслѣдованій о психической природѣ науки, о процессахъ приобщенія къ научной психикѣ и т. д., какъ практическіе выводы изъ теоретическаго базиса.

Такъ какъ большинство подлежащихъ практическихъ указаній послѣ всего изложеннаго выше не нуждаются въ подробномъ обоснованіи и объясненіи, или даже они настолько ясны сами собою, что не нуждаются даже въ особомъ упоминаніи, а нѣкоторые другіе практическіе выводы для стремящихся къ научному образованію изъ установленныхъ выше теоретическихъ положеній были уже изложены въ связи со своимъ теоретическимъ базисомъ, то дальнѣйшее изложеніе можетъ быть краткимъ и имѣть отчасти характеръ краткаго *resumé* предыдущихъ изслѣдованій съ намѣченной практической точки зрѣнія.

Само собою разумѣется, что это краткое изложеніе общихъ директивовъ для научнаго самообразованія, вмѣстѣ со своимъ раньше изложеннымъ теоретическимъ базисомъ, не можетъ притязать на честь представлять то, что мы имѣли выше въ виду, говоря о желательности учрежденія особой дидактической дисциплины — высшей автодидактики. Для того, чтобы

могла быть рѣчь о существованіи такой дисциплины, требуется гораздо болѣе обширная и совершенная разработка и подлежащаго теоретическаго базиса, и самой системы правилъ научнаго самообразованія. Въ частности, къ задачамъ высшей автодидактики относится на ряду съ установленіемъ общихъ директивовъ,—правиль, касающихся научнаго самообразованія вообще, независимо отъ особенностей такой или иной спеціальной вѣтви наукъ, напр., юридическихъ, медицинскихъ и т. п., также разработка и дополнительныхъ, спеціальныхъ, болѣе конкретныхъ правилъ для разныхъ спеціальныхъ вѣтвей самообразованія.

Надлежащая реализація идеи высшей автодидактики—дѣло будущаго и коллективнаго труда многихъ работниковъ.

То, что въ этомъ направленіи сдѣлано въ этой книгѣ, представляетъ лишь первую весьма скромную попытку дать хоть нѣкоторое общее руководство для сознательно-раціональнаго направленія дѣла высшаго самообразованія и положить основанія для болѣе полной и совершенной разработки высшей автодидактики или, по крайней мѣрѣ, показать возможность и желательность развитія такой практической дисциплины.

II.

Изложенныя выше психологическія теоріи науки и ея проповѣди и дѣйствія научныхъ лекцій на актуальную и диспозитивную психику слушателей—содержать, прежде всего, теоретическій базисъ для сознательно-раціональнаго отношенія къ лекціямъ со стороны тѣхъ, которые могутъ пользоваться этимъ основнымъ и специфическимъ средствомъ приобщенія къ научной эмоціонально-интеллектуальной психикѣ, со стороны студентовъ и иныхъ слушателей научныхъ курсовъ.

Первый и главный съ точки зрѣнія достиженіи не университетскаго диплома только, а подлиннаго университетскаго образованія крайне важный практическій выводъ изъ этого теоретическаго базиса состоитъ въ томъ, что слѣдуетъ усердно пользоваться имѣющимися въ распоряженіи научными лекціями, какъ лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ средствомъ повышенія своего духовнаго я до высокаго уровня научной психики.

Отнюдь не слѣдуетъ вѣрить газетной и иной литературѣ на тему о бесполезности слушанія лекцій и правотѣ не посѣ-

щающихъ лекцій, о превосходствѣ ученія по учебнику и т. д.; отнюдь не слѣдуетъ вѣрить и своимъ собственнымъ практическимъ выводамъ относительно слушанія лекцій и ученія по учебнику на почвѣ обзоровъ того, что «остается въ головѣ», и вообще на почвѣ взгляда на лекціи, какъ на средство пріобрѣтенія знаній и суррогатъ учебника. Въ основѣ этихъ печатныхъ и домашнихъ мнѣній лежитъ капитальное недоразумѣніе, ведущее въ практическомъ результатѣ къ великимъ духовнымъ потерямъ и убыткамъ для слѣдующихъ имъ. Напротивъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, понимать и постоянно помнить, что слушаніе лекцій и ученіе по учебнику совершенно различные образовательные процессы, вовсе не конкурирующіе другъ съ другомъ и не замѣняющіе другъ друга, и что кажущійся успѣхъ замѣны лекцій учебникомъ заключаетъ въ себѣ незамѣнимую и вознаграждаемую потерю тѣхъ незримыхъ, при обзорѣ «оставшагося въ головѣ», но тѣмъ не менѣе весьма реальныхъ и весьма цѣнныхъ благъ, которыя достигаются слушаніемъ научной проповѣди, но отнюдь не выучиваніемъ учебниковъ.

То правило рациональнаго студенческаго поведенія, которое вытекаетъ изъ упомянутаго теоретическаго базиса, состоитъ, впрочемъ, не въ томъ, чтобы слѣдовать непременно и всегда оффиціальному плану и расписанію лекцій на данномъ факультетѣ даннаго университета, чтобы быть всегда въ той аудиторіи, въ которой по оффиціальному расписанію данному студенту полагается сидѣть и слушать. Напротивъ, изъ нашего теоретическаго базиса вытекаетъ тотъ практической выводъ, что такое отношеніе къ дѣлу не всегда наиболѣе рационально и что, вообще, въ дѣлѣ слушанія лекцій требуется и весьма важенъ самостоятельный и сознательный выборъ.

Выборъ ученыхъ для слушанія долженъ осуществляться прежде всего до поступленія въ высшую школу въ формѣ выбора мѣста ученія, выбора конкретной высшей школы для ученія. Изъ того, что было выяснено выше о значеніи и цѣнности лекцій ученыхъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова (въ отличіе отъ обладающихъ только надлежащими оффиціальными званіями) и въ особенности о дѣйствиіи лекцій выдающихся и первоклассныхъ ученыхъ, вытекаетъ огромная важность соотвѣтственнаго выбора и крайняя неразумность (поскольку нѣтъ фактической невозможности выбора) разныхъ обычно у насъ

играющихъ большую роль житейскихъ соображеній относительно близости университетскаго города, мѣстонахожденія родственниковъ, знакомыхъ и т. п. Разные университеты представляютъ весьма индивидуальныя, весьма неравныя по своимъ научнымъ силамъ и образовательной цѣнности величины, отчасти совершенно несравнимыя и несоизмѣримыя. Если выборъ надлежащаго мѣста ученія на родинѣ встрѣчаетъ препятствія вслѣдствіе полицейскихъ мѣръ, прикрѣпленія къ округамъ, комплектовъ и т. п., или вслѣдствіе фактическаго отсутствія мѣстъ въ лабораторіяхъ и т. д. (что, конечно, при культурномъ отношеніи государства къ дѣлу высшаго образованія было бы такъ же невымыслимо, какъ прикрѣпленіе къ округамъ), то получаетъ особенно серьезное значеніе вопросъ о побѣздкѣ заграницу для пріобрѣтенія тамъ высшаго образованія или, по крайней мѣрѣ, начальнаго пріобщенія къ наукѣ.

Далѣе, выборъ лекцій для слушанія долженъ осуществляться въ предѣлахъ даннаго, избраннаго (или навязаннаго) университета. Съ одной стороны можетъ быть, что не всѣ тѣ лекціи, которыя полагаются слушать по официальному расписанію, представляютъ истинную *professio scientiae* въ выясненномъ выше смыслѣ слова. Съ другой стороны, въ каждомъ университетѣ есть множество другихъ лекцій, и среди нихъ можно найти и такія, которыя могутъ доставить большую или даже, можетъ быть, громадную пользу, хотя онѣ не относятся къ списку наукъ избраннаго факультета. Ибо, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, выдающіяся научныя лекціи имѣютъ высокую цѣнность и помимо тѣхъ знаній, которыя онѣ сообщаютъ.

Одно изъ великихъ преимуществъ университетовъ, особенно болѣе крупныхъ и сильныхъ университетовъ, состоитъ въ томъ, что здѣсь большое изобиліе духовно-образовательной пищи; и весьма важно пользоваться этимъ, разумѣется, съ надлежащимъ выборомъ. Въ чемъ состоятъ критеріи такого выбора, чѣмъ пужно главнымъ образомъ руководствоваться, обстоятельно разъяснено выше. Облегчаетъ примѣненіе этихъ критеріевъ научное имя, слава ученаго.

Добавочнымъ соображеніемъ въ пользу слушанія выдающихся лекцій и другихъ факультетовъ и вспомогательнымъ критеріемъ выбора является то, что многія науки имѣютъ важное вспомогательное значеніе для спеціально изучаемыхъ.

Напр., для юристовъ весьма цѣнно ознакомленіе съ психологіей (право — сложное психическое явленіе *sui generis*), съ этикою (нравственность — ближайшая родственная область), съ теоріей и исторіей культуры и разныхъ ея элементовъ: языка, религіи, хозяйства и т. д. Для историковъ и вообще всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ общественными и гуманитарными науками, весьма важно ознакомленіе съ общимъ ученіемъ о правѣ, о государствѣ, о хозяйственныхъ явленіяхъ и др. Для всѣхъ, стремящихся къ научному образованію, важно ознакомленіе съ философіей и ея исторіей и съ логикой; впрочемъ, также и съ названными выше вѣтвями знанія, которыя на ряду со вспомогательнымъ для другихъ наукъ имѣютъ и высокое общеобразовательное значеніе.

Особенно выдающіеся курсы можно, а подчасъ весьма желательно прослужать два раза или даже болѣе. Иногда это правило рационально и по отношенію не къ чрезвычайно выдающимся, а лишь хорошимъ и солиднымъ курсамъ; напр., это слѣдуетъ принять во вниманіе тѣмъ, которые имѣютъ несчастіе учиться въ захудаломъ и слабосильномъ университетѣ, поскольку все-таки нѣкоторыя кафедры, по исключенію, хорошо обставлены; чѣмъ бѣдственнѣе общее положеніе, тѣмъ больше надо цѣнить то, что есть хорошаго.

Даже при томъ плачевномъ состояніи, до какого у насъ доведены университеты, учащееся юношество могло бы извлечь изъ университетскаго преподаванія весьма много пользы, а во всякомъ случаѣ несравненно больше, чѣмъ теперь, если бы среди него были распространено правильное пониманіе функціи лекцій и университета и соотвѣтственное рациональное пользованіе ими; въ частности, если бы было распространено сознаніе того, что тотъ официальный списокъ лекцій, на которыя предписана записъ на данномъ курсѣ даннаго факультета, имѣетъ лишь относительное значеніе, совсѣмъ не такое, напр., какъ подобныя программы въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и что этотъ списокъ вовсе не долженъ вести къ уничтоженію *universitas litterarum*, къ превращенію ея въ спеціальное учебное заведеніе съ узкими рамками и къ устраненію сознательно-свободнаго занятія наукою въ пользу рутинно-ограниченнаго отбыванія шаблона.

Наиболѣе усиленною системою выбора лекцій была бы система комбинированія двухъ или болѣе университетовъ, т. е.

система перехода изъ университета въ университетъ (какъ это практикуется въ Германіи) съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ прослушать наиболѣе выдающіяся и замѣчательныя лекціи, въ томъ числѣ выдающіяся лекціи разнаго индивидуальнаго типа или направленія по однимъ и тѣмъ же, напр., излюбленнымъ, наукамъ.

Что касается самаго процесса слушанія избранныхъ лекцій, то изъ установленныхъ выше теоретическихъ положеній относительно эмоціональнаго и интеллектуальнаго дѣйствія лекцій на актуальную и диспозитивную психику слушателей, въ частности изъ положеній о способности лекцій быть могучимъ средствомъ поднятія уровня мышленія и прививки технически совершеннаго или индивидуально превосходнаго типа мышленія слушаемаго ученаго-мыслителя и о неспособности лекцій замѣнять, особенно въ области позитивныхъ свѣдѣній и ихъ рядовъ, ученіе по учебнику—вытекають слѣдующіе общіе директивы:

Надлежащее психическое отношеніе слушателя научныхъ лекцій, въ особенности выдающихся научныхъ лекцій, должно состоять въ полной и охотной, возможно одушевленной отдачѣ себя въ распоряженіе соответственному теченію научной мысли, ея прелести и обаянію.

Слѣдуя обычному и естественному, но тѣмъ не менѣе ошибочному взгляду на лекціи, какъ на устное сообщеніе научныхъ свѣдѣній, слушатели, и при томъ именно лучшіе, особенно усердные и сознательные слушатели, стараются запоминать слушаемое. Ихъ слушаніе по характеру направленія и дѣйствія ихъ психической энергіи сходно съ процессомъ ученія и заучиванія и можетъ быть названо «запоминательнымъ» слушаніемъ, въ отличіе отъ указаннаго выше свободно-мыслительнаго и эмоціонально-оживленнаго слушанія, болѣе похожаго на чтеніе романа, слушаніе драмы въ театрѣ и т. п.

Хотя запоминательное слушаніе, повидимому, съ точки зрѣнія обзора «оставшагося въ головѣ», даетъ больше (т. е. больше позитивныхъ свѣдѣній), чѣмъ свободно-мыслительное слушаніе, тѣмъ не менѣе оно, вообще, не можетъ быть признано рациональнымъ. Общее направленіе психической дѣятельности и энергіи въ пользу запоминанія и отдѣльныя попытки и усилія въ этомъ направленіи составляютъ конкурренцію и помѣху инымъ, болѣе цѣннымъ психическимъ процессамъ; въ частности они мѣшаютъ эмоціональному подъему и увлеченію и ослабляютъ или

прерываютъ и портятъ дѣйствіе мыслительнаго процесса, какъ такового.

Впрочемъ, если дѣло идетъ въ конкретномъ случаѣ о сообщеніяхъ, отсутствующихъ въ литературѣ и представляющихъ большую цѣнность, то можетъ быть рациональнымъ и запоминательное слушаніе (или записываніе, см. ниже). Равнымъ образомъ нельзя возражать противъ работы запоминанія во время лекціи и по менѣе важнымъ поводамъ, если конкретныя обстоятельства (умственное развитіе слушателя, характеръ слушаемаго) таковы, что указанные двѣ различныя психическія дѣятельности могутъ быть совмѣщаемы безъ вреда для главной изъ нихъ. Это, естественно, чаще можетъ имѣть мѣсто на старшихъ курсахъ, чѣмъ въ началѣ университетской жизни.

Особенно усерднымъ и плодотворнымъ отношеніемъ къ лекціямъ считается записываніе содержанія слушаемаго съ послѣдующимъ выучиваніемъ («чтеніемъ») записаннаго дома. Перѣдко составленіе записокъ и возможно обильное наполненіе ихъ подходящими для заучиванія частями содержанія лекцій превращается фактически въ главную цѣль посѣщенія лекцій. Между прочимъ, въ германскихъ университетахъ весьма распространень обычай диктованія положеній для записыванія съ объяснительными замѣчаніями въ антрактахъ, а иногда лекціи замѣняются сплошною диктовкою. Многіе студенты относятся при этомъ къ лекціоннымъ антрактамъ между диктовками, какъ ко времени отдыха отъ работы, слушаютъ и цѣнятъ только диктуемое, выносятъ изъ лекцій только исписанную тетрадь (Kollegienheft)—и очень довольны этимъ результатомъ.

Послѣ всего изложеннаго этотъ обычай не нуждается въ особой критикѣ. Но мы, вообще, записываніе содержанія лекцій и выучиваніе записаннаго не только не считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ отношеніемъ къ лекціямъ, но даже склонны признать его, въ видѣ общаго правила, нераціональнымъ, отчасти положительно вреднымъ. Работа записыванія составляетъ конкуренцію и помѣху наиболѣе важнымъ и цѣннымъ эмоціональнымъ и интеллектуальнымъ процессамъ научной психики въ еще большей степени, чѣмъ работа запоминанія. Къ тому же при записываніи, особенно если оно отвлекаетъ много энергіи отъ лекціоннаго мышленія, содержаніе слушаемой лекціи подвергается разнымъ, для менѣе вооруженнаго научнаго глаза незамѣтнымъ, но тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе существен-

нымъ измѣненіямъ, разнымъ искаженіямъ, опошленію и т. д.; такъ что записки получаютъ болѣе или менѣе макулатурный характеръ, и ученіе по нимъ гораздо менѣе цѣлесообразно, нежели ученіе по дѣльному учебнику.

И здѣсь необходимо оговориться, что въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ записываніе можетъ быть умѣстно, такъ же какъ и заповиательное слушаніе (выше, стр. 349). Если дѣло идетъ о такихъ лекціяхъ, изъ которыхъ слушатель только и можетъ извлечь разныя полезныя для него свѣдѣнія, то вообще приведенныя соображенія о конкуренціи разныхъ психическихъ процессовъ, предполагающія лекціи, выдающіяся по своему эмоциональному подъему и характеру мышленія, теряютъ свое значеніе.

Для извлеченія изъ научныхъ лекцій, особенно изъ выдающихся лекцій, наибольшихъ духовныхъ приобрѣтеній, наиболѣе глубокаго духовнаго перерожденія и облагороженія, слѣдуетъ стараться, какъ сказано выше, исполнѣ охотно, съ возможно большимъ одушевленіемъ и увлеченіемъ отдавать свое психическое я въ распоряженіе соответственному теченію научной мысли и ея прелести и обаянію. Этимъ, между прочимъ, сказано, что слѣдуетъ избѣгать холоднаго, скептическаго и критическаго отношенія. Не слѣдуетъ думать, будто то или иное настроеніе внѣ нашей власти, не зависитъ отъ нашей воли. Есть такіе туристы или посѣтители театровъ, концертовъ, художественныхъ выставокъ и т. п., которые, на почвѣ великаго тщеславія, напр., желая показать другимъ, что они много видѣли, и ихъ ничѣмъ не удивить, портятъ себѣ и другимъ удовольствіе своимъ умышленно-холоднымъ и критически-ворчливымъ настроеніемъ. Болѣе же умные туристы умѣютъ радоваться и воодушевляться, «какъ дѣти», и по поводу сравнительно скромныхъ прелестей природы, напр., по поводу гораздо менѣе величественныхъ горъ, водопадовъ и т. п., нежели многіе другіе, видѣнные ими въ другихъ мѣстахъ. Точно также и холодное или воодушевленное отношеніе къ надлежащей или выдающейся научной лекціи зависитъ въ значительной степени (конечно, не исключительно) отъ самого слушателя.

Можетъ показаться страннымъ, что мы считаемъ перациональнымъ и «критическое» отношеніе. Критика, критицизмъ и т. п. по ходячей оцѣнкѣ всегда и вездѣ (не говоря уже о научной области) считаются чѣмъ то хорошимъ, точно также, напр.,

какъ «зубреніе» всегда чѣмъ то дурнымъ. Но, во имя критицизма слѣдуетъ и къ такимъ ходячимъ лозунгамъ и оцѣнкамъ относиться также критически. Критика бываетъ продуктомъ или лучшаго знанія и пониманія, или, напротивъ, худшаго знанія или худшаго пониманія, неспособности или нежеланія понять и оцѣнить критикуемое; напр., гениальныя произведенія, открывающія новые горизонты, стоящія много выше средняго уровня, подвергаются обильной и строго-поричательной критикѣ со стороны многихъ, не доросшихъ до пониманія и оцѣнки гениальности этихъ произведеній, и лишь съ теченіемъ времени отрицательная критика смѣняется инымъ отношеніемъ. Критика содержанія лекцій ученаго, особенно выдающагося ученаго, со стороны еще не посвященныхъ или слабо посвященныхъ въ данную науку представляетъ вообще критику второго типа, неосновательную, макулатурную критику; а между тѣмъ она парализуетъ цѣнное дѣйствіе лекціи. Разумѣется, въ случаѣ наличности обратнаго отношенія умственнаго уровня читающаго и слушающаго лекціи, т. е. въ области лекцій, не доросшихъ до науки, критика не только умѣстна, но и необходима—для обезвреженія вліянія плохой лекціи; но еще лучше такихъ лекцій просто не слушать. Нельзя также возражать противъ послѣдующей, послѣ прослушанія, критики идей и доводовъ профессора. Напротивъ, такую критику на почвѣ соотвѣтственной подготовки, съ помощью сравненія теоріи и доводовъ даннаго ученаго съ теоріями и доводами другихъ ученыхъ, слѣдуетъ весьма рекомендовать и привѣтствовать.

Но вообще, особенно въ началѣ слушанія университетскихъ лекцій, достаточно яснаго и хорошаго ихъ пониманія, т. е. хорошаго продѣлыванія соотвѣтственныхъ умозаключеній и иныхъ движеній научной мысли.

Въ первое время, вслѣдствіе наличности большой пропасти между обычнымъ уровнемъ мышленія перешедшихъ изъ гимназіи въ университетъ слушателей и уровнемъ мышленія ученыхъ-профессоровъ, несмотря на все выясненное выше эмоциональное дѣйствіе лекцій въ направленіи повышенія интеллектуальныхъ функций, полное и надлежащее пониманіе лекцій не всегда имѣется на лицо. Даже у наиболѣе выдающихся слушателей бываютъ спорадическія затрудненія; нѣкоторыя мѣста представляются темными, непонятными; иногда, особенно въ первые дни и въ области болѣе трудныхъ лекцій, замѣчается даже нѣчто

худшее, нежели частичное непонимание — некоторыя лекціи оставляють впечатлѣніе какого то хаоса и тумана.

Многіе студенты приходят по этому поводу въ отчаяніе или безъ особаго «отчаянія» и постепенно перестаютъ посѣщать лекціи и переходятъ на почву выучиванія учебниковъ къ экзаменамъ.

Это — весьма роковая ошибка. На трудность пониманія лекцій вначалѣ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на естественную переходную стадію при подъемѣ на высокій уровень научнаго мышленія. Несмотря на эти затрудненія, слѣдуетъ усердно продолжать слушаніе; этимъ будетъ достигнуто тотъ результатъ, что степень и количество затрудненій получатъ видъ болѣе или менѣе быстро — по мѣрѣ приученія къ научному мышленію вообще и въ частности къ специальному типу мышленія даннаго лекціоннаго курса — нисходящей прогрессіи.

Для облегченія пониманія полезно приготовленіе къ слушанію путемъ чтенія печатнаго или литографированнаго курса того же профессора или иныхъ изложеній данной науки и путемъ чтенія предъ отдѣльными лекціями соответствующихъ частей печатнаго или литографированнаго курса профессора или иного учебника.

Если затрудненія въ пониманіи лекцій, даже при примѣненіи этихъ средствъ, и послѣ нѣсколькихъ недѣль терпѣливаго слушанія имѣють не спорадическій, а болѣе грозный характеръ, такъ что о приученіи къ соответственному мышленію путемъ продолженія слушанія не можетъ быть рѣчи, то, конечно, его слѣдуетъ прекратить. Но и здѣсь переходъ на исключительную почву ученія по учебникамъ къ экзаменамъ — весьма роковая ошибка. Единственно разумнымъ въ такомъ случаѣ является постановка и серьезное рѣшеніе дилеммы: или прирожденная и неисцѣлимая неспособность — и поэтому необходимость оставить прежній планъ образованія и жизни и составить болѣе соответствующій и собственному, и общественному благу; или умственная юность, недостаточная зрѣлость, слишкомъ ранній переходъ отъ элементарнаго обученія къ наукѣ въ собственномъ смыслѣ слова; и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ остаться на курсѣ на второй годъ, посвятивъ первый подготовкѣ къ болѣе успѣшному, надлежащему факультетскому слушанію путемъ слушанія лучшихъ изъ наиболѣе легкихъ и понятныхъ, преимущественно общеобразовательныхъ курсовъ, хотя бы и не

своего факультета и путем чтенія литературы соотвѣтственнаго характера (ср. выше, стр. 347).

III.

Слушаніе лекцій ученыхъ, особенно выдающихся и воодушевленныхъ мыслителей — специфическое и лучшее мыслимое средство для подъема психики учащихся въ эмоціональномъ и интеллектуальномъ отношеніи до высотъ научной психики и лучшая основа истинно научнаго образованія. Но не всѣ стремящіеся къ научному образованію имѣютъ счастье пользоваться этимъ средствомъ. Многіе изъ нихъ вообще не имѣютъ возможности быть слушателями университетовъ или иныхъ курсовъ ученыхъ и принуждены вести дѣло своего научнаго самообразованія исключительно съ помощью «домашнихъ» средствъ. Въ такомъ же положеніи находятся и студенты въ области тѣхъ наукъ, по которымъ ихъ *alma mater* не доставляетъ имъ надлежащей лекціонной помощи. Даже первоклассные университеты съ міровою славою, не исключая, напр., и берлинскаго, не обладаютъ столь большимъ и блестящимъ составомъ ученыхъ, чтобы доставить своимъ слушателямъ по всѣмъ наукамъ надлежащую лекціонную помощь. Что же касается университетовъ второго, третьяго, четвертаго ранга и т. д., то количество наукъ, представленныхъ въ нихъ дѣльными и выдающимися учеными соотвѣтственно уменьшается, а количество наукъ, слабѣе или совсѣмъ слабо представленныхъ, увеличивается. И даже возможны, и бываютъ, такіе университеты, а во всякомъ случаѣ такіе факультеты, слушатели коихъ въ области всѣхъ факультетскихъ наукъ находятся по существу въ такомъ же положеніи, что касается лекцій, какъ тѣ, которые занимаются «домашнимъ» самообразованіемъ, безъ помощи университета или иныхъ курсовъ ученыхъ.

И вотъ для приведенныхъ категорій лицъ существуетъ и имѣетъ весьма серьезное значеніе вопросъ о способахъ и средствахъ замѣны научно-образовательнаго дѣйствія лекцій.

Студенты, не слушающіе тѣхъ лекцій, которыя ихъ не привлекаютъ въ аудиторію, или вообще не посѣщающіе лекцій, усматриваютъ средство замѣны лекцій и даже замѣны съ прибылью, со сбереженіемъ времени и т. д.,—въ ученіи по учебнику, и въ этомъ мнѣніи ихъ укрѣпляютъ университетскіе экзамены.

Объ ошибочности этого мнѣнія послѣ всего изложеннаго выше, въ частности о наукѣ и отношеніи ея къ учебнику, не нужно болѣе распространяться.

Существенно отличнымъ отъ ученія по учебнику и болѣе близкимъ по своему научно-образовательному значенію къ слушанію научныхъ лекцій является запятіе свободнымъ чтеніемъ такой научной литературы, которая, въ отличіе отъ учебниковъ, заключающихъ краткое изложеніе главныхъ результатовъ научной работы множества ученыхъ для заучиванія соответственныхъ свѣдѣній и положеній, является отраженіемъ самыхъ процессовъ научной, критически-разрушительной и положительно-творческой, работы ученыхъ — авторовъ подлежащихъ произведеній (монографій, статей и т. д.).

Въ частности, чтеніе такой литературы ведетъ такъ же, какъ и слушаніе лекцій, къ воспроизведенію движеній научной мысли, совершенныхъ авторами читаемыхъ изслѣдованій, и къ постепенному привитію соответственныхъ привычекъ усовершенствованнаго критическаго и творческаго мышленія (выше стр. 224 и слѣд.).

Главнымъ образомъ вслѣдствіе слабаго или ничтожнаго эмоціональнаго дѣйствія чтенія, по сравненію съ слушаніемъ воодушевленной устной научной проповѣди, чтеніе печатныхъ научныхъ изслѣдованій далеко не представляетъ столь сильно и быстро дѣйствующаго средства приобщенія къ научной психикѣ, какъ слушаніе. Не говоря уже о научно-эмоціональномъ воспитаніи, о возбужденіи научнаго воодушевленія и энтузіазма, и интелектуальное дѣйствіе чтенія, *ceteris paribus*, въ частности при одной и той же степени интелектуальной доброкачественности воспроизводимаго, гораздо слабѣе и блѣднѣе, нежели дѣйствіе слушанія. Поэтому тѣ, которые лишены помощи выдающихся научныхъ лекцій и принуждены добиваться научнаго образованія путемъ домашняго чтенія, не могутъ такъ скоро и легко достигнуть подъема на высоты научнаго мышленія и изслѣдованія, должны затрачивать гораздо больше времени и труда для постепеннаго движенія вверхъ; и, затѣмъ, достигнувъ возможности возвращаться въ сферѣ ученаго мышленія, они опять должны затрачивать больше времени и труда для укрѣпленія соответственнаго склада мышленія и, при одномъ и томъ же уровнѣ природныхъ дарованій, имѣютъ меньше шансовъ достигнуть выдающихся результатовъ; въ частности, напр.,

читатели произведений талантливого или гениального ученого далеко не дѣлаются въ такой степени духовными дѣтьми и наслѣдниками соответственныхъ великихъ духовныхъ благъ, какъ его слушатели, ученики въ болѣе сильной степени.

Но, несмотря на всѣ эти, выше обстоятельно выясненныя, различія въ степени образовательнаго дѣйствія слушанія и чтенія научныхъ изслѣдованій, о чтеніи научной литературы можно сказать, что оно дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, какъ и слушаніе лекцій, и можетъ быть признано суррогатомъ, средствомъ замѣны университетскаго слушанія—тѣмъ болѣе годнымъ средствомъ замѣны, чѣмъ рациональнѣе это занятіе ведется.

Установленіемъ директивовъ для рациональнаго чтенія мы займемся спеціально ниже, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ ученіи по учебнику.

Далеко не единственнымъ, по тѣмъ не менѣе цѣннымъ и необходимымъ элементомъ образованности въ области конкретной науки является прочное обладаніе систематическою совокупностью подлежащихъ главныхъ и основныхъ знаній, въ томъ числѣ и чисто позитивныхъ знаній, ихъ рядовъ и т. д.

Независимо отъ теоретической и практической цѣнности этого элемента научнаго образованія самого по себѣ, онъ важенъ и даже необходимъ и какъ средство для развитія и укрѣпленія другихъ элементовъ научной образованности, въ частности для чтенія съ интересомъ и пониманіемъ спеціальной монографической и журнальной литературы, предполагающей наличность у читателя элементарныхъ знаній въ области данной науки, для слушанія соответственныхъ спеціальныхъ курсовъ, для писанія сочиненій и т. д. (ср. ниже).

Изъ изложеннаго выше объ усвоеніи научныхъ знаній, въ частности и въ особенности рядовъ позитивныхъ знаній (стр. 293 и слѣд.), видно, что наиболѣе рациональнымъ и даже единственно разумнымъ средствомъ для достиженія обладанія надлежащею систематическою совокупностью свѣдѣній въ области изучаемой науки является ученіе по соответственному и при томъ одному избранному учебнику, въ томъ числѣ вызубриваніе путемъ многократнаго повторенія съ усиліями запоминанія соответственныхъ позитивныхъ свѣдѣній, ихъ рядовъ и системъ. Не только слушаніе лекціоннаго курса, но даже и весьма обильное и продолжительное занятіе свободнымъ чтеніемъ науч-

ной литературы не въ состояніи замѣнить ученіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, заучиваніе.

Это въ особенности слѣдуетъ имѣть въ виду занимающимся научнымъ самообразованіемъ путемъ «домашняго чтенія». Они смотрятъ обыкновенно на чтеніе, какъ на средство пріобрѣтенія познаній. Сообразно съ этимъ подбирается и матеріалъ для чтенія. Подлежащая литература представляетъ обыкновенно популярное изложеніе элементарныхъ свѣдѣній и положеній изъ области изучаемой науки, и предполагается, что путемъ чтенія этого рода литературы постепенно пріобрѣтаются соответственнаго знанія.

Это — сочетаніе весьма существенныхъ ошибокъ и недоразумѣній.

Путемъ чтенія научной литературы можно достигнуть усвоенія другихъ элементовъ научной психики, въ частности подлежащей техники научнаго критическаго и созидательнаго мышленія, но для этого требуется чтеніе не той литературы, которая обыкновенно избирается для чтенія, а иной; для этого требуется чтеніе изслѣдованій ученыхъ-первопроизводителей научнаго свѣта, а не сочиненій посредниковъ между учеными и публикою, компиляторовъ и популяризаторовъ добытыхъ наукою результатовъ (ср. ниже).

Что же касается усвоенія систематическаго комплекса положительныхъ знаній, въ томъ числѣ и чисто позитивныхъ свѣдѣній, ихъ рядовъ и системъ, составляющихъ необходимый элементъ научнаго вооруженія въ данной области знанія, то годнымъ средствомъ для этой цѣли является не чтеніе, а ученіе.

Чтеніе популярной литературы способно дать только поверхностное и дилетантское знакомство съ нѣкоторыми верхушками знанія, съ нѣкоторыми, болѣе доступными для малообразованныхъ людей, воззрѣніями, теоріями и общими положеніями, и оставляетъ, сверхъ того, въ памяти нѣкоторые, случайно застрявшіе обрывки отдѣльныхъ позитивныхъ свѣдѣній (ср. выше, стр. 300).

Между тѣмъ какъ занимающіеся внѣуниверситетскимъ научнымъ самообразованіемъ обыкновенно объ ученіи по учебнику совсѣмъ не думаютъ, имъ въ голову не приходитъ, что слѣдовало бы этимъ заняться, студенты, поскольку они имѣютъ дѣло съ экзаменами, принуждены объ этомъ думать и этимъ заниматься; а многіе студенты сводятъ свое научное самооб-

разованіе по всѣмъ или почти всѣмъ факультетскимъ наукамъ къ выучиванію учебниковъ.

Тѣмъ не менѣе и въ студенческой средѣ далеко нѣтъ того сознанія рациональности и необходимости по существу надлежащаго ученія по учебнику, какое было бы желательно съ точки зрѣнія правильной постановки научнаго образованія. вмѣсто этого сознанія и соотвѣтственнаго разумнаго направленія дѣла ученія въ нашихъ студенческихъ сферахъ господствуетъ презрѣніе къ этому занятію и отношеніе къ нему, какъ къ необходимому, въ виду экзаменовъ, злу. Въ качествѣ такового оно по возможности обходится или низводится къ необходимому минимуму, который подчасъ, съ точки зрѣнія научнаго образованія, равняется нулю или почти нулю, хотя и оцѣнивается на экзаменѣ не этою цифрою, а цифрами 3, 4 или 5. И—странное дѣло!—это воззрѣніе и отношеніе къ дѣлу вполне мирно уживается съ воззрѣніемъ, что путемъ выучиванія учебниковъ къ экзаменамъ пріобрѣтается университетское образованіе, что полученіе удовлетворительныхъ или хорошихъ отмѣтокъ на экзаменѣ свидѣтельствуетъ, что все въ порядкѣ, покрываетъ непосѣщеніе лекцій и т. д.

Желающему рационально и успѣшно вести дѣло своего научнаго образованія студенту слѣдуетъ опредѣлять и направлять свое отношеніе къ ученію по учебнику независимо или по возможности независимо отъ экзаменной политики, въ частности распространять это занятіе и на тѣ области, гдѣ нѣтъ экзаменнаго принужденія, въ томъ числѣ на вспомогательные и общеобразовательные предметы, на время, когда ещё нѣтъ экзаменнаго принужденія, и на время, когда уже нѣтъ экзаменнаго принужденія, когда уже экзаменъ отбытъ, но необходимыхъ знаній нѣтъ вслѣдствіе отсутствія усвоенія или вслѣдствіе ученія къ экзамену по навязанному макулатурному пособию, плохимъ литографированнымъ запискамъ и т. д.

Въ этомъ смыслѣ дальнѣйшія наши замѣчанія игнорируютъ экзамены и вносимыя ими пертурбаціи и въ то же время имѣютъ въ виду не только занимающихся въ университетскимъ научнымъ образованіемъ, т. е. лицъ вполне свободныхъ въ выборѣ времени и учебника для ученія, но и студентовъ, хотя они тамъ, гдѣ существуютъ университетскіе экзамены, отчасти не-свободны въ этихъ отношеніяхъ.

Что касается выбора учебника, то здѣсь слѣдуетъ прежде

всего имѣть въ виду излагаемая подробнѣе ниже (стр. 365 и сл.) общія указанія относительно выбора матеріала для чтенія; въ частности въ качествѣ пособій для ученія слѣдуетъ избирать собственно научныя руководства, держащіяся по характеру мышленія и изложенія на уровнѣ научной техники, а не произведенія, опускающіяся на низшій умственный уровень для цѣлей популяризаціи или приноровленія къ ученію со стороны недостигихъ умственной зрѣлости и т. п.; далѣе, изъ такихъ руководствъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе тѣмъ, которыя составлены наиболѣе выдающимися учеными, которыя отличаются талантливостью, силою и элегантною мышленія, тонкостью пониманія и т. д. Впрочемъ, гениальныя ученые, открывающіе новые горизонты, создающіе крупныя новыя ученія, обыкновенно писаніемъ учебниковъ не занимаются и не въ состояніи заниматься. Они излагаютъ свои ученія, какъ таковыя, и продукты ихъ учено-литературныхъ трудовъ имѣютъ характеръ монографическихъ изслѣдованій. Это относится и къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, возможнымъ вообще лишь въ области не сложившихся еще и не выработавшихъ системы положительныхъ и бесспорныхъ положеній наукъ, когда новое ученіе и его печатное изложеніе захватываетъ всю область данной науки въ ея главныхъ основаніяхъ; всетаки соотвѣтственный общій курсъ будетъ имѣть характеръ не столько учебника, сколько монографическаго литературнаго произведенія, обширнаго самостоятельнаго изслѣдованія. Въ области такихъ наукъ, напр., социологій, теорій нравственности и т. п., впрочемъ, учебниковъ въ собственномъ смыслѣ вообще нѣтъ и быть не можетъ. Мы имѣемъ далѣе въ виду болѣе нормальныя и настолько преуспѣвшія науки, что въ ихъ сферѣ не только имѣются учебники, но и есть просторъ для выбора таковыхъ.

Въ качествѣ специальныхъ директивовъ для выбора учебниковъ, какъ таковыхъ, можно указать, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, заслуживаютъ предпочтенія:

1. Такіе учебники, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ современному уровню знаній и идей данной науки, наименѣе отстали отъ этого уровня. Выше (стр. 157 — 163) было указано, что и новѣйшіе учебники и притомъ учебники, составленные людьми передовыми и въ высшей степени способными оцѣнить и выбрать въ области монографической и журнальной литературы то, что достойно признанія правильнымъ и цѣннымъ

и введенія въ учебникъ, неизбѣжно нѣсколько отстають отъ современнаго уровня науки. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ обращать вниманіе на то, чтобы такая, неизбѣжная, отсталость не сочеталась (какъ это у насъ часто бываетъ въ поразительной степени) съ добавочною, могущею быть избѣгнутою, отсталостью.

2. Такіе учебники, которые содержатъ возможно болѣе объективное изложеніе главныхъ результатовъ работы науки, т. е. множества ученыхъ. Разумѣется, это не означаетъ рекомендаціи простыхъ компиляцій безъ общей печати оригинальности и отдѣльныхъ оригинальныхъ идей. Пособія этого рода, часто встрѣчающіяся въ литографированномъ видѣ, иногда и въ печатномъ, представляютъ продукты умственной слабости или ученой незрѣлости (напр., тѣхъ, которые, какъ это у насъ весьма часто бываетъ, слишкомъ рано начинаютъ читать и писать общіе курсы); и ученіе по такой макулатурѣ представляетъ весьма нераціональное, подчасъ положительно вредное занятіе (ср. ниже, стр. 365 и сл.). Хорошій и солидный научный учебникъ можетъ быть составленъ лишь такимъ ученымъ, который путемъ многолѣтняго упорнаго труда критически передумалъ и вообще самостоятельно переработалъ главнѣйшее содержаніе и обширныя спеціальныя вѣтви науки и излагаетъ соответственныя положенія, какъ свои собственныя, хотя бы и не имъ впервые составленныя, научныя убѣжденія; продуктъ такого ученаго труда естественно будетъ отличаться общео болѣе или менѣе сильною (смотря по таланту, характеру науки и т. д.) печатью оригинальности и заключать въ себѣ отдѣльныя оригинальныя мысли. Говоря о желательности объективнаго изложенія, мы имѣемъ въ виду свободу отъ тенденціозности, отъ узкихъ и поверхностныхъ одностороннихъ точекъ зрѣнія и освѣщенія, отъ оригинальничанія, т. е. оказательства оригинальности за отсутствіемъ подлинной, и т. п.

3. Такіе учебники, которые отличаются строгимъ соблюденіемъ масштаба подбора и расположенія матеріала по его важности, систематичностью а также сжатостью, компактностью изложенія. Эти качества берегаютъ энергію, затрачиваемую на ученіе, и способствуютъ соответственной доброкачественности «слѣда», въ частности лучшему запечатлѣнію наиболѣе важнаго и систематичности и отчетливости усвоеннаго знанія.

Что касается обширности избираемаго для ученія руковод-

ства, то выборъ между краткими учебниками, ограничивающимися изложеніемъ необходимѣйшихъ данныхъ и положеній, и болѣе обширными руководствами зависитъ отъ разныхъ конкретныхъ обстоятельствъ, отъ степени теоретическаго или практическаго значенія данной науки вообще или данныхъ положительныхъ познаній, какъ таковыхъ, въ избранной системѣ научнаго самообразованія, отъ степени интереса и любви къ данной наукѣ и т. д. Но вообще слѣдуетъ избѣгать переобремененія памяти позитивнымъ матеріаломъ насчетъ другихъ элементовъ и сторонъ умственнаго развитія; а затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду ту практическую аксіому, что нѣтъ разумнаго смысла учить для забыванія, что лучше усвоить меньше, но прочно, досконально, чѣмъ много, но слабо, такъ что подлежащіе слѣды обречены на исчезновеніе.

Когда слѣдуетъ приступать къ ученію по учебнику?

Съ точки зрѣнія раціональной техники научнаго самообразованія ученіе по учебнику должно быть не начальною и не послѣднею стадіею изученія науки, а находиться въ срединѣ, быть среднею стадіею.

Первою стадіею должно быть нѣкоторое, хотя бы и скромное, общее ознакомленіе съ наукою и освоеніе съ приѣмами ея мышленія съ помощью слушанія лекцій или чтенія научной литературы.

Лишь второю стадіею должно быть прочное усвоеніе остова положительнаго знанія путемъ ученія по учебнику.

А затѣмъ, съ помощью добытаго такимъ образомъ вооруженія можно приступить къ дальнѣйшему углубленію въ науку, въ ея монографическую литературу и т. д. (ср. ниже).

Во всякомъ случаѣ приступать къ ученію по учебнику безъ всякаго предварительнаго ознакомленія съ наукою, какъ это практикуется студентами, не слушающими соответственныхъ лекціонныхъ курсовъ, весьма неразумно. Ученіе въ такомъ случаѣ и само идетъ трудно и тяжело, и даетъ плохіе результаты. Вслѣдствіе неосвоенности съ мышленіемъ изучаемой науки и отсутствія спеціальныхъ базисовъ для живого, сознательнаго и раціональнаго усвоенія разныхъ отдѣльныхъ ученій и положеній (ср. выше, стр. 313 и слѣд.), разные раціональные элементы данной системы знаній усваиваются, особенно менѣе способными и развитыми, не какъ раціональные, а какъ чисто позитивные, или, во всякомъ случаѣ, усваиваются менѣе раціо-

нально, менѣе глубоко и сознательно. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ отсутствіе общей оріентировки относительно характера, системы, интересовъ, главныхъ темъ и проблемъ данной науки. Учащійся находится въ темномъ лабиринтѣ, изъ за деревьевъ не видитъ лѣса, попадаетъ въ школьную, рабскую и боязливую зависимость отъ учебника, вмѣсто сознательнаго хозяйничанія въ дѣлѣ ученія.

Знанія, выносимыя изъ ученія по учебнику, при отсутствіи всякаго иного, поднимающаго интеллектъ на уровень науки и освобождающаго отъ школьнаго подчиненія учебнику, ознакомленія и освоенія съ наукою, имѣютъ по необходимости, даже въ умѣ наиболѣе способныхъ, болѣе или менѣе догматически-позитивированный, ненормально окаменѣлый, менѣе свободный и рациональный характеръ, а у менѣе способныхъ и развитыхъ получается въ результатѣ подчасъ столь связанное порядкомъ заучиванія и столь жалкое знаніе, что, напр., всякій вопросъ на экзаменѣ, не приуроченный къ порядку и особенностямъ изложенія даннаго учебника, приводитъ въ ужасъ и растерянность экзаменующагося.

Для занимающихся домашнимъ научнымъ образованіемъ и вообще для тѣхъ, которые не могутъ пользоваться дѣльными и выдающимися научными лекціями, какъ лучшимъ и наиболѣе могучимъ средствомъ начальнаго приобщенія къ наукамъ вообще и приобрѣтенія склонности и способности сознательно относиться къ темамъ и проблемамъ данной науки, въ томъ числѣ въ области ученія по учебнику, требуется замѣняющая это средство предварительная подготовка путемъ чтенія научной литературы; при чемъ, въ виду меньшей успѣшности и быстроты дѣйствія этого средства, эта предварительная подготовка можетъ подчасъ требовать немало времени и труда.

Для обѣихъ категорій учащихся сверхъ общей начальной ознакомленности съ наукою, имѣющей въ виду не только ученіе по учебнику, полезна еще специальная подготовка къ ученію путемъ предварительнаго прочтенія одного или нѣсколькихъ общихъ руководствъ, или также и параллельнаго чтенія при ученіи по учебнику соответственныхъ главъ другихъ руководствъ. Между прочимъ, ознакомленіе съ нѣсколькими изложеніями дастъ, кромѣ облегченія ученія и повышенія его сознательности и научности, также возможность самостоятельно и сознательно выбрать наиболѣе подходящее изложеніе для

окончательнаго ученія и приноровить его еще больше къ своимъ наклонностямъ и желаніямъ путемъ добавленій, сокращеній и иныхъ поправокъ на почвѣ сравненія съ другими изложеніями.

О пользованіи имѣющимися въ распоряженіи средствами нагляднаго, на ряду съ книжнымъ, обученія въ области такихъ наукъ, гдѣ имѣются такія средства, какъ, напр., въ области анатомія, ботаники, зоологіи и т. д., нѣтъ надобности здѣсь подробно распространяться (ср. выше, стр. 40 и сл.), тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ въ виду только общіе директивы научнаго самообразованія, а не спеціальныя, основанныя на особенностяхъ отдѣльныхъ наукъ, правила изученія этихъ наукъ.

Наиболѣе усердные студенты занимаются ученіемъ по мѣрѣ слушанія лекціоннаго курса, т. е. послѣ лекцій выучиваютъ дома соответственныя части курса; и это считается лучшимъ отношеніемъ къ дѣлу университетскаго ученія.

Можно ли признать такую систему ученія рациональною?

Поскольку дѣло идетъ о записываніи содержанія лекцій и выучиваніи дома записаннаго, о причинахъ нераціональности этого приѣма была уже рѣчь выше. Но высказанныя тамъ соображенія не относятся къ ученію послѣ лекцій по хорошему учебнику.

Иногда, а именно въ области такихъ наукъ или отдѣловъ науки, въ которыхъ для пониманія дальнѣйшаго изложенія требуется выучиваніе предыдущаго, ученіе по мѣрѣ слушанія, конечно, исполнѣ рационально и даже необходимо. Но это исключительные случаи. По общему правилу такой необходимости не существуетъ. Въ пользу ученія по мѣрѣ слушанія говорить, тѣмъ не менѣе, то соображеніе, что въ этомъ случаѣ имѣется свѣжій и живой лекціонный базисъ для легкаго и успѣшнаго ученія.

Но имѣются и соображенія, говоряція противъ. Въ области многихъ наукъ, напримѣръ, большинства юридическихъ и вообще социальныхъ наукъ, философіи и т. п., несмотря на наличность такого базиса, ученіе по кусочкамъ, безъ общаго освоенія и ознакомленія съ наукою, безъ ориентировки относительно дальнѣйшихъ частей и вообще всей системы, не можетъ быть, особенно въ началѣ университетскаго ученія и въ началѣ слушанія даннаго курса, исполнѣ сознательнымъ и рациональнымъ; такъ что здѣсь лучше отложить ученіе на время лучшей общей и спеціальной подготовленности, на время послѣ

окончания слушания курса или, по крайней мѣрѣ, прослушания значительной его части.

Затѣмъ—и это главное—относительно университетскаго самообразованія вообще слѣдуетъ имѣть въ виду, что центр тяжести въ этомъ дѣлѣ и гарантія успѣха вовсе не заключаются не только въ аккуратномъ и усердномъ ученіи по учебникамъ но и вообще въ аккуратномъ, прилежномъ и равномерномъ отбываніи того, «что требуется». Не говоря уже о томъ, что не только усиленное отбываніе экзаменной обязанности съ полученіемъ пятерокъ, но и серьезное ученіе по учебникамъ еще не даетъ научнаго образованія въ собственномъ смыслѣ слова, можно вообще быть въ университетское время прилежнѣйшимъ и аккуратнѣйшимъ студентомъ и, повидимому, превосходно «окончить университетъ» и тѣмъ не менѣе вынести изъ университета сравнительно малоцѣнные духовныя пріобрѣтенія и быть жалкою посредственностью въ дальнѣйшей дѣятельности, несмотря на хорошія природныя способности.

Больше шансовъ вынести изъ университета выдающіеся духовные результаты даетъ иное отношеніе къ университету и наукѣ.

Дѣло не столько въ равномерно-усердномъ отбываніи того, что требуется, сколько въ томъ, чтобы, такъ сказать, почувствовать и прочувствовать науку, увлечься ею и углубиться въ нее. Всѣми же факультетскими предметами равномерно увлекаться невозможно; а усердное и равномерное занятіе всѣми ими исключаетъ углубленіе въ какую бы то ни было изъ нихъ.

Спеціальное, возможно болѣе живое и глубокое, далеко выходящее за предѣлы официальныхъ университетскихъ требованій изученіе хоть немногихъ наукъ или, по крайней мѣрѣ, одной науки—существенный элементъ рациональнаго университетскаго и вообще научнаго самообразованія.

И если изъ за увлеченія тою или иною наукою на томъ или иномъ курсѣ получается менѣе внимательное отношеніе къ другимъ факультетскимъ предметамъ, въ частности исключается равномерно-усердное ученіе по учебникамъ, то это въ университетѣ и вообще въ области научнаго самообразованія еще вовсе не означаетъ неурядка по существу и потери.

Къ средствамъ дальнѣйшаго углубленія въ науку, послѣ прослушанія основнаго лекціоннаго курса (или замѣняющаго

его подготовительнаго чтенія научной литературы) и приобретенія системы элементарныхъ познаній путемъ ученія по учебнику, относится дальнѣйшее пользованіе хорошимъ лекціоннымъ матеріаломъ, если таковой имѣется въ распоряженіи, — слушаніе дѣльныхъ специальныхъ курсовъ по данной наукѣ, общихъ курсовъ другихъ ученыхъ, подчасъ вторичное слушаніе уже прослушаннаго курса, — а затѣмъ свободное чтеніе соотвѣтственной научной литературы.

IV.

Мы уже указали выше, что чтеніе научной литературы имѣетъ аналогичное научно-образовательное значеніе, какъ слушаніе научныхъ лекцій. Способствуя, какъ и слушаніе лекцій, усвоенію нѣкоторыхъ разрядовъ знаній, главнымъ образомъ рациональныхъ, и углубляя и рационализируя уже приобретенное раньше, на примѣръ, путемъ ученія по учебнику, знаніе, чтеніе все-таки не даетъ того систематическаго научнаго знанія, которое легко можетъ и должно быть достигаемо путемъ ученія по учебнику, но за то прививаетъ и укрѣпляетъ другіе, болѣе тонкіе и особенно цѣнные интеллектуальные и эмоциональные элементы научной психики. Уступая въ этомъ отношеніи по силѣ, быстротѣ и успѣху дѣйствія слушанію лекцій, чтеніе научной литературы, съ точки зрѣнія его значенія въ области научнаго самообразованія, отличается и нѣкоторыми преимуществами.

Между тѣмъ какъ слушаніе лекцій въ аудиторіяхъ ученыхъ — особая привилегія немногихъ и роскошь доступная и этимъ немногимъ лишь въ извѣстное, небольшое время ихъ жизни, книга — рыночный, демократическій товаръ, предлагаемый за крайне ничтожную, по сравненію съ ихъ внутреннею цѣнностью, плату или бесплатно (въ разныхъ бесплатныхъ бібліотекахъ) всякому желающему. При томъ и тѣ немногіе, которые пользуются привилегіей университетскаго слушанія, въ области лекцій зависятъ отъ положенія данной науки въ данномъ университетѣ и имѣютъ въ распоряженіи для слушанія обыкновенно одно или два, рѣдко три или болѣе научныхъ произведеній, а подчасъ и ни одного, достойнаго слушанія, для чтенія же — легионъ таковыхъ, т. е. громадный просторъ для выбора.

Въ рациональномъ выборѣ и состоитъ центръ тяжести вопроса о пользованіи свободнымъ чтеніемъ, какъ средствомъ научнаго самообразованія. Вопросъ: «что читать?» представляетъ, послѣ вопроса о рациональномъ отношеніи къ лекціямъ, второй основной; капиталный вопросъ для всякаго стремящагося къ солидному научному образованию студента и просто главный и основной вопросъ въ области внѣуниверситетскаго научнаго самообразованія.

Предметомъ чтенія, какъ средства научнаго образованія въ дополненіе или взамѣнъ лекцій (выше стр. 353), должны быть избираемы такія научныя произведенія, которыя представляютъ совершеннѣйшіе образцы новѣйшей техники критическаго и творческаго мышленія въ области данной науки и при томъ, по возможности, такія, которыя отражаютъ и возбуждаютъ въ читателѣ научно-эмоціонныя настроенія и воодушевленія.

Это положеніе и практическая важность его соблюденія вытекаютъ изъ изложенной выше психологической теоріи науки и научнаго образованія, какъ ассимиляціи научной эмоціально-интеллектуальной психики.

Въ качествѣ главнаго теоретическаго базиса для сознательно-рациональнаго направленія своего научно-образовательнаго чтенія (и для рациональнаго руководства чтеніемъ другихъ, для указаній учащимся литературы для чтенія и т. д.) слѣдуетъ имѣть въ виду то, изложенное выше, положеніе, что въ основѣ привитія навыковъ усовершенствованнаго методическаго мышленія вообще и специальной мыслительной техники отдѣльныхъ наукъ лежитъ совершеніе умственныхъ движеній соотвѣтственнаго типа вслѣдъ за мастерами этого дѣла по символическимъ знакамъ (при слушаніи по звуковымъ, при чтеніи по зрительнымъ). Чѣмъ совершеннѣе образцы для этого ассимиляціоннаго процесса, тѣмъ лучшія мыслительныя диспозиціи остаются въ результатѣ, тѣмъ лучше тѣ мыслительныя навыки, которые прививаются. Наиболѣе талантливныя и геніальныя критически-разрушительныя и положительно-творческія научныя произведенія обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и съ эмоціональной точки зрѣнія наиболѣе годный матеріалъ для ассимиляціи научной психики, въ наибольшей степени отражаютъ и внушаютъ научныя настроенія и воодушевленія; такъ что выбирающій для чтенія произведенія наиболѣе выдающихся ученыхъ въ общемъ будетъ имѣть дѣло съ наиболѣе подходящимъ

и съ интеллектуальной, и съ емоціоной точки зрѣнія матеріаломъ для научнаго образованія.

Такъ какъ научное мышленіе, какъ это было указано выше, подвержено постоянному совершенствованію, то наиболѣе подходящимъ матеріаломъ для ассимиляціоннаго чтенія является вообще новѣйшая научная литература.

И гениальныя для своего времени научныя произведенія (если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя особыя вѣтви знанія съ относительно неизмѣнною техникою мышленія) съ теченіемъ времени перестаютъ быть не только превосходными, но даже удовлетворительными образцами для ассимиляціи лучшей «школы», наиболѣе усовершенствованной техники научнаго мышленія. Учиться теперь философскому мышленію путемъ чтенія сочиненій Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки или историческому мышленію и изслѣдованію путемъ чтенія Геродота, Фукидида, Тита Ливія и т. п. было бы весьма нерационально. Для средневѣковыхъ варваровъ это была лучшая школа мышленія; но для современной науки эти сочиненія—объектъ историческаго изученія и интереса, но негодный объектъ для подражанія и копированія. Съ этой точки зрѣнія, между прочимъ, классицизмъ, классическое образованіе теперь имѣетъ иное значеніе, чѣмъ прежде, и, поскольку элементы его сохраняются, обученіе должно имѣть иной характеръ, иное направленіе, чѣмъ прежде; вмѣсто ассимиляціоннаго умѣстно объективно-наблюдательное изученіе.

Но установленный выше директивъ для выбора предметовъ научно-образовательнаго, ассимиляціоннаго чтенія идетъ гораздо дальше отрицанія въ этой области классицизма. По смыслу предложеннаго правила и его посылокъ дѣло идетъ не о тысячелѣтіяхъ; важны уже столѣтія и даже десятилѣтія, тѣмъ важнѣе, чѣмъ быстрѣе прогрессъ техники мышленія въ области данной науки. И прогрессъ знаній, конечно, тоже не лишень при этомъ значенія, особенно если дѣло идетъ о такихъ новыхъ общихъ идеяхъ и точкахъ зрѣнія, которыя оказываютъ вліяніе на приемы мышленія и изслѣдованія или даже вызываютъ коренныя методологическія перевороты въ соответственныхъ дисциплинахъ или ихъ частяхъ. Вообще, предположеніе говоритъ въ пользу выбора новѣйшей литературы въ смыслѣ литературы послѣднихъ десятилѣтій или даже послѣднихъ лѣтъ. Лишь исключительно выдающіяся по характеру мышленія со-

чиненія болѣе ранняго времени могутъ быть поставляемы наравнѣ или даже предпочитаемы новѣйшимъ. Особенно заслуживающее здѣсь упоминанія, не только въ качествѣ примѣра, исключеніе этого рода—логика Милля. Чтеніе этой элегантнѣйше, въ смыслѣ образцоваго характера мышленія, написанной книги весьма полезно для всякаго занимающагося научнымъ самообразованіемъ, хотя есть и болѣе новыя и весьма выдающіяся сочиненія Зигварта, Джевонса и др.

Само собою разумѣется, говоря о необходимости предпочтенія новѣйшей литературы даже выдающимся, отчасти даже гениальнѣйшимъ произведеніямъ прежняго времени, мы имѣемъ въ виду лучшихъ, наиболѣе выдающихся представителей новѣйшей техники научнаго мышленія, произведенія лучшихъ мастеровъ. Требуется и въ области этой, новѣйшей литературы строжайшій выборъ, величайшая требовательность. Громадное большинство того, что пишется и печатается, весьма далеко отъ того, чтобы быть образцомъ мастерскаго научнаго мышленія, а многое представляетъ научную макулатуру, чтеніе коей особенно въ критическую эпоху жизни, когда кристаллизуется складъ мышленія, было бы не полезнымъ, а прямо вреднымъ дѣломъ. Какъ и устныя научныя произведенія (лекціи), такъ и печатныя крайне неравны другъ другу по своему качеству, отъ отрицательныхъ величинъ черезъ нулевыя до величайшихъ положительныхъ цѣнностей. Сообразно съ этимъ практическое значеніе надлежащаго выбора весьма велико и существенно.

Помогаетъ въ дѣлѣ выбора репутація, слава ученаго или даннаго научнаго произведенія; въ университетѣ открыта возможность совѣщанія со специалистами, стоящими на уровнѣ науки; при извѣстномъ умственномъ развитіи и нѣкоторомъ освоеніи съ научной литературой уже и самому можно различать сорта научныхъ продуктовъ, отчасти уже по первымъ страницамъ.

Для того, чтобы имѣть свободный доступъ къ научной литературѣ указаннаго качества и пользоваться возможностью выбора, необходимо владѣть соответственнымъ языкомъ. Какъ въ средніе вѣка безъ языка науки—латинскаго языка, въ XVIII столѣтіи безъ французскаго языка, такъ теперь въ мірѣ науки трудно обойтись безъ нѣмецкаго языка. Въ нѣкоторыхъ областяхъ важнее англійскій, въ нѣкоторыхъ французскій языкъ,

но вездѣ при теперешнемъ могуществѣ и руководящей роли нѣмецкихъ университетовъ необходимъ нѣмецкій. Въ частности и въ особенности для всякаго юриста нѣмецкій языкъ необходимѣйшій элементъ вооруженія какъ во время университетскихъ занятій, такъ и въ практической дѣятельности, если онъ желаетъ быть въ курсѣ дѣла и на высотѣ положенія.

Къ сожалѣнію, наши гимназіи не снабжаютъ своихъ питомцевъ способностью читать по-нѣмецки и по-французски, хотя эти языки фигурируютъ въ гимназическихъ программахъ.

Слѣдуетъ въ теченіе перваго года пребыванія въ университетѣ стараться пополнить этотъ изъянъ и научиться читать хоть на одномъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ *).

Изъ установленнаго критерія рациональнаго выбора матеріала для научно-образовательнаго чтенія вытекаетъ, что предметомъ чтенія должны быть ученые произведения и изслѣдованія въ подлинномъ видѣ, а не произведения посредниковъ между наукою и широкою публикою—популяризаторовъ (тѣмъ болѣе, что литература этого рода отчасти по необходимости, отчасти безъ таковой нерѣдко существенно оношляетъ или даже извращаетъ популяризируемыя научныя идеи). Конечно, собственно научныя произведения вообще труднѣе читать, чѣмъ популярныя. Но необходимость серьезной работы мысли при чтеніи научныхъ сочиненій вовсе не минусъ, а плюсъ съ научно-образовательной точки зрѣнія.

Равнымъ образомъ, изъ установленнаго руководящаго принципа вытекаетъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду преимущественно не элементарные учебники и compendia компилятивнаго типа,

*) Въ качествѣ практичнаго средства для этого я, на основаніи личнаго опыта въ области изученія новыхъ языковъ, рекомендую чтеніе съ помощью двухъ текстовъ: подлиннаго и переводнаго, сначала легкихъ беллетристическихъ произведеній, а затѣмъ научныхъ. Какъ ни жалки обыкновенно гимназическія познанія, они вообще представляютъ достаточную для такого чтенія подготовку. Если и такой нѣтъ, ее можно въ теченіе мѣсяца или двухъ замѣнить изученіемъ хорошаго самоучителя (или ученіемъ съ учителемъ). Въ началѣ лучше пользоваться иностранными переводами отечественныхъ произведеній, напр., переводомъ романовъ Толстого, Достоевскаго (хорошіе и весьма дешевые переводы на нѣмецкій языкъ—въ изданіи Universal-Bibliothek), т. е. читать иностранный переводъ съ помощью заглядыванія въ подлинникъ, а не обратно (переводный языкъ шаблоннѣе и представляетъ меньше затрудненій для начинающихъ). Терять время на ежеминутное заглядываніе въ словарь, выписываніе и заучиваніе словъ и т. п. при этомъ не приходится и вообще способность чтенія приобрѣтается довольно быстро и легко.

а сочиненія, представляющія самостоятельныя научныя изслѣдованія: руководства соотвѣтственнаго, изслѣдовательскаго, типа, монографіи и статьи. Во всякомъ случаѣ къ чтенію этого рода произведеній слѣдуетъ стремиться, поскольку дѣло идетъ объ ассимиляціи эмоционально-интеллектуальной научной психики, а къ иному чтенію слѣдуетъ относиться лишь какъ къ средству подготовки, предварительной оріентировки и т. д. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ, въ частности въ юриспруденціи, гдѣ довольно трудно и весьма важно приучиться къ точной формулировкѣ и вообще къ надлежащему оперированію понятіями и терминами, чтеніе элементарныхъ, но образцовыхъ по своей техникѣ *compendia* можетъ быть весьма полезнымъ занятіемъ и для обладающихъ начальною оріентировкою.

Для чтенія изслѣдовательской литературы, предполагающей въ читателѣ наличность элементарныхъ знаній, необходимо, въ качествѣ средства подготовки, ученіе по учебнику. Чтеніе болѣе обширныхъ руководствъ изслѣдовательскаго типа можетъ быть признано вообще подходящимъ посредствующимъ звеномъ между элементарнымъ учебникомъ и монографическою литературою.

Какъ и по поводу лекцій, слѣдуетъ подчеркнуть, что особенно выдающіяся научныя произведенія заслуживаютъ болѣе, чѣмъ однократнаго общенія съ ними. Такую, напр., книгу, какъ логика Милля, полезно прочесть и дважды, и трижды, и это безконечно болѣе рачіонально, чѣмъ чтеніе разныхъ посредственныхъ научныхъ или полунучныхъ произведеній.

Чтеніе выдающихся научныхъ произведеній высоко полезно и независимо отъ тѣхъ спеціальныхъ свѣдѣній, которыя въ нихъ сообщаются; поэтому, напр., чтобы сдѣлаться выдающимся юристомъ, слѣдуетъ читать наиболѣе выдающіяся произведенія научной юридической мысли, хотя бы они касались не отечественнаго, а иностраннаго права, и т. д.

Значеніе установленныхъ выше критеріевъ для выбора матеріала для чтенія не ограничивается областью чтенія студентовъ и иныхъ лицъ, находящихся на соотвѣтственныхъ стадіяхъ умственнаго развитія и занимающихся научнымъ самообразованіемъ, а простирается вообще и на дальнѣйшія стадіи умственной жизни, и на послѣуниверситетское научно-образовательное чтеніе. Что же касается главнаго нашего тезиса—относительно мыслительной доброкачественности того, что чи-

тается,—то онъ имѣть универсальное значеніе, относится ко всякому чтенію вообще, въ томъ числѣ, напр., и къ выбору журналовъ и газетъ, специальныхъ и политическихъ. Вездѣ и всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, что чтеніе возводитъ или низводитъ мышленіе читателя на уровень мышленія автора, общая въ большей или меньшей степени соотвѣтственные мыслительные тенденціи и навыки и, сообразно съ этимъ, улучшая или ухудшая интеллектъ читателя. Эти умственные прибыли и убытки особенно велики и имѣютъ особенно важное значеніе въ критическую эпоху умственного развитія.

Если взглянуть съ точки зрѣнія изложенныхъ положеній на современную фактическую постановку у насъ самообразовательнаго университетскаго и внѣуниверситетскаго чтенія, то приходится констатировать, что въ этой области происходитъ громадная растрата умственныхъ цѣнностей, крайне нерациональный подборъ матеріала для чтенія.

Большую роль играетъ прежде всего случай: читается не то, что слѣдовало бы читать, а то, что попадаетъ въ руки, напр., тѣ старыя книги, которыя оказываются въ семейно-наслѣдственномъ шкафу или имѣются у знакомыхъ, тѣ книги, которыя значатся въ каталогѣ бібліотеки и случайно не взяты другими для чтенія, такъ что ихъ удается получить, и т. п. Между прочимъ, въ послѣдніе годы замѣчается обильнѣйшее предложеніе всякаго матеріала для самообразованія. Но, къ сожалѣнію, дѣло сводится, повидимому, главнымъ образомъ къ тому, чтобы доставить и получить какъ можно больше фунтовъ печатной макулатуры, научно неграмотныхъ и совершенно негодныхъ для чтенія переводовъ и дешевыхъ по заказу наскоро состряпанныхъ «оригинальныхъ» произведеній, болѣе или менѣе жалкихъ компиляцій и т. п.

Конечно, не все самообразовательное чтеніе зависитъ отъ случая, отъ предпринимательскихъ расчетовъ на человѣческое неразуміе и тому подобныхъ факторовъ. Нѣкоторая часть чтенія имѣетъ болѣе толковый характеръ, кое гдѣ имѣется нѣкоторый выборъ и нѣкоторое руководство. Но какими принципами опредѣляются этотъ выборъ и это руководство?

Въ отдѣльныхъ индивидуальныхъ случаяхъ, конечно, проявляются различныя индивидуальныя вкусы и взгляды; но въ общемъ можно сказать, что массовое и рѣшающее значеніе имѣютъ соображенія двоякаго рода: во первыхъ, взгляды на

чтеніе научной книги, какъ на средство пріобрѣтенія соотвѣтственныхъ знаній, какъ на источникъ освѣдомленности въ соотвѣстной области знанія, и вытекающія отсюда соображенія и критеріи выбора матеріала; во вторыхъ, критерій возможно бѣльшей популярности и элементарности изложенія соотвѣтственнаго матеріала (ср. выше, стр. 356).

Нѣсколько въ лучшемъ, чѣмъ въ разныхъ другихъ областяхъ, по тѣмъ не менѣе далеко не удовлетворительномъ состояніи находится дѣло научно-образовательнаго чтенія, поскольку оно вообще примѣняется, въ университетахъ. Между прочимъ, и здѣсь практикуется въ широкихъ размѣрахъ, особенно со стороны вновь поступившихъ въ университетъ и спѣшащихъ скорѣе погрузиться въ науку, пріемъ, состоящій въ консультированіи каталога библіотеки и чтеніи тѣхъ книгъ, которыя по заглавіямъ относятся къ интересующей области знанія и оказываются не выданными другимъ. Это способъ выбора не лучшаго, а скорѣе худшаго матеріала для чтенія; и такое чтеніе можетъ, вмѣсто пользы, причинить прямой умственный вредъ (и отбить охоту къ чтенію). Слѣдуетъ этого принципиально избѣгать и совѣтовать товарищамъ, предпочитая во всякомъ случаѣ обращеніе къ литературнымъ указаніямъ въ повѣйшихъ руководствахъ и лекціяхъ. Но и къ этимъ указаніямъ иногда умѣстно и желательно относиться съ нѣкоторымъ критицизмомъ и выборомъ (личныя совѣщанія со специалистами о характерѣ и качествахъ тѣхъ или иныхъ книгъ, ориентировка относительно состояніи науки, ея главныхъ направлений и наиболѣе выдающихся и передовыхъ ученыхъ, указанія научной критики и т. д.). Что наличность литературныхъ указаній въ печатныхъ руководствахъ и лекціяхъ не устраняетъ желательности самостоятельно-сознательнаго отношенія къ дѣлу, видно уже изъ того, что эти указанія имѣютъ весьма разнообразный характеръ. Иногда указываются два, три элементарныхъ учебника, иногда же—громадная масса литературы, въ томъ числѣ литература весьма различныхъ степеней доброкачественности по отдѣльнымъ отдѣламъ и проблемамъ. Иногда роль литературныхъ указаній играютъ историческіе очерки литературы по данной наукѣ; и независимо отъ этого, въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія, напр., въ области общественно-государственныхъ и юридическихъ наукъ, замѣчается со стороны желающихъ заняться болѣе обстоятельно изученіемъ

данной науки тенденція читать такъ, чтобы это чтеніе доставляло, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственное знакомство съ различными направленіями и школами въ ихъ исторической послѣдовательности. Какъ это ни кажется съ перваго взгляда естественнымъ и разумнымъ, мы это направленіе чтенія должны признать, какъ видно изъ изложеннаго выше, вообще ошибочнымъ, тѣмъ менѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ быстрѣе въ данной области прогрессъ методовъ и типа мышленія.

Частою причиною преобладанія въ чтеніи устарѣвшей литературы, а во всякомъ случаѣ недостаточнаго пользованія новѣйшею выдающеюся литературою со стороны студентовъ является отсталость отъ науки преподавателя, оставшагося, какъ это нерѣдко бываетъ, на почвѣ той литературы, которая играла рѣшающую роль во время его молодости, или во всякомъ случаѣ не находящагося въ курсѣ дѣла по отношенію къ новѣйшимъ стадіямъ развитія науки. Вообще, если бы разные старые, хотя и почтенные для своего времени, учебники и руководства болѣе отступали на задній планъ въ пользу новѣйшей, наиболѣе выдающейся монографической литературы, то дѣло научнаго образованія отъ этого могло бы значительно выиграть.

Но есть еще одно вредное явленіе, которое бы мѣшало удовлетворительной постановкѣ дѣла научно-образовательнаго чтенія и въ томъ случаѣ, если бы, на почвѣ правильно направленаго руководства со стороны профессоровъ и доцентовъ и сознательно-раціональнаго отношенія къ дѣлу со стороны студентовъ, выбиралось для чтенія именно то, что наиболѣе этого заслуживаетъ съ научно-образовательной точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что студентъ, рѣшившись прочесть известную научную книгу, обыкновенно отказывается отъ этого намѣренія, побывавъ въ университетской библіотекѣ и убѣдившись, что книга уже взята кѣмъ то другимъ. Если на курсѣ нѣсколько сотъ или даже сотня или меньше студентовъ, и профессоръ особенно рекомендуетъ для прочтенія какое либо пособіе, то оно, естественно, окажется взятымъ для всѣхъ, кромѣ того, кто предупредилъ другихъ (если книга не была уже взята раньше кѣмъ либо другимъ, напр., студентомъ старшаго курса и т. д.). Такимъ образомъ, дѣло сводится, несмотря на выборъ и руководство, опять таки главнымъ образомъ къ случаю и къ умственному питанію остатками, отбросами, къ чтенію не лучшихъ, наиболѣе важныхъ и цѣнныхъ для научнаго обра-

зованія книгъ, а такихъ книгъ, которыя случайно оказываются въ распоряженіи за отсутствіемъ вниманія къ нимъ другихъ. Это бѣдствіе, которое заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія. Виноваты здѣсь отчасти студенческіе нравы. Ибо отмѣченное явленіе распространяется и на весьма дешевыя книги, и отказъ отъ чтенія или чтеніе худшихъ книгъ, вмѣсто лучшихъ, происходитъ обыкновенно и со стороны тѣхъ студентовъ, которые могли бы не только легко пріобрѣтать наиболѣе важныя пособія по интересующей ихъ наукѣ, но даже заводить себѣ цѣлыя бібліотеки наиболѣе элегантнои научной литературы по факультетскимъ наукамъ. Слишкомъ мало распространено сознательное отношеніе къ дѣлу научнаго образованія вообще и сознаніе важности чтенія и имѣнія въ распоряженіи хорошаго матеріала для университетскаго (и послѣуниверситетскаго) чтенія въ частности; и дѣйствуетъ въ значительной степени гимназическая рутина отношенія къ книгамъ, хотя она совершенно нелѣпа на университетской почвѣ. Но значительный процентъ нашего студенчества находится въ такомъ имущественномъ положеніи, что пріобрѣтеніе даже и минимальнаго наиболѣе цѣннаго матеріала для научно-образовательнаго чтенія по интересующимъ ихъ наукамъ (сверхъ учебниковъ для экзаменнаго ученія) было бы для него недоступною роскошью. Въ виду этого слѣдуетъ признать не только весьма производительною и полезною, но даже крайне необходимою издержкою и неотложною потребностью пріобрѣтеніе для университетскихъ бібліотекъ такихъ книгъ, которыя (на основаніи соотвѣтственнаго факультетскаго обсужденія) были бы признаны превосходнѣйшимъ матеріаломъ для студенческаго научно-образовательнаго чтенія, въ количествѣ нѣсколькихъ, напр., 10 и болѣе экземпляровъ. Такъ какъ дѣло касалось бы только избранной литературы, то для этого большихъ суммъ не требуется.

Что касается самаго процесса чтенія, то и здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду установленное выше относительно процесса слушанія лекцій положеніе о желательности «полной и охотной, возможно воодушевленной, отдачи себя въ распоряженіе соотвѣтственному теченію научной мысли и ея прелести и обаянію».

Именно такое чтеніе даетъ наибольшіе и наиболѣе цѣнные результаты въ смыслѣ пріобрѣтенія живыхъ и жизнеспособныхъ результатовъ.

собныхъ эмоціональныхъ и мыслительныхъ диспозицій истинно-научной психики (а предрасположеніе и способность къ такому чтенію особенно легко и успѣшно достигается предварительнымъ слушаніемъ выдающихся лекцій).

Степень фактическаго достиженія указаннаго характера чтенія при ознакомленіи съ различными научными произведеніями, съ сочиненіями разныхъ авторовъ, съ литературою разныхъ наукъ и разныхъ вѣтвей одной и той же науки и т. д., можетъ и должна служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, вспомогательнымъ эмпирическимъ критеріемъ при выборѣ матеріала для чтенія. Если при чтеніи сочиненія извѣстнаго ученаго получается особенно приподнятое научное настроеніе или даже воодушевленіе, то это указаніе въ пользу рациональности возможно усерднаго использованія не только этого сочиненія, въ частности повторнаго или даже болѣе многократнаго чтенія (поскольку и при повтореніи получается эмоціональный подъемъ), но и другихъ сочиненій того же автора, эвентуально всего того, что онъ написалъ. Если при чтеніи литературы по одной наукѣ, или вѣтви науки, или отдѣльной научной проблемѣ получается болѣе эмоціональный подъемъ, чѣмъ при чтеніи литературы по другой наукѣ, по другой ея вѣтви, проблемѣ, то предположеніе говоритъ въ пользу соотвѣтственнаго направленія чтенія, и т. д.

Если при чтеніи данной книги, въ отличіе отъ другихъ, не получается научнаго настроенія и эмоціональнаго подъема, или даже появляется скука или нервное раздраженіе (вызываемое разными мыслительными дефектами автора, непослѣдовательностью, хаотичностью, расплывчатостью, искусственностью мышленія, пошлостью, произвольностью сужденій и проч. и проч.), то предположеніе говоритъ въ пользу прекращенія чтенія данной книги, даннаго автора, и т. д.

Вообще держаться правила непремѣнно дочитывать разъ начатую книгу нераціонально. Напротивъ, можно и слѣдуетъ примѣнять въ широкихъ размѣрахъ противоположный методъ—методъ пробы и браковки (иногда уже послѣ первыхъ страницъ).

Разумѣется, при этомъ слѣдуетъ соблюдать осторожности и ограниченія, вытекающія изъ изложенныхъ выше, стр. 365 и сл., началъ. Въ частности, напр., если чтеніе портится спорадическими затрудненіями въ пониманіи, требующими особыхъ уси-

лій для преодоленія, то это еще отнюдь не говоритъ противъ продолженія чтенія (какъ сплошное или почти сплошное непониманіе); напротивъ, поскольку дѣло идетъ о выдающихся авторахъ и сочиненіяхъ, слѣдуетъ стараться преодолевать затрудненія и достигать путемъ этой работы и освоенія съ содержаніемъ книги и мышленіемъ автора болѣе успѣшнаго чтенія дальнѣйшихъ частей сочиненія (и повторнаго чтенія того же сочиненія), затѣмъ другихъ сочиненій того же автора, затѣмъ другихъ авторовъ.

По тѣмъ наукамъ, кафедры коихъ плохо представлены въ данномъ университетѣ, не бываетъ обыкновенно и чтенія научной литературы, наука представляется «скучною» и т. д.; а въ случаѣ опыта чтенія таковое представится болѣе труднымъ, менѣе интереснымъ и т. д., чѣмъ по тѣмъ наукамъ, гдѣ имѣется созданная лекціями выдающагося профессора интеллектуальная и эмоціоанальная подготовка къ чтенію, въ частности интересъ и симпатія къ данному кругу проблемъ. Но отказываться подвляніемъ такихъ случайныхъ, не касающихся самой науки какъ таковой, факторовъ отъ чтенія литературы по плохо представленнымъ въ университетѣ наукамъ, дѣлать выводы о природѣ самой науки или о своей неспособности къ ней и т. п., пераціоанально и ошибочно. Напротивъ, именно въ виду невозможности пользованія хорошими лекціями слѣдуетъ попытаться достигнуть замѣщенія таковыхъ и покрытія недочета путемъ чтенія.

Изъ приведеннаго выше директива относительно процесса чтенія вытекаетъ, что не слѣдуетъ осложнять чтенія инородными психическими процессами, прерывающими и ослабляющими эмоціоанально-интеллектуальный процессъ, непосредственно внушаемый чтеніемъ.

Обыкновенно полагають, что для извлеченія надлежащей и возможно большей пользы изъ чтенія слѣдуетъ, читая, стараться запоминать содержаніе читаемаго; рекомендуется также и, въ случаѣ наличности самообразовательнаго усердія, практикуется письменное конспектированіе читаемаго для послѣдующаго повторенія. Это воззрѣніе и эта практика исходятъ, очевидно, изъ того, что задачею и цѣлью научно-образовательнаго чтенія является обогащеніе интеллекта научными познаніями и, что, чѣмъ больше таковыхъ извлекается изъ читаемой литературы, тѣмъ лучше. Съ нашей точки зрѣнія такое

частичное превращение чтения в учение в тѣсномъ смыслѣ слова перационально не только потому, что оно составляет конкуренцію и создает непосредственныя помѣхи и препятствія достиженію наиболѣе важныхъ и цѣнныхъ образовательныхъ результатовъ чтения, но и потому, что оно не соответствуетъ и рациональнымъ началамъ добыванія надлежащаго комплекса научныхъ познаній. Послѣдовательнымъ проведеніемъ критикуемаго взгляда на научно-образовательное чтение было бы полное превращение чтения в учение в тѣсномъ смыслѣ слова, в послѣдовательное выучиваніе ряда научныхъ произведеній, в томъ числѣ разныхъ специальныхъ монографій и статей, какъ учебниковъ. Но это явно противорѣчило бы началу экономіи в области наполненія интеллекта знаніями и вело бы къ перебремененію памяти и ступѣнію; это противорѣчило бы далѣе началу равномернаго соблюденія извѣстнаго масштаба степени важности усваиваемыхъ свѣдѣній, вело бы къ усвоенію не извѣстнаго круга наиболѣе важныхъ и цѣнныхъ знаній, а разныхъ комплексовъ и массъ свѣдѣній, находящихся внѣ этого круга, заходящихъ вь разные болѣе или менѣе отдаленныя периферіи и специальныя развѣтвленія науки, можетъ быть интересныхъ и важныхъ съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ специальныхъ изслѣдованій, но малоцѣнныхъ или совершенно лишннихъ съ точки зрѣнія достиженія начальнаго общаго или болѣе специальнаго образованія в области данной науки; это противорѣчило бы, далѣе, требованію систематичности усваиваемыхъ свѣдѣній, а равно началу облегченія ученія путемъ сосредоточенія на одномъ источникѣ усвоенія, и т. д., и т. д. Рекомендуемое обыкновенно и практикуемое лишь частичное превращение чтения в учение, конечно, не столь неразумно и вредно, какъ полное и послѣдовательное; но все таки и оно должно неизбѣжно вести вь большей или меньшей степени, если не къ прямо вредной, то во всякомъ случаѣ къ менѣе производительной затратѣ времени и энергіи, чѣмъ этого можно было достигнуть при болѣе рациональномъ отношеніи къ дѣлу, напр., при употребленіи соответственныхъ количествъ времени и энергіи на расширение и углубленіе свободно-мыслительнаго чтения или на учение по одному избранному учебнику или руководству.

Свободно-мыслительное и не усложняемое запоминательными усиліями чтение даетъ извѣстные цѣнные плоды и съ точки зрѣ-

нія научнаго знанія; оно очищает интеллектъ отъ разныхъ предразсудковъ, поверхностныхъ и неправильныхъ взглядовъ; сообщаетъ пріобрѣтеннымъ путемъ ученія по учебнику и другимъ знаніямъ болѣе рациональный характеръ; прививаетъ такія знанія, которыя представляютъ логически естественныя дополненія къ существующимъ знаніямъ и потому безъ особыхъ запоминательныхъ усилій легко закрѣпляются и способны къ легкому воспроизведенію въ будущемъ, а равно такія знанія, которыя въ данной наукѣ часто утилизируются при изслѣдованіи разныхъ вопросовъ и рѣшеніи разныхъ проблемъ (т. е. особенно цѣнны и полезны) и поэтому, при чтеніи литературы по данной наукѣ, прививаются вслѣдствіе многократнаго воспроизведенія; вообще, при свободномъ чтеніи происходитъ, такъ сказать, естественный подборъ наиболѣе цѣнныхъ и жизнеспособныхъ знаній; и соответственными, добавочными къ главнымъ и наиболѣе цѣннымъ, результатами самообразовательнаго чтенія можно, особенно на начальныхъ стадіяхъ научнаго образованія, довольствоваться; а то время и ту энергію, которыя имѣются въ распоряженіи для ученія, слѣдуетъ относить къ надлежащему и припоровленному къ цѣлямъ ученія пособию, т. е. къ избранному учебнику.

Само собою разумѣется, изложенныя положенія представляютъ лишь общія, допускающія исключенія, правила. Цѣпныя новыя и не имѣющіяся еще въ учебникахъ знанія и ученія, знанія, представляющіяся полезными и необходимыми читающему для какихъ либо особыхъ его цѣлей и надобностей, и т. п. могутъ вполне заслуживать того, чтобы ихъ при чтеніи заучить или записать (или подчеркнуть въ книгѣ) для повторенія. Затѣмъ, на ряду съ чтеніемъ, направленнымъ на ассимиляцію и укрѣпленіе научно-эмоціональной психики и совершенныхъ мыслительныхъ навыковъ, и могущимъ быть названнымъ ассимиляціоннымъ чтеніемъ, существуетъ и является въ разныхъ областяхъ практической жизни и научной дѣятельности полезнымъ и необходимымъ такое чтеніе, которое направлено исключительно на достиженіе известной освѣдомленности и которое можетъ быть названо информационнымъ чтеніемъ.

Затѣмъ, въ области ассимиляціоннаго чтенія, тѣ соображенія противъ запоминательной работы или работы конспектированія, которыя вытекаютъ изъ положеній о цѣнности 'свободно-

мыслительнаго и емоціонально-оживленнаго чтенія, отпадають въ томъ случаѣ, если учебная, запоминательная дѣятельность или конспектированіе отдѣляется отъ собственно-ассимиляціоннаго чтенія такъ, что послѣдняя психическая дѣятельность протекаетъ безъ помѣхи и осложненія, въ частности безъ перерыва имѣющагося, а тѣмъ болѣе возрастающаго, емоціональнаго подъема и мыслительнаго разгона. Послѣдующій просмотръ и послѣдующее запоминаніе или конспектированіе содержанія прочитаннаго, конечно, не устраняетъ уже добытаго путемъ свободнаго чтенія духовнаго обогащенія.

Другая, традиціонно считаемая полезною и необходимою для извлеченія надлежащей и возможно большей пользы изъ чтенія, умственная работа есть критическое продумываніе содержанія читаемаго.

И къ этому взгляду слѣдуетъ и въ области чтенія, какъ и въ области слушанія лекцій, относиться критически и осторожно. И здѣсь *mutatis mutandis* примѣнимы положенія, высказанныя выше относительно критическаго отношенія къ слушаемому въ аудиторіи.

Во всякомъ случаѣ парализованіе дѣйствія научно-ассимиляціоннаго чтенія привнесеніемъ холодно-скептическаго и критическаго отношенія, исканіемъ и придумываніемъ возраженій и придирокъ—на начальныхъ стадіяхъ научнаго самообразованія, когда не усвоена еще надлежащая техника обсуждения и рѣшенія подлежащихъ научныхъ вопросовъ, и вообще нѣтъ надлежащаго вооруженія для дѣйствительно научной и успѣшной критики, — нерациональное занятіе, тѣмъ болѣе, что оно, также какъ и преждевременное положительное научное творчество, заключаетъ въ себѣ опасность развитія и укрѣпленія негодныхъ доморощенныхъ навыковъ мышленія, мѣшающихъ ассимиляціи надлежащей, выработанной и усовершенствованной вѣками, техники обсуждения проблемъ данной категоріи.

Положеніе постепенно мѣняется по мѣрѣ усвоенія и укрѣпленія надлежащей школы мышленія и вообще пріобрѣтенія вооруженія для успѣшнаго самостоятельнаго обсуждения и рѣшенія научныхъ проблемъ. Здѣсь открывается возможность не только дѣльной критики, но и надлежащаго созидательно-научнаго мышленія, выработки удачныхъ самостоятельныхъ болѣе или менѣе оригинальныхъ мыслей и убѣжденій по такимъ или инымъ частнымъ научнымъ вопросамъ (ср. ниже).

Благоприятную почву для применения соответственной умственной деятельности и упражнения в научной критикѣ и в выработкѣ самостоятельныхъ научныхъ мыслей и убѣжденій вообще представляютъ разные спорные научные вопросы. Матеріаль и помощь при этомъ доставляетъ ознакомленіе съ различными взглядами по данному вопросу и научными данными и аргументами въ пользу и противъ разныхъ его рѣшеній, для критическаго сопоставленія и сравненія различныхъ точекъ зрѣнія и выработки собственнаго убѣжденія. Этому соответствуетъ такое направленіе научнообразовательнаго чтенія, чтобы получалось различное освѣщеніе однихъ и тѣхъ же проблемъ; таковымъ является чтеніе не по авторамъ, какъ это бываетъ полезно и умѣстно по отношенію къ особенно выдающимся ученымъ на начальныхъ стадіяхъ научно-образовательнаго чтенія, а по проблемамъ,—последовательное чтеніе нѣсколькихъ, наиболѣе, выдающихся научныхъ сочиненій по определеннымъ отдѣльнымъ вопросамъ или специальнымъ отдѣламъ изучаемой науки.

Чтеніе, при которомъ ассимиляціонная дѣятельность сочетается съ элементомъ критической и творческой переработки нѣкоторыхъ частей содержанія читаемаго, и которое можетъ быть названо исследовательскимъ чтеніемъ, представляетъ переходную ступень отъ рецептивнаго процесса научнаго образованія къ продуктивному, къ производству и писанію научныхъ изслѣдованій, и постольку къ нему приложимо излагаемое ниже о производствѣ научныхъ изслѣдованій.

V.

Дальнѣйшимъ, послѣ научно-образовательнаго чтенія, средствомъ усиленія и углубленія научнаго образованія является производство и писаніе самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій.

Мы имѣемъ въ виду не элементарно-ученическія упражненія, какія умѣстны въ низшей и средней школѣ и навязываются иногда и университетамъ подъ именемъ «практическихъ занятій» съ письменными работами или безъ таковыхъ, а равно не писаніе наскоро простыхъ компиляцій по нѣсколькимъ пособиямъ, а научныя изслѣдованія въ тѣсномъ и высшемъ смыслѣ слова, дѣятельность, направленную на добываніе и разработку научнаго свѣта.

Эта дѣятельность, какъ уже было указано выше, не можетъ быть успѣшной и полезной и даже можетъ причинить серьезный вредъ, если она предпринимается до усвоения подлежащей техники мышленія и вообще безъ надлежащей подготовки; по послѣ достиженія такой подготовки путемъ слушанія лекцій, ученія и рационально направленного чтенія научной литературы она представляетъ въ высшей степени полезное дѣло.

И при томъ это далеко не такое трудное дѣло, какъ себѣ обыкновенно представляютъ тѣ, которымъ еще не приходилось заниматься научнымъ творчествомъ и писательствомъ. Это слѣдуетъ указать и подчеркнуть не только по адресу студентовъ послѣднихъ курсовъ, достигшихъ, путемъ надлежащаго использованія предыдущаго университетскаго времени, подъема на уровень научнаго мышленія вообще и спеціальнаго усвоенія техники мышленія въ области извѣстной науки, а равно по адресу лицъ, занимающихся внѣуниверситетскимъ научнымъ образованіемъ и находящихся на такихъ же ступеняхъ научной образованности, но и по адресу многихъ другихъ лицъ, напр., болѣе даровитыхъ адвокатовъ, судей, администраторовъ, учителей, врачей и т. д., которые могли бы принимать участіе въ производствѣ научнаго свѣта, но не предполагаютъ возможности успѣха и не имѣютъ смѣлости взяться за это дѣло вслѣдствіе преувеличенныхъ представленій о трудности его.

Конечно, открытіе новыхъ горизонтовъ и путей въ наукѣ, обогащеніе науки крупными и создающими эпоху идеями и точками зрѣнія — дѣло, доступное лишь немногимъ и не въ началѣ научной работы. Но на ряду съ такимъ творчествомъ въ наукѣ есть мѣсто для безчисленныхъ степеней и типовъ болѣе скромнаго, но тѣмъ не менѣе полезнаго для науки и человѣчества творчества. Здѣсь требуются и имѣютъ большое поприще для приложенія своихъ силъ не только геркулесы мысли, а и относительно скромные рабочіе, не только научные полководцы, дающіе импульсы многимъ новыми крупными и широкими идеями, а и рядовые, безъ которыхъ и новыя пути, открытыя геніями и крупными талантами, не разрабатывались бы и не утилизировались надлежащимъ образомъ для науки и блага человѣчества. Каждый «новый горизонтъ», «новый путь», и даже отдѣльныя болѣе или менѣе крупныя научныя идеи, исходящія отъ предводителей науки, даютъ поле для плодотворной и успѣшной научно-продуктивной работы мно-

жеству другихъ паучныхъ работниковъ, которымъ достаточно только надлежащимъ образомъ усвоить новую идею, чтобы овладѣть дѣвственною, новою почвою для работы, гдѣ они могутъ пожинать обильные и цѣнные плоды для науки. Въ особенно высокой степени это относится къ наукамъ молодымъ или находящимся въ состояніи сильнаго броженія, гдѣ часто появляются новыя крупныя идеи и точки зрѣнія, такъ что «безработицы» никогда не бываетъ и для относительно весьма скромныхъ научныхъ работниковъ, а всегда есть показанныя только, но далеко еще не истощенныя богатыя копи, напр., къ наукамъ общественнымъ. Но въ большей или меньшей степени это относится и къ другимъ наукамъ по мѣрѣ ихъ прогрессированія.

Рядовые и подмастерья науки при преданности дѣлу и усердной работѣ дѣлаются постепенно офицерами и извѣстными мастерами науки не только въ томъ смыслѣ, что много мелкихъ заслугъ равняется одной большой заслугѣ, но и въ томъ смыслѣ, что они приучаются къ дѣлу научной продукціи на мелкомъ и доходятъ постепенно до болѣе крупнаго творчества, иногда же по найденнымъ ими или другими нитямъ добираются до клубка, по мелкимъ золотымъ жилкамъ доходятъ до обильныхъ копей...

Для первыхъ опытовъ научной продукціи слѣдуетъ избирать не особенно обширныя и многообъемлющія темы и при томъ по возможности именно такія, при разработкѣ коихъ можно воспользоваться какъ новымъ, еще не использованнымъ орудіемъ, недавно открытыми точками зрѣнія и идеями. Учащіеся у выдающихся и передовыхъ ученыхъ могутъ обыкновенно уже въ лекціяхъ своихъ учителей найти цѣнныя руководящія точки зрѣнія для успѣшныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Затѣмъ въ качествѣ темъ заслуживаютъ предпочтенія такія матеріи и проблемы, въ области которыхъ имѣются въ запасѣ, напр., достигнуты при чтеніи научной литературы, какія либо заслуживающія вниманія мысли.

Для обнаруженія возможныхъ и частыхъ въ началѣ писательской дѣятельности заблужденій относительно удачности имѣющихся въ виду мыслей и плановъ и предупрежденія соотвѣтственной растраты энергіи или положительнаго вреда, могущаго получиться отъ работы въ невѣрномъ направленіи въ видѣ прिवітія и укрѣпленія неправильныхъ точекъ зрѣнія

и мыслительныхъ тенденцій или въ видѣ превращенія ошибочныхъ мнѣній въ *idées fixes*,—весьма желательны предварительныя совѣщанія относительно предполагаемой темы, плана работы и имѣющихся въ виду идей съ дѣльными учеными специалистами.

Такъ какъ успѣхъ изслѣдованія, какъ выяснено было выше, стр. 252 и сл., зависитъ не только отъ интеллектуальныхъ условий, но также въ высокой степени и отъ эмоціональных, то весьма важнымъ критеріемъ какъ для первоначальнаго выбора темы, такъ и для послѣдующаго, уже во время работы, выбора такого или иного направленія изслѣдованія слѣдуетъ признать степень соотвѣтственнаго интереса и воодушевленія. Поэтому, между прочимъ, предпочтительнѣе вообще писаніе на тему, избранную по собственной инициативѣ, а не по указанію и назначенію со стороны профессора (и это слѣдуетъ имѣть въ виду руководителямъ). Поэтому, если нѣтъ въ распоряженіи волнующей или даже вообще особенно интересующей темы, то предположеніе говорить въ пользу отложенія изслѣдованія и писанія сочиненія и занятія поисками за подходящей темой путемъ слушанія воодушевленныхъ общихъ и специальныхъ курсовъ, если таковыя имѣются въ распоряженіи, и изслѣдовательскаго чтенія научной литературы по разнымъ отдѣламъ науки, въ особенности гдѣ проводятся новыя идеи и направленія. Впрочемъ, это положеніе не имѣетъ абсолютнаго значенія. Желательный интересъ къ темѣ и даже большое воодушевленіе и любовь могутъ появиться и въ области первоначально не особенно интересовавшей проблемы по мѣрѣ ознакомленія съ дѣломъ, углубленія въ изслѣдованіе и достиженія нѣкоторыхъ, хотя бы въ началѣ весьма скромныхъ, изслѣдовательскихъ успѣховъ.

Къ изслѣдованію относится полное ознакомленіе съ состояніемъ вопроса въ наукѣ путемъ по возможности исчерпывающаго чтенія литературы даннаго вопроса, за исключеніемъ совершенно негодной и устарѣвшей; необходимыя литературныя указанія можно найти въ новѣйшихъ руководствахъ и указанныхъ тамъ въ подлежащихъ мѣстахъ специальныхъ сочиненіяхъ, или въ извѣстныхъ уже новѣйшихъ монографіяхъ или статьяхъ, а равно путемъ справокъ у специалистовъ. Чтеніе специальной литературы вообще лучше вести не въ порядкѣ появленія, а въ обратномъ порядкѣ, начиная съ новѣйшей; этимъ дости-

гается большая независимость и больший критицизм по отношению къ болѣе старой литературѣ. Затѣмъ, необходимыми элементами изслѣдованія являются: критическое сопоставленіе и сравнительное взвѣшиваніе разныхъ существующихъ точекъ зрѣнія и рѣшеній, и ихъ аргументовъ, и возможно тщательное и многостороннее дополнительное разсмотрѣніе и методическое продумываніе подлежащихъ вопросовъ, въ особенности тщательная ревизія вопроса съ помощью упомянутыхъ новыхъ орудій изслѣдованія и средствъ новаго освѣщенія, поскольку таковыя имѣются въ распоряженіи; о тѣхъ въ разныхъ областяхъ знанія различныхъ работахъ, которыя касаются фактического матеріала, напр., объ архивныхъ, лабораторныхъ работахъ и т. п., здѣсь распространяться не приходится.

Изслѣдованіе должно завершаться формулировкой и изложеніемъ его результатовъ и оснований, т. е. написаніемъ соответственнаго научнаго сочиненія; процессъ писанія ведетъ обыкновенно не только къ совершенствованію полученныхъ идейныхъ продуктовъ, но и къ созданію новыхъ; подчасъ именно во время писанія приходятъ въ голову наиболѣе цѣнныя мысли, появляются новые аргументы, замѣчаются сдѣланные промахи и т. д.

Тщательно произведенное изслѣдованіе, особенно въ случаѣ наличности хорошей предварительной научной школы, добытой слушаніемъ выдающихся лекцій и чтеніемъ выдающихся научныхъ произведеній, и хорошаго выбора темы, даже при относительно скромныхъ природныхъ дарованіяхъ, даетъ обыкновенно, если не крупные и блестящіе, то по крайней мѣрѣ разные мелкіе и скромные новые научные результаты; напр., хотя бы новыя достойныя вниманія мысли и точки зрѣнія въ области критики существующихъ мнѣній и ихъ аргументовъ или подкрѣпленія ихъ новыми данными и аргументами, и т. п.

Научное воодушевленіе и увлеченіе, соединенное съ научнымъ творчествомъ, соответственный подъемъ научнаго мышленія и упражненія въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія и истинно научнаго солидно-изслѣдовательскаго отношенія къ рѣшаемымъ вопросамъ, переходъ хоть въ малой части науки съ положенія ученика на положеніе глубоко освѣдомленнаго въ дѣлѣ и имѣющаго самостоятельно добытыя и обоснованныя научныя убѣжденія чловѣка, на положеніе ученаго хоть въ скромной части науки, освобожденіе отъ парализующей творчество и въ

наукѣ, и въ жизни боязливости мысли — весьма цѣпные и важные научно-образовательные элементы и результаты высшей формы пріобщенія къ научной жизни — научнаго изслѣдованія и писательства.

Но и въ томъ случаѣ, если первый опытъ научнаго изслѣдованія не далъ и весьма скромныхъ новыхъ научныхъ результатовъ, а повелъ только къ полной освѣдомленности въ изслѣдованной области и выработкѣ самостоятельныхъ (хотя и не оригинальныхъ) научныхъ убѣжденій съ самостоятельной ихъ обоснованностью, то все таки время далеко не потрачено даромъ съ точки зрѣнія научнаго образованія. При этомъ сравнительная малоуспѣшность перваго опыта еще не доказываетъ, что дальнѣйшія попытки не будутъ болѣе успѣшными; можетъ быть, дѣло въ томъ и надо лишь найти болѣе благодарную или болѣе подходящую къ личнымъ умственнымъ способностямъ или эмоціональнымъ склонностямъ или къ характеру предварительной подготовки тему, чтобы дѣло пошло на ладъ; а можетъ быть, дѣло въ недостаточности общей подготовки въ данной наукѣ или специальной подготовки въ области данной темы, или совершены какія либо ошибки въ пріемахъ и способѣ изслѣдованія или въ общихъ предпосылкахъ, при избѣжаніи каковыхъ въ будущемъ работа окажется болѣе успѣшною.

Всякому изслѣдователю и автору, а тѣмъ болѣе начинающему, полезно имѣть и принять къ свѣдѣнію компетентную научную критику своей работы.

Въ университетѣ, кромѣ единоличной критики со стороны профессора, по отношенію къ небольшимъ сочиненіямъ, могущимъ быть прочтенными въ качествѣ реферата, примѣнимъ также коллективный разборъ въ кружкѣ товарищей по любви и интересу къ данной наукѣ подъ руководствомъ профессора. Этотъ видъ «собесѣдованій», «практическихъ занятій», т. е. чтеніе и коллективный разборъ научныхъ рефератовъ, можно признать вполне умѣстнымъ въ университетѣ и весьма полезнымъ дѣломъ при томъ условіи, что 1) читаются не ученическія, недоходящія до научнаго уровня издѣлія или наскоро и поверхностно сочиненная научная макулатура, а серіозныя и достойныя слушанія со стороны другихъ научныя произведенія, 2) выслушиваются авторомъ и другими не выраженія ненаучныхъ или полунучныхъ мнѣній и болѣе или менѣе длинныя

разсужденія незнаючих дѣла, но берущихся разсуждать и критиковать, а тоже заслуживающія вниманія и слушанія научныя критическія замѣчанія. Другими словами, это—занятія не для массъ начинающихъ студентовъ, а для ограниченныхъ кружковъ начинающихъ ученыхъ (хотя и въ студенческихъ мундирахъ), а во всякомъ случаѣ для обладающихъ извѣстною научною подготовкою, въ томъ числѣ элементарными знаніями и нѣкоторою начитанностію въ области данной науки.

При наличности надлежащей научной подготовки у участниковъ эти занятія могутъ быть полезными и при отсутствіи профессорскаго руководства. Коллективная взаимокритика замѣняетъ до извѣстной степени индивидуальную профессорскую экспертизу. Поэтому лицамъ, занимающимся въ университетскимъ научнымъ самообразованіемъ, студентамъ старшихъ курсовъ, оставленнымъ при университетѣ и т. д. слѣдуетъ рекомендовать составленіе соответственныхъ самообразовательныхъ кружковъ и участіе въ существующихъ.

Участіе въ научныхъ дебатахъ представляетъ, между прочимъ, превосходное средство для упражненія и изощренія діалектическихъ способностей, а также, при соблюденіи извѣстныхъ условій, для научно-эмоціональнаго самовоспитанія, для возбужденія въ себѣ научнаго воодушевленія и привитія и укрѣпленія соответственныхъ эмоціональныхъ диспозицій; споры, доказываніе, попытки убѣдить другихъ въ правильности отстаиваемаго мнѣнія представляютъ вообще сильно возбуждающее въ эмоціональномъ отношеніи средство; возбуждаемая этимъ путемъ и доходящая подчасъ до сильнаго волненія и азарта эмоція имѣютъ, впрочемъ, въ различныхъ случаяхъ различную природу или представляютъ сочетаніе различныхъ эмоцій, напр., эмоцій тщеславія, честолюбія, гнѣвныхъ по адресу противника эмоцій, политическихъ страстей и т. п.; эти эмоціи могутъ составлять конкуренцію научнымъ эмоціямъ и вытѣснять ихъ и уничтожать; въ частности и въ особенности привнесеніе политическаго элемента въ дебаты по поводу рефератовъ и вообще въ университетскія или въ университетскія научно-образовательныя занятія ведетъ не только къ парализованію научно-эмоціональнаго воспитательнаго дѣйствія этихъ занятій, но и къ вытѣсненію и разрушенію наличной научно-эмоціональной психики; для того, чтобы разборы рефератовъ служили средствомъ развитія научно-эмоціональной дис-

позитивной психики, требуется, чтобы они были поставлены на чисто и исключительно научную почву и чтобы въ нихъ царили чисто научныя настроенія и воодушевленія; и съ этой точки зрѣнія важна наличность извѣстной научной подготовки участниковъ въ смыслѣ научно-эмоціональнаго воспитанія и привнесенія соотвѣтственнаго настроенія въ общую атмосферу занятій; затѣмъ, каждый, желающій извлечь возможно бѣльшую научно-образовательную пользу изъ участія въ дебатахъ, долженъ съ своей стороны стараться имѣть въ виду научную истину и только научную истину и вообще заботиться о сохраненіи и возбужденіи въ себѣ чисто научнаго настроенія.

Участіе въ научныхъ по своему интеллектуальному и эмоціональному характеру дебатахъ представляетъ прекрасное средство и умственнаго, и эмоціональнаго самообразованія не только въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о чтеніи и коллективномъ разборѣ рефератовъ, а и въ другихъ случаяхъ и областяхъ общенія съ другими, напр., товарищами, друзьями, родственниками, знакомыми.

Если въ области университетскаго или виѣупиверситетскаго самообразованія имѣются въ распоряженіи надлежаще поставленныя занятія, состоящія въ писаніи, чтеніи и коллективномъ обсужденіи научныхъ рефератовъ, то этимъ можно воспользоваться, такъ сказать, для предварительной пробы научнаго пера; т. е. прежде, чѣмъ приступить къ болѣе обширному изслѣдованію и сочиненію, можно написать небольшой научный рефератъ и подвергнуть его обсужденію въ соотвѣтственномъ кружкѣ. И при отсутствіи такого учрежденія хорошимъ средствомъ подготовки къ болѣе обширному изслѣдованію и сочиненію можетъ служить болѣе мелкая работа съ критикою профессора или иного компетентнаго лица. Для этого можно воспользоваться или особою темою соотвѣтственнаго размѣра или, еще лучше, частью задуманной болѣе обширной темы или главными элементами предполагаемаго содержанія будущаго сочиненія.

Въ случаѣ затрудненій въ области формулировки и изложенія, вообще въ области научно-писательской техники, можно рекомендовать предварительное занятіе переводомъ какого либо выдающагося и элегантно съ точки зрѣнія научнаго писательства (съ точки зрѣнія научной точности, отчетливости и т. д.) написаннаго научнаго произведенія, напр., какого либо выдаю-

цагося руководства по данной наукѣ или монографіи или, по крайней мѣрѣ, какой либо научно-элегантной брошюры. Многихъ, студентовъ и не-студентовъ, удерживаютъ отъ поштыки писанія научныхъ изслѣдованій и статей именно боязливость и затрудненія въ области писательскаго искусства. Переводъ выдающихся научныхъ произведеній превосходное средство для преодоленія этихъ затрудненій и вообще прекрасная предварительная школа для научнаго писательства.

Мы выше указали, что существеннымъ элементомъ рациональнаго отношенія къ университетскому ученію является выходъ болѣе или менѣе далеко за предѣлы официальной программы и официальныхъ требованій хотя въ области нѣкоторыхъ изъ факультетскихъ наукъ, хотя бы для этого необходимо было оставить въ тѣни нѣкоторые другіе предметы; а теперь къ этому добавимъ, что дальнѣйшимъ тоже существеннымъ элементомъ удачнаго использованія университетскаго времени мы считаемъ производство въ послѣднихъ стадіяхъ студенчества хоть по одному научному вопросу солиднаго научнаго изслѣдованія съ написаніемъ соответственнаго сочиненія (дѣло, конечно, не въ объемѣ, какъ таковомъ), хотя бы для этого пришлось пожертвовать иными занятіями и потомъ послѣшно нагонять или остаться на второй годъ на курсѣ *). Во всякомъ случаѣ научная продукція, хоть въ скромной формѣ и небольшомъ размѣрѣ, есть высшая форма приобщенія къ подлинной научной жизни и кульминаціонный пунктъ и вѣнецъ студенческаго научнаго образованія. То же слѣдуетъ имѣть въ виду и тѣмъ лицамъ, которыя занимаются научнымъ самообразованіемъ внѣ университета и желаютъ достигнуть серьезныхъ и выдающихся результатовъ.

VI.

Научное образованіе есть такое свойство духа или такое сочетаніе духовныхъ приобрѣтеній, которое само по себѣ не

*) Вообще къ удлинению пребыванія въ университетѣ и университетскаго общенія съ наукою слѣдуетъ относиться не по гимназической рутинѣ стремленія во что бы то ни стало перейти въ слѣдующій классъ и поскорѣе получить аттестатъ, а болѣе критически и сознательно; установленные минимальные сроки университетскаго ученія слишкомъ кратки.

имѣть опредѣленныхъ границъ и предѣловъ, всегда допускаетъ дальнѣйшее совершенствованіе, дальнѣйшее поднятіе на все высшія ступени посредствомъ рационально направленной самообразовательной дѣятельности, какъ бы высока ни была уже достигнутая ступень. Съ другой стороны, въ случаѣ прекращенія образовательныхъ процессовъ достигнутый раньше подъемъ не сохраняется, а происходитъ постепенное паденіе, пониженіе уровня.

Сообразно съ этимъ занятіе научнымъ самообразованиемъ и соблюденіе при этомъ рациональныхъ правилъ важно и цѣнно для всякаго, кто цѣнитъ научное образованіе, какъ благо само по себѣ или какъ орудіе для достиженія выдающихся результатовъ въ области такой или иной дѣятельности, не только въ университетское время и въ молодости, а и въ дальнѣйшихъ стадіяхъ жизни.

На окончаніе университета и полученіе диплома объ университетскомъ образованіи, и въ томъ случаѣ, если имѣется не только дипломъ, но и университетское образованіе или даже хорошее или выдающееся университетское образованіе, слѣдуетъ при этомъ смотрѣть, какъ на введеніе въ науку, какъ на начальную подготовительную ступень къ дальнѣйшему занятію научнымъ самообразованиемъ; въ лучшемъ случаѣ, какъ на превосходную подготовку для достиженія выдающихся самообразовательныхъ результатовъ въ будущемъ, но всетаки нѣчто весьма скромное и зачаточное по отношенію къ тому, чего можно и желательно достигнуть путемъ дальнѣйшаго научнаго самообразованія.

Уже выше (стр. 322) было указано, что въ виду громаднаго роста и спеціализаціи знаній, а равно разнообразія и спеціализаціи дѣятельностей, избираемыхъ по окончаніи университета бывшими студентами, университетъ вообще не снабжаетъ и не можетъ снабжать своихъ питомцевъ необходимою для успѣшной спеціальной дѣятельности спеціальною научною освѣдомленностью, такъ что факультетское образованіе даетъ лишь общую оріентировку и подготовку для пріобрѣтенія затѣмъ этой спеціальной освѣдомленности, и что въ виду быстрого и все ускоряющагося прогресса знаній необходимо продолженіе общенія съ наукою для того, чтобы не отставать отъ повышающагося уровня научнаго знанія. Но то же *mutatis mutandis* относится къ другому элементу научной образованности — къ

техникъ мышленія и изслѣдованія, къ искусству обсуждения и рѣшенія разныхъ категорій проблемъ и задачъ. И здѣсь имѣется и специализація и прогрессъ. И оба элемента научной образованности допускаютъ постоянное индивидуальное совершенствованіе. А чтобы имѣющіяся интеллектуальныя орудія дѣйствовали живо и сильно, и при примѣненіи ихъ къ дѣлу получались не слабыя и посредственныя, а выдающіяся результаты, требуется соответственное идейное настроеніе и воодушевленіе; и здѣсь можно говорить о специализаціи, о достиженіи идейнаго подъема и воодушевленія въ области избранной специальности, и слѣдуетъ имѣть въ виду дальнѣйшее поддержаніе и усиленіе этого элемента научной психики путемъ надлежащаго общенія съ наукою.

Поэтому по окончаніи университета или достиженіи соответственной общей и подготовительной образованности путемъ внѣуниверситетскаго самообразованія слѣдуетъ приступить къ специальному научному самообразованію, а затѣмъ по достиженіи основъ спеціальнаго образованія заботиться о поддержаніи и совершенствованіи достигнутыхъ духовныхъ результатовъ.

При этомъ тѣмъ, которые по окончаніи университета имѣютъ въ виду посвятить себя такой или иной практической дѣятельности и профессіи (въ отличіе отъ ученой), слѣдуетъ весьма рекомендовать отложить пока, если только это возможно по обстоятельствамъ жизни, начало этой практически-профессіональной дѣятельности и заняться специально въ теченіе нѣкотораго времени, напр., двухъ лѣтъ, специально научнымъ самообразованіемъ въ направленіи избираемой ими специальности и исправленіемъ существенныхъ дефектовъ начальнаго университетскаго образованія, если таковыя имѣются.

Этимъ путемъ можно достигнуть значительно болѣе солиднаго и выдающагося научнаго образованія, чѣмъ при занятіи сразу практической дѣятельностью (особенно, если она поглощаетъ много времени и энергіи, сильно втягиваетъ въ инныя сферы интересовъ и т. д.); ибо болѣе ранній возрастъ представляетъ болѣе благодарную почву для успѣшнаго дѣйствія образовательныхъ процессовъ, чѣмъ болѣе поздній возрастъ, такъ что съ точки зрѣнія техники научнаго самообразованія есть большой расчетъ концентрировать эти процессы въ возможности на болѣе раннее время. Переходъ же сразу по окончаніи университета къ практической профессіо-

нальной дѣятельности не только мѣшаетъ достиженію того, чего можно было бы достигнуть при посвященіи извѣстнаго времени специальному занятію научнымъ самообразованіемъ, но и заключаетъ въ себѣ положительныя опасности и ведетъ подчасъ къ весьма серьезному и весьма роковому для всей послѣдующей жизни вреду. Такъ, если нѣтъ того специального образованія, которое требуется для дѣльнаго осуществленія подлежащей профессиональной дѣятельности, напр., врачебной, адвокатской практики и т. п. (или даже нѣтъ и солиднаго обще-университетскаго образованія или таковое страдаетъ существенными, требующими пополненія, пробѣлами), а между тѣмъ человѣкъ по такимъ или инымъ мотивамъ, напр., подѣвліяніемъ заблужденія, будто окончаніе университета означаетъ окончаніе и достаточное завершеніе научнаго образованія, берется за дѣло, требующее иной научной подготовки, то получается плохое или посредственное (и соединенное иногда съ серьезнымъ вредомъ для другихъ, напр., для несчастныхъ пациентовъ) осуществленіе профессиональной дѣятельности; а это влечетъ за собою порчу ума и характера, закрѣпленіе посредственно-ремесленнаго уровня и характера дѣятельности и на будущее время, разочарованіе и превращеніе профессіи въ тяжелую и скучную ляжку вмѣсто радостно и съ воодушевленіемъ осуществляемаго призванія, и т. д. И независимо отъ этого житейско-практическіе, денежныя, карьерныя и т. п. интересы, житейская проза и суета, соотвѣтственная среда, особенно въ томъ случаѣ, если вѣлѣдствіе слабосилія университетовъ или иныхъ причинъ и въ профессиональной сферѣ господствуетъ невысокій тонъ и полетъ, а также ремесленно-шаблонныя и рутинныя элементы профессиональной дѣятельности—втягиваютъ и давятъ внизъ, съ тѣмъ большимъ вреднымъ результатомъ, чѣмъ слабѣе вооруженіе для отпора и сохраненія независимости и болѣе высокаго тона и полета, чѣмъ менѣе укрѣплены и укоренены такія духовныя, интеллектуальныя и эмоціональныя, диспозиціи, которыя достигаются истинно-научнымъ образованіемъ, и чѣмъ раньше начинается низводящее, разлагающее и притупляющее дѣйствіе указанныхъ факторовъ.

Въ наше, весьма «практичное», время дѣйствуетъ теченіе, направленное по существу на превращеніе университетовъ въ профессионально-практическія школы, снабжающія своихъ питомцевъ профессионально-ремесленною рутинною; въ частности

существуетъ стремленіе сдѣлать изъ юридическихъ факультетовъ мастерскія для изготовленія адвокатовъ, судей, администраторовъ, знакомыхъ съ техникою, обрядами и шаблонами соотвѣтственнаго дѣлопроизводства, даже, какъ мы видѣли выше, умѣющихъ различать пуговицы и мундиры различныхъ вѣдомствъ и проч.; а въ качествѣ сильнѣйшаго, несмотря на нескончаемое повтореніе и избитость, аргумента въ пользу необходимости соотвѣтственной реформы юридическихъ факультетовъ указывается, что теперь люди оканчивающіе юридическіе факультеты «не умѣютъ даже написать искового прошенія!»

Безспорно, для нѣкоторыхъ изъ оканчивающихъ юридическіе факультеты (далеко не всѣхъ!) необходимо ознакомленіе съ шаблонами исковыхъ прошеній и множествомъ другихъ формъ, обрядовъ и шаблоновъ; для другихъ, напр., для поступающихъ на административныя должности, необходимо ознакомленіе съ планою профессиональною рутинною и иными ремесленными, канцелярскими и т. п. шаблонами и приѣмами; но это ознакомленіе и соотвѣтственные навыки не требуютъ вообще особой гениальности и руководства со стороны ученыхъ мыслителей; и они не только легко, быстро и достаточно прочно, но даже подчасъ слишкомъ легко, быстро и прочно укореняются, вытѣсняя кое что болѣе цѣнное, на почвѣ соотвѣтственнаго ремесленнаго стажа и практики. И резульату этого послѣдняго рода, торжеству и господству ремесленной рутины надъ болѣе идейнымъ и существеннымъ элементомъ, весьма способствуютъ наши юридическіе и иные факультеты, не снабжая своихъ слушателей тѣмъ идейнымъ вооруженіемъ и воодушевленіемъ, которое необходимо для иного, болѣе свободнаго и высокаго направленія практической дѣятельности. Тѣмъ болѣе важно и необходимо самимъ учащимся и въ университетское, и въ послѣ-университетское время заботиться о приобрѣтеніи и укрѣпленіи такихъ духовныхъ силъ, чтобы быть въ состояніи бороться противъ понижающаго давленія ремесленнаго элемента избираемой профессіи и иныхъ факторовъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи, и вообще достигнуть возможно лучшаго и сильнаго духовнаго вооруженія. Поскольку же этому мѣшаютъ не непреодолимыя житейскія препятствія, а отсутствіе желанія или желаніе поскорѣе достигнуть денежныхъ, карьерныхъ и т. п. результатовъ, то это весьма плохая философія не только съ точки зрѣнія болѣе глубокаго и высокаго

пониманія смысла задачъ и обязанностей жизни, но и съ точки зрѣнія личнаго счастья, и даже съ точки зрѣнія денежныхъ и карьерныхъ интересовъ; ибо при такомъ отношеніи къ дѣлу несоизмѣримо больше теряется, чѣмъ выигрывается; въ частности, специальное посвященіе двухъ лѣтъ или года по окончаніи университета — въ это критическое и переходное время и одинъ годъ имѣеть здѣсь большое значеніе — задачѣ достиженія специального образованія и укрѣпленію и повышенію научнаго образованія вообще способно въ дальнѣйшемъ многократно вознаградить «потерянное» или даже сыграть роль фактора, дающаго совсѣмъ иной оборотъ будущей жизни и судьбѣ въ направленіи существенно лучшаго, выдающагося и блестящаго вмѣсто жалкаго, мелкаго и посредственнаго.

О необходимости исключительнаго посвященія, безъ осложненій и перерывовъ, послѣ-университетскаго времени научному самообразованію для тѣхъ, которые имѣють въ виду ученую дѣятельность здѣсь излишне распространяться (ср. ниже объ ученой дѣятельности).

Рациональные средства и приемы дальнѣйшаго научнаго самообразованія по окончаніи университета или достиженіи соотвѣтственной ступени приобщенія къ наукѣ безъ помощи университета — вообще тѣ же, что и до этого момента; и изложенные выше директивы сохраняютъ силу и здѣсь, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, вытекающими изъ наличности достигнутой раньше научной подготовки и болѣе специального направленія научнаго самообразованія.

Въ частности, весьма цѣннымъ средствомъ дальнѣйшаго научнаго самообразованія слѣдуетъ признать слушаніе лекцій, въ особенности специальныхъ, но также и общихъ курсовъ выдающихся ученыхъ, поѣздку въ такіе университеты, гдѣ имѣются первоклассныя свѣтила, наиболѣе выдающіеся представители той науки или тѣхъ наукъ, или отдѣловъ ихъ, въ области которыхъ требуется продолженіе и совершенствованіе научнаго образованія. При этомъ слѣдуетъ пользоваться благоприятными случаями послушать первоклассныхъ мастеровъ научной мысли и по другимъ, въ особенности болѣе общимъ, основнымъ или смежнымъ по отношенію къ избранной специальности наукамъ.

У насъ существуетъ весьма удачная и цѣнная, какъ видно изъ изложеннаго выше, традиція поѣздокъ и командировокъ

за-границу въ первоклассные университеты послѣ окончанія университета лицъ, «приготавлиющихся къ профессорскому званію»; къ сожалѣнію, эта прекрасная традиція ограничивается именно этою категоріею лицъ; а между тѣмъ она весьма заслуживаетъ большаго распространенія. Поскольку нѣтъ непреодолимыхъ препятствій со стороны обстоятельствъ жизни, слѣдовало бы и другимъ пользоваться этимъ превосходнымъ средствомъ умственного усовершенствованія; тѣмъ болѣе, что путешествіе, соприкосновеніе съ иною культурою, ознакомленіе съ иными нравами, инымъ складомъ жизни и т. д. само по себѣ цѣнное средство умственного образованія, а отчасти и образованія характера, достиженія большей культурности; осмотръ историческихъ памятниковъ, выдающихся картинныхъ галлерей и иныхъ выдающихся продуктовъ и памятниковъ эстетическаго творчества, чѣмъ тоже не слѣдуетъ пренебрегать, содѣйствуетъ въ свою очередь «аристократизаціи духа» на почвѣ эстетики, и т. д.

Слушаніе выдающихся и первоклассныхъ научныхъ лекцій по избранной специальности и другимъ наукамъ особенно важно для научнаго совершенствованія въ томъ случаѣ, если въ студенческое время приходилось имѣть дѣло лишь съ посредственной или хуже чѣмъ посредственной *professio scientiae*. Иногда слушаніе истинной и выдающейся *professio scientiae* окажется не продолженіемъ, а началомъ и первоосновою истинно-научнаго образованія, впервые подниметъ до науки и заставитъ ее познать и почувствовать, между тѣмъ какъ до сихъ поръ, несмотря на экзаменное зубреніе и т. п., вообще прозрѣть и познать истинной науки совсѣмъ не пришлось... Но и въ томъ случаѣ, если обстоятельства студенческаго времени были болѣе благопріятны, дополнительная шлифовка ума въ лабораторіяхъ мысли первѣйшихъ мастеровъ и виртуозовъ научнаго мышленія есть нѣчто столь цѣнное, что, если только есть возможность, надо воспользоваться ею.

Затѣмъ, существенно важнымъ средствомъ послѣ-университетскаго научнаго самообразованія является рационально направленное чтеніе научной литературы, главнымъ образомъ по избранной специальности, но также и по общимъ и смежнымъ наукамъ; при чемъ на ряду съ чтеніемъ руководствъ и монографической литературы требуется еще информаціонное чтеніе, чтеніе специальныхъ (и болѣе общихъ) научныхъ журналовъ и

газетъ, по крайней мѣрѣ одного спеціального органа, информирующаго читателей объ успѣхахъ знанія, новыхъ движеніяхъ и теченіяхъ, вновь появляющихся научныхъ сочиненіяхъ и т. д.

И въ послѣд-университетское время, особенно въ начальный періодъ выработки основъ спеціального образованія существенно важнымъ является тщательный и строгій подборъ матеріала для чтенія съ точки зрѣнія качества тѣхъ навыковъ и тенденцій мышленія, которые ассимилируются при чтеніи (выше, стр. 365 и сл); такъ, для достиженія вообще желательнаго, а въ области нѣкоторыхъ наукъ, въ томъ числѣ общественно-гуманитарныхъ: экономическихъ, государственно-политическихъ, юридическихъ, необходимаго — особенно для приготовляющихся къ учебной дѣятельности — ознакомленія съ историческимъ развитіемъ науки, съ характеромъ и направленіемъ смѣнявшихъ другъ друга школъ и ученій, слѣдуетъ вообще прибѣгать къ соответственнымъ историческимъ очеркамъ и извлеченіямъ, а не, какъ обыкновенно считается необходимымъ и рекомендуется оставляемымъ при университетѣ, къ чтенію подлинной, т. е. устарѣвшей литературы; послѣднее поглощаетъ массу времени и энергіи не только безъ той пользы, которую можно было бы извлечь при болѣе рациональномъ направленіи чтенія, но и съ прямымъ вредомъ для дѣла съ точки зрѣнія ассимилируемыхъ мыслительныхъ навыковъ и склонностей. Разумѣется, въ отдѣльныхъ случаяхъ возможны исключенія. То же вообще (съ исключеніемъ особенно важныхъ историческихъ памятниковъ и матеріаловъ) относится къ архивному чтенію, какъ средству самообразованія — въ отличіе отъ добыванія матеріала для историко-литературныхъ и архивныхъ ученыхъ изслѣдованій во время занятія этими изслѣдованіями и въ предѣлахъ соответственной необходимости. И безъ того, такого матеріала для самообразовательнаго чтенія, ознакомленіе съ которымъ желательно или необходимо, обыкновенно болѣе чѣмъ достаточно и можно и слѣдуетъ выбирать повѣйшія и наиболѣе выдающіяся произведенія и образцы научной мысли. И это слѣдуетъ соблюдать и въ области журнальнаго чтенія; слѣдуетъ избѣгать чтенія менѣе выдающихся и макулатурныхъ газетъ и журналовъ, выбирая наиболѣе выдающіяся, и относясь къ доставляемому такими органами матеріалу съ разборомъ, ограничиваясь чисто информационнымъ просмотромъ по отношенію къ разнымъ менѣе выдающимся статьямъ и т. д. Какъ научно-ассимиляціонное, такъ

и інформаційне читаннє можеть, копечнo, и должно по мѣрѣ роста соотвѣтственной образованности все болѣе и болѣе сочетаться съ элементомъ изслѣдовательской переработки, направляться по возможности по спеціалнымъ темамъ и отдѣламъ, сочетаться для выработки собственнаго убѣжденія со справками по соотвѣтственнымъ пособіямъ и источникамъ или иноу, напр., экспериментальною, провѣркою.

Обильное и продолжительное читаннє, сосредоточенное на сравнительно небольшую область человѣческаго знанія, направленное спеціально на одну науку или на одну вѣтвь ея, ведеть, въ случаѣ и по мѣрѣ рациональнаго и удачнаго пользованія этимъ средствомъ научнаго самообразованія, не только къ прочному привитію техническихъ навыковъ и совершенствованію искусства соотвѣтственнаго мышленія, а равно къ развитію и укрѣпленію интереса и любви къ данной наукѣ и научно-идейнаго настроенія вообще, но и къ приобрѣтенію большого и цѣннаго умственнаго капитала въ смыслѣ накопленія и усовершенствованія, рационализаціи и укрѣпленія соотвѣтствующихъ, спеціальныхъ познаній; въ частности, вслѣдствіе постоянного обращенія въ одномъ и томъ же, спеціальному, сравнительно узкому кругу научнаго знанія и, слѣдовательно, частаго и многократнаго воспроизведенія однихъ и тѣхъ же, по содержанію, познавательныхъ переживаній, многократнаго дополненія и укрѣпленія однихъ и тѣхъ же познавательныхъ, хотя бы въ началѣ весьма слабыхъ, диспозицій—и многія чисто позитивныя знанія въ концѣ концовъ закрѣпляются такъ, какъ если бы они были предметомъ ученія въ тѣсномъ смыслѣ, заучиванія; вообще, чѣмъ уже и спеціальнѣе область читанія, и чѣмъ обильнѣе и продолжительнѣе такое спеціальное читаннє, тѣмъ больше оно способно быть суррогатомъ ученія въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Тѣмъ не менѣе и тѣмъ, которые занимаются спеціальнымъ послѣ-университетскимъ научнымъ самообразованіемъ и при этомъ могутъ посвящать много времени читанію соотвѣтственной спеціальной научной литературы и не нуждаются въ скоромъ достиженіи спеціальной освѣдомленности, слѣдуетъ, въ качествѣ наиболѣе рациональнаго средства приобрѣтенія прочнаго, отчетливаго и систематическаго знанія позитивнаго остова данной науки или спеціальной части ея съ наименьшею затратою энергіи и времени, рекомендовать ученіе въ тѣсномъ смыслѣ слова;

въ томъ числѣ «вызубриваніе» необходимыхъ позитивныхъ рядовъ и системъ, которыя не могутъ быть усвоены и путемъ многолѣтняго чтенія научной литературы (тѣмъ болѣе, что это повышаетъ успѣшность и плодотворность дальнѣйшаго чтенія и вообще занятія наукою, въ частности создаетъ надлежащій базисъ для дальнѣйшаго расширенія и совершенствованія познавательнаго капитала). Въ тѣмъ большей степени это относится къ такимъ случаямъ, когда нѣтъ возможности посвящать много времени чтенію вообще или чтенію по данной, напр., вспомогательной, отрасли знанія, или когда, какъ обыкновенно, требуется быстрое, напр., въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, приобрѣтеніе болѣе или менѣе обширной спеціальной научной освѣдомленности.

По тѣмъ отраслямъ знанія, по которымъ для успѣшнаго занятія избранной спеціальностью требуется лишь хорошая общая и элементарная оріентировка и освѣдомленность, и такой не достигнуто въ университетское время вслѣдствіе недостаточнаго ученія или ученія по макулатурнымъ литографированнымъ запискамъ или инымъ негоднымъ пособіямъ (въ каковомъ случаѣ желательна очистка интеллекта отъ соответственныхъ недоброкачественныхъ остатковъ и замѣна его хорошимъ матеріаломъ), можно и приготавливающимся къ ученой дѣятельности ограничиться ученіемъ по соответственному выдающемуся элементарному учебнику. Въ области главной науки требуется ученіе по болѣе обширному спеціальному руководству, при чемъ, впрочемъ, во избѣжаніе переобремененія памяти несущественными частностями и подробностями, слѣдуетъ соблюдать извѣстную экономію. Вообще изложенныя выше замѣчанія о выборѣ руководства и ученія, въ томъ числѣ замѣчанія о желательности ученія по одному руководству, которое можетъ быть снабжено разными дополненіями, исправленіями и т. д., вмѣсто набора свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ, сохраняютъ силу и здѣсь. Разумѣется, существу и смыслу требованія одного руководства не противорѣчитъ подборъ по разнымъ частямъ науки различныхъ наиболѣе подходящихъ спеціальныхъ руководствъ или соответственныхъ частей разныхъ общихъ руководствъ для ученія.

Какое время наиболѣе рационально избрать для ученія, начальное время занятія спеціальнымъ самообразованіемъ или болѣе позднее время, послѣ предварительнаго занятія слуша-

нієм лекцій выдаючихся спеціалістовъ и чтеніємъ спеціальної науочної літератури; или же ученіємъ слѣдуетъ заниматься исподволь, параллельно съ чтеніємъ и т. д. въ теченіе всего, предназначенаго на пріобрѣтеніе начальныхъ основъ спеціального научнаго образованія, періода? Послѣднее—ученіе по кусочкамъ, растягиваніе ученія на долгое время, непрактично; оно не соотвѣтствуетъ задачѣ усвоенія системы науки, какъ единой системы съ единою общею перспективою и т. д. (ср. выше, стр. 106 и сл.); оно портитъ и понижаетъ то настроеніе, сохраненіе и усиленіе котораго желательно въ области существовавшей иного по своей психологій, свободнаго общенія съ наукою; и само оно въ свою очередь идетъ тяжело и требуетъ болѣе затратъ энергій, въ частности на преодоленіе внутреннихъ сопротивленій и иное психическое приспособленіе, чѣмъ въ случаѣ концентраціи ученія на опредѣленное болѣе короткое время съ соотвѣтственною единою рѣшимостью и единымъ психическимъ приспособленіемъ. Концентрація ученія на начальное время спеціального самообразованія имѣетъ то преимущество, что она даетъ хорошій базисъ для дальнѣйшихъ иныхъ занятій, облегчаетъ ихъ и повышаетъ успѣшность; она представляется особенно желательною или даже необходимою въ томъ случаѣ, если изъ предыдущаго періода научнаго образованія не было вынесено соотвѣтствующаго болѣе элементарнаго базиса путемъ ученія по дѣльному элементарному учебнику, или если природа данной спеціально изучаемої науки такова, что для надлежащаго и успѣшнаго углубленія въ чтеніе спеціальной літературы или иныхъ занятій (напр., лабораторныя, клиническія и т. п.) требуется обладаніе болѣе обширными и спеціальными положительными познаніями. Тѣмъ не менѣе въ видѣ общаго правила можно установить положеніе, что ученіе въ тѣсномъ смыслѣ слова должно быть завершеніемъ начальной, основной стадіи занятія спеціальнымъ изученіемъ избранной науки; оно должно происходить послѣ подготовки путемъ слушанія лекцій и чтенія спеціальной літературы; въ этомъ случаѣ усвоеніе достигается легче и прочнѣе, имѣетъ болѣе сознательный, глубокий и свободный характеръ и исполняетъ весьма важную и цѣнную функцію рекапитуляціи, приведенія въ связь и систему и восполненія пробѣловъ добытаго иначе знанія. Поэтому и въ случаѣ ученія въ началѣ спеціализаціи желательно послѣдующее, завершающее повтореніе.

Далеко не бесполезное, и для нелегкомысленныхъ и не-слабовольныхъ людей, психическое давленіе въ пользу пріобрѣтенія солиднаго, прочнаго и систематическаго спеціальнаго знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ большое облегченіе и повышеніе энергіи ученія вслѣдствіе вызова соотвѣтственнаго эмоціональнаго оживленія — создаетъ перспектива ученаго, магистерскаго или докторскаго, экзамена.

Обычай держанія ученаго экзамена распространенъ въ разныхъ странахъ не только среди приготовляющихся къ ученому званію и заслуживаетъ вниманія и такого же распространенія и у насъ.

Къ сожалѣнію, въ этой области замѣчается предьявленіе весьма нерезонныхъ экзаменныхъ требованій и даваніе весьма нераціональныхъ совѣтовъ и программъ для приготовленія къ экзамену и вообще для промежуточныхъ занятій. Эти требованія и программы весьма разнообразны въ зависимости отъ заведшейся въ данномъ факультетѣ даннаго университета общей рутинны и личныхъ взглядовъ и вкусовъ руководителей и экзаменаторовъ. Иногда экзаменныя требованія слишкомъ низки и дѣйствуютъ понижательно и развращающе въ области приготовленія къ ученой дѣятельности, или не соотвѣтствуютъ вообще смыслу и задачѣ экзамена, ограничиваясь, напр., «двѣнадцатью вопросами по выбору магистранта»; причемъ, путемъ предьявленія тринадцатаго, непредусмотрѣннаго договоромъ, вопроса легко бываетъ обнаружить полное невѣжество въ области необходимыхъ элементарныхъ знаній; иногда же эти требованія, а по крайней мѣрѣ предварительныя предупрежденія относительно того, что требуется, чрезмѣрно расширены и однихъ приводятъ въ ужасъ, заставляють отказаться отъ намѣренія готовиться и держать экзаменъ и поддерживаютъ и безъ того распространенное, особенно въ провинціальныхъ университетскихъ сферахъ, преувеличенное общее представленіе о трудности и недоступности дѣла для обыкновенныхъ смертныхъ, а другихъ заставляють переобременять свою память разнымъ излишнимъ балластомъ и ненужнымъ хламомъ. При этомъ и излишнему обремененію приготовляющихся къ экзамену, и въ то же время невысокому уровню образованности въ области избираемой спеціально науки способствуетъ то обстоятельство, что руководители и экзаменаторы по вспомогательнымъ дисциплинамъ не принимаютъ во вниманіе подчиненной и вспомогательной

роли изученія этихъ дисциплинъ, иногда совершенно нерационально включенныхъ въ группу требуемыхъ предметовъ, и даютъ такія указанія относительно приготовленія и экзаменныхъ требованій, какъ если бы дѣло шло о спеціализаціи въ области ихъ наукъ.

Что касается рекомендуемыхъ приготовляющимся къ магистерскому экзамену литературныхъ пособій, то различіе двухъ существенно различныхъ категорій этихъ пособій, учебниковъ и руководствъ для выучиванія, съ одной стороны, литературы для свободнаго самообразовательнаго чтенія, съ другой стороны, не наблюдается. Въмѣсто рекомендаціи по каждой наукѣ (или обширной, имѣющей особаго, спеціальнаго руководства, вѣтви ея) одного опредѣленнаго руководства (болѣе элементарнаго въ области вспомогательной дисциплины, болѣе обширнаго въ области подлежащей спеціальному изученію науки) или нѣсколькихъ руководствъ для выбора одного изъ нихъ для ученія въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ одной стороны, и монографической и иной литературы для свободнаго чтенія, съ другой стороны, или сообщенія болѣе общихъ директивъ относительно соответственныхъ, существенно различныхъ занятій съ предоставленіемъ свободы выбора пособій того и другого рода, обыкновенно приготовляющіеся къ ученому званію снабжаются такими литературными указаніями для «изученія» въ неясномъ и неопредѣленномъ смыслѣ, что въ результатѣ нѣтъ ни надлежащаго ученія въ тѣсномъ смыслѣ, ни надлежащаго самообразовательнаго чтенія; а получается нѣчто среднее, чтеніе разнообразной систематической и монографической литературы съ попытками удержать въ памяти содержаніе прочитаннаго. Что касается отдѣльныхъ заглавій, встрѣчающихся въ спискахъ литературы для «изученія»; «штудированія» и т. п., то здѣсь можно, между прочимъ, найти разныя давно устарѣвшія и представляющія лишь историческій интересъ сочиненія, сочиненія, имѣющія характеръ справочныхъ изданій и негодныя ни для сплошнаго чтенія, ни тѣмъ болѣе для ученія, и проч. и проч. Само собою, эти замѣчанія не имѣютъ и не могутъ имѣть характера общихъ, относящихся ко всѣмъ руководителямъ и экзаменаторамъ всѣхъ факультетовъ и университетовъ, утвержденныхъ. Для установленія такихъ положеній и вообще для надлежащаго сколько нибудь общаго изображенія фактическаго положенія дѣла необходимо было бы произвести весьма сложное и трудное изслѣдованіе,

требующее участія многихъ. Вышеизложенныя замѣчанія имѣютъ въ своей основѣ лишь весьма скромный и небольшой фактический матеріалъ, относящійся главнымъ образомъ къ сферѣ юридическихъ наукъ и состоящій отчасти въ личномъ опытѣ во время приготовленія къ магистерскому экзамену при одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, отчасти въ сообщеніяхъ знакомыхъ, державшихъ магистерскій экзамень, и т. п. Во всякомъ случаѣ, гдѣ и поскольку указаныя аномаліи имѣютъ мѣсто, весьма желательно ихъ устраненіе и замѣна болѣе рациональнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны руководителей и экзаменаторовъ.

Что же касается готовящихся къ ученой степени и въ особенности отказывающихся отъ мысли о приготовленіи подъ влияніемъ страха по поводу представляемой чрезмѣрной трудности дѣла, то по ихъ адресу можно высказать положеніе, что разнымъ неисполнимымъ и нераціональнымъ указаніямъ относительно того, что слѣдуетъ дѣлать, что требуется знать и т. д., не надо придавать абсолютнаго значенія; напротивъ, можно и слѣдуетъ относиться къ нимъ *cum grano salis*, критически и самостоятельно. Необытнаго нельзя объять не только экзаменуемому, но и экзаменатору *).

И даже въ предѣлахъ возможности нѣтъ необходимости набирать особенно большія количества свѣдѣній, т. е., стало быть, и несущественнаго познавательнаго матеріала; солидное знаніе главнаго вообще достаточно и лучше и съ экзаменной точки зрѣнія. Далѣе, вмѣсто «штудированія» разныхъ негодныхъ для ученія или и для чтенія книгъ можно ограничиться просмотромъ лишь тѣхъ частей, которыя заслуживаютъ особаго

*) Если, напр., къ магистерскому экзамену по римскому праву среди прочихъ указаній предписывается хорошо прштудировать Пандекты Виндшейда (съ примѣчаніями!), Бринца и Вангерова, то можно смѣло сказать, что соответственнаго экзамена не выдержалъ бы и самъ экзаменаторъ, и даже, напр., что и самъ Виндшейдъ не могъ знать всего того, что находится въ его печатномъ курсѣ. Дѣло идетъ о фразѣ, которой не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія не только въ томъ смыслѣ, чтобы эти курсы слѣдовало бы изучить какъ учебники, что абсолютно немислимо, но даже и въ томъ смыслѣ, чтобы слѣдовало ихъ хоть разъ прочесть отъ начала до конца. Можно и желательно ознакомиться съ нѣкоторыми частями, излагающими оригинальныя ученія этихъ авторовъ, пользоваться ими, какъ цѣнными пособіями для справокъ по разнымъ вопросамъ, но учиться по нимъ, да еще по тремъ сразу или по очереди было бы нелѣпо и совершенно излишне.

вниманія, или чтеніемъ извлеченій, историческихъ очерковъ теорій и т. п. Вообще слѣдуетъ заботиться не столько о буквальномъ исполненіи тѣхъ или иныхъ предписаній, сколько о самостоятельномъ раціональномъ научномъ самообразованіи.

Вообще въ дѣйствительности ученый экзамень далеко не такъ «страшенъ», какъ онъ представляется тѣмъ, которые его еще не держали; а раціонально направленное приготовленіе къ нему, въ виду его спеціальнаго характера, ограниченія немногими избранными предметами, относительно меньшей роли ученія въ тѣсномъ смыслѣ слова и бѣльшей роли болѣе пріятныхъ и интересныхъ занятій, можно вообще признать менѣе труднымъ, тяжелымъ и непріятнымъ дѣломъ, чѣмъ, напр., приготовленіе къ государственнымъ экзаменамъ, къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости и т. п.

Послѣ выдержанія магистерскаго экзамена приготовляющимся къ ученой дѣятельности полагается написать и защитить диссертацию, т. е. требуется производство самостоятельнаго болѣе или менѣе обширнаго изслѣдованія по какому либо спеціальному вопросу или отдѣлу избранной науки. Это требованіе слѣдуетъ признать вполне раціональнымъ и при томъ съ двойкой точки зрѣнія. Во первыхъ, производство самостоятельнаго научнаго изслѣдованія и писаніе соотвѣтственнаго сочиненія на почвѣ подготовки, пріобрѣтенной путемъ спеціальнаго, расширеннаго и углубленнаго изученія избранной науки, есть превосходное средство спеціальнаго научнаго самообразованія (ср. выше стр. 383 и сл. и ниже о самообразованіи ученыхъ). въ частности подъема на уровень смѣлаго и самостоятельнаго, критическаго и творческаго, вообще учено-изслѣдовательскаго отношенія къ вопросамъ избранной специальности. Поэтому и тѣмъ, которые готовятся не къ ученой въ тѣсномъ смыслѣ, а къ учено-практической дѣятельности, слѣдуетъ весьма рекомендовать, по возможности, завершить свое начальное спеціальное самообразованіе если не болѣе или менѣе обширной диссертацией, то по крайней мѣрѣ производствомъ хоть небольшого спеціальнаго изслѣдованія и написаніемъ соотвѣтственнаго сочиненія.

Во вторыхъ, для тѣхъ, которые стремятся къ ученой дѣятельности, писаніе диссертации является экзаменомъ способности къ этой дѣятельности (въ гораздо бѣльшей степени, чѣмъ магистерскій экзамень, исполняющій главнымъ образомъ функ-

цію провѣрки наличности подлежащихъ познаній, начальной научной эрудиціи); если диссертационная работа дала посредственные или хуже чѣмъ посредственные результаты, если диссертация оказалась плохого, то это серьезное указаніе въ пользу того, что лучше отказаться отъ, вѣроятно, жалкой и неудачной ученой карьеры и избрать иное поприще; добытые путемъ спеціального углубленія въ науку и писанія диссертации образовательные результаты помогутъ при этомъ занять, вмѣсто всетаки жалкого мѣста въ наукѣ, болѣе выдающееся и почетное мѣсто въ области подходящей практической дѣятельности; напротивъ, если диссертационная работа дала хорошіе или выдающіеся результаты, то это доказательство способности къ ученой дѣятельности и поощреніе къ дальнѣйшей энергичной научной работѣ (ср. ниже, разд. VIII).

VII.

И тѣмъ, которые посвящаютъ себя не ученой, а иной, «практической», дѣятельности, слѣдуетъ продолжать дальше свое научное самообразование, заботиться о его совершенствованіи, а по крайней мѣрѣ о его поддержаніи, чтобы не растратить добытыхъ духовныхъ благъ и не опуститься въ умственномъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Основнымъ средствомъ поддержанія и совершенствованія научной образованности для тѣхъ, которые посвящаютъ себя профессіямъ, имѣющимъ научно-прикладной характеръ, является научно-ислѣдовательское отношеніе къ вопросамъ ихъ практической дѣятельности, напр., врачебной, судейской, адвокатской, общественно-хозяйственной и иной административной практики. Подъ этимъ мы разумѣемъ усердное примѣненіе къ дѣламъ, требующимъ по существу болѣе, чѣмъ механически-рутиннаго отношенія, всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи—въ головѣ, въ домашней научной библіотекѣ и проч.—средствъ для того, чтобы найти при свѣтѣ науки правильное или съ наибольшей вѣроятностью послѣ надлежащаго изслѣдованія представляющееся правильнымъ рѣшеніе. Такое, научно-принципальное и идейно-ислѣдовательское отношеніе къ дѣлу не только непосредственно сообщаетъ профессиональной дѣятельности высшій достижимый въ данное время характеръ и высшую личную

успѣшность и общественную полезность, но и служить вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ ередствомъ поддержанія, развитія и приспособленія научнаго образованія, какъ интеллектуальныхъ его элементовъ: познаній и мыслительнаго искусства, такъ и эмоціональныхъ, въ такомъ именно направленіи, какое соотвѣтствуетъ избранному призванію, и, тѣмъ самымъ, поднятія дѣльности и успѣшности избранной дѣятельности на дальнѣйшія высшія ступени. Въ частности, поддерживаемое, укрѣпляемое и усиливаемое такимъ образомъ идейно-научное настроеніе въ связи съ вопросами и элементами практической дѣятельности сообщаетъ этой дѣятельности соотвѣтственное эмоціональное освѣщеніе, украшеніе и оживленіе, и тѣмъ самымъ способность доставлять высшіе, требующіе высшаго подъема умственной энергіи, объективные результаты и вмѣстѣ съ тѣмъ высокое личное удовлетвореніе.

Иное поведеніе, чуждое заботы о посильномъ научномъ освѣщеніи, безразлично-рутинное отношеніе къ дѣлу—источникъ общественнаго зла и застоя и въ то же время собственнаго духовнаго паденія, притупленія ума и совѣсти и превращенія высокаго призванія въ скучно и посредственно отбываемое ремесло...

Далѣе, какъ для надлежащаго оплодотворенія профессиональной дѣятельности усиливающимся и улучшающимся свѣтомъ науки, такъ и независимо отъ этой задачи, необходимымъ средствомъ поддержанія и совершенствованія научнаго образованія является просмотръ и чтеніе научной періодической литературы, по крайней мѣрѣ одного выдающагося научнаго журнала; а равно чтеніе иной, выдающейся, научной литературы, хоть немногихъ, избираемыхъ по указаніямъ періодической печати или инымъ, лучшихъ произведеній текущей научной литературы или незнакомыхъ еще, или заслуживающихъ возобновленія знакомства и духовной связи особенно выдающихся произведеній прежняго научнаго творчества.

Уходящіе въ практическую дѣятельность, особенно попадающіе въ болѣе или менѣе «глухія провинціи», ограничиваются часто чтеніемъ того, что случайно имѣется на мѣстѣ и попадаетъ подъ руку, или совсѣмъ ничего не читаютъ и по вопросамъ своей практики, требующимъ, для надлежащаго разрѣшенія, чтенія и справокъ въ области соотвѣтственной спеціальной литературы, обходятся безъ надлежащихъ литератур-

ныхъ пособій,—потому что въ данномъ мѣстѣ не имѣется научныхъ библіотекъ, вообще нѣтъ въ распоряженіи требуемыхъ книгъ.

Поскольку дѣло не идетъ о случаяхъ такой исключительной бѣдности, что дѣйствительно пѣтъ возможности отложить ежегодно хоть немного рублей на приобрѣтеніе книгъ и постепенное образованіе необходимой домашней библіотечки, такое отношеніе къ дѣлу настолько неумно, что оно заслуживаетъ не критики, а лишь приведенія въ качествѣ поразительной иллюстраціи того непониманія значенія надлежащаго отношенія къ наукѣ, которое у насъ къ сожалѣнію распространено даже среди людей съ «университетскимъ образованіемъ».

Въ качествѣ цѣннаго средства научнаго самообразованія, въ частности поддержки и поднятія научнаго-идейнаго настроенія и умственнаго уровня, слѣдуетъ еще упомянуть участіе въ ученыхъ обществахъ, гдѣ таковыя имѣются, въ ихъ дебатахъ, писаніи рефератовъ и т. д., а равно писаніе хоть скромныхъ статей для специальныхъ органовъ; матеріалъ для этого, особенно на почвѣ указаннаго выше научно-ислѣдовательскаго отношенія къ вопросамъ своей практики, обыкновенно не трудно найти.

Особенно въ случаѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перерыва или ослабленія связи съ наукою и соотвѣтственнаго пониженія или упадка научнаго эмоционально-интеллектуальнаго уровня психики, но и въ другихъ случаяхъ важно пользоваться возможностью побывать въ своемъ или иномъ университетѣ, послушать лекцій, специальные курсы, поработать въ клиникахъ и т. д.

Предыдущія замѣчанія имѣли въ виду тѣхъ, которые настолько поглощены практическою дѣятельностью, что для занятія наукою имѣются лишь немногіе свободные отъ иной работы часы или небольшіе, каникулярные или иные антракты. Въ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность и желаніе заняться болѣе обширнымъ, глубокимъ и интенсивнымъ научнымъ самообразованіемъ и быть не только «практикомъ», но и «ученымъ», примѣнимы вообще излагаемыя ниже положенія о научномъ самообразованіи ученыхъ, съ тѣмъ различіемъ, что для «практика» по основной своей профессіи исключается примѣненіе выставляемаго для ученыхъ требованія исключительнаго посвященія себя научному дѣлу и возможность достигнуть

соотвѣтственныхъ, высшихъ результатовъ. Вообще излагаемыя ниже положенія о высшихъ ступеняхъ научнаго самообразованія примѣнимы въ значительной степени и къ низшимъ ступенямъ и постольку являются дополненіемъ къ изложенному выше.

VIII.

Тѣмъ, которые избираютъ ученую дѣятельность, какъ профессію, и желаютъ возможно болѣе достойно и плодотворно для науки и человѣчества осуществить свое трудное и высокое призваніе, необходимо всецѣло отдаться наукѣ и постоянно и непрерывно посвящать имѣющіяся въ распоряженіи рабочія силы и время упорному труду для постепеннаго поднятія своего научнаго образованія на все высшія ступени; въ частности, на достиженіе ученой степени, и въ томъ случаѣ, если она получена не вслѣдствіе ненормально пониженнаго уровня диссертационныхъ или иныхъ требованій, а по заслугамъ, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на скромное начало, на начальную и подготовительную ступень для достиженія учености и повышенія ея уровня путемъ возможно болѣе интенсивнаго дальнѣйшаго научнаго самообразованія.

Что надлежащее служеніе наукѣ есть нелегкое служеніе. что въ частности само достиженіе и поддержаніе такой научной образованности, какая требуется для успѣшной ученой дѣятельности и называется ученостью, предполагаетъ массу упорнаго и непрерывнаго труда, это общеизвѣстная, во всякомъ случаѣ каждому ученому отлично извѣстная истина. Тѣмъ не менѣе обычный смыслъ соотвѣтственныхъ воззрѣній не свободенъ отъ существенныхъ недоразумѣній, и во всякомъ случаѣ не содержитъ въ себѣ надлежащаго теоретическаго базиса и правительнаго руководящаго принципа для рациональнаго веденія дѣла научнаго самообразованія со стороны ученыхъ.

Ученость, какъ особый и высшій типъ научнаго образованія, обыкновенно отождествляется съ обладаніемъ особенно обширными, въ томъ числѣ литературными, познаніями въ извѣстной специальной области знанія и, поскольку рѣчь идетъ о повышеніи и поддержаніи научной образованности ученаго, имѣется въ виду увеличеніе и поддержаніе научной освѣдомленности; сообразно съ этимъ и общее признаніе необходимо-

сти непрерывнаго интенсивнаго труда для достиженія и поддержанія подлежащей учености имѣть тотъ смыслъ, что необходимо постоянно слѣдить за текущею литературою и массу читать, чтобы быть вполне въ курсѣ дѣла и не отставать отъ науки, чтобы быть освѣдомленнымъ относительно современнаго состоянія данной вѣтви знанія и отдѣльныхъ ея развѣтвленій и проблемъ и соответственной литературы. И фактически тѣ ученые, которые ревностно и усердно заботятся о своемъ научномъ самообразованіи, *) затрачиваютъ огромную массу труда на изученіе монографической и журнальной литературы и приобрѣтаютъ съ теченіемъ времени огромную эрудицію въ области специальной литературы, даже въ области сравнительно мелкихъ и научно неважныхъ статей, ихъ заглавій, именъ авторовъ и мнѣній, ими высказываемыхъ.

Мы, конечно, не думаемъ отрицать необходимости для ученаго глубокой и обширной освѣдомленности въ области его специальности.

Тѣмъ не менѣе, говоря о необходимости для ученаго интенсивнаго и непрерывнаго научнаго самообразованія, мы имѣемъ въ виду иное понятіе и иной идеаль учены и иное направленіе научнаго самообразованія.

Идеаломъ учености и соответственнаго самообразованія мы считаемъ достиженіе такого состоянія (диспозитивной) научной психики или возможно большее приближеніе къ такому состоянію научной психики, которое можно кратко назвать «ученою гениальностью».

Намъ выше пришлось имѣть дѣло съ теоріей гениальности Джемса, съ поставленнымъ имъ вопросомъ: «Почему лишь одному Ньютону удалось открыть законъ тяготѣнія, одному Дарвину — принципъ переживанія существъ наиболѣе приспособленныхъ?» и съ его отвѣтомъ, что проницательность и гениальность зависятъ отъ наличности «практическихъ», «инстинктивныхъ» или «эстетическихъ интересовъ», и что «существо, одаренное большимъ разнообразіемъ интересовъ, будетъ обладать высшими умственными способностями». Признавъ налич-

*) Впрочемъ, выраженіе „научное самообразованіе“, а отчасти и та мысль, которая соответствуетъ этому выраженію, въ примѣненіи къ ученымъ необычны; но, какъ особенно ясно будетъ изъ дальнѣйшаго, онѣ весьма заслуживаютъ права гражданства и по отношенію къ ученымъ.

ность зерна важной истины въ этой теоріи, а именно той истины, что гениальность и вообще успѣшность умственной дѣятельности зависитъ не только отъ свойствъ интеллекта, какъ такового, а еще отъ иного элемента и фактора нашей психической жизни, намъ пришлось тѣмъ не менѣе внести въ эту теорію разныя, отчасти существенныя, поправки, въ частности замѣнить несомнѣнно неудачное перечисленіе: практическіе, инстинктивные и эстетическіе интересы—общую категорію эмоціональныхъ возбужденій, а условіемъ гениальности и вообще высокаго подъема умственной энергіи и выдающейся умственной дѣятельности въ какой либо области признать не «разнообразіе и многочисленность интересовъ», а, напротивъ, одностороннюю и исключительную концентрацію эмоціональной психики въ томъ направленіи, гдѣ должна проявиться гениальность, особенно интенсивное и одностороннее развитіе соответственнаго эмоціональнаго элемента; это условіе, пришлось подчеркнуть по адресу Джемса, не есть достаточное условіе гениальности, ибо требуются еще соответственная годность и приспособленность интеллекта, какъ такового, но оно тѣмъ не менѣе существенное условіе такого подъема умственной энергіи, какой необходимъ для созданія чего либо выдающагося, великаго, гениальнаго.

Существо гениальности слѣдуетъ опредѣлить такъ, что это есть сочетаніе господства и особенно высокаго подъема эмоціональной энергіи, соответствующей данному роду творчества, и высшей степени соответственной интеллектуальной приспособленности.

Гениальность въ этомъ смыслѣ имѣетъ въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни и дѣятельности весьма различное значеніе. Въ громадномъ большинствѣ областей трудовой жизни можно вполне успѣшно примѣнять трудовую эпергію и быть дѣльнымъ и полезнымъ членомъ общества, не обладая особою гениальностью и вообще одностороннимъ и особенно потенцированнымъ развитіемъ извѣстныхъ интеллектуальныхъ и эмоціональныхъ элементовъ психики; обладаніе же гениальностью во множествѣ областей человѣческаго труда, даже сравнительно интеллигентнаго и квалифицированнаго труда, не дало бы никакихъ особенно крупныхъ и великихъ результатовъ; а многіе виды и разновидности человѣческаго труда, главнымъ образомъ писніе, менѣе-квалифицированныя виды труда, напр., трудъ

чернорабочаго, кондуктора, почтальона, переписчика, имѣють такую природу, что обладаніе геніальностью здѣсь вообще ничего или почти ничего не прибавило бы къ полезности и продуктивности работы. Такъ какъ, съ другой стороны, одностороннее и чрезвычайно сильное развитіе извѣстныхъ психическихъ способностей вслѣдствіе ограниченности жизненной энергіи происходитъ насчетъ другихъ, физическихъ и психическихъ, силъ и способностей, гипертрофія въ одной области сопровождается атрофіей, а во всякомъ случаѣ менѣе успѣшнымъ развитіемъ въ другихъ областяхъ, то можно утверждать, что во многихъ областяхъ человѣческой трудовой жизни геніальность является не только ненужнымъ придаткомъ, но даже въ извѣстномъ смыслѣ минусомъ, лишнимъ бременемъ; тѣмъ болѣе, что, какъ уже было указано выше (стр. 258), для личнаго счастья и удовольствія, а отчасти и для благополучія и удовольствія другихъ, напр., членовъ семьи, болѣе равномерное развитіе разныхъ эмоциональныхъ элементовъ психики представляетъ вообще (поскольку избранное субъектомъ жизненное поприще не требуетъ для успѣха и благополучія иного) болѣе благоприятное условіе, чѣмъ отсутствіе соответственнаго равновѣсія вслѣдствіе гипертрофическаго развитія извѣстныхъ специальныхъ сторонъ психики.

Но есть и такіе виды человѣческаго труда и жизненные поприща, гдѣ геніальность или извѣстное приближеніе къ пей имѣють существенное значеніе для степени успѣшности и полезности данной дѣятельности, гдѣ успѣшность и полезность труда возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ геніальности и подчасъ, въ области нѣкоторыхъ особенно квалифицированныхъ видовъ творческой дѣятельности, доходить до такой степени полезности, что соответственные продукты обладаютъ великою общечеловѣческою цѣнностью.

Среди тѣхъ категорій труда, гдѣ по мѣрѣ приближенія къ геніальности цѣнность результатовъ возрастаетъ — до извѣстныхъ сравнительно скромныхъ предѣловъ, не доходя до величія, или безъ опредѣленныхъ предѣловъ до величайшихъ и высочайшихъ степеней — можно, въ свою очередь, различать два вида дѣятельностей: 1) такія дѣятельности, которыя все-таки могутъ быть осуществляемы съ извѣстнымъ, хотя бы сравнительно скромнымъ, успѣхомъ и съ пользою для общества, такъ что субъектъ имѣетъ право причислять себя не къ бесполезнымъ

паразитамъ, а къ полезнымъ членамъ общества, и при отсутствіи высшихъ, чѣмъ среднія, эмоціонально-интеллектуальныхъ данныхъ, при отсутствіи не только геніальности, но и скромнаго даже приближенія къ ней; 2) такія дѣятельности, гдѣ уже для перехода границы между бесполезнымъ, паразитнымъ для общества существованіемъ и полезною, плодотворною дѣятельностью требуется извѣстное приближеніе къ геніальности, необходимо обладаніе высшимъ, находящимся болѣе или менѣе высоко надъ среднимъ уровнемъ, развитіемъ соотвѣтственныхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ данныхъ; такъ что тѣ дѣятели, которые не приближаются къ геніальности, а остаются на уровнѣ посредственности или ниже этого уровня, лишніе и бесполезные члены общества, паразиты, потребляющіе произведенныя другими полезности и не производящіе для другихъ никакихъ полезностей.

Именно къ разряду тѣхъ, весьма немногихъ, человѣческихъ дѣятельностей и жизненныхъ поприщъ, гдѣ геніальность или приближеніе къ ней имѣетъ существеннѣйшее и величайшее значеніе какъ въ томъ направленіи, что по мѣрѣ приближенія къ высшимъ степенямъ геніальности успѣшность и полезность дѣятельности возрастаетъ и при томъ безъ остановки на извѣстныхъ относительно скромныхъ высотахъ, а безъ такихъ границъ до созданія величайшихъ даровъ для человѣчества, такъ и въ томъ направленіи, что безъ наличности извѣстнаго высшаго, чѣмъ средній, уровня, при движеніи внизъ по барометру геніальности, получается бесполезность и бесплодность дѣятельности—относится ученая дѣятельность и профессія.

Если мысленно расположить продукты ученаго производства по степени ихъ доброкачественности и цѣпности, то получится восходящая или нисходящая прогрессія, на одной сторонѣ которой будетъ находиться такая макулатура, которая воплощаетъ въ себѣ только разные минусы, затраты на бумагу, чернила, работу людей и машинъ и т. д., а на другомъ концѣ великія произведенія, цѣннѣйшія съ точки зрѣнія человѣчества, какъ такового, и исторіи его просвѣщенія (или и матеріальнаго благополучія, техническаго, правового прогресса и т. п.). И соотвѣтственную поразительную картину и ясность и важность выводовъ изъ нея мало осложняетъ припятіе во вниманіе того обстоятельства, что многіе ученые (не всѣ) посвящаютъ себя еще преподавательской, профессорской дѣятельности. Ибо, какъ

ясно видно изъ всего, изложеннаго выше о *professio scientiae*, лекціи, въ свою очередь, представляютъ въ зависимости отъ ихъ эмоціонально-интеллектуальнаго характера крайне неравноцѣбныя величины, отъ безконечно малой, нулевой или даже хуже чѣмъ нулевой полезности (такъ что заиманіе соответственной катедры весьма печальная и вредная функція) до весьма высокой цѣнности.

Геніальность и вообще усгѣшная творческая дѣятельность предполагаетъ извѣстныя послѣдственныя способности, природныя дарованія ¹⁾.

Это относится и къ ученой дѣятельности, и сообразно характеру этой дѣятельности здѣсь важенъ и необходимъ подборъ наиболее даровитыхъ людей; оставлять при университетѣ для приготовленія къ ученой дѣятельности слѣдуетъ лишь пайболѣ выдающихся и талантливыхъ изъ окончивающихъ, при чемъ главнымъ критеріемъ должны быть творческія способности, обнаруженныя путемъ самостоятельнаго изслѣдованія и сочиненія, а не экзаменныя успѣхи; иное отношеніе къ дѣлу, въ частности оставленіе при университетѣ по дипломнымъ отмѣткамъ или вообще безъ тщательной критики и разбора, по желанію и просьбамъ оставляемыхъ и т. п., весьма нехорошая аномалія, причиняющая вредъ не только наукѣ, но и тѣмъ, которымъ оказывается покровительство и которые этимъ вводятся на ложный жизненный путь, осуждаются на болѣе или менѣе жалкую и печальную роль въ наукѣ, вмѣсто болѣе полезной и усгѣшной иной, болѣе соответствующей способностямъ, дѣятельности; затѣмъ, дальнѣйшимъ экзаменомъ способностей являются ученые диссертации, при надлежащей ихъ критикѣ; для замѣщенія доцентскихъ мѣстъ и профессуръ существенно важна наличность возможно обильной конкуренціи и выборъ наиболее выдающихся и т. д. И сами избирающіе или уже избравшіе ученую профессію должны, конечно, имѣть въ виду особый характеръ ученой дѣятельности и печальныя послѣдствія, угрожающія въ случаѣ неспособности.

Но затѣмъ не только для геніальнаго, а вообще для усгѣшнаго творчества, не только научнаго, но и иного, напр., художественнаго, требуется, кромѣ природныхъ дарованій, обу-

¹⁾ И съ этой точки зрѣнія слово «геніальность» обыкновенно примѣняется (и было и нами примѣняемо выше, на стр. 235) для обозначенія исключительно выдающихся природныхъ дарованій.

ченіе, упражненіе и вообще подлежащее развитіе и приспособленіе этихъ дарованій къ данному виду творчества; и этотъ второй элементъ фактической, развитой геніальности (въ отличіе отъ потенціальной геніальности, отъ природныхъ задатковъ) и вообще приспособленности къ успѣшному творчеству играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ это обыкновенно предполагается, на почвѣ псевдонауки факторовъ развитія и совершенствованія творческихъ способностей.

И въ этомъ отношеніи ученая геніальность и вообще выдающаяся и успѣшная ученая дѣятельность находится въ особомъ положеніи. Если относительно разныхъ другихъ видовъ творческихъ дѣятельностей, напр., относительно поэзіи и другихъ видовъ эстетическаго творчества, можно еще говорить о томъ, что главнымъ и рѣшающимъ условіемъ успѣха и въ частности главнымъ элементомъ геніальности здѣсь все таки являются природныя дарованія, а дальнѣйшее образованіе и совершенствованіе является, хотя и технически необходимымъ, но относительно скромнымъ придаткомъ и дополненіемъ, то относительно ученаго творчества, по основаніямъ, отчасти уже выясненнымъ предыдущими положеніями о наукѣ и научномъ, эмоціональномъ и интеллектуальномъ, образованіи, отчасти подлежащимъ дальнѣйшему выясненію, правильнѣе утверждать противоположное. Хотя и ученая геніальность и вообще успѣшная ученая дѣятельность предполагаетъ наличность природныхъ дарованій, но центръ тяжести находится въ другой области: главнымъ и рѣшающимъ факторомъ успѣшнаго творчества и степени этой успѣшности или, напротивъ, неуспѣшности и ничтожности дальнѣйшихъ результатовъ является степень интенсивности и рачительности направленія образовательныхъ процессовъ; съ одной стороны, на почвѣ относительно скромнаго и малаго —наслѣдственнаго капитала умственныхъ дарованій можно достигнуть при примѣненіи надлежащихъ средствъ крупныхъ и выдающихся результатовъ; съ другой стороны, и огромный капиталъ природныхъ дарованій, потенціальная геніальность, при иномъ, недостаточно усердномъ и энергичномъ или пераціонально направленномъ отношеніи къ дѣлу развитія, приспособленія и совершенствованія, можетъ быть легко растрачена или испорчена и дать въ результатъ нуль, ученую бесплодность и бездарность.

Между прочимъ, въ нашихъ университетскихъ сферахъ біо-

графическая комбинація, состоящая въ «полаваніи блестящихъ надеждъ» въ началѣ ученой карьеры и въ превращеніи въ нуль и научную бездарность въ послѣдствіи—обыденное и очень хорошо извѣстное явленіе. «Сколько я видѣлъ уже всходившихъ на нее (университетскую кафедру) съ блестящими надеждами и черезъ 20 лѣтъ не узнавалъ ихъ!» горестно восклицаетъ по поводу этого, у насъ дѣйствительно весьма эпидемическаго, явленія авторитетный знатокъ нашего университетскаго дѣла— Пироговъ. («Университетскій вопросъ», стр. 59). Въ репандантъ къ этому обладающіе и не особенно обширными наблюденіями и біографическими свѣдѣніями изъ другихъ ученыхъ сферъ, напр., германской, могли бы указать болѣе или менѣе многочисленные примѣры обратной біографической комбинаціи: весьма скромныя, совсѣмъ не «блестящія» надежды въ началѣ доцентской дѣятельности — блестящіе результаты, положеніе выдающагося и авторитетнаго ученаго, иногда съ міровою репутаціею, въ послѣдствіи. И, какъ увидимъ ниже, оба эти, съ перваго взгляда кажущіеся странными и непонятными, явленія: какъ поразительно восходящія, такъ и поразительно нисходящія прогрессіи ученой дѣятельности и гениальности—вполнѣ естественны и необходимы по законамъ развитія элементовъ ученой психики подѣ влияніемъ соответственныхъ положительныхъ и отрицательныхъ факторовъ, относящихся къ сферѣ вѣдѣнія высшей автодидактики. —

Вышеизложенныя положенія о значеніи гениальности или степени приближенія къ ней въ области ученой профессіи и о значеніи въ процессѣ приближенія къ ученой гениальности надлежащаго отношенія къ дѣлу научнаго самообразованія содержать въ себѣ объясненіе и оправданіе выставленныхъ нами задачи и идеала научнаго самообразованія ученыхъ и показываютъ, сколь важно для ученаго рациональное, соответствующее этому идеалу, и возможно болѣе преданное и усердное занятіе своимъ научнымъ самообразованіемъ, хотя бы это требовало весьма тяжелаго и упорнаго труда и иныхъ серьезныхъ жертвъ.

Изъ установленнаго выше общаго опредѣленія гениальности слѣдуетъ, что для достиженія ученой гениальности или возможно большаго приближенія къ ней требуется:

1. Соответственная тренировка интеллекта, доведеніе его до возможно болѣе высокой степени силы и уточненности,

атлетизма и виртуозности. Существенными условиями успѣха при этомъ являются: во первыхъ, возможно большая интенсивность этой тренировки, возможно большая концентрація труда и жизненной энергіи на развитіе и потенцированіе соответственныхъ силъ и способностей, хотя это неизбежно связано съ извѣстными жертвами въ другихъ областяхъ органической жизни и развитія, въ частности въ области развитія физическихъ силъ; во вторыхъ, непрерывность этой тренировки. Существуетъ общій біологическій законъ, по которому тѣ, приобретаемыя упражненіемъ, степени усиленія или утонченія извѣстныхъ органовъ и способностей, которыя выше средняго, нормальнаго съ органической точки зрѣнія, требуютъ болѣе интенсивнаго и непрерывнаго упражненія не только для дальнѣйшаго потенцированія, но и для удержанія ихъ на прежней высотѣ; и тѣмъ быстрѣе исчезаютъ въ случаѣ перерыва упражненія, чѣмъ выше они сами надъ нормою; чѣмъ, напр., до большаго совершенства довелъ пианистъ-виртуозъ свои руки въ качествѣ орудія игры, тѣмъ болѣе интенсивное упражненіе требуется не только для дальнѣйшаго совершенствованія, но и для сохраненія достигнутаго, и тѣмъ скорѣе онъ лишится высшихъ экстраординарныхъ степеней приобретенныхъ прежнею интенсивною и постоянною тренировкой свойствъ въ случаѣ перерыва этой тренировки. То же въ еще большей степени относится къ интеллектуальной виртуозности, въ частности къ мастерству и искусству въ дѣлѣ научнаго творчества. Структура мозга безконечно сложнѣе и тоньше структуры руки. О средствахъ и техникахъ самой тренировки—ниже.

2. Возможно болѣе сильное и исключительное развитіе научно-эмоціональной психики, такое эмоціональное самообразованіе, чтобы достигнуть возможно болѣе сильной и глубокой любви къ наукѣ, возможно большаго научнаго воодушевленія и энтузіазма, какъ господствующей черты эмоціональнаго характера (диспозитивно-эмоціональной психики).

Если изъ предыдущихъ стадій научнаго самообразованія не вынесено любви къ наукѣ, научнаго воодушевленія даже въ слабой степени, или по такимъ или инымъ причинамъ (ср. ниже) произошло охлажденіе, то ближайшею задачею научнаго самообразованія является выработка этого существеннаго элемента истинно-научной психики; если, какъ это при надлежащемъ веденіи дѣла начальнаго научнаго самообразова-

нія должно быть, имѣется уже извѣстный запасъ научно-эмоціональнаго капитала, то — болѣе легкою—задачею научнаго самообразованія является дальнѣйшее укрѣпленіе и усиленіе этого элемента научной психики.

Любовь къ наукѣ, научное воодушевленіе и степень его играютъ существенную роль въ дѣятельности и жизни ученаго не только въ качествѣ фактора подъема умственной энергіи до степени геніальнаго и вообще выдающагося творчества, а еще и въ другихъ отношеніяхъ.

Трудъ ученаго по своей природѣ далеко не легкій трудъ; въ частности и въ особенности учено-писательская работа требуетъ большой рабочей энергіи и является съ физиологической точки зрѣнія чрезвычайно тяжелымъ и изнурительнымъ трудомъ.

Источникомъ рабочей энергіи и необходимою для преодоленія затрудненій, для начатія и энергичнаго продолженія болѣе или менѣе трудной работы, психическою силою бываетъ или соотвѣтственная воля, волевая рѣшимость, основанная на сознаніи необходимости, расчета, нравственнаго долга и т. п., или соотвѣтственное эмоціональное влеченіе, или и то и другое. При наличности только волевой рѣшимости, при отсутствіи любви къ дѣлу и воодушевленія, происходитъ такъ сказать психическое треніе; необходимо «преодолывать себя», «заставлять себя работать» и т. д.; это «трение» и соотвѣтственная трата жизненной энергіи тѣмъ больше, чѣмъ тяжелѣе трудъ. Напротивъ, если есть на лицо соотвѣтствующее данному труду эмоціональное влеченіе, то этого «трениа», необходимости преодолевать себя и заставлять себя работать, нѣтъ; или даже, въ случаѣ большой интензивности соотвѣтственнаго влеченія, требуется подчасъ особая волевая энергія и рѣшимость для того, чтобы не работать, не браться за данную работу или заблаговременно прекратить ее (напр., во исполненіе гигиеническихъ или врачебныхъ соображеній). Отсюда слѣдуетъ, что даже въ случаѣ наличности подлежащей волевой рѣшимости и ея неослабномъ дѣйствіи психологическая (впрочемъ, и физиологическая) тяжесть работы должна быть больше, а продуктивность меньше, если нѣтъ соотвѣтственнаго эмоціональнаго влеченія. Если же принять во вниманіе, что воля, особенно если дѣло идетъ о трудномъ и продолжительномъ процессѣ ея осуществленія, подвержена по разнымъ причинамъ разнымъ упадкамъ

и ослабленіямъ. и что людямъ свойственно въ такихъ случаяхъ легко находить поводы и предлоги для оказанія себѣ разныхъ списхожденій и послабленій, даже цѣною обмана и софистики по собственному адресу, то необходимо признать, что наличность соотвѣтствующаго данному труду эмоціональнаго влеченія и воодушевленія есть существенный факторъ плодотворности и продуктивности данной дѣятельности. не только съ точки зрѣнія эвентуальной необходимости подъема степени умственной «проницательности». И къ ученой дѣятельности это относится въ особенно высокой степени, тѣмъ болѣе, что она не допускаетъ виѣшней регламентаціи и установленія шаблона, дней и часовъ обязательной работы и т. п.

Затѣмъ, въ видѣ общаго закона психологіи труда можно утверждать, что одинъ и тотъ же трудъ представляетъ для индивида или скучную, непріятную работу, рядъ лишеній и страданій, или, напротивъ, интересное и пріятное занятіе, рядъ удовольствій и подчасъ весьма интенсивныхъ радостей и наслажденій, смотря по эмоціональной подкладкѣ, смотря по отсутствію или наличности и степени интенсивности соотвѣтственнаго эмоціональнаго влеченія и воодушевленія.

И это положеніе получаетъ усиленное и чрезвычайное значеніе въ приложеніи къ ученой дѣятельности и жизни. Ученая жизнь предполагаетъ упорный, не легкій трудъ и отказъ отъ многого, не мало жертвъ, такъ что съ этой точки зрѣнія мысли Фауста и аргументы Мефистофеля весьма не безпочвенны; по тотъ же весьма тяжелый, скучный и постылый для однихъ, не обладающихъ любовью къ наукѣ и научнымъ воодушевленіемъ, ученый трудъ, бываетъ для другихъ источникомъ такихъ переживаній и такого настроенія, при которыхъ все прочее, земное, превращается въ жалкое ничто; если бы Фаустъ былъ истиннымъ ученымъ по своей эмоціональной психикѣ, опъ съ Мефистофелемъ не сталъ бы и разговаривать.

Вопросъ о подлежащемъ научно-эмоціональномъ самообразованіи, о средствахъ прививки любви къ наукѣ и развитія возможно болѣе глубокаго и сильнаго научнаго энтузіазма— есть капиталнѣйшій вопросъ для посвящающаго себя ученой дѣятельности и съ точки зрѣнія качественно и количественно плодотворнаго служенія человечеству и его прогрессу путемъ обогащенія его научнымъ свѣтомъ, и съ точки зрѣнія личной жизни и личнаго счастья.

Обыкновенно смотреть на любовь къ извѣстному дѣлу и воодушевленіе въ извѣстной области какъ на нѣчто такое, что находится внѣ власти субъекта, не зависитъ отъ его воли и поведенія; и съ этой точки зрѣнія сама постановка интересующаго насъ вопроса представляется странною. Какъ можно вообще говорить о техникѣ развитія въ себѣ любви къ наукѣ! Какъ возможно, не имѣя научнаго воодушевленія, добыть его, сфабриковать для себя искусственными средствами, или, чувствуя лишь слабое влеченіе къ наукѣ и научное воодушевленіе, сдѣлать такъ, чтобы оно стало сильнымъ!

Путемъ изученія природы и причинной связи явленій наукѣ удалось превратить въ дѣло сознательно-раціональной техники уже весьма много изъ того, что прежде въ жизни человѣческой представлялось дѣломъ «случая», «счастія», «судьбы» и т. п.; и прогрессъ въ этомъ направленіи непрерывно продолжается и захватываетъ и такія области, о подчиненіи коихъ человѣческой волѣ и разуму прежде люди не думали и мечтали.

Что касается любви къ наукѣ, научнаго воодушевленія, энтузіазма, фанатизма, то это, несомнѣнно, не какія то врожденные и независимыя отъ обстоятельствъ индивидуальной жизни свойства, а, напротивъ, свойства, приобретаемыя нѣкоторыми индивидами, хотя фактически и не путемъ сознательно-умышленного примѣненія соответственныхъ средствъ, тѣмъ не менѣе не въ качествѣ дара благодати внѣ причинной связи и законовъ природы, а въ качествѣ результата дѣйствія такихъ или иныхъ житейскихъ факторовъ. Для созданія сознательнаго искусства научно-эмоціональнаго самообразованія именно требуется познаніе относящихся сюда положительныхъ и отрицательныхъ факторовъ, т. е. того, что способствуетъ развитію, поддержанію и усиленію научнаго энтузіазма, и того, что мѣшаетъ его развитію или ослабляетъ и уничтожаетъ его.

Существо любви къ наукѣ, научнаго настроенія, воодушевленія, энтузіазма, фанатизма, какъ элемента научной психики и существеннаго фактора геніальной и вообще выдающейся ученой дѣятельности, сводится къ наличности и сильному развитію и укорененію соответственныхъ эмоціональныхъ диспозицій. Факторомъ развитія и усиленія диспозицій въ психологическомъ смыслѣ является переживаніе соответственныхъ актуальныхъ психическихъ процессовъ. Съ однимъ изъ факторовъ актуальныхъ переживаній научно-эмоціональнаго подъема и воодушевленія

и возникновенія соответственныхъ эмоціональныхъ диспозицій намъ пришлось уже неоднократно имѣть дѣло выше при изученіи психологическаго дѣйствія слушанія научныхъ лекцій и при выработкѣ директивовъ для начальныхъ стадій научнаго образованія, въ частности для надлежащаго пользованія университетскими лекціями и свободнымъ чтеніемъ научной литературы, какъ средствомъ научнаго самообразованія. Это—суггестія, внушеніе, психическое зараженіе отъ другихъ, отъ такихъ ученыхъ, профессоровъ и писателей, которые сами обладаютъ любовью къ наукѣ и научнымъ воодушевленіемъ и способны сообщать ихъ своимъ слушателямъ или читателямъ; и путемъ надлежащаго, рационально направленаго и усерднаго пользованія этимъ факторомъ, какъ средствомъ научнаго самообразованія, можно уже достигнуть цѣпныхъ результатовъ въ направленіи развитія любви къ наукѣ и научнаго воодушевленія и тѣхъ благъ, которыя съ этимъ связаны.

Но у ученыхъ-спеціалистовъ, т. е. у людей, которые могутъ спеціально посвящать свое время и свои силы въ теченіе десятилѣтій избранной ими наукѣ и которые обладаютъ болѣе или менѣе солидною спеціальною научною подготовкою въ смыслѣ усвоенія соответственной техники мышленія и изслѣдованія и спеціальной научной освѣдомленности, а равно и такими природными умственными дарованіями, которыя вообще необходимы для того, чтобы можно было разумнымъ образомъ избрать ученую профессію—имѣется въ полномъ и свободномъ, зависящемъ только отъ воли и энергіи, распоряженіи еще болѣе дѣйствительное, болѣе вѣрно и сильно дѣйствующее средство выработки въ себѣ любви къ наукѣ и научнаго воодушевленія, если таковыхъ нѣтъ, и постепеннаго углубленія и усиленія ихъ, поскольку онѣ уже имѣются на лицо.

Это средство состоитъ въ возможно болѣе дѣятельномъ и энергичномъ участіи въ построеніи, совершенствованіи и обогащеніи своей науки, въ томъ постоянно, коллективными усилиями производимомъ, разрушительно-созидательномъ процессѣ, который двигаетъ науку и человѣчество впередъ ко все большому и лучшему свѣту; т. е. оно состоитъ въ возможно болѣе интенсивной и непрерывной научно-творческой, изслѣдовательно-писательской дѣятельности.

Выше, по поводу анализа природы науки, какъ духовнаго явленія *sui generis*, и характеристики психики ученыхъ намъ

пришлось указать на тот фактъ, что особенно сильныя научныя воодушевленія и волненія, доходящія подчасъ до экстаза и доводящія до сильнаго физическаго потрясенія, получаютъ на почвѣ научнаго творчества. Сюда относится не только положительно-созидательное творчество: открытіе новыхъ истинъ и построеніе новыхъ теорій, нахожденіе новыхъ примѣненій для существующихъ ученій, новыхъ аргументовъ и доказательствъ ихъ правильности и проч., но и критическо-разрушительное творчество: открытіе ошибочности и успѣшное разрушеніе существующихъ теорій и взглядовъ, нахожденіе данныхъ и аргументовъ для ихъ частичнаго опроверженія и т. п., а равно и сочетаніе процессовъ того и другого рода, производство разныхъ передѣлокъ, исправленій и усовершенствованій, хотя бы въ видѣ нахожденія болѣе точной и элегантнои формулировки для такихъ или иныхъ научныхъ положеній, законовъ природы, теоремъ, и проч. и проч.

Всѣ эти виды и разновидности научнаго творчества способны быть факторами и источниками научныхъ воодушевленій и творческихъ триумфовъ, при чемъ для этого не требуется непременно достиженія особенно крупныхъ результатовъ. И малые и даже съ объективной точки зрѣнія незначительные и микроскопическіе результаты способны вызывать сильное научно-эмоціональное подъеме и доставлять большіе творческіе триумфы и радости,—на начальныхъ стадіяхъ творческо-писательской дѣятельности по однимъ психологическимъ причинамъ, впоследствии по другимъ. Первые творческіе успѣхи, созданіе и доставленіе первыхъ вкладовъ въ науку, волнуютъ и радуютъ именно какъ таковыя, подчасъ какъ нѣчто неожиданное и удивительное, о чемъ трудно было и мечтать. Впоследствии же специально разрабатываемыя области знанія, темы и проблемы, какъ указано было выше по поводу характеристики психологін ученыхъ (стр. 176 и сл.), получаютъ въ глазахъ специалиста (на почвѣ эмоціональныхъ процессовъ, ср. ниже) особое величіе и значеніе, такъ что и объективно малыя открытія и усовершенствованія въ этой области представляются весьма важными и великими.

Научное творчество является специфическимъ и сильно дѣйствующимъ средствомъ возбужденія актуальныхъ научныхъ эмоцій и созданія и укрѣпленія соответственныхъ эмоціональныхъ диспозицій отчасти и само по себѣ, независимо отъ со-

общенія результатовъ его другимъ, отъ внесенія соотвѣтствующаго вклада въ науку въ объективно безличномъ смыслѣ; но, естественно, мысль о доставленіи соотвѣтственнаго вклада въ науку, о возможной или вѣроятной борьбѣ за свои идеи и убѣжденія и доставленіи имъ торжества въ наукѣ, а равно и самъ процессъ отстаиванія и борьбы за то, что представляется истиною, существенно усиливаютъ эмоціональное дѣйствіе научнаго творчества; они возбуждаютъ научныя волненія и воодушевленія и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ отстаиваніи своихъ не въ смыслѣ повизны, а только въ смыслѣ самостоятельной изслѣдовательской провѣрки и усвоенія, научныхъ убѣжденій. Поэтому подъ научнымъ творчествомъ, какъ специфическимъ и лучшимъ, имѣющимся въ распоряженіи ученаго, средствомъ выработки и потенцированія любви къ наукѣ и научнаго воодушевленія слѣдуетъ разумѣть научно-литературное творчество, изслѣдовательно-писательскую дѣятельность; тѣмъ болѣе, что, какъ уже было указано выше, процессъ литературнаго творчества, писаніе, сопровождается научно-идейномъ творчествомъ въ тѣсномъ смыслѣ; а во многихъ областяхъ научно-литературной работы научно-мыслительное творчество происходитъ главнымъ образомъ при писаніи и возбуждается послѣднимъ.

Такая же, научно-литературная, возможно болѣе интенсивная дѣятельность является вмѣстѣ съ тѣмъ для ученаго лучшимъ и специфическимъ средствомъ упомянутой уже выше тренировки интеллекта, упражненія и постепеннаго потенцированія научно-творческихъ способностей.

Между тѣмъ какъ на начальныхъ стадіяхъ научнаго самообразования и эмоціональные, и интеллектуальные элементы научной психики добываются путемъ «зараженія», путемъ заимствованія у другихъ, ученые могутъ и должны заниматься самостоятельнымъ производствомъ этихъ духовныхъ благъ для себя.

И та же научно-литературная дѣятельность, на ряду съ указанною научно-самообразовательною цѣпностью, имѣетъ и высокую непосредственную цѣнность въ качествѣ производства научнаго свѣта и представляетъ исполненіе главнаго назначенія и долга ученаго, какъ такового, предъ наукою, обществомъ и человѣчествомъ. Тѣ «ученые», которые этимъ не занимаются или занимаютъ мало, лѣнливо, безъ усердія и энергіи, или лишь изрѣдка, или только въ началѣ, до пріобрѣтенія степени

и для этой цѣли, не исполняютъ этого священнаго долга и на-
прасно пользуются званіемъ ученыхъ.

Положеніе о научномъ творествѣ, какъ средствѣ упражне-
нія и потенцированія силы, виртуозности и творческихъ спо-
собностей интеллекта ученаго, не нуждается въ особыхъ по-
ясненіяхъ. Что же касается дѣйствія научнаго творчества, какъ
средства научно-эмоціональнаго самообразованія, то здѣсь
необходимо еще отмѣтить слѣдующее:

Результаты научно-творческихъ процессовъ съ точки зрѣнія
эмоціонально-диспозитивной психологіи бывають двоякаго рода:

1. Научное творчество порождаетъ прежде всего специаль-
ныя научно-эмоціональныя диспозиціи, ассоціированныя съ тѣми
положеніями, съ тѣми научными идеями (и ихъ обоснованіями,
примѣненіями и т. д.), которыя добыты творческою работою.
Смотря по степени силы и глубины соответственныхъ актуаль-
ныхъ научныхъ воодушевленій (зависящей отъ представляемаго
значенія творческаго результата, отъ труда, потраченнаго на
ислѣдованіе и исканіе, отъ увѣренности въ правильности най-
деннаго и т. д.), сила и глубина подлежащихъ эмоціональных
диспозицій и возникающихъ на ихъ почвѣ дальнѣйшихъ науч-
ныхъ настроеній и воодушевленій бываетъ различная; до какого
подъема способны доходить соответственный научно-идейный
энтузіазмъ, показываютъ упомянутые уже выше факты предпо-
чтенія мучительной смерти на кострѣ и т. п. отреченію отъ
найденной истины въ эпохи гоненій за идеи.

2. На ряду съ такими специальными диспозіціями научнаго
настроенія, воодушевленія, энтузіазма, фанатизма, ассоціиро-
ванными съ опредѣленными идеями, результатомъ творческой
работы въ извѣстной области науки является развитіе диспо-
зитивнаго научнаго воодушевленія и преданности и любви бол-
ѣе общаго характера, по адресу болѣе общаго и обширнаго
объекта: прежде всего, по адресу данной частной и специаль-
ной области изслѣдованія, затѣмъ, по адресу той вѣтви или
тѣхъ вѣтвей избранной науки, въ предѣлахъ коихъ происхо-
дила творческая работа, затѣмъ, по адресу данной науки и,
въ извѣстной степени, науки и научнаго дѣла вообще.

Это частный случай болѣе общаго закона, который можно
назвать тенденціей распространенія эмоцій и эмоціональных
диспозіцій съ конкретныхъ и единичныхъ интеллектуальныхъ
объектовъ (предметовъ представленій) на соответственные аб-

страктные и коллективные объекты. Относящаяся сюда явления, напр., развитие любви къ родинѣ на почвѣ болѣе частныхъ конкретныхъ привязанностей, впрочемъ, давно извѣстны психологамъ и подводятся ими подъ болѣе общій законъ, такъ наз. «законъ передвиженія чувствъ» (Gesetz der Gefühlsvershiebung), куда относятъ также въ качествѣ дальнѣйшихъ частныхъ случаевъ «передвиженіе чувствъ» съ цѣли на средства, съ результатовъ на факторы, ихъ вызвавшіе, и т. п.

Процессъ «передвиженія чувствъ» есть процессъ медленный и незамѣтно-постепенный. Специальныя научно-эмоціональныя воодушевленія по адресу опредѣленныхъ научныхъ идей (и соотвѣтственныя диспозиціи) могутъ возникать и достигать большой степени интенсивности быстро; но онѣ, какъ таковыя, относятся не къ наукѣ, а лишь къ своему конкретному идейному предмету, составляющему, можетъ быть, лишь микроскопическую частицу науки; и лишь немного эмоціональнаго «свѣта» падаетъ на другія области, главнымъ образомъ близлежащія. Но изъ большого накопленія небольшихъ величинъ получаются большія. Если научно-творческая работа продолжается въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго періода въ извѣстной частной области данной науки, то съ теченіемъ времени не только разныя отдѣльныя идеи и проблемы изъ этой области, но и сама область продолжительной разработки и творческихъ триумфовъ окажется снабженною болѣе или менѣе интенсивнымъ научно-эмоціональнымъ освѣщеніемъ. Воодушевленіе данного, напр., лишь начинающаго, ученаго, работавшаго изслѣдовательски-продуктивно лишь въ одномъ, болѣе или менѣе специальномъ, развѣтвленіи своей науки, будетъ главнымъ образомъ концентрироваться въ этой специальной области, а другія области той же науки будутъ съ эмоціональной точки зрѣнія находиться болѣе въ тѣни; но хоть немного эмоціональнаго свѣта передвинется и на нихъ, по смежности, по научно-логической связности и зависимости и пр. Дальнѣйшіе же годы и десятилѣтія разработки данной науки со стороны данного ученаго съ прогрессивнымъ эмоціональнымъ оживленіемъ все большаго количества специальныхъ проблемъ и развѣтвленій науки въ разныхъ направленіяхъ должны постепенно привести не только къ распространенію научно-эмоціональнаго пламени на данную науку вообще, но и къ переходу научнаго (диспозитивнаго) энтузіазма, такъ сказать, въ плоть и кровь данного

ученаго, къ превращенію его въ основную и господствующую струну его психики, въ прочный доминирующій элемент самаго его характера,—къ превращенію человека въ истиннаго ученаго не только по знаніямъ и техническому мастерству мышленія, но и по общему складу и типу души (ср. выше, стр. 173 и сл.).

Выше, по поводу психическаго вліянія лекцій на аудиторію, намъ пришлось упомянуть тотъ, съ перваго взгляда могущій показаться страннымъ, фактъ, что тамъ, гдѣ жизнь ученыхъ протекаетъ въ исключительномъ и интенсивномъ служеніи наукѣ, напр., въ Германіи, ученые болѣе почтеннаго возраста «моложе» на кафедрѣ, чѣмъ молодые и особенно начинающіе лекторы; они и сами больше воодушевлены на кафедрѣ и больше воодушевляютъ аудиторію, чѣмъ молодые, температура и успѣхъ лекцій которыхъ значительно слабѣе.

Изъ изложеннаго видно, что это явленіе вполнѣ естественно и при соответствующихъ условіяхъ психологически неизбежно.

Особенно благоприятную почву для развитія научнаго энтузіазма и вообще воспитанія истиннаго ученаго путемъ научнаго творчества представляетъ естественно психика такого начинающаго ученаго, который уже изъ университетскаго ученія, изъ лекцій своего любимаго учителя и т. д., вынесъ извѣстный запасъ научно-идейнаго воодушевленія и преданности данной наукѣ и продолжаетъ безъ перерыва связи съ нею (ср. ниже) работать уже въ качествѣ изслѣдователя. Но отсутствіе такой хорошей основы научнаго воспитанія вовсе еще не означаетъ невозможности развитія необходимаго для успѣшной ученой дѣятельности научнаго воодушевленія путемъ научно-продуктивной работы. Съ перваго взгляда можетъ показаться наличность логическаго круга въ комбинаціи положеній, что для успѣшнаго научнаго творчества требуется научное воодушевленіе, а научное воодушевленіе пріобрѣтается путемъ научнаго творчества. Но мы уже указывали выше, что есть безконечно много степеней и видовъ научнаго творчества, и скромнѣйшіе виды не требуютъ особенно сильнаго научно-психическаго вооруженія. На почвѣ болѣе скромнаго творчества происходитъ и упражненіе въ дѣлѣ научнаго творчества, и развитіе научнаго воодушевленія, а это дѣлаетъ возможнымъ достиженіе все болѣе высокихъ ступеней научнаго творчества, что въ свою очередь поднимаетъ высоту научнаго воодушевленія, и т. д.; здѣсь не

логическій, а реальный «кругъ», состоящій въ томъ, что творчество источникъ научнаго воодушевленія, а послѣднее рычагъ поднятія творчества на высшія ступени—отношеніе взаимнаго потенцированія.

Вообще всякая болѣе или менѣе тонкая и квалифицированная дѣятельность требуетъ для своего успѣха «любви къ дѣлу», хоть нѣкотораго эмоціональнаго влеченія, а любовь къ дѣлу приобрѣтается усерднымъ занятіемъ этимъ дѣломъ, овладѣніемъ имъ и достиженіемъ въ немъ все большаго умѣнія и успѣховъ; и въ этомъ «кругѣ» заключается основа «философіи труда» въ соответственныхъ областяхъ жизни.

Впрочемъ, въ большинствѣ видовъ и разновидностей труда развитіе любви къ дѣлу происходитъ не тѣмъ путемъ, что самъ трудъ или извѣстные его элементы и моменты вызываютъ специфическія эмоціональныя волненія, которыя затѣмъ, въ силу тенденціи распространенія эмоцій и эмоціональныхъ диспозицій съ конкретныхъ и единичныхъ объектовъ на соответственные комплексы и общія категоріи, ведутъ къ развитію общаго энтузіазма и любви по отношенію къ предмету разработки и къ самой дѣятельности. Лишь немногіе виды человѣческаго труда обладаютъ тою привилегіею и тѣмъ украшеніемъ, которыя свойственны ученому творчеству и нѣкоторымъ другимъ видамъ дѣятельности, главнымъ образомъ поэзіи и прочимъ изящнымъ искусствамъ, и которыя состоятъ въ специфическихъ эмоціональныхъ подъемахъ и воодушевленіяхъ; большинство видовъ человѣческаго труда имѣетъ болѣе прозаическій и эмоціонально безразличный характеръ; и здѣсь для дѣйствія тѣхъ процессовъ, съ помощью которыхъ достигается научный энтузіазмъ, нѣтъ почвы. Здѣсь развитіе любви къ дѣлу происходитъ съ помощью иныхъ процессовъ, а именно «передвиженія чувствъ» (распространенія эмоцій) съ результатовъ труда, имущественныхъ и иныхъ житейскихъ успѣховъ и благъ, достигаемыхъ дѣльнымъ трудомъ, на средство достиженія этихъ успѣховъ и благъ, на самый трудъ. И въ развитіи любви къ наукѣ и преданности научному дѣлу тамъ, гдѣ, какъ напр. въ Германіи, ученаго писательская дѣятельность связана, по мѣрѣ ея усердія и успѣховъ, съ соответственнымъ увеличеніемъ благосостоянія и вообще съ движеніемъ вверхъ по соціальной лѣстницѣ, «передвиженіе чувствъ» съ этихъ житейскихъ успѣховъ на то, что ведетъ къ этимъ успѣхамъ, не лишено значенія въ качествѣ добавочнаго,

подкрѣпляющаго и усиливающаго фактора. Но основнымъ, болѣе специфическимъ, сильнѣе дѣйствующимъ и дающимъ болѣе высокіе эмоціональные результаты, и при томъ менѣе зависящимъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, средствомъ достиженія научнаго воодушевленія и любви къ наукѣ вездѣ является научное творчество, какъ источникъ специфически-научныхъ воодушевленій.

Природа ученой дѣятельности такова, что здѣсь соответственное воодушевленіе особенно и чрезвычайно важно и необходимо, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется въ свободномъ, только отъ воли и энергіи зависящемъ, распоряженіи специфическое средство для выработки, углубленія и усиленія этого элемента психики.

Впрочемъ, однимъ изъ условій и факторовъ развитія научнаго воодушевленія на почвѣ творческихъ научныхъ эмоцій, какъ это вытекаетъ изъ смысла вышеизложеннаго, являются природныя дарованія. нѣчто отъ воли и усердія субъекта независящее. Въ случаѣ такой врожденной неспособности, которая и при усердномъ и рациональномъ занятіи научнымъ самообразованиемъ мѣшаетъ достиженію сколько нибудь успешнаго творчества, даже въ скромномъ смыслѣ этого слова, благоприятной почвы для развитія научнаго воодушевленія не имѣется. И съ этой точки зрѣнія — ученая дѣятельность не для малоспособныхъ, и папи правила эмоціональнаго, какъ и интеллектуальнаго, самообразования ученыхъ предполагаютъ наличность необходимыхъ умственныхъ способностей. Но затѣмъ, и въ нормальномъ и обыкновенномъ случаѣ, въ случаѣ наличности необходимаго минимума природныхъ дарованій, имѣетъ дальшее значеніе степень этихъ дарованій. *Ceteris paribus* (при одинаковомъ качествѣ предыдущаго самообразования, при равной энергіи и интенсивности изслѣдовательско-писательскаго труда и проч.) шансы превращенія даннаго индивида въ энтузіаста или даже фанатика науки вообще больше въ случаѣ относительно болѣе выдающихся природныхъ дарованій, чѣмъ въ случаѣ болѣе скромныхъ дарованій: легче достигается творчество, оно обильнѣе, крупнѣе и выше по своему характеру; а это вліяетъ и на степень соответственныхъ творческихъ воодушевленій. Но не слѣдуетъ придавать этому преувеличеннаго значенія. Фактически степень субъективнаго творческаго триумфа и воодушевленія не находится въ отношеніи прямой пропорціональности

къ объективной цѣнности добываемыхъ результатовъ. Для болѣ скромныхъ тружениковъ науки требуется для достиженія извѣстной степени научнаго воодушевленія и субъективнаго триумфа относительно меньше въ смыслѣ объективнаго творческаго результата. И если въ нѣкоторыхъ университетскихъ сферахъ мало видно или совсѣмъ не видно не только научнаго энтузіазма, но даже интереса и любви къ наукѣ въ скромнѣйшемъ смыслѣ этого слова, то причина такого печальнаго положенія вещей коренится вовсе не въ природной умственной бездарности; и то, что въ научныхъ сферахъ именуется бездарностью, обыкновенно въ дѣйствительности вовсе не бездарность, не природное и неустранимое, а напротивъ, «благопріобрѣтенное» свойство; оно у насъ эпидемически пріобрѣтается и тѣми, которые раньше, до достиженія каюедры, подавали блестящія надежды.

IX.

Въ качествѣ факторовъ, ослабляющихъ и разрушающихъ диспозиціи научнаго воодушевленія или мѣшающихъ ихъ развитію, т. е. того, чего съ точки зрѣнія рациональнаго ученаго самообразованія надо бояться и по возможности избѣгать, слѣдуетъ указать:

1. Перерывъ ученой дѣятельности, прекращеніе (или значительное ослабленіе) истинно научной жизни и работы.

Даже и сильное научное пламя тухнетъ, если его не поддерживать. Наука вообще не терпитъ перерывовъ связи съ собою; разлука здѣсь есть разводъ, и трудно потомъ возстановить прерванную связь.

Съ момента перерыва не только прекращается развитіе, усиленіе и укрѣпленіе научнаго энтузіазма, но и существующее научное воодушевленіе начинаетъ падать и исчезать, переходя въ болѣе слабое научное настроеніе до полной научной апатіи и безразличія. Вмѣстѣ съ паденіемъ общаго научнаго воодушевленія происходитъ обезцвѣчиваніе и омертвѣніе тѣхъ научныхъ идей, которыя прежде имѣли свою особую болѣе или менѣе сильную эмоциональную жизнь (выше, стр. 420). А мѣсто этихъ вымирающихъ прекрасныхъ идейныхъ цвѣтковъ занимаютъ разныя сорныя травы, произрастающія на почвѣ будничной прозы, да къ тому же обыкновенно праздною и беспо-

лезной для других, несмотря на отчитывание лекцій студентамъ, жизни. Это основная и наиболѣе распространенная причина превращенія людей, «восходящихъ на каюдру съ блестящими надеждами», съ теченіемъ времени въ научные нули и «бездарности», такъ что ихъ нельзя потомъ «узнать».

Дѣйствіе перерыва научной работы, разумѣется, *ceteris paribus* тѣмъ радикальнѣе и быстрѣе, чѣмъ полнѣе прекращеніе связи съ наукою. Въ случаѣ прекращенія не только продуктивной научной дѣятельности, но даже и рецептивной, въ частности чтенія научной литературы (ср. ниже), къ изсяканію главнаго источника научнаго оживленія и воодушевленія ученаго присоединяется еще дѣйствіе неосвѣдомленности о томъ, что теперь дѣлается въ наукѣ, превращеніе въ челоуѣка посторонняго и не въ курсѣ дѣла. Уже само сознаніе того, что тамъ, въ наукѣ, вѣроятно и естественно, стоятъ на очереди и на первомъ планѣ и главнымъ образомъ волнуютъ и интересуютъ другихъ уже инныя темы и проблемы, появились и выдвигаются на первый планъ инныя дѣятели и научные борцы, и эти новыя стадіи научной драмы и дѣйствующихъ лица неизвѣстны, — уничтожаетъ прежнюю заинтересованность и прежнія воодушевленія; продолженіе ихъ переживания было бы даже нѣсколько страннымъ анахронизмомъ и воодушевленіями невпопадъ.

Въ случаѣ прекращенія продуктивной дѣятельности съ сохраненіемъ рецептивной можетъ сохраниться нѣкоторое научное оживленіе и научная заинтересованность: но оно превращается въ дилетантскую заинтересованность посторонняго зрителя, совсѣмъ отличную отъ той глубокой и сильной научно-эмоціональной жизни, которая возникаетъ и существуетъ на почвѣ личнаго дѣятельнаго участія въ производствѣ научнаго свѣта и построеніи науки, и которая необходима для надлежащаго подъема и поддержанія умственныхъ силъ ученаго.

Затѣмъ, перерывъ связи съ наукою, естественно, *ceteris paribus* производитъ тѣмъ болѣе глубокую метаморфозу въ психикѣ ученаго, чѣмъ онъ продолжительнѣе; если, напр., отчужденіе отъ науки продолжается 10 или 15 лѣтъ, то этого вообще болѣе чѣмъ достаточно для наступленія полной «неузнаваемости», для паденія на такой уровень, что можетъ быть рѣчь лишь о бывшемъ ученомъ, и что, въ случаѣ желанія и рѣшимости сдѣлаться опять ученымъ въ надлежащемъ смыслѣ этого слова, необходимо вновь начать свое ученое самообразование,

вновь создавать то, что когда то уже было, но легкомысленно потеряно. Но и болѣе краткіе перерывы научной работы, напр., въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ опасны и не могутъ пройти совершенно безнаказанными съ точки зрѣнія состоянія и развитія научной психики. Лишь противъ капикулярныхъ отъхоновъ для восстановленія силъ не приходится возражать въ виду того, что научная, особенно научно-писательская работа, не только имѣетъ чрезвычайно квалифицированный характеръ и сопряжена съ чрезвычайно большою, по сравненію съ другими видами труда, затратою жизненной энергіи, но и имѣетъ тенденцію специально поражать и ослаблять нервную систему, такъ что требуется на время перемѣна условій и характера жизни.

Далѣе, отрицательное дѣйствіе перерыва или прекращенія активной научной жизни особенно быстро и сильно въ томъ случаѣ, если оно происходитъ въ молодости, т. е. въ такое время, когда научный энтузіазмъ не можетъ еще быть особенно глубокимъ, сильнымъ и окрѣпшимъ.

У насъ обыкновенно днемъ перерыва связи или, точнѣе, окончательнаго развода съ наукою бываетъ день торжественнаго и официальнаго брака съ нею, т. е. день публичной защиты докторской диссертации. Въ качествѣ же прогресса на будущее время предлагается въ связи съ пониженіемъ научнаго ценза для занятія университетскихъ кафедръ передвинуть этотъ критическій моментъ на еще болѣе раннее время, а именно на день защиты первой, магистерской диссертации. —

Перерывъ или прекращеніе изслѣдовательской и писательской дѣятельности, останавливая развитіе научнаго энтузіазма и разрушая существующій, тѣмъ самымъ оказываетъ соответственное отрицательное вліяніе на силу и энергію научной мысли: научная апатія въ эмоциональномъ смыслѣ неизбежно связана съ соответственнымъ интеллектуальнымъ слабосиліемъ. Но затѣмъ, и независимо отъ этого, перерывъ или прекращеніе упражненія творческихъ способностей интеллекта, въ свою очередь, не только останавливаетъ дальнѣйшее ихъ совершенствованіе, но и дѣйствуетъ, какъ было указано выше, стр. 413, разрушительно на достигнутыя предыдущею тренировкою высшія интеллектуальныя свойства. Въ превращеніи начинающихъ ученыхъ, подающихъ блестящія надежды, съ теченіемъ времени въ научные нули и бездарности играетъ роль, конечно, и эта сторона дѣла.

Мы упомянули выше, что необходимость для ученаго непрерывнаго запятія наукою является въ ученыхъ сферахъ общеизвѣстною истиною, но это разумѣется въ томъ смыслѣ, что требуется непрерывно слѣдить за научною литературою, читать, чтобы быть въ курсѣ дѣла, не отставать и т. д. Иные взгляды существуютъ относительно творческо-писательской дѣятельности. Мы уже не говоримъ объ отношеніи къ этому дѣлу въ такихъ университетскихъ сферахъ, гдѣ занятіе научнымъ писательствомъ только до полученія кафедры является чуть ли не общимъ правиломъ, гдѣ вообще сведеніе функций и обязанностей ученаго до отчитыванія установленныхъ по расписанію лекцій и экзаменованія студентовъ представляется тѣмъ-то естественнымъ, никого не поражаетъ и не шокируетъ. Но и въ тѣхъ университетскихъ сферахъ, гдѣ ученые вообще занимаются наукою или даже усердно ею занимаются, какъ, напр., въ Германіи, обычные взгляды на творческо-писательскую дѣятельность далеко не отличаются сознательностью и правильностью. Положимъ, хотя отношеніе къ творческо-писательской дѣятельности здѣсь не опредѣляется сознаниемъ значенія ея, какъ средства и приѣма научно-эмоціональнаго и интеллектуальнаго самовоспитанія, тѣмъ не менѣе занятіе ею признается обязательнымъ для ученаго съ иныхъ точекъ зрѣнія. Къ тому же, напр., въ Германіи, имѣется весьма сильная и даже рѣзкая санкція этой обязательности. Тамъ ученые, не имѣющіе иныхъ научныхъ заслугъ, кромѣ подаванія хотя бы блестящихъ надеждъ на будущее время, или написавшіе только докторскую диссертацию, на кафедры, даже наиболѣе скромныхъ университетовъ, не приглашаются; а для того, чтобы дойти путемъ постепенныхъ приглашеній во все болѣе крупныя и выдающіеся университеты, до столь высокаго ранга и соціальнаго положенія, какъ, напр., ординатура въ берлинскомъ университетѣ, требуется вообще не мало выдающихся ученыхъ заслугъ, продолжительная плодотворная учено-писательская дѣятельность. Тѣмъ не менѣе, непрерывность учено-писательской дѣятельности и здѣсь не считается необходимою. Напротивъ, считается вполне нормальнымъ и естественнымъ, если ученый, послѣ изданія какого-либо научнаго произведенія, особенно если въ него вложено много труда, позволяетъ себѣ затѣмъ отдохнуть, почивать на лаврахъ, ждать появленія идеи и темы для новаго сочиненія, и т. п. Мало того, подчасъ замѣчается даже прямо отри-

пательное отношеніе къ «слишкомъ» обильной и непрерывной научной продукціи, къ частому изданію «толстыхъ книгъ» и т. п. Считается какъ бы правиломъ ученой эlegantности не особенно часто выступать съ новыми продуктами ученой работы, не особенно «спѣшить». Можетъ быть, тутъ играетъ нѣкоторую роль то обстоятельство, что въ Германіи, въ виду рѣшающаго значенія, которое тамъ имѣетъ научно-продуктивная дѣятельность для карьеры ученаго, для его имущественнаго благосостоянія и т. д., имѣется почва, въ случаѣ особой «поспѣшности» въ изданіи одного сочиненія за другимъ, для возникновенія подозрѣнія въ карьерной поспѣшности, въ стремленіи во что бы то ни стало обогнать другихъ въ карьерномъ смыслѣ.

Но главною причиною возникновенія приведенныхъ взглядовъ, повидимому, слѣдуетъ считать явленіе писательства безъ достаточной идейной почвы, производства компиляцій и иной макулатуры. Особенно болѣе или менѣе популярныя науки весьма страдаютъ отъ разнаго рода непризваннаго и научно-негоднаго и беспочвеннаго писательства и заполнения рамокъ соотвѣтственной литературы массою макулатурныхъ изданій. Въ видѣ реакціи противъ такого сочинительства возникло вообще отрицательное отношеніе къ особенно частому и обильному писательству; но оно, какъ это часто бываетъ съ разными общественными реакціями противъ разныхъ золь, бьетъ дальше цѣли и въ свою очередь представляетъ пераціональное явленіе. Конечно, слѣдуетъ избѣгать научно-несолиднаго и беспочвеннаго писательства, какъ такового; оно вредно и съ точки зрѣнія научнаго самообразованія, мѣшая развитію и укрѣпленію истинно научной психики и низводя мысленіе на степень ремесленнаго и низкопробнаго сочинительства; но это нисколько не умаляетъ правильности и важности, какъ съ точки зрѣнія непосредственнаго блага науки и человѣчества, такъ и съ точки зрѣнія раціональнаго научнаго самообразованія ученыхъ (что, въ свою очередь, имѣетъ важное косвенное значеніе для науки и человѣчества), того принципа, что ученымъ слѣдуетъ возможно усердно и непрерывно заниматься научною продукціей.

Скорѣе слѣдуетъ признать допустимыми нѣкоторыя отступленія отъ начала непрерывности общенія съ наукою въ томъ смыслѣ, въ какомъ это начало теперь является общепризнаваемымъ, т. е. въ области інформаціоннаго чтенія; если по обстоя-

тельствамъ и соображеніямъ, касающимся успѣха научно-исслѣдовательской и писательской работы, произойдетъ нѣкоторая временная отсталость съ послѣдующимъ, можетъ быть, нѣсколько менѣе обстоятельнымъ возстановленіемъ литературной освѣдомленности, то это не всегда вредно, а иногда вполне рационально.

2. Далѣе, весьма вреднымъ и опаснымъ, съ точки зрѣнія надлежащаго развитія эмоціональной психики ученаго, факторомъ является конкуренція со стороны другихъ эмоціональных возбужденій и волненій, постороннихъ интересовъ и заботъ, напр., на почвѣ совмѣстительства.

Наука вообще не терпитъ конкуренціи, и это относится не только къ постороннимъ, поглощающимъ болѣе или менѣе значительное количество времени и жизненной энергіи занятіямъ и дѣламъ, но въ извѣстной степени и къ житейскимъ удовольствіямъ и развлечениямъ, къ общественно-салонной жизни и т. п.: или или!

Основаніе и значеніе этого положенія состоитъ прежде всего въ томъ, что, какъ было выяснено выше, ученая дѣятельность требуетъ по природѣ своей односторонняго концентрированнаго развитія научно-эмоціональной психики и вообще доведенія развитія соотвѣтственныхъ эмоціональных и интеллектуальныхъ элементовъ и свойствъ диспозитивной психики до возможно высокихъ степеней для достиженія гениальности или возможнаго приближенія къ ней; а это въ тѣмъ меньшей степени достижимо, чѣмъ больше конкуренція со стороны другихъ эмоціональных факторовъ и вообще отвлеченіе и трата энергіи на иныя, постороннія дѣятельности.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Постороннія дѣятельности и соотвѣтственные интересы имѣютъ тенденцію дѣйствовать прямо разрушительно и понижательно на эмоціональные и интеллектуальные элементы и качества ученой психики.

Истинно-научное настроеніе и воодушевленіе есть нѣчто возвышенное и прекрасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно весьма чувствительно ко всякимъ вторженіямъ и столкновеніямъ съ прозою жизни, житейскими дѣлами и интересами, и легко падаетъ и разрушается. Поэтому, между прочимъ, такъ легко и хорошо работается за границею въ дали отъ мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ. Въ Германіи обычай и устройство университетскаго дѣла таковы, что здѣсь происходитъ передвиженіе сту-

денчества и профессоровъ изъ города въ городъ, изъ университета въ университетъ; и это превосходное учрежденіе, какъ бы созданное для того, чтобы устранить пусканіе корней въ мѣстную почву и погруженіе въ типъ житейскихъ связей и интересовъ и оставить въ силѣ одинъ союзъ, одну связь — съ наукою.

Что касается затѣмъ спеціально интеллектуальнаго развитія ученаго (независимо отъ вліянія на интеллектъ эмоціональнаго элемента), то слѣдуетъ имѣть въ виду, что по сравненію съ занятіемъ наукою, въ частности и въ особенности научнымъ творчествомъ, другія дѣятельности имѣютъ вообще съ интеллектуальной точки зрѣнія низшій и болѣе грубый характеръ; что при переходѣ изъ области науки, какъ таковой, въ инныя области получается интеллектуальное приноравливаніе въ смыслѣ большаго или меньшаго пониженія характера и типа мыслительныхъ движеній; а это не можетъ не оставлять соответственныхъ слѣдовъ и не дѣйствовать въ большей или меньшей степени въ понижательномъ направленіи, въ направленіи огрубѣнія и т. д.

Піанистъ, желающій быть виртуозомъ въ своемъ искусствѣ, не можетъ безпакостно заниматься таперствомъ. Художнику вредно и опасно заниматься писаніемъ вывѣсокъ для торговыхъ заведеній, и т. д. То же относится, напр., къ тѣмъ, которые «приготавливаются къ профессорскому званію» по юридическому факультету или уже доцентствуютъ и въ то же время служатъ по разнымъ канцеляріямъ разныхъ вѣдомствъ, хотя и существуютъ мнѣніе, особенно распространившееся и усилившееся со времени господства такъ называемаго «практическаго направленія» въ правовѣдѣніи, будто это полезно и необходимо для того, чтобы ознакомиться съ «практикою» и быть удачнымъ представителемъ этого «практическаго» направленія. Точно также опасно и вредно съ точки зрѣнія рациональнаго ученаго самообразованія заниматься преподаваніемъ низшаго, элементарнаго типа въ соответственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и въ университетѣ; поэтому, напр., низведеніе ученыхъ на степень *Biprauker*'овъ, вдалбливателей, и вообще низведеніе университетскаго преподаванія на низшую ступень школьнаго обученія, какъ этого требуютъ разные прожектеры въ области реформы университетовъ, было бы гибельнымъ для науки и университетскаго дѣла и съ интересующей насъ теперь точки

зрѣнія. И тѣ, такъ называемыя, обязательныя практическія занятія, которыя навязаны юридическимъ факультетамъ и предназначены для занятія чѣмъ либо времени студентовъ, въ томъ числѣ первокурсниковъ, не могутъ не вредить развитію научной психики обѣихъ участвующихъ сторонъ, поскольку эти занятія имѣютъ и отчасти не могутъ не имѣть характера умственныхъ упражненій низшаго типа и полета, чѣмъ тотъ, который требуется и желателенъ въ университетѣ.

Особаго вниманія и упоминанія въ качествѣ весьма вреднаго съ точки зрѣнія развитія эмоциональной и интеллектуальной научной психики занятія заслуживаетъ преждевременное, не имѣющее въ своей основѣ достаточной ученой подготовки, чтеніе общихъ курсовъ.

Для того, чтобы взаться за чтеніе общаго курса науки съ пользою для дѣла и безъ вреда для себя, требуется настолько интенсивная и продолжительная исследовательская работа въ области данной науки, чтобы имѣлся достаточный умственный капиталъ для подлинной *professio scientiae*. т. е. для изложенія, проповѣди и отстаиванія своихъ научныхъ убѣжденій. Въ Германіи и другихъ странахъ, гдѣ имѣется нормальная постановка университетскаго дѣла, на университетскія кафедры попадаютъ лишь зрѣлые ученые, имѣющіе за собою болѣе или менѣе солидное ученое прошлое, солидныя ученые заслуги, а во всякомъ случаѣ люди, не мало поработавшіе въ области науки. У насъ, напротивъ, на почвѣ отсутствія конкуренціи и вообще надлежащихъ кандидатовъ на университетскія кафедры, дѣлаются профессорами и вообще берутся за чтеніе общихъ курсовъ столь юные съ точки зрѣнія развитія ученой психики люди, что о скольконибудь солидной *professio scientiae* не можетъ быть рѣчи. Приходится наскоро составлять по нѣсколькимъ элементарнымъ учебникамъ или болѣе обширнымъ руководствамъ (для пользованія монографіями нѣтъ, конечно, времени) болѣе или менѣе жалкія компіляціи и отчитывать ихъ въ аудиторіи по тетрадкѣ или по памяти. Соответственныя лекціи похожи болѣе на занятіе чтеца или на ученическое выкладываніе выученаго урока, чѣмъ на подлинную *professio scientiae*. Что это занятіе не можетъ быть полезнымъ для другихъ, для студентовъ, а только приноситъ вредъ съ точки зрѣнія университетскаго преподаванія, какъ такового, объ этомъ не приходится распространяться. Но оно крайне

вредно и для самого такого преподавателя, какъ начинающаго ученаго. Соотвѣтственное умственное таперство, какъ составленіе подлежащихъ компиляцій, такъ и усваиваніе и отчитываніе ихъ содержанія, убиваетъ творческія способности, понижаетъ умственный полетъ и вообще дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ.

Съ другой стороны, такія занятія не только не поддерживаютъ и не развиваютъ любви къ наукѣ и научнаго воодушевленія, но даже оказываютъ сильное дѣйствіе въ противоположномъ направленіи, въ направленіи охлажденія и даже развитія вражды и отвращенія къ своей преподавательской дѣятельности и къ своей наукѣ вообще. Въ началѣ, въ первомъ году, перво-поспѣшное составленіе компиляцій подъ давленіемъ и угрозою періодически приближающейся необходимости имѣть достаточно матеріала для заполненія часовъ лекцій, а затѣмъ подавленное состояніе духа во время лекцій и послѣ окончанія ихъ подъ вліяніемъ сознанія неудовлетворительности этихъ лекцій, заслуженно-холоднаго отношенія слушателей и т. д.,—представляютъ весьма непріятныя и тяжелыя, доводящія подчасъ до отчаянія, переживанія; и они неизбѣжно, въ силу закона ассоціаціи психическихъ переживаній, дѣйствуютъ въ направленіи разрушенія любви къ наукѣ и замѣны противоположнымъ отношеніемъ. Въ слѣдующіе послѣ перваго, особенно тяжелаго, годы положеніе становится менѣ трагическимъ вслѣдствіе наличности уже составленныхъ раньше рядовъ лекціонныхъ компиляцій; получается болѣе безразличное и апатичное отбываніе скучной лекціонной повинности, и такое же развитіе и укрѣпленіе—эмоціональнаго настроенія и отношенія къ своей наукѣ. Въ качествѣ добавочнаго вреда слѣдуетъ принимать во вниманіе еще то обстоятельство, что первые годы лекціонной дѣятельности опредѣляютъ и фиксируютъ, закрѣпляютъ типъ и характеръ лекцій на будущее время, а во всякомъ случаѣ создаютъ и закрѣпляютъ извѣстныя привычки и манеры, которыя потомъ трудно поддаются измѣненію; введенный въ началѣ неудачный и плохой стиль чтенія имѣетъ тенденцію сохраняться въ большей или меньшей степени и на будущее время.

Надлежащими, истинно научными лекціями могутъ быть только такія, которыя являются продуктомъ болѣе или менѣ глубокой и солидной изслѣдовательской переработки соотвѣт-

ственныхъ матерій и проблемъ и отраженіемъ соответствен-ныхъ собственныхъ научныхъ убѣжденій, въ отличіе отъ знанія по памяти. Стало быть, пока такого, добытаго учено-ислѣдовательскою работою, матеріала вообще нѣтъ. то за чтеніе лекцій, въ томъ числѣ и частныхъ, специальныхъ курсовъ, подъ страхомъ указанныхъ вредныхъ послѣдствій, вообще не слѣдуетъ браться (хотя по уставу 1884 года для приватъ-доцентуры, т. е. чтенія лекцій, не только специальныхъ, но и общихъ курсовъ, не требуется вообще никакихъ изслѣдовательскихъ работъ, даже магистерской диссертациі).

Затѣмъ, солидная изслѣдовательская переработка извѣстной специальной проблемы или матеріи даетъ возможность и матеріалъ для чтенія, но только не общаго, а соответственнаго специального курса. Далѣе, лучшимъ и наиболѣе правильнымъ отношеніемъ къ дѣлу было бы постепенное расширеніе рамокъ курса по мѣрѣ прогресса изслѣдовательской переработки разныхъ частей науки и увеличенія капитала соответственныхъ научныхъ убѣжденій. Но фактически это трудно исполнимо. Даже тѣ, которые приступаютъ къ чтенію общаго курса послѣ продолжительной учено-ислѣдовательской дѣятельности (а не тотчасъ послѣ первыхъ пробъ такой работы, послѣ защиты второй, докторской или даже только магистерской диссертациі), обыкновенно не обладаютъ такою подготовкою, чтобы быть въ состояніи надлежащимъ образомъ преподавать всѣ части системы науки. Но, съ нашей точки зрѣнія на смыслъ и значеніе лекцій, вовсе и не требуется, и не желательно, съ точки зрѣнія интересовъ преподаванія, чтобы лекціи представляли нѣчто въ родѣ устнаго, равномерно-систематическаго учебника; напротивъ, вполне допустимо и желательно особенное углубленіе въ излюбленныя матеріи и проблемы насчетъ менѣ знакомыхъ вообще или менѣ интересующихъ ученаго въ данное время; и это соответствуетъ въ то же время и началамъ рациональнаго ученаго самообразованія.

При такомъ, рациональномъ отношеніи къ преподавательской дѣятельности, послѣдняя не только не представляетъ, съ точки зрѣнія техники ученаго самообразованія, вредной конкуренціи, но должна быть отнесена къ положительно полезнымъ средствамъ ученаго самообразованія. Отстаиваніе и пропаганда своихъ научныхъ убѣжденій въ аудиторіи поддерживаетъ и усиливаетъ научное воодушевленіе и любовь къ наукѣ

и представляет хорошую тренировку интеллекта, особенно, если, как это часто бывает, в аудитории получается еще больший эмоциональный подъем и подъем умственной деятельности, чем в кабинет. При том, этим путем, в дополнение к действию писательской деятельности, поддерживается или создается интерес и воодушевление и в области таких проблем и частей науки, которая в противном случае, при ограничении писательской деятельностью, приходила бы, может быть, в эмоциональное омертвление. Особенно если писательская деятельность получает очень специальное направление, полезно поддержание более общих идейных интересов, более общего владения наукою и т. д., путем лекционной деятельности и разработки лекционного курса.

В свою очередь, лекционная деятельность теряет характер полезного фактора поддержания и развития ученой психики и начинает действовать, как вредная конкуренция, если она чрезмерно расширяется, если получается переобременение лекциями. И на этой почве может вместо любви к наукам и научного воодушевления завестись скучно-ремесленное и даже отталкивающее-враждебное эмоциональное отношение к наукам.

Если же набираются и нагромождаются лекции не по своей специальности только, а и по другим предметам, по которым не имеется солидной специальной подготовки, то упадок и разрушение научной психики и превращение ученого в плохого ремесленника науки тем быстрее и неизбежнее.

Всякая лишняя и вредная конкуренция развитию эмоционально-интеллектуальной ученой психики, конечно, тем вреднее и опаснее, чем в более раннем возрасте, на более ранних стадиях развития этой психики она имеет место. Лишь после продолжительного интенсивного занятия учено-исследовательской деятельностью, когда любовь к своей науке и научный энтузиазм вошли в плоть и кровь данного ученого, сдѣлались основой его эмоционального характера, и интеллектуальный тип точно также сложился и окреп, может известная умеренная конкуренция не влечь за собою существенного вреда. Во всяком случае, для приготовляющихся к ученой деятельности и начинающих такую, занятие совместительством представляет своего рода самоубийство.

Къ сожалѣнію, какъ мы уже указали въ началѣ книги, у насъ, вслѣдствіе отсутствія надлежащаго обезпеченія на разныхъ стадіяхъ научнаго самообразованія (и незажиточности громаднаго большинства адептовъ науки) многихъ заниматься совмѣстительствомъ заставляетъ нужда, и постольку практическое значеніе изложенныхъ положеній умалывается въ области рациональной техники ученаго самообразованія и получаетъ тѣмъ большее значеніе въ области рациональной университетской политики.

Съ другой стороны, къ совмѣстительству извѣстнаго рода, особенно тамъ, гдѣ мало ученыхъ и вообще людей съ высокимъ научнымъ образованіемъ, могутъ побуждать серьезныя нравственныя соображенія, напр., соображенія о необходимости поддержать такую или иную высшую школу, не находящую достойныхъ преподавателей, соображенія о долгѣ гражданина на ряду съ долгомъ ученаго и т. п.

Цѣль нашего предыдущаго изложенія состояла вовсе не въ выраженіи порицанія или неуваженія къ тѣмъ ученымъ, которые занимаются совмѣстительствомъ, а въ указаніи того вреда для собственной личности, какъ ученаго, той жертвы своего ученаго я, которая связана съ этимъ. А затѣмъ, если кто по такимъ или инымъ соображеніямъ считаетъ эту жертву умѣстною или даже необходимою, это его дѣло, и вообще дѣло, выходящее за рамки высшей автодидактики; точно также, какъ, напр., самоубійство, самоотравленіе и т. п. выходятъ за рамки гигиены, медицины и проч.

Х.

Относительно поэтического и нѣкоторыхъ другихъ видовъ творчества иногда приходится слышать, что для успѣха творчества въ данное время требуется «вдохновеніе». Представленія этого рода не чужды были уже древнимъ, которые, приступая къ творчеству, обращались къ музамъ и Аполлону, какъ божествамъ, завѣдывавшимъ творчествомъ, о ниспосланіи соотвѣтственнаго дара.

Въ основѣ этихъ представленій, не смотря на ихъ болѣе или менѣе смутный и мистическій характеръ, лежитъ вполнѣ реальный фактъ, заслуживающій серьезнѣйшаго вниманія въ области всякаго творчества, въ томъ числѣ и научнаго. Намъ

уже выше пришлось указать на то, что наша умственная энергия, степень ея интенсивности и успешности дѣйствія подвержена весьма рѣзкимъ колебаніямъ, подъемамъ и паденіямъ, въ зависимости отъ эмоциональнаго состоянія въ данный моментъ времени. Но и сама интеллектуальная приспособленность къ данной умственной работѣ, какъ таковая, бываетъ далеко не одинаковою въ разное время и при разныхъ условіяхъ; она подвержена въ свою очередь разнымъ колебаніямъ, подъемамъ и паденіямъ.

Вдохновеніе и есть не что иное, какъ состояніе высшаго подъема эмоциональной и интеллектуальной энергии въ данное время; его можно охарактеризовать, какъ моментальную, актуальную гениальность, въ отличіе отъ диспозитивной гениальности, о которой шла рѣчь выше.

И гениальный въ смыслѣ диспозитивной психологіи человѣкъ далеко не всегда, лишь иногда проявляетъ соотвѣтственныя способности, а въ другое время его интеллектъ дѣйствуетъ слабѣе или даже и весьма слабо и неудачно. Съ другой стороны, и не отличающимся особою гениальностью въ смыслѣ диспозитивной психологіи людямъ случается быть въ состояніи относительной актуальной гениальности, въ состояніи особаго и чрезвычайнаго подъема и удачности дѣйствія умственной энергии.

Это особенно легко поддается наблюденію въ области писательской дѣятельности. Иногда писаніе не удается; или совсѣмъ «не пишется», или то немного, что удалось написать, такъ неудачно, что приходится затѣмъ бросить въ корзину. Иногда же имѣется особое «вдохновеніе», пишется легко, быстро, появляются новыя идеи...

И вотъ возникаетъ весьма важный—съ точки зрѣнія техники творческаго дѣла вообще, и въ частности съ точки зрѣнія техники научнаго творчества—вопросъ о средствахъ и приѣмахъ, съ помощью которыхъ можно было бы безъ обращенія къ музамъ и Аполлону или безъ растраты времени на ожиданіе того счастливаго момента, когда случайно вдохновеніе само появится, создавать его сознательно, имѣть его въ распоряженіи для надлежащаго и успешнаго творчества.

Отъ этого зависитъ успешность и плодотворность творческой дѣятельности, не только самой по себѣ, какъ особой высоко полезной для общества производительной дѣятельности, но и какъ средства самообразованія.

Какъ вообще психическія диспозиціи являются результатами, «слѣдами» соотвѣтственныхъ актуальныхъ переживаній, такъ и достиженіе диспозитивной гениальности или приближенія къ ней зависитъ отъ успѣшнаго достиженія соотвѣтственныхъ актуальныхъ процессовъ, процессовъ относительной актуальной гениальности. Чѣмъ выше актуальный подъемъ научнаго воодушевленія и чѣмъ выше полетъ творческой мысли, тѣмъ выше характеръ оставляемаго слѣда, тѣмъ цѣннѣе соотвѣтственныя диспозиціи. И чѣмъ чаще и обильнѣе такіе подъемы эмоциональной и интеллектуальной жизни, такія психическія упражненія высшаго качества, тѣмъ успѣшнѣе идетъ развитіе соотвѣтственныхъ способностей, соотвѣтственныхъ диспозитивныхъ качествъ.

Первое и основное правило, котораго слѣдуетъ держаться для того, чтобы достигать высшаго подъема творческаго вдохновенія и не зависѣть при этомъ отъ случая, отъ благопріятнаго, лишь иногда бывающаго стеченія обстоятельствъ, а имѣть въ распоряженіи надлежащее вдохновеніе каждый день, состоитъ въ томъ, чтобы вести разъ начатую писательскую работу каждый день въ одни и тѣ же часы, безъ всякихъ перерывовъ или передвиженій на другое время дня.

Это положеніе имѣетъ глубокое фізіологическое основаніе. Дѣло въ томъ, что нашъ организмъ и разныя его функціи, напр., кровообращеніе, обильный приливъ крови къ тѣмъ или инымъ органамъ и соотвѣтственное усиленіе питанія, энергіи и дѣятельности этихъ органовъ, усиленная ихъ иннервация и проч. — обладаютъ способностью приспособленія къ образу жизни въ предѣлахъ двадцати четырехъ-часоваго, суточнаго періода. Если, напр., данный индивидъ привыкъ обѣдать въ 2 часа дня, то къ этому времени у него появляется аппетитъ, происходитъ усиленный притокъ крови къ соотвѣтствующимъ органамъ, къ слюннымъ железамъ, къ железъ. выдѣлывающей желудочный сокъ, и т. д., вообще происходитъ все то въ организмѣ, что необходимо для лучшаго исполненія функціи питанія: если же въ данный день обѣдъ случайно произошелъ на часъ раньше или позже, то функція питанія будетъ (*ceteris paribus*) исполнена менѣе удовлетворительно, вслѣдствіе неприспособленія организма: если данный индивидъ обыкновенно спитъ послѣ обѣда, то въ случаѣ нежеланія въ данный день спать, ему придется выдержать борьбу съ сонливостью, а, можетъ быть, и не выдержать этой борьбы: если же онъ привыкъ послѣ обѣда

совершать большія прогулки, то сонливости не будетъ, но, въ случаѣ замѣны прогулки сидѣніемъ, онъ при внимательномъ самонаблюденіи замѣтитъ особыя ощущенія «нетерпѣнія въ ногахъ», находящіяся въ связи съ усиленнымъ притокомъ крови къ соответственнымъ мускуламъ и усиленной ихъ иннервацией.

То же относится и къ психическимъ функціямъ, къ интеллектуальнымъ и эмоціональнымъ, въ томъ числѣ къ научно-писательскому вдохновенію. И это не трудно провѣрить индуктивно-экспериментальнымъ путемъ.

Въ связи со взглядомъ на учено-писательскій трудъ, какъ на факультативно-добавочное занятіе профессора, находящееся на второмъ планѣ по отношенію къ разнымъ другимъ его занятіямъ, лекціямъ, засѣданіямъ и проч., происходитъ то явленіе, что и тѣ, которые вообще занимаются ученымъ писательствомъ, и въ тотъ періодъ времени, когда они этимъ занимаются, пишутъ не каждый день въ одни и тѣ же часы, а какъ понало, когда оказывается свободное время и охота; одни дни оказываются занятыми однимъ дѣломъ, другіе другимъ; иногда мѣшается засѣданіе, иногда посѣщеніе друга или знакомаго, иногда приглашеніе къ нему; иногда свободное время оказывается утромъ, иногда вечеромъ и проч. и проч. А когда дѣло дойдетъ до писанія, то часто оказывается, — и не можетъ при такихъ условіяхъ быть иначе, — что нѣтъ надлежащаго настроенія, работа не идетъ, не пишется, или пишется тяжело и плохо.

Но пусть попробуетъ такой писатель завести желѣзный и педантическій порядокъ писательской работы въ указанномъ выше смыслѣ и поработать такъ въ теченіе мѣсяца или нѣсколькихъ мѣсяцевъ (или нѣсколькихъ лѣтъ!).

Уже въ первыя недѣли (если нѣтъ особыхъ вредныхъ осложнений, ср. ниже) получится большой прогрессъ и успѣхъ въ дѣлѣ появленія научнаго вдохновенія и степени его подъема; а чѣмъ упорнѣе и долѣе будетъ продолжаться такой экспериментъ, тѣмъ правильнѣе и неуклоннѣе будетъ въ соответственное время дня появляться особая приспособленность и склонность къ писательской работѣ, къ соответственному эмоціональному и интеллектуальному подъему.

А затѣмъ, если послѣ долгой и упорной тренировки въ этомъ направленіи, особенно послѣ такого укорененія соответственной привычки, что она «вошла въ плоть и кровь», стала «второю натурою», сдѣлать въ эпоху вообще хорошаго разгона

писательской дѣятельности, хорошаго здоровья и проч., экспериментъ, состоящій въ попыткѣ провести въ данный день соотвѣтственные часы въ возможно большей умственной бездѣятельности (и физической, такъ какъ физическая дѣятельность измѣняетъ кровообращеніе и вообще осложняетъ экспериментъ), то внимательное наблюденіе происходящихъ въ такомъ случаѣ фізіологическихъ и психическихъ процессовъ даетъ въ свою очередь въ высокой степени интересные и поучительные результаты. Не трудно замѣтить разные, подчасъ весьма сильные, симптомы обильнаго и, вслѣдствіе отсутствія обычной утилизаци, дѣйствующаго патологически притока крови къ головѣ— до сильнаго горѣнія лица, «стучанія» крови въ вискахъ, тяжести въ головѣ и головной боли включительно. Далѣе, попытка пачать, когда уже пришло обычное время писанія, и продолжать (относительное) умственное бездѣйствіе окажется трудно исполнимою, а подчасъ въ концѣ концовъ просто неисполнимою: интеллектъ будетъ проявлять тенденцію дѣйствовать во что бы то ни стало и дѣйствовать быстро и сильно; и, что особенно интересно и поучительно, мышленіе стремится неудержимо мчаться именно по тому направленію, въ которомъ оно двигалось въ соотвѣтственные часы въ предыдущіе дни; придется обороняться отъ неотвязчивыхъ идей, касающихся разрабатываемой въ данное время темы. Это показываетъ, насколько специализированный характеръ имѣетъ соотвѣтственная приспособляемость. Съ фізіологической точки зрѣнія здѣсь пришлось бы говорить не объ усиленномъ дѣйствіи мозга вообще или большихъ его частей только, а и о специальномъ возбужденіи подлежащихъ системъ клѣточекъ или даже отдѣльных клѣточекъ... Что касается эмоціональнаго состоянія, то, разъ мысль помчалась, не удалось ея удержать, имѣется и обычное эмоціональное состояніе; поскольку же удастся задерживать движеніе мысли, замѣчаются какія то глухія и смутныя волненія и внутреннее безпокойство; если же стараться думать о какихъ либо мелочахъ и вообще эмоціонально безразличныхъ предметахъ или вести съ кѣмъ либо разговоръ такого содержанія, то замѣчается эмоціонально-возбужденное состояніе, совершенно не соотвѣтствующее содержанію и направленію мышленія или разговора.

Изъ общаго закона приспособляемости организма въ предѣлахъ суточного періода вытекаетъ общее для всякаго труда

правило, что, желая достигнуть возможно большей продуктивности и успешности труда определенного типа, слѣдуетъ выработать привычку посвящать этому труду определенные часы и держаться «педаanticно» соответственнаго порядка дня. Если данная дѣятельность, какъ, напр., ученая дѣятельность, имѣть составной, сборный характеръ, т. е. состоять въ сочетаніи работъ разнаго типа, то слѣдуетъ избѣгать чередованія этихъ работъ по днямъ или безъ всякой системы, а стремиться къ чередованію по определеннымъ часамъ дня.

При такомъ распредѣленіи времени законъ суточно-періодическаго приспособленія организма является союзникомъ труда. При противоположномъ поведеніи онъ, напротивъ, является врагомъ труда и источникомъ растраты жизненной энергіи вообще; ибо въ данномъ случаѣ не только требуется новая издержка силъ на приспособленіе живого механизма къ данному дѣйствію, но и преодоленіе приспособленія его къ иной функціи; получается потеря въ квадратъ.

Далѣе, изъ смысла установленныхъ положеній вытекаетъ, что, оставаясь принципиально правильными во всѣхъ областяхъ трудовой жизни (и не только трудовой жизни, а, напр., и спорта и т. п.), они имѣютъ весьма различное практическое значеніе, отъ весьма малаго и неважнаго до громаднаго и рѣшающаго, смотря по родамъ занятій, о которыхъ идетъ рѣчь.

Если данное занятіе не имѣетъ характера квалифицированнаго ни въ физическомъ, ни въ психическомъ (интеллектуальномъ и эмоціональномъ) отношеніи труда и вообще не предполагаетъ сколько нибудь значительнаго приспособленія и подъема какой либо энергіи, какъ, напр., вязаніе чулокъ, вышиваніе, переписка бумагъ и исполненіе иныхъ легкихъ механическихъ или полу-механическихъ дѣйствій, то практическое значеніе установленнаго общаго принципа рациональнаго распредѣленія занятій вообще весьма скромно; ибо въ данномъ случаѣ и не требуется сильной спеціальной приспособленности организма въ данное время, и таковой не возникаетъ, не заводится на данное время и на слѣдующіе дни. Наставаніе на заведеніи для вязанія чулокъ и тому подобныхъ видовъ труда определенныхъ часовъ дня съ точки зрѣнія лучшей утилизаціи драгоценной жизненной энергіи было бы дѣйствительно педантизмомъ.

Впрочемъ, при извѣстныхъ условіяхъ. пачало правильной періодичности дневныхъ занятій получаетъ серіозное значеніе и въ области неквалифицированнаго и не требующаго по природѣ своей большой издержки жизненной энергіи труда. А именно, если данный индивидъ по нуждѣ или изъ желанія принести своимъ, хотя и скромнымъ, трудомъ какъ можно болѣе пользы другимъ, стремится достигнуть максимальной продуктивности въ области своего спеціального труда, доходя до границъ переутомленія или даже переступая эти границы, то въ такомъ случаѣ соблюденіе правильного порядка дня, въ частности предназначенія на необходимый отдыхъ или иныя необходимыя занятія опредѣленнаго однообразнаго времени, уже перестаетъ быть чѣмъ то неважнымъ. Ибо нѣкоторое приспособленіе организма, напр., мускуловъ и нервовъ руки въ области шитья, переписки и т. п., все таки и здѣсь имѣетъ мѣсто, и разъ очень важно беречь жизненную энергію и получать максимумъ продукта, довести утилизацію и отдыха, и работы до высшихъ достижимыхъ предѣловъ, то соотвѣтственную важность получаетъ и соблюденіе порядка дня. Совсѣмъ лишненнымъ практическаго значенія можно признать установленное правило утилизаціи энергіи лишь для людей слабо и мало работающих; если же образъ жизни приближается къ паразитному существованію и праздности, то, во избѣжаніе ожирѣнія и иныхъ вредныхъ послѣдствій слишкомъ малой работы организма, лѣниваго обмѣна веществъ и т. д., можетъ быть рациональнымъ прямо противоположное установленному выше правилу поведеніе, т. е. варіированіе порядка дня.

Но эти строки предназначены не для общественныхъ паразитовъ, а для тѣхъ, которые хотятъ принести возможно большую пользу обществу и человѣчеству и при томъ въ области исключительно и чрезвычайно квалифицированнаго и соединеннаго съ чрезвычайно большою пздержкою жизненной энергіи труда. И вотъ здѣсь «педантическое» устроеніе и соблюденіе порядка дня въ указанномъ смыслѣ вовсе не педантизмъ, а дѣло серьезнѣйшей практической важности.

Вообще, чѣмъ болѣе трудовой характеръ имѣетъ данная жизнь, и чѣмъ болѣе квалифицированный характеръ имѣетъ данный трудъ, тѣмъ важнѣе рациональная утилизація закона приспособленія организма къ суточной періодичности дѣятельностей. Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ, что, если данная

трудова́я жизньъ состоитъ въ сочетаніи нѣсколькихъ видовъ работъ разной степени квалифцированности, а такой свободы распоряженія временемъ, чтобы поставить всѣ виды работъ въ идеальнѣо благопріятныя условія съ интересующей насъ точки зрѣнія, нѣтъ, такъ что приходится въ этомъ отношеніи дѣлать выборъ между разными видами работъ, то рациональнымъ масштабомъ для выбора и предпочтенія является степень квалифцированности даннаго вида труда.

Въ составъ дѣятельности активнаго, принимающаго участіе въ разработкѣ науки, ученаго входятъ: 1) творческо-писательскій трудъ; 2) устная *professio scientiae*; 3) чтеніе научной литературы. Сверхъ этихъ основныхъ работъ имѣются еще разныя инцидентныя, не допускающія системы и постоянства занятія: разсмотрѣніе студенческихъ сочиненій, магистерскихъ, докторскихъ диссертаций, приемы студентовъ и иныхъ лицъ, обращающихся за совѣтами и указаніями, засѣданія ученыхъ обществъ, факультетскія, совѣтскія, разныя комиссіонныя и т. п. засѣданія, и проч. *).

Наиболѣе квалифцированной и требующею высшаго вдохновенія, т. е. наибольшаго напряженія и приспособленія духовной, эмоціоально-интеллектуальной энергіи, является работа первой категоріи. По сравненію съ нею работа третьей категоріи—отдыхъ и развлеченіе и весьма мало квалифцированное занятіе. Выдѣленными изъ первой и перенесенными въ третью категорію должны быть разныя вспомогательныя и подготови-

*) Между прочимъ, засѣданія различнѣйшихъ типовъ представляютъ у насъ своего рода излюбленный спортъ; едва ли гдѣ либо въ мірѣ такъ процвѣтаетъ культъ засѣданій, какъ въ Россіи; десятки лицъ и при томъ лицъ, обладающихъ такими, высшими, квалификаціями, что ихъ время и трудъ должны были бы цѣниться на ивѣ золота, сознаются, чуть найдется какой либо поводъ или предлогъ, въ «засѣданіе»; вносятся на обсужденіе и мелкіе и мельчайшіе вопросы, и по нимъ идутъ длинныя и длиннѣйшія разсужденія; если сложить количества времени, затрачиваемыя на засѣданія, подчасъ весьма многочисленными, участниками этого вида препровожденія времени и сопоставить ихъ съ результатами этихъ засѣданій, то получается поразительное несоотвѣтствіе. Въ частности ученымъ у насъ трудно было бы серьезно заниматься наукою и въ случаѣ желанія и усердія—изъ за засѣданій. При реформѣ университетскаго дѣла необходимо обратить вниманіе на то, чтобы разныя мелкія дѣла были отнесены къ компетенціи отчасти единоличныхъ избранныхъ органовъ, отчасти малочисленныхъ избранныхъ коллегій, и такимъ образомъ освободить для ученыхъ возможно больше времени для занятія наукою.

тельные къ писательству занятія—разныя справки и выписки изъ источниковъ и литературы, производство опытовъ и т. п.: тѣмъ болѣе, что разыскиваніе въ источникахъ или литературѣ нужныхъ мѣстъ и т. д. прерываетъ разгонъ мысли и вообще портитъ и уничтожаетъ вдохновеніе.

Среднее мѣсто по степени квалифицированности занимаетъ чтеніе лекцій. И оно требуетъ (предполагая подлежащія лекціи, а не безразличное отчитываніе по памяти или по запискамъ) «вдохновенія», въ частности эмоціональнаго подъема, и представляетъ почти столь же изнурительный трудъ, какъ писательская работа (иногда даже болѣе изнурительный). Но необходимое для лекціи «вдохновеніе» имѣетъ менѣе высокій, менѣе квалифицированный характеръ, тѣмъ писательское вдохновеніе, вслѣдствіе преобладанія въ лекціяхъ репродуктивнаго, въ отличіе отъ творческаго въ тѣсномъ смыслѣ, элемента и вслѣдствіе относительно большей легкости устнаго изложенія; при томъ лекціонное вдохновеніе легче достигается и безъ заведенія и укорененія соответственной органической предрасположенности, особенно въ случаѣ большого количества слушателей, вслѣдствіе наличности особыхъ виѣшнихъ, эмоціонально возбуждающихъ условий.

Такимъ образомъ, первое мѣсто въ области устройства трудовой жизни ученаго сообразно закону суточной приспособляемости должна занимать писательская, второе преподавательская работа, третье—всѣ прочія занятія вмѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ писанію должно быть посвящено лучшее время дня, и это время должно быть *horae sacrosanctae*, священнымъ и неприкосновеннымъ.

Что касается того, какое время дня слѣдуетъ признать наиболѣе подходящимъ для писательской работы, то это отчасти зависитъ отъ индивидуальныхъ обстоятельствъ. Съ общепфیزیологической точки зрѣнія лучшимъ временемъ представляется утро въ виду непочатости дневной жизненной энергіи (ср. ниже). Къ тому же обыкновенно это время можетъ быть лучше всего обезопасено и гарантировано противъ постороннихъ вторженій и перерывовъ; это имѣетъ особенно важное значеніе тамъ, гдѣ еще мало развито уваженіе къ труду и чужому времени и соотвѣтственная деликатность (ср. также выше, стр. 443 прим. о засѣданіяхъ). Если вставать рано и для лекцій избрать не утренніе часы, то это не трудно устроить.

Фактически кабинетная работа ученых, и чтение, и писание, происходит обыкновенно во второй половине дня, главным образом по вечерам. Если по обстоятельствам жизни возможно заведение и гарантирование порядка ежедневного писания в одни и те же вечерние часы (при чем чтение надо перенести в таком случае на другое время), то и эта система может быть вполне целесообразною. В пользу нея даже есть особые психо-физиологические основания. Вечером эмоциональная возбудимость вообще выше, чем в более раннее время. Особенно повышенной бывает эмоциональная возбудимость поздно вечером и ночью после перехода нормальной границы сна; поэтому, напр., балы и иные общественные забавы достигают наибольшего оживления поздно ночью; в случае умышленной или неумышленной бессонницы оживленность мышления (в связи с эмоциональною возбужденностью) достигает подчас чрезвычайно высокого подъема; но здесь мы оставляем уже область гигиены и физиологии нормальной жизни и переходим в область патологий, искусственно и ненормально повышенной деятельности первой системы, перерасстройства. С равным успехом для создания писательского вдохновения можно пользоваться крепким кофе, чаем и т. п. возбуждающими средствами. Но рекомендовать утилизацию их, как нечто нормальное и рациональное, не приходится, и при том не только по соображениям здоровья как такового, но и с точки зрения максимальной продуктивности (последующая реакция, упадок). При том на почве творческой работы предъ спомъ, особенно в случае большого эмоционального возбуждения и соответственной быстрой и интенсивной работы интеллекта, легко заводится болезненное и крайне истощающее организм явление, состоящее в том, что мыслительная работа продолжается неудержимо мчаться и во время сна, превращая его из необходимого отдыха в какое то научное «delirium» *).

Во всяком случае путем перенесения писательской работы на утро и заведения соответственного «железного» порядка

*) Эта болезнь ученых появляется, впрочем, иногда и независимо от вечерней творческой работы, в случае упорного, усиленного и эмоционально возбужденного мышления о каких либо трудных проблемах; потом эти проблемы не дают покоя и во время сна, а раз заведется привычка «научной работы» во время сна, от нея не легко освободиться; уменьшение или прекращение дневной мыслительной ра-

дня можно съ теченіемъ времени не только передвинуть писательское настроеніе и вдохновеніе съ вечерняго на это время, но и достигнуть. именно путемъ (по утрамъ особенно легко возможнаго) абсолютнаго и неотступнаго соблюденія этого порядка, гораздо большаго подъема творческихъ силъ, чѣмъ на почвѣ пользованія свободными вечерами и наличностью охоты и настроенія по вечерамъ.

Кромѣ закона суточнаго приспособленія и вытекающихъ изъ него правилъ, для достиженія и поддержанія научно-творческаго вдохновенія слѣдуетъ принимать во вниманіе и ту простую истину, что запасъ нашей жизненной энергіи ограниченъ, что она возсоздается каждый день въ ограниченныхъ предѣлахъ, такъ что трата этой энергіи на однѣ дѣятельности уменьшаетъ запасъ, остающійся въ распоряженіи для другихъ дѣятельностей.

Развитіе и укорененіе такой привычки организма, что въ определенное время дня кровообращеніе и вообще дѣйствіе жизненной энергіи получаетъ спеціальное направленіе, приуроченное къ творческой дѣятельности, не можетъ гарантировать появленія творческаго вдохновенія и вообще сильнаго и энергичнаго отправления соответственныхъ психическихъ процессовъ, если до приступа къ писательской работѣ или во время ея происходитъ такая растрата жизненной энергіи на что либо другое, что для этой работы имѣются лишь болѣе или менѣе незначительные остатки энергіи.

Такия дѣятельности, которыя не требуютъ значительнаго подъема духовныхъ или физическихъ силъ, могутъ быть съ успѣхомъ осуществляемы, не смотря на болѣе или менѣе значительное умаленіе общаго запаса энергіи и не смотря на отсутствіе спеціальной концентрации дѣйствія этого, умаленнаго, запаса энергіи въ направленіи данной дѣятельности.

Напротивъ, трудъ ученаго-писателя это такой трудъ, который, требуя по особой своей природѣ высшаго вдохновенія,

боты иногда лишь усиливаетъ почву; не являются надежнымъ средствомъ и лѣкарства, и иногда необходима продолжительная борьба съ болѣзнию путемъ замѣны умственной жизни интенсивною физическою жизнью; напр., обильнымъ и доводящимъ до сильнаго утомленія турпостовскимъ, деревенскимъ, или инымъ физическимъ трудомъ, бодрствованіемъ и недопущеніемъ (путемъ физическаго противовѣса) мозговой работы въ тѣ часы, когда мозгъ привыкъ работать (обыкновенно подъ утро), для постепеннаго устраненія этой привычки и т. п.

тѣмъ самымъ предполагаетъ соблюденіе двухъ условій: 1) достиженіе и сохраненіе на время этого труда максимальнаго общаго запаса жизненной энергіи; 2) такую тренировку организма, чтобы на время этого труда происходила односторонняя, специальная концентрація этой энергіи въ направленіи соответственныхъ психическихъ процессовъ.

Къ тѣмъ функціямъ и дѣятельностямъ, которыя могутъ поглощать и отнимать отъ научно-творческой дѣятельности болѣе или менѣе значительныя количества общаго запаса жизненной энергіи и тѣмъ самымъ дѣлать органически невозможнымъ достиженіе творческаго вдохновенія, относятся всѣ психическія и физическія дѣятельности и функціи организма, кромѣ тѣхъ органическихъ функцій, которыя необходимы для нормальной репродукціи жизненной энергіи, поскольку онѣ отбываются въ предѣлахъ, соответствующихъ этой біологической задачѣ.

Между прочимъ, въ средніе вѣка большую роль въ области ученія играла поговорка: «*satur venter non studet libenter*» («сытое брюхо къ ученію глухо»); и вообще тогда люди держались того взгляда, что для того, чтобы господствовать и быть сильнее духъ, надо недопускать господства плоти. Теперь иные взгляды, и все болѣе воцаряется и торжествуетъ культъ тѣла: обильное питаніе, физическія упражненія, спортъ и проч. Есть и авторитетная поговорка: «*mens sana in corpore sano*», и идеальный образецъ: древніе греки.

Конечно, *mens sana in corpore sano*! Но быстроногій Ахиллесъ быстрѣ бѣгалъ, чѣмъ мыслить, и Аяксы не отличались гениальностью. У древнихъ грековъ происходила выдѣлка солдатъ, и идеаломъ были сила и искусство въ области драки, убиванія другихъ людей и проч. Въ эпоху христіанскаго воодушевленія выше искусства убиванія людей ставилась теологическая мудрость, религіозное настроеніе и воодушевленіе. Замѣчательно, что посты и иные средства ограниченія вегетативной и вообще физической жизни практиковались и практикуются и теперь среди разныхъ народовъ, въ Индіи и другихъ мѣстахъ, какъ способы достиженія религіознаго воодушевленія или отысканія и уразумѣнія высшихъ религіозныхъ или философскихъ истинъ (ср., напр., жизнь Будды и ученія буддистовъ).

Несомнѣнно, въ возрѣніяхъ о враждебномъ отношеніи плоти и духа содержится истина, особенно важная и цѣнная

истина именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ требуется высшій подъемъ духовныхъ силъ, въ частности и въ особенности въ области научнаго творчества и вдохновенія.

Мы уже сдѣлали выше оговорку относительно такихъ и отбываемыхъ въ такихъ предѣлахъ органическихъ функций, какія необходимы для нормальной репродукціи жизненной энергіи. Нѣкоторое количество суточной жизненной энергіи затрачивается и должно быть затрачиваемо на само производство и поддержаніе жизненной энергіи, на обмѣтъ веществъ, на пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и проч., и въ этихъ предѣлахъ о конкуренціи духа и тѣла не можетъ быть рѣчи. Но за этими предѣлами между духовною и тѣлесною жизнью начинается конкуренція; усиленіе одной влечетъ за собою ослабленіе другой.

Сдѣлавъ прогулку пѣшкомъ въ 20 или хотя бы 10 верстъ или издержавъ соотвѣтственное количество энергіи на какой либо иной спортъ или физическій трудъ, и попытавшись затѣмъ взяться за какой либо болѣе или менѣе квалифицированный умственный трудъ, мы бы оказались не въ состояніи работать или получили бы весьма жалкіе результаты. Что же касается научно-творческаго труда и соотвѣтственнаго вдохновенія, то объ этомъ не могло бы быть и рѣчи. А систематическое издерживаніе большихъ количествъ энергіи на тѣлодвиженія, напр., на спортъ, гимнастику, на достиженіе физическаго атлетизма, не только исключаетъ параллельное достиженіе умственнаго атлетизма, но ведетъ къ болѣе или менѣе сильному отупѣнію, къ приближенію къ идиотизму; напр., цирковые геркулесы и т. п. специалисты—типъ весьма слабыхъ въ умственномъ отношеніи людей. Точно также неизбѣжно ведутъ къ актуальному паденію умственной энергіи и къ диспозитивному оглупѣнію обжорство, половыя излишества и т. п.

Нѣкоторое, относительно весьма небольшое (и могущее быть опредѣленнымъ путемъ соотвѣтственныхъ опытовъ и индукцій) количество физическаго движенія необходимо для поддержанія успѣшной умственной дѣятельности, такъ какъ оно необходимо для нормальнаго кровообращенія и вообще для сохраненія здоровья; оно имѣетъ по отношенію къ жизненной энергіи репродуктивное значеніе. Тѣмъ не менѣе ходячее мнѣніе о томъ, будто умственный трудъ, въ частности трудъ ученаго, требуетъ какого то особаго «противовѣса» въ видѣ обильнаго физиче-

скаго движенія, и что это необходимо для успѣшности самого умственнаго труда,—весьма поверхностно и ошибочно.

Коллизія между физическимъ и умственнымъ трудомъ известной интенсивности тѣмъ рѣзче и сильнѣе, чѣмъ болѣе соотвѣтственные дѣятельности соприкасаются другъ съ другомъ по времени, чѣмъ менѣе имѣется времени для репродукціи затраченной энергіи.

Такъ какъ изъ двухъ соприкасающихся другъ съ другомъ или отдѣленныхъ другъ отъ друга слишкомъ малымъ промежуткомъ времени дѣятельностей страдаетъ отъ умаленія запаса энергіи послѣдующая, а для достиженія научно-творческаго вдохновенія требуется maximum энергіи, то и умѣренныя затраты физической энергіи, напр., прогулки, должны быть или отдалены достаточнымъ промежуткомъ времени отъ писательской работы или слѣдовать за нею, а не наоборотъ. Точно также, напр., и профессорамъ, и студентамъ, живущимъ не совсѣмъ близко отъ университета, возвращаться пѣшкомъ съ лекцій можно, но идти пѣшкомъ на лекціи нераціонально съ точки зрѣнія успѣха соотвѣтственной умственной дѣятельности.

Если, несмотря на лишеніе послѣдующей умственной дѣятельности необходимаго запаса жизненной энергіи предшествующею издержкою, эта дѣятельность тѣмъ не менѣе вынуждается усиліями воли или иными обстоятельствами, то получается весьма разрушительный и вредный для здоровья процессъ, состоящій въ расходованіи той жизненной энергіи, которая необходима для репродукціи самой жизненной энергіи, для успѣшнаго дѣйствія желудка, сердца, легкихъ и т. д. Хроническія злоупотребленія этого рода ведутъ къ малокровію, относительной атрофіи и паденію дѣятельности желудка, сердечныхъ мышцъ (stenocardia), и т. д. Съ этой точки зрѣнія, между прочимъ, примѣненіе ходячихъ лозунговъ относительно *mens sana in corpore sano*, относительно необходимости «противовѣса» для умственной дѣятельности и т. д., въ видѣ введенія въ школахъ между уроками шведской гимнастики особенно не-геніальное изобрѣтеніе.

Точно также слѣдуетъ весьма осторожно и критически относиться къ ходячему лозунгу объ «обильномъ и хорошемъ питаніи».

Конечно, требуется хорошее питаніе. Но что такое хорошее питаніе? То, что у насъ въ болѣе зажиточныхъ классахъ обще-

ства именуется хорошим питаніемъ, представляетъ съ фізіологической точки зрѣнія такое обжорство, что и половина принимаемой пищи была бы не лучшею мѣрою питанія, а лишнимъ переобремененіемъ желудка и умаленіемъ свободной жизненной энергіи. Физическая и химическая переработка пищи, особенно излишнихъ ея количествъ, представляетъ систему процессовъ, поглощающихъ весьма большія количества жизненной энергіи. А если, несмотря на всѣ «усилія» множества подлежащихъ органовъ: первовъ, железъ, мышцъ, въ томъ числѣ, между прочимъ, сердечной мышцы, отъ которой требуется усиленная работа, надлежащая переработка пищи не удастся, то получается, кромѣ перераздраженія и воспаления однихъ органовъ, переутомленія и ослабленія другихъ, въ томъ числѣ сердца, еще зараженіе организма разными ядовитыми продуктами неуспѣшнаго пищеваренія; въ частности получается отравленіе мозга и, въ связи съ этимъ, сильное пониженіе умственной энергіи и дѣятельности. Эти патологическіе процессы особенно неизбѣжны у тѣхъ, у которыхъ, какъ, напр., у ученыхъ, учащихся, журналистовъ, работа пищеваренія встрѣчаетъ сильную конкуренцію въ работѣ мозга. Слѣдуетъ имѣть при этомъ въ виду, что думать, будто все въ порядкѣ, никакихъ разстройствъ пищеваренія нѣтъ, потому что нѣтъ особыхъ симптомовъ, касающихся выдѣленій, совершенно ошибочно и наивно. Тѣ симптомы, по которымъ принято судить о нормальности или разстройствѣ пищеваренія, на самомъ дѣлѣ касаются главнымъ образомъ или исключительно лишь одного органа (толстой кишки), а этотъ органъ можетъ дѣйствовать и обыкновенно дѣйствуетъ, несмотря на хроническое поддержаніе разстройства пищеваренія, отравленія мозга и проч., безъ особыхъ замѣтныхъ аномалій. Ужъ правильнѣе было бы, за отсутствіемъ средствъ болѣе точнаго діагноза, судить о состояніи пищеваренія по дѣятельности мозга, по эмоціональной и умственной бодрости и оживленности или, напротивъ, апатіи, трудности и тяжести умственной работы и т. д.

Между прочимъ, тѣхъ людей, которые даже съ точки зрѣнія существующихъ въ области питанія привычекъ и взглядовъ признаются обжорами, сравниваютъ съ животными. Но, если исключить нѣкоторыхъ, живущихъ въ ненормальныхъ условіяхъ и приспособленныхъ искусственнымъ подборомъ къ производству жировыхъ веществъ, домашнихъ животныхъ и имѣть въ

виду животныхъ въ естественномъ состояніи, то это совершенно неправильное и при томъ несправедливое для животныхъ сравненіе. Обжорство, т. е. ненормальное, не соответствующее характеру пищи, потребностямъ организма и прочимъ условіямъ жизни, обремененіе желудка и прочихъ органовъ пищеваренія, и связанныя съ этимъ обычныя послѣдствія, не говоря уже о такихъ, какъ хроническіе катарры желудка и т. п.,—это явленія спеціально свойственныя человѣку, отрицательная особенность породы *homo sapiens*; у животныхъ въ естественномъ состояніи обжорства не бываетъ, а имѣется, напротивъ, такое подлежащее приспособленіе дѣйствія аппетита къ характеру пищи, пищеварительнымъ силамъ и прочимъ условіямъ жизни, что получается вообще не чрезмѣрное, а вполне нормальное и здоровое питаніе и сообразно съ этимъ здоровое пищевареніе и вообще подлежащее состояніе организма.

Объясняется эта отрицательная привилегія человѣческой породы, сводящаяся къ неприспособленности и несоразмѣренности дѣйствія аппетита съ условіями жизни, тѣмъ, что, съ одной стороны, сравнительно недавно, съ точки зрѣнія весьма продолжительнаго процесса анатомическаго, физиологическаго и психическаго развитія животнаго міра, въ условіяхъ питанія и вообще жизни человѣческой породы произошелъ коренной переворотъ такого характера и направленія, что для восстановленія нормальнаго питанія требовалось бы весьма существенное и радикальное уменьшеніе количества вводимыхъ въ организмъ пищевыхъ веществъ, и, что, съ другой стороны, соответствующее психическое приспособленіе породы къ новымъ условіямъ, въ частности подлежащее измѣненіе появленія и дѣйствія аппетита и отталкивающихъ, удерживающихъ отъ дальнѣйшаго пріема пищи, моторныхъ возбужденій *),—есть крайне медленный по сравненію съ быстротою культурныхъ измѣненій процессъ. Потребуется, можетъ быть, еще не одно тысячелѣтіе дѣйствія приспособленія къ новымъ условіямъ жизни (ускореннаго вымиранія менѣе приспособленныхъ, лучшаго переживанія и размноженія болѣе приспособленныхъ и т. д.), прежде чѣмъ у людей будутъ появляться и дѣйствовать отталкивающія и удерживающія моторныя возбужденія при такой порціи пищи,

*) Ср. мое соч. «Введеніе въ изученіе права и нравственности. Эмоціональная психологія», § 13.

которая теперешнимъ людямъ еще доставляетъ удовольствіе или представляется даже недостаточнымъ питаніемъ.

Для ничего не дѣлающихъ людей, общественныхъ паразитовъ, могущихъ затрачивать весь или почти весь запасъ жизненной энергіи на пищевареніе и иныя вегетативныя функціи, указанный порокъ человѣческой психики, этотъ недостатокъ приспособленія—небольшая потеря и даже источникъ удовольствій (впрочемъ, и разныхъ болѣзней и страданій). Но для людей, стремящихся быть не паразитами, а, напротивъ, возможно болѣе дѣльными и полезными работниками на нивѣ общаго блага и прогресса, и, стало быть, нуждающихся въ соотвѣтственной свободной энергіи, указанная аномалія, наслѣдственная непригодность, представляетъ отрицательный факторъ, съ которымъ слѣдуетъ бороться путемъ сознательной воли и заведенія соотвѣтственнаго индивидуальнаго образа жизни и соотвѣтственныхъ индивидуальныхъ привычекъ.

И это въ особенно высокой степени относится къ тѣмъ, которые имѣютъ дѣло съ трудомъ, требующимъ, для успѣха, вдохновенія, т. е. чрезвычайнаго подъема эмоціональной и интеллектуальной энергіи. *Satur venter*, т. е. переобремененіе лишнею работою органовъ пищеваренія и научное творчество и вдохновеніе—это два весьма враждебныя другъ другу явленія.

Сверхъ указанныхъ общихъ причинъ несомѣстимости и враждебности этихъ двухъ явленій имѣется еще одна причина, касающаяся спеціально духовной, въ частности эмоціональной и интеллектуальной энергіи.

Въ животномъ мірѣ существуетъ такая, весьма цѣлесообразная съ точки зрѣнія борьбы за существованіе и экономной утилизаціи жизненной энергіи вообще, приспособленность, что наполненіе желудка сопровождается быстрымъ и рѣзкимъ пониженіемъ эмоціональной возбудимости (что необходимо для сохраненія покоя и неподвижности и успѣха происходящаго въ данное время важнаго жизненнаго процесса), а равно энергіи и дѣятельности мозга и нервной системы вообще; наступаетъ общая эмоціонально-интеллектуальная притупленность и сонливость или даже просто сонъ; приспособленность прямо противоположная по своему характеру тоже весьма цѣлесообразной приспособленности предыдущей стадіи, когда желудокъ еще не былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ пищи и организмъ нуждался въ эмоціональной электризаціи и повышенной дѣя-

тельности мозга и других частей нервной системы, въ томъ числѣ, между прочимъ, органовъ обонянiя и вкуса, для лучшаго исполненiя задачи добыванiя пищи и вообще питанiя. Въ области породы *homo sapiens* произошло такое коренное измѣненiе условiй жизни, что для лучшей и наиболѣе экомонной утилизаціи жизненной энергiи требовалась бы нѣсколько иная, въ разныхъ отношенiяхъ модифицированная, приспособленность; тѣмъ не менѣе въ силу относительной медленности процесса органическаго приспособленiя тенденціа указанныхъ рѣзкихъ и специфическихъ колебанiй эмоціональной возбудимости и познавательной-интеллектуальной дѣятельности въ зависимости отъ состоянiя желудка дѣйствуетъ у человѣка по наслѣдству до сихъ поръ приблизительно въ такой же формѣ, какъ у животныхъ (въ частности, напр., она, какъ въ этомъ легко можно убѣдиться экспериментальнымъ путемъ, распространяется и на органы обонянiя). Отсюда получается особая, специфическая враждебность и несомвѣстимость *satur venter* и эмоціонально-интеллектуальной геніальности, въ частности несомвѣстимость, и при умѣренномъ питанiи, главнаго, обѣденнаго приѣма пищи и творческаго труда, особенно вредное влiяніе хроническаго переполненiя желудка на эмоціональное и интеллектуальное развитіе вообще, и т. д.

Изложенное выше о средствахъ достиженiя творческаго вдохновенiя и вообще объ эмоціонально-интеллектуальномъ самообразованiи ученаго весьма рѣзко расходится съ тѣмъ идеаломъ воспитанiя и самовоспитанiя, который выражается лозунгами: «*mens sana in corpore sano*» (поскольку это изреченіе имѣетъ смыслъ не простаго тунизма, а особаго лозунга), «гармонiя», «гармоническое развитіе способностей», «естественное воспитаніе», «свободное и равномерное развитіе естественныхъ свойствъ и способностей» и т. п.

Изъ изложеннаго выше о природѣ ученой дѣятельности, о творческой геніальности и т. д., достаточно ясно видно, что этому идеалу въ области ученой дѣятельности совсѣмъ не мѣсто. Но вообще приведенные лозунги, несмотря на всю ихъ общепризнанность, какъ какихъ то аксіомъ, не представляются намъ правильными и разумными.

Оленямъ, куропаткамъ, воропамъ и т. п. было бы вполнѣ резонно. держаться идеала гармоническаго и равномернаго развитiя своихъ естественныхъ способностей и склонностей, и они

безсознательно слѣдуютъ этому идеалу и потому, между прочимъ, всѣ имѣютъ одинаковый видъ, одинаково развиты въ физическомъ и психическомъ отношеніи, одинаково проводятъ время и проч. Что же касается людей, то, прежде всего, отъ предоставленія свободнаго и равномѣрнаго развитія ихъ естественнымъ склонностямъ и способностямъ получались бы въ результатъ такія животныя, которыя, какъ видно изъ частныхъ указаній выше, были бы отчасти приспособлены къ условіямъ древняго звѣроподобнаго существованія, отчасти же, поскольку тысячелѣтія культуры все таки завели нѣкоторыя измѣненія въ породѣ, какъ таковой, въ частности атрофировали нѣкоторые органы, способности и склонности, потенцировали, довели до гипертрофій нѣкоторые другіе органы, способности и склонности, были бы приспособлены къ новымъ условіямъ существованія; точнѣе, въ результатъ получались бы животныя, неприспособленные ни къ тѣмъ, ни къ другимъ условіямъ, жалкія и несчастныя каррикатуры, ни животныя какъ слѣдуетъ быть, ни люди какъ слѣдуетъ быть. Природа нашей породы, вслѣдствіе особой ея исторической судьбы, вслѣдствіе несоотвѣтствія быстроты измѣненій условій существованія и органическихъ приспособительныхъ измѣненій, такова, что для приспособленія каждаго отдѣльнаго индивида къ существующимъ условіямъ жизни требуется недопущеніе свободнаго развитія, подавленіе разными средствами однихъ естественныхъ свойствъ и склонностей, усиленное и одностороннее культивированіе другихъ свойствъ и способностей, привитіе разныхъ новыхъ, отъ природы не данныхъ, свойствъ и способностей и т. д. — вообще довольно существенная передѣлка и переработка естественныхъ и наслѣдственныхъ свойствъ каждаго экземпляра. Такимъ образомъ, отъ сколько нибудь серьезнаго и послѣдовательнаго проведенія идеала свободнаго и равномѣрнаго развитія естественныхъ свойствъ, склонностей и способностей разумнѣе во всякомъ случаѣ отказаться. Рѣчь можетъ идти только о томъ, чтобы стремиться при упомянутой воспитательной и учебной выдѣлкѣ и передѣлкѣ къ достиженію средняго, относительно равномѣрнаго, съ точки зрѣнія новыхъ человѣческихъ условій жизни, развитія разныхъ свойствъ и способностей, къ предотвращенію односторонняго съ этой точки зрѣнія развитія тѣхъ или иныхъ свойствъ и способностей и т. д. Поскольку дѣло идетъ о приготовленіи другихъ (въ обла-

сти воспитанія) или самого себя (въ области самовоспитанія) къ вегетированію въ свое удовольствіе, это можно признать въ извѣстномъ смыслѣ рациональнымъ. Но если иначе понимать смыслъ и задачу нашей жизни, если кто стремится жить не для своего маленькаго я, а для великаго цѣлага, и въ такомъ же направленіи вліять на другихъ въ области воспитанія, обученія и т. д., тотъ долженъ заботиться о совсѣмъ иномъ направленіи развитія себя самого или другихъ. Для того, чтобы быть возможно болѣе годнымъ и приспособленнымъ органомъ общаго блага, культуры и прогресса, требуется дифференціація, спеціальное приноровленіе и усовершенствованіе, т. е. то, что прямо противоположно средней равномерности и «гармоніи». И чѣмъ болѣе выдающаяся роль, въ качествѣ органа общаго блага и прогресса, желательна, чѣмъ болѣе высокій и квалифицированный характеръ имѣетъ соответственная функція, тѣмъ болѣе неразумный и нелѣпый смыслъ имѣютъ лозунги о гармоніи и равномерности и т. п. представленія и фразы.

XI.

Идеаломъ учености, какъ высшей ступени научнаго образованія, и задачею ученаго самообразованія мы выставили выше достиженіе научной гениальности или возможно большее приближеніе къ ней, возможно болѣе сильное и, тѣмъ самымъ, односторонне потенцированное развитіе соответственныхъ эмоціональныхъ и творческо-мыслительныхъ свойствъ и способностей; и съ этимъ идеаломъ и этою задачею сообразовались практическія указанія всего предыдущаго изложенія. О приобрѣтеніи учености въ ходячемъ смыслѣ этого слова, т. е. о достиженіи особенно обширныхъ познаній, въ томъ числѣ особенно обширной литературной эрудиціи, мы пока не говорили.

Можетъ быть, на ряду съ тою задачею научнаго самообразованія, о которой шла рѣчь выше, ученому слѣдуетъ также имѣть въ виду задачу достиженія возможно большей учености въ обыденномъ смыслѣ слова, возможно большей литературной и иной эрудиціи по своей спеціальности, если не всезнанія, то, по крайней мѣрѣ, приближенія къ нему.

Но какая цѣль, какой разумный смыслъ такого стремленія?

Было время, когда огромную роль въ жизни ученыхъ играли разные диспуты и состязанія, когда въ университетской жизни

ученые турниры были повседневнымъ занятіемъ, а репутація ученаго въ болѣе широкихъ кругахъ общества опредѣлялась публичными учеными турнирами. Если въ это время выработался идеаль учености въ смыслѣ огромной, удивительной и поразительной эрудиціи, то это вполне понятно, тѣмъ болѣе, что въ виду слабаго развитія энциклопедической и иной справочной литературы, такая ученость была отчасти цѣннымъ вооруженіемъ и въ области писательства. Но теперь, когда борьба за научныя идеи происходитъ почти исключительно въ письменной формѣ, а энциклопедическая и иная справочная литература достигла такого развитія, что въ области писательской работы нѣтъ надобности имѣть въ головѣ каталоги литературы по разнымъ частнымъ вопросамъ, массы цифръ, текстовъ и т. п. свѣдѣній для того, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть въ распоряженіи соотвѣтственныя данныя, стремленіе сдѣлаться «ходячею энциклопедіею» по своей специальности не имѣетъ разумнаго смысла.

Мало того, соотвѣтственное направленіе занятія наукою слѣдуетъ признать, съ точки зрѣнія научнаго самообразованія, положительно вреднымъ и опаснымъ. Изъ положеній объ ограниченности жизненной энергіи, о взаимной конкуренціи развитія различныхъ свойствъ и способностей и о неизбѣжности дѣйствія потенцированнаго развитія и гипертрофіи однихъ органовъ или способностей въ направленіи ослабленія развитія или относительной атрофіи другихъ—вытекаетъ, что переобремененіе памяти огромными массами положительныхъ свѣдѣній, именами, заглавіями, чужими мнѣніями по разнымъ частнымъ вопросамъ, цифрами, текстами и тому подобнымъ научнымъ мусоромъ не можетъ не дѣйствовать притупляющимъ образомъ, а во всякомъ случаѣ не составлять вредной конкуренціи развитію другихъ, болѣе важныхъ и цѣнныхъ элементовъ научной психики. И всякому, кому приходилось вращаться въ такихъ ученыхъ сферахъ, гдѣ процвѣтаетъ ученое усердіе, извѣстенъ типъ ученыхъ, обладающихъ огромною литературною и иною спеціальною эрудиціей и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма не интеллигентныхъ людей, ни къ чему кромѣ компилированія, обильнѣйшаго цитированія безъ умѣнія различать достойное цитированія отъ недостойнаго, важное отъ неважнаго, правильное отъ неправильнаго и т. д.—не способныхъ. Такіе ученые представляютъ только наиболѣе наглядные и поразительные примѣры отрица-

тельного дѣйствія критикуемаго направленія научныхъ занятій. Въ менѣ сильной и рѣзкой степени соотвѣтственный вредъ причиняли и причиняють себѣ несомнѣнно и весьма многіе другіе научные труженики, хотя отрицательные результаты нерациональнаго отношенія къ наукѣ у нихъ, вслѣдствіе ихъ сильныхъ врожденныхъ способностей или меньшаго переобремененія памяти, не поддаются наблюденію и констатированію. Хотя, напр., въ Германіи имѣется великое процвѣтаніе науки и цѣннаго научнаго творчества, можно съ увѣренностью утверждать, что это процвѣтаніе было бы еще значительно больше и полетъ научной мысли вообще выше, если бы не было эпидемическаго обремененія памяти излишнимъ литературнымъ и инымъ мусоромъ и балластомъ.

Вообще въ качествѣ правила рациональнаго ученаго самообразованія слѣдуетъ выставить начало осторожности и экономіи въ области дѣятельности памяти и развитія «учености» въ традиціонномъ смыслѣ слова.

Если исходить изъ такой точки зрѣнія, то получается освобожденіе соотвѣтственнаго количества времени и энергіи для болѣе продуктивнаго и болѣе соотвѣтствующаго задачѣ и идеалу научнаго самообразованія употребленія. Въ частности вмѣсто поглощенія массы стараго и новаго научно-литературнаго матеріала, вмѣсто мнимо обязательнаго чтенія всего того, что появляется новаго въ области спеціальной литературы, т. е. и массы разной научно-литературной мелочи и макулатуры, и т. д., получается возможность чтенія съ болѣе или менѣе строгимъ разборомъ; получается свободная почва для выбора того, что имѣетъ цѣнное эмоціоально-интеллектуальное образовательное значеніе съ точки зрѣнія изложенныхъ выше (стр. 365 и сл.) началъ рациональнаго научно-образовательнаго чтенія.

Съ этой точки зрѣнія можно различать двѣ категоріи научной литературы: 1) тѣ научныя произведенія и тѣхъ авторовъ, мышленіе коихъ по своему качеству, по техническому мастерству, творческой силѣ и полету и т. д., выше, совершеннѣе мышленія даннаго ученаго вообще или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ или отношеніяхъ; 2) произведенія, которыя представляютъ низшіе сорта мышленія. Конечно, такое дѣленіе не можетъ быть проведено на дѣлѣ съ буквальною точностью. Тѣмъ не менѣе въ качествѣ общаго директива для рациональнаго направленія чтенія ученаго оно представляется цѣлесообразнымъ.

Что касается литературы второго сорта, особенно низших ее разрядов, то чтение ее представляет умственную работу низшаго качества по сравнению съ характеромъ самостоятельнаго научнаго мышленія даннаго ученаго и поэтому должно дѣйствовать на его интеллектъ въ понижательномъ направленіи.

Положимъ, воспроизведеніе чужихъ неудачныхъ мыслительныхъ движеній вообще тѣмъ менѣе способно прививать соотвѣтственные, неудачные мыслительные навыки и склонности, тѣмъ болѣе при чтеніи сознается ихъ неудачность и преобладаетъ объективно-наблюдательное и отрицательное отношеніе надъ ассимиляціоннымъ. Это обстоятельство имѣетъ сравнительно малое значеніе въ сферѣ чтенія начинающихъ свое образованіе въ области данной науки, напр., студентовъ, и вообще не обладающихъ сильнымъ научнымъ вооруженіемъ; и здѣсь полагаться на него не слѣдуетъ, а надо строго соблюдать начала умственной гигиены въ смыслѣ тщательнаго избѣганія чтенія литературы низшихъ сортовъ. Иное положеніе зрѣлаго ученаго-специалиста. Его научное вооруженіе въ значительной степени оберегаетъ его отъ отрицательнаго вліянія такого чтенія, которое слѣдовало бы признать строжайше запрещеннымъ съ точки зрѣнія техники научнаго самообразованія для другихъ по умственно-гигіеническимъ соображеніямъ. Но это предохранительное значеніе научнаго вооруженія имѣетъ, въ свою очередь, лишь частичное и относительное, а не абсолютное значеніе. Все-таки соотвѣтственное относительное «умственное таперство», особенно если оно происходитъ въ молодости, на начальныхъ стадіяхъ развитія и укрѣпленія научной психики, и въ большемъ размѣрѣ, какъ это бываетъ при чтеніи всего появляющагося и вообще поглощеніи безъ разбора массы научной литературы, не можетъ не вести къ нѣкоторому огрубѣнію и притупленію интеллекта. И въ развитіи того упомянутаго выше явленія, которое состоитъ въ сочетаніи огромной специально-литературной эрудиціи и интеллектуальной тупости, несомнѣнно, на ряду съ дѣйствіемъ переобременія памяти играетъ роль и интересующій насъ теперь факторъ.

Во всякомъ же случаѣ чтеніе литературы второй категоріи, требуя большой затраты дорогаго времени и энергіи, не можетъ имѣть положительно-полезнаго значенія съ точки зрѣнія развитія и усовершенствованія интеллекта. Точно также нельзя отъ этого занятія ожидать хорошаго вліянія и на развитіе

емоціонального елемента науочної психіки. Чѣмъ ниже уровень мысленія и вообще чѣмъ меньшими достоинствами отличается данное научно-литературное произведеніе, тѣмъ менѣе чтеніе его способно возбуждать научное воодушевленіе, тѣмъ вѣроятнѣе противоположное дѣйствіе, появленіе скуки или даже петерпѣнія и нервнаго раздраженія.

Единственная польза, которая можетъ быть извлекаема изъ чтенія такой литературы, — это інформаціонная польза; и таковая вообще извлекается тѣмъ рѣже и въ тѣмъ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ слабѣе и неудачнѣе мысленіе автора читаемаго сочиненія. Сообразно съ этимъ раціональнымъ отношеніемъ къ подлежащей литературѣ и слѣдуетъ признать чисто інформаціонное, справочное отношеніе: отказъ отъ продолженія чтенія послѣ констатированія по начальнымъ страницамъ отсутствія мыслительной дѣльности и довольствованіе просмотромъ, полную замѣну чтенія, на основаніи соответственныхъ свѣдѣній объ авторѣ или о данной книгѣ, сивавкою о главномъ содержаніи (отзывы и рефераты въ спеціальныхъ журналахъ и газетахъ), и т. д.

Сбереженныя такимъ образомъ рабочее время и энергія могутъ быть съ великою пользою утилизированы путемъ двоякаго рода научно-образовательнаго чтенія: 1) внимательнаго, подчасъ двукратнаго или даже многократнаго чтенія научныхъ произведеній перваго изъ двухъ указанныхъ разрядовъ литературы по своей спеціальности; 2) чтенія первоклассныхъ научныхъ произведеній по другимъ наукамъ, въ частности по наукамъ, имѣющимъ вспомогательное значеніе по отношенію къ данной спеціальности (ср. ниже).

Такое направленіе чтенія представляется цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія развитія емоціонально-интелектуальной психіки ученаго не только по выясненнымъ уже выше основаніямъ, но и потому, что на ряду съ усвоеніемъ возможно болѣе совершенныхъ навыковъ мысленія въ области мыслительной техники своей науки желателъно и поддержаніе общенія съ выдающимся и образцовымъ мысленіемъ иныхъ типовъ. Этимъ достигается обогащеніе мыслительныхъ навыковъ и способностей и оплодотвореніе мысленія, полезное и въ сферѣ избранной спеціально научной дѣятельности, и предупреждается излишняя и вредная шаблонизація мысленія. Владѣніе въ совершенствѣ спеціальною мыслительною техникою своей науки въ высшей

степени важно и необходимо, но соответственное упражненіе и приспособленіе интеллекта не должно имѣть характера исключительности и вести къ превращенію ума въ машину, способную только къ шаблонному дѣйствию въ опредѣленномъ направленіи. Особенно для достиженія болѣе крупнаго научнаго творчества, для открытія новыхъ путей и горизонтовъ, что обыкновенно происходитъ на почвѣ мыслительно-методологическихъ шаговъ впередъ и въ новыхъ направленіяхъ, важно заботиться и о совершенствованіи спеціальной «школы», спеціальной техники мышленія, и о сохраненіи свободы и подвижности интеллекта и обогащеніи его цѣнными элементами изъ другихъ «школъ» и образцовъ усовершенствованнаго мышленія.

Изъ смысла дѣленія научной литературы на два разряда, смотря по тому, представляетъ ли она по отношенію къ мышленію даннаго ученаго высшій или низшій сортъ мышленія, и соответственныхъ общихъ правилъ отношенія къ литературнымъ произведеніямъ того и другого разряда—вытекаетъ, между прочимъ, что для болѣе выдающихся по талантливости и спеціально-техническому мастерству мышленія ученыхъ кругъ литературы, годной для научно-образовательнаго чтенія, будетъ иной, а именно менѣе обширній, чѣмъ для болѣе посредственныхъ научныхъ мыслителей. Если изобразить литературу по данной наукѣ въ видѣ пирамиды, въ основаніи которой находится масса наименѣе выдающихся произведеній, а затѣмъ при приближеніи къ вершинѣ все болѣе выдающіяся, то, чѣмъ выше мѣсто научныхъ трудовъ и вообще научнаго мышленія даннаго, занимающагося научнымъ самообразованіемъ путемъ чтенія, ученаго, тѣмъ менѣе для него остается такой литературы, которая является для него образцовой, и по отношенію къ которой является цѣлесообразнымъ занятіе научно-образовательнымъ чтеніемъ и штудированіемъ, и тѣмъ большая масса литературы дѣлается предметомъ лишь інформаціоннаго отношенія по мѣрѣ и въ случаяхъ надобности такового.

Отсюда далѣе получаютъ слѣдующіе выводы:

1. Чѣмъ выше умственный уровень даннаго ученаго, тѣмъ болѣе времени и рабочей энергіи онъ съ пользою для своего научнаго образованія (и науки и человѣчества) можетъ и долженъ посвящать научно-продуктивному процессу насчетъ рецептивнаго.

2. По мѣрѣ постепеннаго достиженія все большаго умственнаго атлетизма и виртуозности или, по крайней мѣрѣ, все болѣе

совершеннаго владѣнія техникою мышленія данной науки путемъ соотвѣтственной научно-самообразовательной работы—въ жизни ученаго должна получать все большее мѣсто научная продукція съ соотвѣтственнымъ умаленіемъ роли рецептивнаго процесса.

Но эти положенія требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ:

Съ точки зрѣнія нашей схемы пирамиды научной литературы можетъ показаться, будто наиболѣе выдающіеся ученые могутъ ничего не читать; это было бы *reductio ad absurdum* отстаиваемыхъ нами воззрѣній. Но, во первыхъ, мы говоримъ здѣсь только объ умственно-образовательномъ чтеніи въ выясненномъ выше смыслѣ. Безъ інформаціоннаго, въ частности журнальнаго чтенія, а равно чтенія для цѣлей производимаго въ данное время или задуманнаго изслѣдованія соотвѣтственной специальной литературы, само собою разумѣется, никакому ученому, хотя бы и гениальнѣйшему, обойтись невозможно. Во вторыхъ, и въ области умственно-образовательнаго чтенія не можетъ быть такого положенія, чтобы данному ученому, хотя бы и гениальному мыслителю, не у кого и не чему было бы учиться въ области мастерства научнаго мышленія. Аристотелю въ свое время, послѣ первоначальнаго ученія мышленію у другихъ, главнымъ образомъ у Платона, и доведенія умственныхъ силъ и способностей до зенита путемъ весьма интенсивнаго творчества, уже, пожалуй, не у кого было учиться мышленію. Но теперь иное положеніе. Прежде всего, существуетъ множество выработанныхъ вѣками техникъ мышленія, различныхъ въ различныхъ вѣтвяхъ науки; и такихъ всеобъемлющихъ гениевъ, которые были бы мастерами научнаго мышленія просто, а не научнаго мышленія лишь въ извѣстныхъ областяхъ науки, нѣтъ и быть не можетъ. Оставаясь на почвѣ образной схемы пирамиды мастерства научнаго мышленія, слѣдуетъ сказать, что теперь такихъ пирамидъ множество, и достигшіе вершины одной пирамиды, при всей своей гениальности, оказались бы внизу другихъ пирамидъ, если бы безъ надлежащей «школы» взяли за соотвѣтственную продукцію. Поэтому сказанное выше о рациональности умственно-образовательнаго чтенія внѣ предѣловъ своей специальности относится и къ гениальнымъ ученымъ. Но, затѣмъ, и въ предѣлахъ одной науки обыкновенно лучшими мастерами мышленія въ разныхъ вѣтвяхъ данной науки и направленіяхъ окажутся разные ученые, въ

томъ числѣ разныя вновь восходящія научныя свѣтила съ новыми цѣнными элементами и отгѣнками научнаго свѣта и усовершенствованія научнаго мышленія. И здѣсь можно различать нѣсколько пирамидъ и въ случаѣ наличности одного такого ученаго, который далеко превышаетъ всѣхъ другихъ по своей гениальности.

Сообразно началу эпохи въ области наполненія памяти позитивнымъ матеріаломъ и изложеннымъ выше (стр. 373 и сл.) общимъ указаніямъ относительно процесса эмоціонально- и интеллектуально-образовательнаго чтенія, послѣднее не должно вообще имѣть запоминательнаго характера по отношенію къ позитивному матеріалу читаемыхъ изслѣдованій, за исключеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя по какимъ либо особымъ основаніямъ заслуживаютъ запоминанія. Что касается затѣмъ заслуживающей главнаго вниманія мыслительно-идейной стороны читаемаго и самаго процесса чтенія, то здѣсь желательно ограниченіе и сдерживаніе естественно развивающейся у активныхъ участниковъ научной жизни тенденціи и привычки оппозиціонно-критическаго и подозрительно-недовѣрчиваго отношенія, склонности и стремленія во что-бы то ни стало находить возраженія, сомнѣнія и т. д. Конечно, требуется сознательно-критическое отношеніе. Но оно должно, особенно при томъ подборѣ матеріала для чтенія, который рекомендованъ выше, имѣть не исключительно оппозиціонный, а больше союзнической, дружественный и даже любовный характеръ. Это соотвѣтствуетъ, прежде всего, общей великой цѣли, прогрессу науки, который въ значительной степени задерживается и тормозится упорно-оппозиціоннымъ отношеніемъ ученыхъ къ новымъ идеямъ и точкамъ зрѣнія. Затѣмъ, это соотвѣтствуетъ и собственнымъ научно-самообразовательнымъ интересамъ ученаго-читателя, дѣлаетъ возможнымъ и усиливаетъ благотворное эмоціональное и интеллектуальное дѣйствіе чтенія и способствуетъ приобрѣтенію и усвоенію тѣхъ идейныхъ цѣнностей, которыя имѣются въ читаемомъ научномъ произведеніи. Особенно для тѣхъ ученыхъ, силы которыхъ слишкомъ слабы для болѣе выдающихся видовъ творчества, цѣннѣйшимъ средствомъ и орудіемъ успешнаго исполненія своего призванія, какъ ученыхъ, т. е. призванія разработки и распространенія научнаго свѣта, являются тѣ новыя, еще неиспользованныя идеи и точки зрѣнія, которыя создаются и оповѣщаются другимъ для пользованія со стороны

болѣ выдающихся ученыхъ мыслителей. Между тѣмъ, именно болѣ посредственные ученые съ особеннымъ упорствомъ не допускаютъ входа этихъ цѣнностей въ свои головы. Отчасти это не зависитъ отъ ихъ воли и желанія и объясняется именно относительною интеллектуальною слабостью, неспособностью подняться на соотвѣтственный, высшій уровень мышленія, понять и оцѣнить, освободиться отъ привычной рутины и т. д.; но значительную роль въ этой области играютъ и такія тенденции (иногда мелкаго свойства) и привычки, которыя не находятся внѣ области воли; и постольку соотвѣтственное упорное отрицательно-оппозиціонное отношеніе представляетъ крайне неразумное явленіе.

Средствомъ наилучшаго усвоенія содержащихся въ читаемомъ выдающемся научномъ произведеніи новыхъ идейныхъ цѣнностей и вообще наилучшаго самообразовательнаго использования такого произведенія является составленіе реферирующей и критической рецензій. Особенно для начинающихъ ученыхъ, а равно для тѣхъ ученыхъ, у которыхъ вообще или въ данное время не имѣется выдающагося матеріала для иной писательской работы, занятіе рецензентскимъ дѣломъ — превосходное средство научнаго самообразованія и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасная или даже вообще лучшая форма осуществленія долга и призванія ученаго по разработкѣ и распространенію научнаго свѣта.

ХІІ.

Изложенная выше система ученаго самообразованія припоровлена главнымъ образомъ къ задачѣ достиженія ученой геніальности или возможно большаго приближенія къ этому идеалу, но она представляется въ то же время цѣлесообразною и съ точки зрѣнія желательнаго развитія познавательнаго капитала ученаго, его научнаго знанія.

Обычный и типичный составъ познавательнаго капитала ученыхъ, занимающихся наукою, сводится къ обладанію огромнымъ количествомъ знаній, но при томъ знаній не выходящихъ за предѣлы избранной спеціальности; за этими предѣлами начинается terra incognita, незнаніе, приобретающее съ теченіемъ времени, съ погруженіемъ ученаго въ свою спеціальность и исчезновеніемъ познавательныхъ диспозицій, приобретенныхъ въ гимназическое и студенческое время, все

болѣ рѣшительный и абсолютный характеръ. Такъ, напр., въ сферѣ ученыхъ юристовъ, несмотря на тѣсную фактическую связь разныхъ частей и элементовъ системы права между собою, замѣчается полная взаимная отчужденность разныхъ специальныхъ дисциплинъ: цивилистики, криминалистики, публицистики и т. д., не только познаніе однихъ специалистовъ того, что творится у другихъ, но и забываніе соответственныхъ элементарныхъ и основныхъ понятій. Несмотря на тѣснѣйшую связь имущественнаго гражданскаго права, права собственности, договорнаго права и т. д., съ одной стороны, экономическаго строя, съ другой, политическая экономія для цивилистовъ и ученіе о гражданскомъ правѣ для экономистовъ представляютъ terra incognita. И для юристовъ, и для экономистовъ, а равно для всѣхъ имѣющихъ дѣло съ общественными явленіями, ихъ исторіей и т. д., т. е. съ разными формами и проявленіями человѣческой психики, съ человѣческимъ поведеніемъ, слѣдовательно и съ психическими причинами его, мотивами, казалось бы, не лишне было бы хоть нѣкоторое, хоть элементарнѣйшее знакомство съ психологіей, по крайней мѣрѣ, напр., съ разными теоріями воли и мотивовъ поведенія; но и этого нѣтъ. Скорѣе можно встрѣтить нѣкоторое знакомство съ психологіей среди не ученой публики, чѣмъ среди тѣхъ ученыхъ, которые имѣютъ дѣло съ разными специальными областями дѣйствія психики человѣческой. Съ логикою, которую называютъ наукою научнаго мышленія, бываютъ еще нѣсколько, хотя и очень слабо, знакомы гимназисты послѣ прохожденія соответственнаго элементарнаго ученія, но не ученые (за исключеніемъ, конечно, специалистовъ по логикѣ и единичными другими исключеніями) и т. д. и т. д.

Не было ли бы для науки, ея прогресса, и для ученыхъ, для рационализаціи и увеличенія сознательности ихъ знанія и ихъ работы и для оплодотворенія ихъ творчества нужными знаніями и идеями изъ области другихъ наукъ, весьма выгодною, приносящею громадныя прибыли сдѣлкою, если бы произошелъ обмѣнъ тѣхъ огромныхъ количествъ болѣе или менѣе микроскопическихъ по своему размѣру и значенію специальныхъ знаній, а тѣмъ болѣе совершенно ни для чего не пужныхъ специальныхъ свѣдѣній, напр., знаній именъ авторовъ и заглавій разныхъ лишенныхъ всякаго научнаго значенія статей, брошюръ и т. п., которыя теперь входятъ въ составъ познавательнаго капитала

ученыхъ, на значительно меньшее, напр., въ 5 или 10 разъ меньшее, съ точки зрѣнія «мѣста», занимаемаго «въ головѣ», количество знаній, выходящихъ за предѣлы избранной спеціальности, но состоящихъ по существу во внутренней связи съ проблемами спеціально разрабатываемой науки?

Что бы сказали сами ученые-спеціалисты о такомъ ученомъ, который бы обладалъ знаніями только въ предѣлахъ одной изъ спеціальныхъ «главъ» своей науки, а содержанія другихъ главъ, спеціальныхъ, соподчиненныхъ и главенствующихъ, болѣе общихъ по содержанію, содержащихъ общія начала данной науки, не зналъ бы. Очевидно, его знанія имѣли бы ненормально позитивный, недостаточно рациональный характеръ и были бы крайне неудовлетворительны и недостаточны не только для работы въ предѣлахъ данной науки вообще, но и для спеціальной работы въ предѣлахъ знакомой ему главы. Но то же въ значительной степени, хотя и въ менѣе наглядной и поразительной формѣ, относится къ обычному типу учености, т. е. къ ограниченію научной образованности спеціально избранной наукой. Въ существѣ дѣла наука едина, а отдѣльныя спеціальныя науки представляютъ не что иное, какъ главы и параграфы единой науки, единой велпкой книги человѣческой мудрости и знанія. Общимъ введеніемъ къ этой единой наукѣ является наука о научномъ познаніи и мышленіи, могущая быть названою гносеологіей въ общемъ смыслѣ и распадающаяся на три части: гносеологію въ тѣсномъ смыслѣ, логику и методологію. Если «науки», части этой единой великой науки, представляются чѣмъ то отдѣльнымъ и самостоятельнымъ, то это иллюзія, объясняющаяся чисто виѣшними и съ точки зрѣнія существа бытія и знанія и взаимныхъ связей и зависимостей элементовъ того и другого чисто случайными обстоятельствами. Образование и существованіе, какъ какого то самостоятельнаго и единаго цѣлага, такой или иной дисциплины опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что данная глава науки уже достигла такого объема и развитія, что есть достаточный матеріаль и достаточная почва для появленія особаго штата спеціальныхъ работниковъ, для учрежденія особой каѳедры, изданія особыхъ журналовъ, руководствъ и т. д., и что эта глава науки еще не достигла такого объема и развитія, чтобы стоило подлежащую каѳедру дѣлить на двѣ или болѣе каѳедръ, издавать отдѣльныя болѣе спеціальныя и частныя ру-

ководства, журналы и т. д. Отчасти же здѣсь играютъ роль еще болѣе случайныя съ точки зрѣнія существа дѣла обстоятельства: сочиненіе удачныхъ кличекъ, временныя увлеченія публики или ученыхъ въ пользу извѣстныхъ темъ, въ пользу возведенія подлежащихъ изслѣдованій въ высокій рангъ особой науки, учрежденія особой кафедрой и т. п.

И фактически многія дисциплины, теперь пользующіяся рангомъ и титуломъ особыхъ наукъ, въ прежнее время такую честию не пользовались, а занимали болѣе скромное положеніе главъ или болѣе мелкихъ подраздѣленій другихъ наукъ; а многія теперешнія главы или и болѣе мелкія подраздѣленія разныхъ наукъ несомнѣнно съ теченіемъ времени удостоятся ранга и титула наукъ съ особымъ именемъ, особыми кафедрами въ университетахъ и т. д.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія существа дѣла обычный теперь типъ учености такъ и долженъ быть охарактеризованъ, какъ обильное по количеству, но простирающееся только на одну изъ главъ или одинъ изъ параграфовъ науки знаніе, лишъ по недоразумѣнію представляющееся чѣмъ то самодовлѣющимъ, цѣлостнымъ и законченнымъ.

Желательный и надлежащій познавательный капиталъ ученаго *), то знаніе, къ достиженію, поддержанію и развитію котораго ученымъ слѣдовало бы стремиться, имѣеть иной характеръ.

Въ составъ этого капитала, кромѣ знаній въ области избранной спеціальности, о которыхъ ниже, должны входить три элемента:

1. Обстоятельное знакомство съ тѣмъ познавательнымъ введеніемъ въ науку вообще, которое мы назвали выше гносеологіей въ общемъ смыслѣ,—съ гносеологіей въ тѣсномъ смыслѣ, съ логикой и методологіей. Знакомство съ гносеологіей необходимо для сознательно-критическаго отношенія къ наукѣ и къ знанію вообще. Знаніе логики съ методологіей необходимо для предупрежденія ошибокъ и вообще для правильнаго и притомъ сознательно-правильнаго и сознательно-основательнаго мышленія въ любой части и частицѣ науки. Особенно въ

*) Подъ познавательнымъ капиталомъ ученаго мы разумѣемъ именно капиталъ, какъ средство и орудіе спеціальнаго производствa, независимо отъ цѣнности широкой образованности, цѣлостнаго философскаго міросозерцанія и т. д., какъ благъ самихъ по себѣ.

области научнаго творчества, т. е. движенія мысли не по старымъ, испробованнымъ и протверженнымъ, а по новымъ путямъ, обладаніе путеводителемъ въ области мышленія въ видѣ хорошаго знанія логики (съ методологіей) абсолютно необходимое вооруженіе. Мы не говоримъ уже о томъ высшемъ и наиболѣе цѣнномъ научномъ творествѣ, которое состоитъ въ методологическомъ творествѣ, во введеніи методологическихъ улучшеній въ обсужденіе извѣстныхъ проблемъ или методологическихъ реформъ въ цѣлыя болѣе или менѣе обширныя отрасли знанія. При этомъ подѣ знакомствомъ съ логикою и методологіею мы разумѣемъ знакомство и съ новыми и новѣйшими успѣхами этой науки, какъ наиболѣе цѣнными, еще не использованными орудіями добыванія научнаго свѣта. Это относится и къ другимъ, упоминаемымъ ниже, элементамъ познавательнаго капитала ученаго; этотъ капиталъ вообще долженъ быть живымъ, развивающимся, прогрессирующимъ сообразно успѣхамъ въ соответственныхъ областяхъ знанія капиталомъ. Фактически ученые-специалисты, какъ уже упомянуто, за исключеніемъ специалистовъ по логикѣ и нѣкоторыми еще единичными другими исключеніями, логикою не интересуются и ея не знаютъ. И это, особенно въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ, какъ, напр., въ большинствѣ наукъ, имѣющихъ дѣло съ духовными и социальными явленіями, нѣтъ строго фиксированнаго шаблона мышленія (каковой, напр., имѣется въ математикѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ естественныхъ наукахъ), замѣтно на каждомъ шагѣ. Особенно вредно отзывается на рѣшеніи отдѣльныхъ проблемъ и общемъ состояніи этихъ наукъ незнакомство специалистовъ съ индуктивною логикою и непримѣненіе индуктивнаго метода въ тѣхъ безчисленныхъ случаяхъ (обобщеній на основаніи эмпирическаго матеріала и установленія причинныхъ зависимостей), гдѣ этотъ методъ и только онъ могъ бы давать успѣшныя и солидныя научныя результаты¹⁾. Эти же—соціально-гуманитарныя—науки весьма страдаютъ отъ незнакомства съ приемами познанія и изслѣдованія психическихъ явленій какъ таковыхъ, съ интроспективнымъ методомъ и т. д.²⁾ (за таковыми свѣдѣніями впрочемъ, слѣдуетъ обращаться къ соответственной литературѣ по общей психологіи).

¹⁾ Ср. мое методологическое и психологическое «Введеніе въ изученіе права и нравственности», въ особенности § 6.

²⁾ См. тамъ же § 2.

Дальнѣйшими желательными элементами познавательнаго капитала ученаго являются:

2. Общенаучная просвѣщенность въ смыслѣ ориентировки въ міръ бытія и знанія въ общихъ и основныхъ чертахъ и

3. Болѣе обстоятельное знакомство съ тѣми отдѣльными вѣтвями научнаго знанія (съ тѣми науками или тѣми ихъ частями), по отношенію къ которымъ специально разрабатываемая наука или такія или иныя ея части, или элементы находятся въ той или иной зависимости.

Въ области отдѣльныхъ специальныхъ дисциплинъ разныя ихъ «главы» могутъ отличаться различной степенью зависимости или относительной независимостью по отношенію къ прочему содержанію данной специальной науки, а равно различной степенью вспомогательнаго значенія для пониманія и успѣшной разработки разныхъ другихъ частей данной науки. То же относится къ единой великой наукѣ и отдѣльнымъ специальнымъ дисциплинамъ, какъ «главамъ», частямъ ея. Однѣ изъ этихъ дисциплинъ отличаются меньшею степенью зависимости по существу отъ прочаго научнаго свѣта, другія большею, такъ что ограниченіе знанія предѣлами избранной специальности въ разныхъ областяхъ имѣть различное вредное значеніе, въ однихъ меньшее, въ другихъ большее. Равнымъ образомъ обладаніе познаніями, слѣдованіе за успѣхами знанія и т. д. по разнымъ другимъ дисциплинамъ, кромѣ избранной специальности, полезно или необходимо въ различной степени, смотря по отношенію этихъ дисциплинъ къ данной специальной дисциплинѣ. И самое знакомство съ содержаніемъ и успѣхами знанія той или иной дисциплины или той или иной части, тѣхъ или иныхъ элементовъ ея, требуется, смотря по характеру отношенія между подлежащими элементами бытія и знанія, въ различномъ объемѣ; иногда достаточно знакомства лишь съ элементарными и основными понятіями и положеніями или только съ общимъ характеромъ данной, сравнительно «посторонней» науки; иногда же желательно и необходимо весьма обстоятельное знакомство съ содержаніемъ данной науки или извѣстной ея части и постоянное поддерживаніе соответственной связи съ нею для пользованія ея успѣхами. Подчасъ это столь важно, и требуется столь специальное знакомство, что та или иная часть «чужой науки» заслуживаетъ предпочтенія предъ нѣкоторыми частями своей собственной науки, могущими

скорѣе быть оставленными въ нѣкоторомъ относительномъ пренебреженіи.

У ученыхъ нѣтъ и не можетъ быть такихъ руководителей или руководствъ, которые бы имъ указывали, съ какими другими науками, кромѣ специально разрабатываемой, или какими частями другихъ наукъ и въ какихъ предѣлахъ и направленьяхъ имъ слѣдуетъ знакомиться; тѣмъ болѣе, что это зависитъ не только отъ природы ихъ специальной науки, но и отъ ихъ изслѣдовательскихъ интересовъ въ предѣлахъ ихъ специальности, отъ того, какія части или проблемы собственной науки ихъ особенно интересуютъ и ими специально разрабатываются. Всякому ученому необходимо все это самому сообразить и опредѣлить; для этого требуется обладаніе указаннымъ выше подъ именемъ общенаучной просвѣщенности элементомъ надлежащаго ученаго познавательнаго капитала.

Нѣкоторые директивы относительно того, какія дисциплины сверхъ избранной специальности требуютъ особаго ознакомленія со стороны ученаго, можно было бы, впрочемъ, установить въ видѣ общихъ правилъ. Такъ, для успешной разработки классовыхъ наукъ, наукъ о такихъ или иныхъ классахъ явленій, требуется знакомство: 1) съ соответственными высшими классовыми науками, т. е. науками, изучающими высшіе, болѣе общіе, классы явленій; такъ, напр., для изученія такого или иного вида права, требуется знакомство съ родовой наукою, теоріею права; затѣмъ, такъ какъ право есть особый классъ психическихъ явленій, то требуется и знакомство съ психологіей; 2) съ соподчиненными науками, т. е. науками, изучающими другіе виды того же рода; напр., моралистамъ слѣдовало бы знать теорію права, а теоретикамъ права теорію морали, такъ какъ право и мораль двѣ разновидности одного и того же высшаго рода, этическихъ переживаній; 3) съ подчиненными науками, т. е. науками, относящимися къ данной наукѣ, какъ видовыя къ родовой; поэтому, напр., какъ юристу надо знать психологію, такъ психологамъ слѣдовало бы имѣть хоть нѣкоторое общее знакомство съ теоріей права.

Съ высшими классовыми науками требуется вообще болѣе обстоятельное знакомство, чѣмъ съ соподчиненными и низшими.

Кромѣ указанныхъ классовыхъ отношеній слѣдуетъ, далѣе, имѣть въ виду отношенія по причинной связи явленій, такъ что, сверхъ указанныхъ трехъ категорій наукъ, для изучающихъ

тотъ или иной классъ явленій требуется еще 4) знакомство съ такими другими науками или ихъ частями, которыя посвящены изученію явленій, бывающихъ причипами изучаемыхъ явленій или ихъ слѣдствіями, или слѣдствіями общихъ причипъ и т. д.; поэтому, напр., такъ какъ такъ называемые экономическіе законы суть, какъ авторъ старался выяснитъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, правильности массоваго поведенія, опредѣляемыя мотивами, вызываемыми существующимъ имуществомъ гражданскимъ правомъ, правомъ частной собственности, паслѣдственнымъ правомъ и т. д., то экономистамъ необходимо знакомство съ наукой гражданского права и обратно.

Для специалистовъ по конкретно-индивидуальнымъ, историческимъ и описательнымъ, наукамъ, требуется знакомство съ соотвѣтственными классовыми науками, напр., для историка извѣстнаго народа или человѣчества необходимо знакомство съ психологіей, съ теоріей права и государства, теоріей правственности, теоріей религіи, эстетики, искусства и разными еще другими теоріями—хоть въ основныхъ чертахъ.

Для усиленной разработки такой или иной прикладной дисциплины и вообще для рѣшенія практическихъ проблемъ требуется солидное знакомство съ подлежащими теоретическими базисами, напр., для рѣшенія вопросовъ политики права (въ томъ числѣ экономической политики, представляющей не что иное, какъ политику права, поскольку она касается народной экономіи) требуется знаніе теоріи права, психологіи и разныхъ болѣе специальныхъ теорій, смотря по характеру тѣхъ или иныхъ специальныхъ вѣтвей и проблемъ законодательной политики (напр., теоріи экономическихъ явленій въ области экономической правовой политнки).

Общія правила этого рода не лишены пракческаго значенія и, можетъ быть, съ теченіемъ времени, съ развитіемъ высшей автодидактики, будутъ обстоятельно разработаны и развиты (выше приведены только нѣкоторые примѣры) въ качествѣ элемента этой дисциплины. Но и въ такомъ случаѣ они не избавятъ ученыхъ отъ необходимости въ конкретныхъ случаяхъ самимъ изслѣдовать и опредѣлять, какія дополнительные знанія и въ какомъ размѣрѣ имъ надобны, и обладать необходимою для этого общенаучною ориентировкою. При этомъ слѣдуетъ, между прочимъ, имѣть въ виду, что, какъ это можно предполагать а ргіогі, многія изъ связей и зависимостей раз-

ныхъ элементовъ бытія и знанія, связей указанныхъ выше видовъ и иныхъ, еще не открыты и не выяснены; и соотвѣтственные изслѣдованія представляютъ важную задачу для ученыхъ и весьма благодарную почву для добыванія новаго научнаго свѣта. Однимъ изъ основаній для этого предположенія является именно состояніе фактической отчужденности другъ отъ друга разныхъ специальныхъ дисциплинъ, незнакомство ихъ другъ съ другомъ, ненормальная ограниченность горизонтовъ и полей зрѣнія отдѣльныхъ наукъ. Разработка науки по отдѣльнымъ главамъ съ незнаніемъ содержанія прочихъ главъ не можетъ не вести къ тому, что разные взаимныя логическія и причинныя связи между различными, относящимися къ разнымъ главамъ, элементами бытія и знанія должны скрываться отъ взора ученыхъ, такъ какъ они видятъ лишь одинъ изъ связанныхъ другъ съ другомъ по существу элементовъ. Это должно относиться не только къ болѣе скрытымъ, трудно поддающимся обнаруженію, но и къ такимъ связямъ, которыя при одновременномъ знакомствѣ съ тою и другою главою и съ міромъ бытія и знанія вообще могли бы быть весьма легко открыты или даже такъ сказать сами бросались бы въ глаза. Въ разныхъ научныхъ областяхъ отъ знанія подлежащихъ связей и зависимостей зависитъ знаніе того, какой методъ долженъ быть примѣняемъ и можетъ дать успѣшныя результаты въ области данной науки. Такъ, напр., выясненіе внутренней связи разныхъ, касающихся человѣка и общественныхъ явленій, наукъ съ наукою психологіи должно неминуемо повести къ примѣненію въ этихъ наукахъ соотвѣтственнаго, психологическаго, т. е. интроспективнаго метода. Безобразное состояніе фактической методологіи (традицій и привычекъ мышленія и изслѣдованія) въ области гуманитарныхъ и общественныхъ наукъ и соотвѣтственное слабое и неудачное развитіе большинства изъ нихъ поддерживается одновременно и незнакомствомъ специалистовъ съ наукою логики и методологіи, и невыясненностью отношенія этихъ наукъ къ психологіи, и незнакомствомъ съ этою послѣднею наукою и ея методами.

Вообще обычный и типическій, ненормальный, составъ познавательнаго капитала ученыхъ даетъ основаніе для предположенія не только задержки успѣшнаго рѣшенія множества отдѣльныхъ и специальныхъ научныхъ проблемъ, но и разныхъ существенныхъ пороковъ, касающихся цѣлыхъ крупныхъ обла-

стей знанія. Такъ, напр., а ргіогі можно предположить, что въ теперешней системѣ наукъ должны имѣться крупныя пробѣлы въ видѣ отсутствія необходимыхъ съ точки зрѣнія общей системы знанія дисциплинъ. Знакомство съ наукою, какъ единымъ великимъ цѣлымъ и системою главъ ея, вмѣсто знанія только отдѣльныхъ исторически развѣвившихся и традиціонно отдѣльно разрабатываемыхъ главъ, вело бы къ обнаруженію отсутствія разныхъ важныхъ и необходимыхъ главъ; при чтеніи великой книги мудрости, какъ таковой, бросались бы въ глаза пропуски, ряды пустыхъ, незаполненныхъ страницъ. Что же касается существующихъ и разрабатываемыхъ главъ науки, то между ними, вслѣдствіе ихъ взаимнаго незнакомства, должны существовать разныя болѣе или менѣе существенныя несогласованности направлений и содержанія, несогласныя другъ съ другомъ и противорѣчивыя ученія съ вѣрою въ ихъ мнимую правильность и т. д. *).

Вообще наука имѣла бы иной, болѣе стройный и систематическій видъ и иное, болѣе правильное и богатое содержаніе.

*) Разныя фактическія подтвержденія приведенныхъ предположеній: о невыясненности связей разныхъ наукъ, о существующихъ на этой почвѣ методологическихъ недоразумѣніяхъ, о наличности пробѣловъ въ системѣ науки и о несогласованности специальныхъ дисциплинъ можно найти въ другихъ сочиненіяхъ автора; ср. *Lehre v. Einkommen*, т. I, стр. 326 и сл., т. II стр. 437—623, о необходимости дополнить систему юридическихъ наукъ введеніемъ науки политики права, о значеніи психологіи для изученія права, для выясненія его дѣйствія, для рѣшенія право-политическихъ вопросовъ и т. д., объ отношеніи наукъ гражданского права и политической экономіи, экономической политики и политики права и т. д.; «Введеніе въ изученіе права и нравственности» § 2, о необходимости ввести интроспективный методъ въ построеніе теоріи права, стр. 59, о несогласованности современныхъ наукъ о правѣ и о нравственности, и т. д. Положимъ, главнѣйшія изъ подлежащихъ положеній возбуждаютъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ споры и сомнѣнія. Такъ, нѣкоторые сомнѣваются въ возможности построенія предлагаемой авторомъ науки политики права (общей политики права и системы специальныхъ право-политическихъ дисциплинъ), другіе отрицаютъ правильность положенія, что теоретическимъ базисомъ для научнаго рѣшенія вопросовъ законодательной политики является психологія (такъ, *Sohn, Ueber d. Entwurf e. b. Gesetzbuches*, стр. 25 и сл.) оспариваетъ мои тезисы и утверждаетъ, что надлежащій базисъ для рѣшенія этихъ вопросовъ есть «справедливость»; кн. Е. Трубецкой (въ статьѣ: «Философія права проф. Л. I. Петражицкаго» въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1901 г., кн. 57) считаетъ невозможнымъ основать теорію права на психологіи, и т. д. Но съ точки зрѣнія проводимыхъ въ текстѣ автодидактическихъ положеній уже само существованіе подобныхъ проблемъ и споровъ является иллюстраціей и подтвержденіемъ.

если бы она строилась не по отдѣльнымъ кускамъ и кусочкамъ, частямъ и частичкамъ подъ давленіемъ разныхъ, связанныхъ съ этимъ, традицій и привычекъ, а сознательно, планомерно и систематически, какъ единое цѣлое съ принятіемъ во вниманіе интересовъ и задачъ цѣлаго и съ пользованіемъ соответственнымъ сильнымъ и всестороннемъ освѣщеніемъ. И за соответствующую перестройку науки слѣдуетъ и пора взяться. А эта реформа требуетъ реформы традиціоннаго типа учености въ смыслѣ обогащенія ея указанными тремя элементами сверхъ-спеціальной образованности, а по крайней мѣрѣ возможно большаго распространенія среди ученыхъ соответственнаго сознательнаго самообразованія.

Достиженіе, поддержаніе и развитіе такой сверхъ-спеціальной образованности фактически невозможно и немыслимо, если память загромождается и переполняется громадными массами частныхъ и мелкихъ спеціальныхъ, литературныхъ и иныхъ, свѣдѣній, а все имѣющееся въ распоряженіи для рецептивнаго общенія съ наукою время посвящается чтенію безъ разбора массы спеціальной книжной и журнальной литературы. Но если отказаться отъ такого, не только не необходимаго, но и лишеннаго вообще разумнаго смысла и даже вреднаго съ точки зрѣнія развитія творческихъ способностей и т. д., отношенія къ своей спеціальности, не наполнять «головы» тѣмъ, что можетъ безъ вреда для дѣла оставаться на полкахъ спеціальной бібліотеки, въ справочныхъ и иныхъ изданіяхъ, читать вмѣсто спеціальной макулатуры и вообще спеціальной литературы низшихъ разрядовъ лучшія произведенія по другимъ областямъ знанія, какъ это соответствуетъ другимъ задачамъ самообразованія, независимо отъ вопроса о знаніяхъ, и вообще рационально утилизировать рабочее время и рабочую энергію,—то достиженіе указанной сверхъ-спеціальной образованности вполне возможно. Этого нельзя сдѣлать, конечно, въ годъ или два года, но та стадія научнаго самообразованія, о которой теперь идетъ рѣчь, измѣряется десятилѣтіями, можетъ и должна длиться до смерти или до потери трудоспособности. Сначала слѣдуетъ имѣть въ виду наиболѣе необходимое, особенно логику съ методологіей, затѣмъ дальнѣйшее пополненіе и развитіе образованности въ порядкѣ важности и съ соблюденіемъ и въ этой области начала экономіи, ограниченія существеннымъ и необходимымъ, воздержанія отъ набора ненужныхъ и неважныхъ свѣдѣній и т. д.

Что касается, далѣе, капитала познаній ученаго по его специальности, то здѣсь прежде всего требуется, конечно, обладаніе системою основныхъ и важныхъ въ качествѣ вооруженія для рецептивной и продуктивной научной работы свѣдѣній, въ томъ числѣ подлежащихъ позитивныхъ свѣдѣній ихъ рядовъ и т. д., для чего, какъ мы указали выше въ связи съ вопросомъ о приготовленіи къ ученому экзамену, наиболѣе рациональнымъ средствомъ является ученіе (въ тѣсномъ смыслѣ) по соотвѣтствующему руководству. И впослѣдствіи, въ дальнѣйшихъ стадіяхъ самообразованія ученаго, можетъ быть вполне умѣстнымъ и рациональнымъ пополненіе пробѣловъ и вообще добываніе позитивныхъ познаній въ области своей специальной науки или въ области сверх-специальнаго образованія путемъ ученія по болѣе или менѣе обширному руководству или дѣльному элементарному учебнику, смотря по конкретной надобности. Затѣмъ, чтеніе болѣе выдающихся литературныхъ произведеній, інформаціонное чтеніе и просмотръ специальныхъ газетъ и журналовъ — пополняютъ и рационализируютъ добытое путемъ ученія знаніе, доставляютъ освѣдомленность относительно литературныхъ теченій, новыхъ успѣховъ знанія и т. д.

Но подлежащая научная освѣдомленность должна быть разсматриваема, какъ начальное вооруженіе и подготовительная ступень для постепенной выработки знаній высшей природы, нежели запоминаемая при ученіи или чтеніи знанія, а именно знаній ученыхъ убѣжденій, продуктовъ не простого заимствованія у другихъ, а собственнаго научнаго производства, собственнаго мышленія и изслѣдованія. Въ этомъ заключается центръ тяжести развитія ученаго знанія и высокая природа этого знанія, въ отличіе отъ иного знанія, которое можетъ быть названо учепическимъ и въ томъ случаѣ, напр., если оно выкладывается на ученомъ, магистерскомъ или докторскомъ экзаменѣ или даже сообщается въ аудиторіи студентамъ со стороны лица, обладающаго званіемъ ординарнаго профессора. Это знаніе высшаго порядка и только оно, а не иное, ученическое знаніе, содержитъ въ себѣ легитимацію не въ официально-формальномъ смыслѣ, а по существу для ученія и проповѣди съ университетской кафедры и въ печати. Эти же знанія-убѣжденія содержатъ въ себѣ, въ тѣмъ большей степени, чѣмъ болѣе они эмоціонально живыя и воодушевленные убѣжденія, и надлежащіе импульсы для подлинной *professio*, для исповѣ-

данія и проповѣди съ кафедры и въ печати, въ отличіе отъ ремесленнаго отчитыванія лекцій по памяти или по запискамъ или ремесленно-компилятивнаго сочинительства въ печати, по постороннимъ, не истинно научнымъ мотивамъ и въ качествѣ посторонняго по отношенію къ наукѣ лица, не перво-источника научнаго свѣта, а передаточной, посредствующей инстанціи.

Среди знаній научныхъ убѣжденій можно различать въ свою очередь три категоріи:

1) Высшая и цѣннѣйшая категорія этихъ знаній — такія знанія, которыя не только выработаны собственнымъ научнымъ мышленіемъ и изслѣдованіемъ даннаго ученаго, но и созданы имъ впервые, какъ сдѣланныя имъ открытія, впервые имъ формулированныя научныя идеи, вообще новыя элементы научнаго свѣта. Такія знанія — не только драгоценный матеріалъ для соотвѣтственныхъ вкладовъ въ развитіе науки и человѣческаго просвѣщенія или и иного, матеріальнаго или духовнаго, прогресса человѣчества, но и цѣннѣйшіе элементы познавательнаго капитала ученаго въ качествѣ орудій для дальнѣйшаго производства научнаго свѣта; они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно наиболѣе сильно оживлены эмоціонально и наиболѣе воодушевляють на дальнѣйшую разработку, на печатную и устную проповѣдь, и даютъ наиболѣе богатый и лучший матеріалъ для этого въ видѣ глубокой и обширной раціонализаціи, обстоятельной, тоже воодушевленной, аргументаціи и т. д.

2) Вторую, значительно болѣе скромную, но тѣмъ не менѣе цѣнную категорію знаній-убѣжденій составляютъ тѣ, которыя, не будучи по содержанію новыми открытіями или изобрѣтеніями, представляютъ продукты обстоятельнаго ознакомленія съ данными, обстоятельной и независимой ихъ переработки и взвѣшиванія, самостоятельной формулировки и т. д., однимъ словомъ продукты собственного научнаго изслѣдованія въ полномъ смыслѣ слова. Знанія этого рода, особенно если они касаются болѣе или менѣе обширныхъ и сложныхъ проблемъ и представляютъ продукты соотвѣтственно обширнаго изслѣдованія и значительнаго труда, заключаютъ въ себѣ, если не въ главныхъ тезисахъ, въ ихъ формулировкѣ или т. п., то по крайней мѣрѣ въ критической по адресу иныхъ мнѣній и въ положительной въ пользу собственного убѣжденія аргументаціи, въ дальнѣйшихъ выводахъ и т. д. — болѣе или менѣе значительные элементы оригинальнаго, новаго научнаго свѣта; и по-

стольку къ нимъ относится сказанное о знаніяхъ первой категоріи. И независимо отъ этого, эти знанія отличаются относительно высокой доброкачественностью, обоснованностью, силой и глубиной соотвѣтственныхъ убѣжденій, продуманностью и сознаниемъ смысла и значенія цѣлаго и отдѣльных элементовъ, напр., такой, а не иной формулировки, обширною рачіонализациею и эмоціональною оживленностью. Въ силу такихъ качествъ эти, учено-ислѣдовательскія въ полномъ смыслѣ слова, знанія представляютъ весьма цѣнные орудія ученой дѣятельности, т. е. производства и распространенія научнаго свѣта. Они помогаютъ въ гораздо большей степени, чѣмъ болѣе поверхностныя и слабыя, менѣ освѣщенные эмоціонально и интеллектуально, не основанныя на изслѣдованіи въ полномъ смыслѣ, знанія, дальнѣйшей выработкѣ научныхъ убѣжденій и дальнѣйшему производству научнаго свѣта; они цѣнные элементы для писательской дѣятельности, для пользованія ими, какъ полноцѣннымъ матеріаломъ, при составленіи руководствъ и монографій; въ особенности же они представляютъ превосходный матеріалъ для устной проповѣди науки, которая и у геніальныхъ ученыхъ не можетъ всецѣло покоится на впервые ими созданныхъ идеяхъ.

3) Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ менѣ высокой и цѣнный разрядъ знаній-убѣжденій представляютъ такія научныя убѣжденія ученаго, которыя образуются не путемъ производства соотвѣтственнаго изслѣдованія въ полномъ смыслѣ слова, а на почвѣ болѣе поверхностной и менѣ самостоятельной по отношенію къ подлежащимъ положеніямъ умственной работы, въ частности чтенія монографической литературы, съ критическимъ взвѣшиваніемъ аргументовъ и т. д., попутныхъ литературныхъ справокъ и продумываній при изслѣдованіи *ex professio* другихъ матерій и проблемъ, при составленіи лекціоннаго курса и т. д. Такія научныя убѣжденія могутъ быть названы полу-ислѣдовательскими знаніями, въ отличіе отъ учено-ислѣдовательскихъ научныхъ убѣжденій въ полномъ смыслѣ слова. Этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказано, что они представляютъ переходную ступень къ ученическимъ знаніямъ, что они полу-ученическія знанія. Они относительно слабы, блѣдны и тусклы, менѣ освѣщены эмоціонально и интеллектуально, чѣмъ знанія первыхъ двухъ категорій, болѣе позитивны, менѣ рачіональны, блѣдны по имѣющемуся для ихъ обоснованія и развитія, напр.,

въ устномъ или печатномъ изложеніи, умственному аппарату. Поэтому, между прочимъ, въ области лекцій, сообщеніе этихъ знаній въ значительной степени приближается по своему характеру къ сообщенію знаній низшаго, ученическаго типа. Получается не столько живое и воодушевленное «громкое» научное изслѣдованіе и введеніе слушателей въ лабораторію научнаго мышленія, сколько именно сообщеніе рядовъ знаній. Положимъ, такъ какъ дѣло все таки идетъ не о чисто-ученическихъ знаніяхъ и отчитываніи ихъ по памяти или по запискамъ, а о собственныхъ научныхъ убѣжденіяхъ даннаго ученаго, то эмоциональный и интеллектуальный характеръ подлежащихъ сообщеній значительно выше, чѣмъ сообщеній по памяти наскоро составленныхъ компиляцій и вообще чисто ученическихъ знаній. Но, во всякомъ случаѣ, подлежащія лекціи или подлежащія части и элементы лекцій должны быть отнесены, хотя и не къ положительно вредному или совсѣмъ бесполезному типу преподаванія, то все таки въ общемъ не къ лучшему, а къ посредственному типу.

Въ области устнаго или печатнаго сообщенія знаній ученическаго типа, напр., въ области экзаменныхъ отвѣтовъ, въ лекціяхъ соотвѣтственнаго типа, въ сочиненіяхъ компиляторовъ, популяризаторовъ, не ученыхъ въ собственномъ смыслѣ слова, въ переводахъ и т. д. имѣются обыкновенно, какъ уже было упомянуто выше, болѣе или менѣе обильныя и существенныя искаженія передаваемыхъ положеній, чужихъ мыслей (поскольку онѣ излагаются «собственными словами», а не наизусть), вслѣдствіе отсутствія полнаго владѣнія предметомъ.

Это въ особенно высокой степени относится къ тѣмъ областямъ знанія, гдѣ какъ, напр., въ философіи, юридическихъ наукахъ и т. п., важенъ характеръ формулировки, степень прецизности, отгѣнки, логическія ударенія и т. п.

И въ этомъ отношеніи полу-изслѣдовательскія знанія занимаютъ вообще переходную ступень между ученическими знаніями и знаніями высшаго типа.

Разумѣется, наша классификація знаній, какъ дѣленіе ихъ на ученическія и учено-изслѣдовательскія знанія, научныя убѣжденія, такъ и дальнѣйшее дѣленіе послѣднихъ на три разряда, не означаетъ, какъ это уже видно изъ самаго изложенія этой классификаціи, утвержденія, что между подлежащими видами и разновидностями знаній существуютъ рѣзкія и абсолютныя

различія и границы, такъ что въ каждомъ конкретномъ случаѣ можно было бы опредѣлить, къ какой категоріи отнести данное знаніе, точно разсортировать знанія даннаго лица, напр., магистранта или профессора, по указаннымъ рубрикамъ и т. п. Одно и то же знаніе, особенно если подъ этимъ именемъ разумѣть не отдѣльные тезисы, а системы таковыхъ, главные тезисы съ ихъ аргументаціей, частными примѣненіями, критикою иныхъ мнѣній и т. д., можетъ въ нѣкоторыхъ своихъ элементахъ относиться къ одному, въ другихъ къ другому изъ перечисленныхъ типовъ. Уже выше было упомянуто, что не оригинальныя по своему главному содѣржанію изслѣдовательскія въ тѣсномъ и полномъ смыслѣ знанія обыкновеннаго заключаютъ въ себѣ разные подчиненные и частные элементы поваго научнаго свѣта. Съ другой стороны, ученической элементъ, элементъ несамостоятельнаго заимствованія имѣется не только въ области чисто ученическихъ и полу-ученическихъ, полу-изслѣдовательскихъ знаній, но и въ знаніяхъ высшаго типа. Даже въ областяхъ наиболѣе самостоятельнаго и оригинальнаго творчества эта самостоятельность имѣетъ лишь относительный характеръ; разные элементы, повидимому, совершенно новыхъ идей и ученій представляютъ въ большей или меньшей степени продукты внушенія, простой ассимиляціи чужихъ мыслей при чтеніи и т. д. Поэтому, между прочимъ, содѣржаніе и характеръ системы знаній ученаго, не только тѣхъ элементовъ этой системы, которые имѣютъ ученической или полу-изслѣдовательской характеръ, но и тѣхъ, которые относятся къ двумъ высшимъ типамъ знанія, опредѣляются въ значительной степени тѣмъ, какія научныя произведенія онъ въ разное время читалъ, какія лекціи онъ въ студенческое время слушалъ, по какому учебнику когда то учился и т. д.

Тѣмъ не менѣе предложенная классификація (въ связи съ приведенными оговорками) представляется полезною для уясненія процесса развитія познавательнаго капитала ученаго и для сознательно-раціональнаго направленія этого процесса.

Поставивъ идеаломъ и основною задачею ученаго самообразования достиженіе геніальности или возможно большее приближеніе къ соотвѣтственному состоянію эмоціональной и интеллектуальной психики, мы въ качествѣ специфическаго на данной стадіи научнаго самообразования и главнаго и основнаго средства выработки научнаго воодушевленія и тренировки

интеллекта въ направленіи развитія и потенцированія творческихъ способностей—выдвинули возможно болѣе интенсивное и непрерывное, рационально устроенное съ точки зрѣнія режима, достиженія творческаго вдохновенія и т. д., занятіе творческо-писательскою дѣятельностью. Но изъ предыдущихъ замѣчаній о составѣ познавательнаго капитала ученаго явствуетъ, что это вмѣстѣ съ тѣмъ средство достиженія высшихъ и цѣннѣйшихъ результатовъ въ области развитія спеціальнаго познавательнаго капитала ученаго.

На начальныхъ стадіяхъ ученаго самообразованія, въ частности, напр., въ то время, когда обыкновенно происходитъ экзамень на ученую степень и въ ближайшее затѣмъ время, составъ познавательнаго капитала начинающаго ученаго имѣетъ неизбѣжно весьма скромный характеръ. Главная, преобладающая масса познаній это познанія ученическаго типа, четвертаго сорта съ точки зрѣнія установленныхъ выше категорій, и лишь относительно немного элементовъ познавательнаго капитала на этой стадіи развитія относится къ третьему разряду, еще меньше ко второму, а знанія перваго разряда—исключительное, сравнительно рѣдкое явленіе. Это относится и къ случаямъ относительно хорошаго начальнаго приготовленія (не говоря уже, напр., о тѣхъ знаніяхъ, которыя у насъ обыкновенно наблюдаются на магистерскихъ экзаменахъ и для которыхъ квалифікація: солидныя познанія ученическаго типа по избранной спеціальности—была бы слишкомъ лестной квалифікаціей).

Уже производство и писаніе магистерскаго, а затѣмъ докторскаго изслѣдованія заводитъ цѣнныя частныя измѣненія въ составѣ этого познавательнаго капитала, превращая разныя знанія четвертаго разряда въ знанія высшихъ разрядовъ, третьяго и втораго, и создавая новыя знанія высшихъ типовъ, не исключая, хоть въ скромной степени, перваго. Если затѣмъ изслѣдовательно-писательская дѣятельность не прекращается, какъ это у насъ практикуется, а непрерывно и интенсивно ведется дальше въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ и десятилѣтій, то такія же передвиженія знаній изъ низшихъ въ высшіе разряды и накопленіе высшихъ и драгоцѣннѣйшихъ научныхъ убѣжденій, знаній перваго разряда, неуклонно идетъ дальше, и, напр., въ результатѣ 20—30 лѣтъ такой работы, должна получиться такая метаморфоза познавательнаго капитала ученаго, что отно-

пеніе между знаніями высшихъ и низшихъ разрядовъ будетъ обратное тому, какое было въ началѣ ученой дѣятельности, что вмѣсто прежней сѣрой и блѣдной массы поверхностныхъ ученическихкихъ и полу-ученическихкихъ познаній въ его обладаніи окажется глубоко укорененная, обширно развѣтвленная и сильно освѣщенная эмоціонально и интеллектуально система живыхъ и дѣятельныхъ научныхъ убѣжденій.

Это нѣчто несоизмѣримо болѣе цѣнное и высокое и по отношенію къ состоянію познавательнаго капитала тѣхъ ученыхъ зрѣлаго или почтеннаго возраста, которые иначе относятся къ наукѣ. Мы не говоримъ о тѣхъ, которые, достигнувъ кафедръ послѣ докторской или даже магистерской диссертациі и составивъ надобныя для отбыванія лекціонной повинности компиляціи, затѣмъ предаются научному отдыху и спокойствію, заучивая только путемъ періодическаго повторенія содержаніе и даже выраженія этой компиляціи, превращая соотвѣтственное жалкое знаніе во все болѣе механическое и бездушное и забывая то, что не попало въ компиляцію. И у ученыхъ иного типа, усердныхъ труженниковъ науки, но нерационально направляющихъ свое усердіе и свой трудъ главнымъ образомъ или исключительно на поглощеніе безъ разбору массы прежней и текущей спеціальной литературы и превращеніе въ «ходячую энциклопедію», въ томъ числѣ въ ходячій каталогъ чужихъ сочиненій и мнѣній, получается, независимо отъ указанныхъ выше, съ точки зрѣнія развитія творческихъ способностей и т. д., отрицательныхъ послѣдствій, и съ точки зрѣнія того, что они особенно цѣнятъ и къ чему стремятся, т. е. съ точки зрѣнія научнаго знанія, весьма малоцѣнный результатъ. Его можно охарактеризовать, съ точки зрѣнія установленной выше классификаціи знаній и условленной терминологіи, какъ накопленіе массы свѣдѣній, но свѣдѣній низшихъ типовъ, главнымъ образомъ чисто-ученическаго типа; при этомъ подъ мусоромъ массы разныхъ позитивныхъ свѣдѣній и чужихъ мнѣній подчасъ тухнутъ и тѣ огоньки собственныхъ убѣжденій, какіе были раньше...

Какъ уже выше было упомянуто, и въ развитіи научныхъ знаній высшихъ разрядовъ, изслѣдовательскихихъ убѣжденій, въ томъ числѣ и новыхъ и оригинальныхъ научныхъ идей, не говоря уже о знаніяхъ низшихъ разрядовъ, большую роль играетъ элементъ простой ассимиляціи чужихъ мыслей и ихъ элемен-

товъ при чтеніи и т. д., элементъ болѣе или менѣе незамѣтнаго, но неизбежнаго внушенія, суггестіи.

Въ предыдущихъ частяхъ изложенія мы вездѣ проводили ту мысль, что гениальность и вообще соотвѣтственныя драгоценныя эмоціональныя и интеллектуальныя свойства научной психики для приходящихъ съ нею въ соприкосновеніе путемъ слушанія или чтенія—заразительны, и точно также заразительны противоположныя свойства, въ томъ числѣ разные пороки и недостатки воспроизводимаго при чтеніи или слушаніи чужого мышленія; въ частности эта мысль была руководящею при составленіи правилъ научно-образовательнаго чтенія, въ особенности начала сосредоточенія чтенія на произведеніяхъ, представляющихъ лучшіе образцы общей и специальной техники мышленія. Теперь мы можемъ къ этому добавить, что соотвѣтственное направленіе чтенія рационально и съ точки зрѣнія желательнаго развитія познавательнаго капитала: ибо и разные элементы и свойства содержанія читаемыхъ произведеній тоже заразительны, и поскольку въ развитіи нашего познавательнаго капитала играетъ роль элементъ внушенія, психическаго зараженія, важно, чтобы источники зараженія имѣли не злокачественный, а возможно болѣе доброкачественный характеръ; такія научныя произведенія, которые отличаются плохою техникою и вообще неудачностью мышленія, естественно и обыкновенно, отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ и разными пороками и недостатками заключающихся въ нихъ познавательныхъ элементовъ, напр., отсталостью по содержанію (вслѣдствіе слабосилія мышленія и неспособности освободиться отъ рутины, оцѣнить и усвоить новыя, непривычныя идеи), вообще выборомъ и проведеніемъ не наиболѣе правильныхъ и удачныхъ понятій, мнѣній, аргументовъ, формулировокъ и т. д. (вслѣдствіе неспособности удачно оцѣнивать и выбирать), разными индивидуальными ошибками, недоразумѣніями, искаженіями чужихъ мыслей и проч. и проч.; напротивъ, такія научныя произведенія, которые являются продуктомъ превосходнаго, технически мастерскаго, талантливаго, гениальнаго мышленія, представляютъ, естественно и обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ богатый и превосходный источникъ для ассимиляціи цѣнныхъ идейно-познавательныхъ элементовъ.

Какъ въ области безсознательной ассимиляціи, такъ и въ области сознательнаго выбора достойныхъ припятія и усвоенія понятій, мнѣній, аргументовъ и т. д. въ сферѣ научно-образо-

вательнаго чтенія и научныхъ изслѣдованій, а также въ области самостоятельнаго творчества, степень удачности развитія познавательнаго капитала даннаго ученаго по содержанію зависитъ, далѣе, отъ свойствъ его собственной научной психики: 1) отъ качествъ его мышленія, какъ это уже указано только что въ примѣненіи къ авторамъ читаемыхъ субъектомъ самообразованія сочиненій и распространяется, конечно, и на самого субъекта самообразованія; 2) отъ состоянія его научно-эмоціональной психики; чѣмъ больше эмоціональнаго оживленія и воодушевленія, тѣмъ лучше различеніе и успѣшнѣе усвоеніе хорошаго и цѣннаго, тѣмъ удачнѣе творчество и т. д.

Такимъ образомъ мы опять, и въ области вопроса о средствахъ достиженія лучшаго развитія познавательнаго капитала ученаго, возвращаемся къ ученой эмоціональной и интеллектуальной геніальности и къ средствамъ ея достиженія или возможно большаго приближенія къ ней, стало быть, прежде всего къ изслѣдовательно-писательской дѣятельности; оказывается, что эта дѣятельность не только специфическое средство для выработки и потенцированія научнаго воодушевленія и научно-творческихъ способностей, но и оказываетъ двойное дѣйствіе на развитіе познавательнаго капитала: она ведетъ 1) къ превращенію ученическихъ и вообще низшихъ знаній въ знанія высшаго порядка и т. д., 2) къ совершенствованію познавательнаго капитала въ цѣломъ, къ очищенію его отъ негодныхъ и менѣе годныхъ элементовъ, къ удачному выбору наиболѣе достойныхъ ассимиляціи элементовъ и т. д., — косвеннымъ и окружнымъ путемъ, путемъ улучшенія эмоціонально-интеллектуальнаго производительнаго и сортировочнаго, контрольнаго по отношенію къ знаніямъ, аппарата.

Помѣщенное выше изображеніе постепенной метаморфозы познавательнаго капитала ученаго подъ вліяніемъ диссертаций и дальнѣйшихъ работъ не полно; а именно оно должно быть дополнено указаніемъ на постепенное очистительное и вообще совершенствующее косвенное дѣйствіе достигаемаго творческо-писательскою работою повышенія уровня эмоціональной и интеллектуальной психики.

ХІІІ.

Система положеній, изложенная въ раздѣлахъ VІІІ — ХІІ, приурочена спеціально къ самообразованію ученыхъ, но нѣ-

которые изъ ея элементовъ, отдѣльныя практическія правила или положенныя въ ихъ основаніе теоретическія начала имѣютъ по существу болѣе общее значеніе и примѣнимы съ соотвѣтственными измѣненіями къ разнымъ другимъ областямъ самообразованія, а отчасти и къ инымъ, не имѣющимъ въ виду самообразовательныхъ цѣлей, дѣятельностямъ.

Въ особенности начала раздѣла X о средствахъ достиженія творческаго вдохновенія и вообще высшаго подъема и лучшей утилизаціи соотвѣтственной жизненной энергіи примѣнимы, конечно, прежде всего къ научно-писательскимъ работамъ не только профессиональныхъ ученыхъ, но и «практиковъ», студентовъ и другихъ лицъ, по скольку они занимаются писаніемъ научныхъ сочиненій, рефератовъ, статей и т. п.; но затѣмъ они примѣнимы и къ другимъ видамъ писательства, напр., беллетристическаго, а отчасти ко всѣмъ видамъ творческаго и вообще болѣе или менѣе квалифицированнаго и требующаго надлежащаго «настроенія» и большого подъема жизненной энергіи труда, въ частности къ разнымъ другимъ видамъ самообразовательныхъ работъ, кромѣ писанія сочиненій. Такъ, напр., изъ нихъ не трудно вывести и для занимающихся одновременно практикою и научнымъ самообразованіемъ, а равно для студентовъ и другихъ лицъ, проходящихъ начальныя стадіи научнаго самообразованія, такія правила устроенія жизни, режима и распредѣленія работъ, которыя необходимо соблюдать для лучшей утилизаціи энергіи и достиженія максимальнаго успѣха въ ихъ положеніи. Между прочимъ, что касается студентовъ и другихъ учащихся, то независимо отъ общихъ выводовъ, вытекающихъ изъ началъ раздѣла X, относительно распредѣленія жизненной энергіи, необходимаго для достиженія наибольшихъ результатовъ въ области научнаго самообразованія вообще, изъ этихъ же началъ можно вывести разныя спеціальныя правила для отдѣльныхъ самообразовательныхъ работъ, слушанія лекцій, чтенія, ученія по учебнику и т. д. Въ особенности ученіе въ тѣсномъ смыслѣ слова представляетъ, если оставить въ сторонѣ письменныя научныя работы, такой элементъ самообразовательной дѣятельности, который для достиженія высшей успѣшности требуетъ большого подъема и напряженія духовной энергіи и соотвѣтственнаго «настроенія», соотвѣтственной психической склонности и приспособленности; поэтому и здѣсь весьма важна утилизація закона суточного приспособленія, концентрація на

извѣстный періодъ времени и непрерывное, ежедневное продолженіе дѣла въ опредѣленные часы дня. При чемъ это занятіе, вслѣдствіе большой издержки жизненной энергіи, несовмѣстимо съ другими, тоже требующими большей затраты энергіи, физическими или психическими дѣятельностями, въ частности съ письменными научными работами (до извѣстной степени, при усиленномъ ученіи, и со слушаніемъ лекцій).

Но и начала раздѣловъ VIII и IX отчасти примѣнны *mutatis mutandis* не только къ самообразованію ученыхъ, но и къ другимъ дѣятельностямъ, главнымъ образомъ къ студенческому и иному научному самообразованію, съ тѣмъ различіемъ, что на начальныхъ стадіяхъ научнаго самообразованія послѣднее зиждется не на продуктивномъ, а на рецептивномъ общеніи съ наукою. Въ частности, поскольку желательное достиженіе максимальнаго научно-образовательнаго результата (съ соответственными жертвами въ другихъ отношеніяхъ), начала возможно большей интенсивности, исключительности и непрерывности умственной тренировки и вообще общенія съ наукою примѣнны и здѣсь. Напр., изъ того, что изложено на стр. 425 и сл., въ связи съ предыдущимъ выясненіемъ значенія лекцій для научнаго образованія, видно, сколь губительны для научнаго образованія переходящія у насъ весьма часто по разнымъ индивидуальнымъ и массовымъ причинамъ перерывы дѣлнѣйшаго въ университетское время вида общенія съ эмоціонально-интеллектуальною научною жизнью и основнаго образовательнаго процесса—слушанія лекцій, или образовательныхъ процессовъ вообще. Поскольку дѣло идетъ о массовыхъ перерывахъ въ формѣ закрыванія университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, вопросъ о предупрежденіи соответственныхъ грандіозныхъ и невознаградимыхъ убытковъ въ области духовнаго прогресса, соответственныхъ крупныхъ историческихъ минусовъ, относится не къ автодидактикѣ и даже не къ университетской политикѣ, а къ общей государственной политикѣ. Поскольку же дѣло идетъ объ индивидуальномъ поведеніи, о добровольныхъ перерывахъ слушанія лекцій или образовательныхъ процессовъ вообще, а равно объ индивидуальномъ положеніи въ случаѣ закрытія университета или т. п., то съ точки зрѣнія автодидактики приходится подчеркнуть, что слѣдуетъ во что бы то ни стало, подъ страхомъ выясненныхъ предыдущимъ изложеніемъ весьма отрицательныхъ послѣдствій, избѣгать добровольныхъ

перерывовъ, а въ случаяхъ принудительныхъ перерывовъ усиленно заботиться о томъ, чтобы, въ случаѣ возможности, заполнять ихъ слушаніемъ лекцій въ заграничныхъ университетахъ или на частныхъ высшихъ курсахъ, а въ случаѣ невозможности—о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ имѣлся суррогатъ слушанія въ видѣ возможно болѣе обильнаго рационально направленаго самообразовательнаго чтенія.

Равнымъ образомъ и изложенное выше на стр. 430 и сл. примѣнимо *mutatis mutandis* и къ начальнымъ стадіямъ научнаго образованія. Разные виды конкуренціи и совмѣстительства несомнѣнно играютъ весьма крупную отрицательную роль въ нашей университетской жизни (впрочемъ, отчасти и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ университетскихъ сферахъ, напр., въ видѣ мѣшающей заниматься наукою корпоративной жизни съ обязательнымъ пьянствомъ, дуэлями и т. п.). И здѣсь можно различать, съ одной стороны, разные индивидуальныя явленія конкуренціи научному самообразованію, напр., болѣе или менѣе интенсивное участіе въ салонно-общественной, театральной, спортивной, дѣловой жизни, преждевременные браки съ ихъ заботами и осложнениями и проч., съ другой стороны, массовые факторы и явленія весьма гибельнаго свойства. Сюда относятся главнымъ образомъ ненормальное политическое положеніе страны, ведущее къ массовой конкуренціи научному образованію со стороны политики, и массовая имущественная необеспеченность студенчества, ведущая къ эпидемическому совмѣстительству научнаго самообразованія съ болѣе или менѣе вредными съ точки зрѣнія автодидактики заботами и работами. Болѣе или менѣе вредными, ибо слѣдуетъ весьма различать разные виды совмѣстительства. Напр., ренетиторство въ умѣренномъ размѣрѣ сравнительно немного отнимаетъ времени, не представляетъ для студента особенно понижающей въ интеллектуальномъ отношеніи и притупляющей работы и даже отчасти оказываетъ положительное умственно-образовательное и воспитательное вліяніе. Совсѣмъ иной, отчасти весьма зловредный, характеръ имѣютъ разные другія занятія, напр., конторская и канцелярская служба, переписка бумагъ и иные виды притупляющаго умственнаго «таперства». Что касается практическихъ выводовъ изъ выясненныхъ посылки выше началъ научнаго самообразованія для индивидуальнаго поведенія, то они не нуждаются въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Что же касается

массовыхъ и эпидемическихъ конкуренцій научному образованію, то можно выразить надежду, что онѣ въ будущемъ будутъ устранены или низведены до минимума на почвѣ упрядоченія политическаго положенія страны и на почвѣ соотвѣтственной разумной политики народнаго просвѣщенія, въ частности доставленія надлежащаго обезпеченія возможности учиться бѣдному студенчеству. Именно вслѣдствіе бѣдности страны въ буквальномъ смыслѣ и въ смыслѣ просвѣщенія нельзя жалѣть средствъ на удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса.

Отчасти примѣнимо *mutatis mutandis* и къ низшимъ стадіямъ и формамъ научнаго самообразования и то, что было указано выше относительно желательнаго направленія образованія познавательнаго капитала ученаго, въ частности относительно сверхъ-спеціального образованія. Путемъ сопоставленія соотвѣтственныхъ положеній предыдущаго изложенія съ тою комбинаціею наукъ, которая имѣется и подлежитъ изученію на данномъ факультетѣ по оффиціальному плану, не трудно убѣдиться, что эта оффиціальная комбинація наукъ не соотвѣтствуетъ раціональному направленію образованія познавательнаго капитала. Въ нѣкоторыхъ факультетскихъ комбинаціяхъ, особенно на юридическомъ факультетѣ, эти несоотвѣтствія особенно обильны и поразительны, въ другихъ они менѣе обильны и поразительны, но имѣются на лицо на всѣхъ факультетахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ несоотвѣтствій связаны съ нераціональнымъ, несообразованнымъ съ состояніемъ, составомъ и системою науки, какъ единаго великаго цѣлаго, и со связью и зависимостью отдѣльныхъ дисциплинъ, какъ «главъ» ея, распределеніемъ наукъ между факультетами, какъ таковыми (что, въ свою очередь, связано отчасти съ указанными выше недостатками состава научнаго образованія ученыхъ, отчасти съ разными другими обстоятельствами, историческими случайностями и рутинами и т. д.). Другія несоотвѣтствія были бы на лицо и въ случаѣ надлежащаго образованія факультетскихъ комбинацій наукъ. Ибо факультеты должны представлять при правильномъ пониманіи существа и миссіи университетовъ ученныя учрежденія (части университета, какъ ученаго учрежденія), а не спеціальныя учебныя заведенія, и съ этимъ должно сообразоваться распределеніе наукъ между ними. А затѣмъ существуетъ другой вопросъ, вопросъ объ утилизациі *universitas litterarum*, какъ ученаго учрежденія, для доставленія жела-

тельного научнаго образованія учащимся, въ частности для составленія разныхъ плановъ образованія, разныхъ образовательныхъ комбинацій. Эти образовательныя комбинаціи должны были бы быть сообразованы уже, конечно, не съ задачею надлежащей разработки науки въ университетѣ и т. д., а съ рациональными началами научнаго образованія; въ частности онѣ должны имѣть въ виду желательную съ точки зрѣнія этихъ началъ интеллектуальную тренировку и познавательную просвѣщенность, соотвѣтствующую такому или иному виду и направленію образованія. Тогда, напр., психологія была бы отнесена не къ филологическому факультету, какъ это теперь имѣетъ мѣсто по особымъ историческимъ причинамъ, а къ естественному факультету, во всякомъ случаѣ къ тому факультету, на которомъ разрабатывается анатомія и физиологія; но эта наука, разъ представленная въ университетѣ, какъ ученомъ учрежденіи, входила бы въ весьма многія образовательныя комбинаціи, въ весьма многія университетскія «учебныя заведенія», если можно такъ выразиться, въ частности, напр., въ экономическія, государственныя, юридическія комбинаціи и проч. и проч.

Теперешнее положеніе въ университетахъ таково, что нѣтъ ни сознательно-раціональнаго распредѣленія наукъ между факультетами, какъ частями ученаго учрежденія — университета, ни сознательно и рационально образованныхъ комбинацій учебныхъ предметовъ для разныхъ разрядовъ учащихся.

Къ этому присоединяется еще несообразованность гимназическихъ и вообще средне-учебныхъ программъ съ современнымъ состояніемъ науки и задачею приготовленія къ университетскому ученію и вообще къ дальнѣйшимъ ступенямъ образованія.

Имѣя въ виду, съ одной стороны, такое, весьма нуждающееся въ реформѣ (подъ руководствомъ университетской дидактики и университетской и средне-учебной политики, ср. ниже), но пока, къ сожалѣнію, существующее положеніе вещей, съ другой стороны, соображенія, высказанныя на стр. 466 и сл. относительно желательнаго образованія познавательнаго капитала, поскольку они примѣнимы не только къ ученымъ (въ томъ числѣ соображенія относительно изученія логики съ методологіей и общенаучнаго просвѣщенія), студенты и другіе занимающіеся научнымъ самообразованіемъ, окончившіе университетъ

«практики» и т. д., могут и должны заботиться о томъ, чтобы обезвредить для себя по крайней мѣрѣ наиболѣе важныя и поразительныя изъ несоотвѣтствій указанныхъ категорій.

Не соотвѣтствуютъ задачамъ рациональнаго образованія познавательнаго капитала и вообще научнаго образованія и тѣ комбинаціи учебныхъ предметовъ, которыя установлены для приготовленія къ ученому званію и ученому экзамену. Эти комбинаціи состоятъ въ области нашихъ магистерскихъ экзаменовъ обыкновенно изъ двухъ или трехъ специальныхъ факультетскихъ дисциплинъ. При чемъ уже выборъ предметовъ въ этихъ рамкахъ (не имѣющихъ, какъ видно изъ изложеннаго выше, разумнаго основанія) возбуждаетъ подчасъ серьезныя недоумѣнія. Такъ, между прочимъ, ни въ одной изъ всѣхъ официальныхъ магистерскихъ комбинацій по юридическому факультету не фигурируетъ въ качествѣ вспомогательной дисциплины такая, которая прежде всего должна бы входить во всѣ комбинаціи, какъ основная и наиболѣе важная для каждаго ученаго юриста дисциплина—общая теорія права (о логикѣ и психологіи, какъ внѣ-факультетскихъ наукахъ, и подавно нѣтъ рѣчи).

Отчасти, какъ видно изъ смысла изложеннаго выше о рациональномъ направленіи образованія познавательнаго капитала, несоотвѣтствія между тѣмъ, что по существу желательно знать, и официальными магистерскими комбинаціями неизбежны были бы и въ томъ случаѣ, если бы эти комбинаціи сами по себѣ, какъ комбинаціи для официального экзамена, должныя ограничиваться по необходимости лишь весьма немногими предметами, были вполне рационально составлены; и тоже въ известной степени относится и къ студенческому ученію уже въ виду того, что университетъ не можетъ взять на себя двойную роль и средней, и высшей школы.

Тѣмъ, которые имѣютъ въ виду посвятить себя ученой дѣятельности, особенно важно и необходимо уже въ студенческое время, а затѣмъ во время приготовленія къ ученому экзамену относиться критически и самостоятельно къ подлежащимъ официальнымъ рамкамъ и комбинаціямъ и вести свои занятія съ такимъ расчетомъ, чтобы уже въ это время происходило приближеніе къ достиженію желательнаго для ученаго сверхъ-спеціального образованія, главнымъ образомъ въ видѣ построенія элементарныхъ и наиболѣе необходимыхъ основъ

для этого, въ частности изученія логики, основныхъ, болѣе общихъ, родовыхъ дисциплинъ и общеобразовательнаго чтенія.

Вообще тѣ изъ изложенныхъ выше, въ ученіи о самообразованіи ученыхъ, началъ, которыя съ подлежащими измѣненіями примѣнимы и къ болѣе раннимъ стадіямъ научнаго самообразованія, естественно, имѣютъ особое, сугубое значеніе для тѣхъ, которые имѣютъ въ виду ученое призваніе. Напр., начала исключительности и высшей достижимой интенсивности умственной тренировки и т. д., имѣющія для будущихъ «практиковъ» факультативное и отчасти условное значеніе, зависящее отъ ихъ общихъ житейскихъ стремленій и характера предполагаемой практической дѣятельности, для будущихъ ученыхъ абсолютно обязательны; всякія нарушенія начала непрерывности для нихъ, для будущихъ ученыхъ, особенно гибельны и недопустимы, и т. д.

XIV.

Въ развитіи животныхъ организмовъ и ихъ естественныхъ силъ, свойствъ и способностей, не исключая вообще человѣческихъ существъ, можно различать періоды: поступательнаго развитія и достиженія высшаго расцвѣта этихъ силъ, свойствъ и способностей, затѣмъ нѣкотораго продолженія этого состоянія высшаго расцвѣта, затѣмъ болѣе или менѣе быстраго паденія, пониженія уровня жизненной энергій и при томъ не только въ области физической жизни, физической силы, ловкости, подвижности и т. д., но и въ области духовной жизни, въ области силы и ловкости дѣйствія интеллекта, степени эмоциональной возбудимости и т. д.

У низшихъ животныхъ достиженіе зенита этой дуги развитія наступаетъ по большей части весьма скоро послѣ рожденія: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, или нѣсколькихъ дней, недѣль или мѣсяцевъ. У нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ и у человѣка, особенно у болѣе цивилизованныхъ, болѣе удалившихся отъ состоянія дикости народовъ, этотъ періодъ значительно длиннѣе; но и здѣсь зенитъ развитія находится значительно ближе къ началу жизни, чѣмъ къ среднему, нормальному концу ея.

При этомъ, какъ уже было указано выше (стр. 276) словами Джемса «періодъ между двадцатью и тридцатью годами

есть критическій періодъ для образованія интеллектуальныхъ и профессиональныхъ привычекъ», вообще для фиксаціи духовнаго облика.

Въ какомъ отношеніи находится научное самообразование къ этимъ біологическимъ законамъ?

Одно изъ основныхъ требованій научной техники и даже научной этики объективность и безпристрастіе въ смыслѣ избѣганія неправдиваго и тенденціознаго освѣщенія, хотя бы ради какихъ либо самихъ по себѣ хорошихъ цѣлей, отсутствія укрывательства или затемненія представляющихся по какимъ либо практическимъ соображеніямъ нежелательныхъ истинъ и проч.

Это относится и къ практическимъ, касающимся поведенія, дисциплинамъ. Въ ихъ задачу не входитъ проповѣдь, тенденціозное расхваливаніе и внушеніе во что бы то ни стало извѣстнаго, представляющагося вообще разумнымъ и желательнымъ, поведенія, усердія въ соответственномъ направленіи и т. п.; ихъ задачею является выясненіе путемъ привлеченія относящихся къ дѣлу законовъ природы, вообще теоретическихъ истинъ, послѣдствій такого или иного поведенія, въ томъ числѣ не только плюсовъ, но и минусовъ, связанныхъ съ извѣстнымъ, представляющимся вообще желательнымъ, поведеніемъ, и т. д.; съ тѣмъ, чтобы пользующіеся этимъ научнымъ свѣтомъ сами могли возможно болѣе сознательно и правильно оцѣнить и взвѣсить въ конкретныхъ случаяхъ значеніе для себя того или иного образа дѣйствій и сообразно съ этимъ поступать, соразмѣрять энергію и усердіе съ этимъ, выясненнымъ, значеніемъ и т. д. Это въ концѣ концовъ и съ точки зрѣнія достиженія возможно большаго распространенія разумнаго поведенія и возможно болѣе неуклоннаго и усерднаго примѣненія рекомендуемыхъ практическихъ началъ лучше, чѣмъ одностороннее внушеніе; ибо основа силы и дѣйствія науки въ довѣрціи къ ней и ея объективности.

И мы выше отнюдь не имѣли въ виду проповѣди и внушенія во что бы то ни стало студентамъ и другимъ учащимся усерднаго отношенія къ лекціямъ и другимъ учебнымъ занятіямъ, ученымъ усердія въ области ихъ дѣятельности по разработкѣ и распространенію научнаго свѣта, и т. д.; а только старались посылно выяснитъ значеніе и послѣдствія такого или иного отношенія къ дѣлу для самостоятельнаго принятія къ свѣдѣнію и руководству; въ частности, говоря о томъ, что

научное образование само по себѣ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ и предѣловъ, что оно допускаетъ при соблюденіи извѣстныхъ правилъ поднятіе на все высшія, ведущія къ научной гениальности. ступени, какъ бы ни была высока уже достигнутая ступень, выясняя возможность и техническія средства выработки въ своей диспозитивной психикѣ эмоциональныхъ и интеллектуальныхъ элементовъ гениальности и т. д., мы отнюдь не имѣли въ виду внушать такихъ, напр., мыслей, что и ученые, упустившіе дорогое время молодости и опустившіеся научно вслѣдствіе продолжительнаго научнаго бездѣйствія, могутъ, одумавшись на старости лѣтъ и взявшись энергично за дѣло, достигнуть научной гениальности, или что при надлежащемъ отношеніи къ дѣлу въ молодости и въ старости и достигшіе глубокой старости ученые могутъ дальше двигаться къ гениальности вмѣсто паденія и т. п.

Но, съ другой стороны, привада въ началѣ этого раздѣла біологическія положенія, устраняющія недоразумѣнія и преувеличенныя ожиданія въ этой области, мы, въ свою очередь, считаемъ необходимымъ предупредить и возможные преувеличенныя отрицательныя выводы изъ этихъ положеній.

Дѣло идетъ о такихъ біологическихъ законахъ, которые, какъ и разныя другіе законы природы, представляютъ тенденціи *), стремленія дѣйствія, не устраняющія возможности противодѣйствій и парализованія ихъ дѣйствія, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Дѣло идетъ о такихъ факторахъ, которые не лишены отрицательнаго значенія и съ которыми для сознательнаго и рациональнаго отношенія къ дѣлу научнаго самообразованія слѣдуетъ считаться, но, съ другой стороны, о такихъ естественныхъ, біологическихъ факторахъ, которымъ можно противопоставить сознательное искусство, рациональшую технику научнаго самообразованія, какъ факторъ, дѣйствующій въ противоположномъ направленіи и существенно измѣняющій и умаляющій дѣйствіе естественныхъ тенденцій органическаго развитія.

Какъ притяженіе со стороны солнца мѣшаетъ осуществиться инерціи земнаго шара, его стремленію мчаться по соответственной прямой линіи, и загибаетъ эту линію, превращая ее въ дугу, такъ подлежащая и неуклонная научно-образователь-

*) Ср. «Введеніе въ изученіе права и нравственности», § 6.

ная работа существенно измѣняетъ направленіе указанной выше біологической линіи поднятія и паденія, разгибаетъ въ области движенія научной психики подлежащую біологическую дугу, передвигаетъ точку духовнаго зенита на гораздо большую высоту и на гораздо болѣе позднее время, на совсѣмъ иной возрастъ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ естественно-біологической тенденціи развитія, и задерживаетъ потомъ, послѣ достиженія зенита, движеніе внизъ; такъ что вмѣсто быстрого и сильнаго паденія, которое бы получилось въ случаѣ прекращенія противодѣйствія обще-біологической тенденціи развитія на старости лѣтъ, получается относительное поддержаніе прежней высоты и болѣе медленное опусканіе.

Въ основѣ этого положенія лежитъ въ свою очередь общій біологическій законъ, тенденція развитія, дѣйствіе которой не ограничивается областью научной психики, а простирается и на другіе элементы и стороны духовной, а также и физической жизни.

Тѣ части и свойства организма, тѣ органы и ихъ силы и способности, которые подвергаются сверхъ-нормальной, исключительно усиленной тренировкѣ, соотвѣтственному усиленному питанію, усиленной иннервации и вообще односторонней концентраціи на нихъ жизненной энергіи, выдѣляются по характеру и исторіи своего развитія изъ прочей системы органовъ, силъ и способностей организма, описываютъ иную біологическую дугу. Въ то время жизни, когда силы и способности организма вообще уже перепли точку зенита развитія и начинается старѣніе, паденіе и ослабѣваніе, тѣ органы, по отношенію къ которымъ происходитъ указанная чрезвычайная и исключительная концентрація жизненной энергіи, еще продолжаютъ развиваться въ положительномъ смыслѣ, доходятъ до высшей точки развитія позже, чѣмъ другіе органы, и сохраняютъ свойства молодости, силы, подвижности и т. д. еще въ такое время, когда въ прочихъ областяхъ уже имѣется старческое состояніе, ослабленность энергіи, относительная неподвижность и т. д. И чѣмъ интенсивнѣе и непрерывнѣе соотвѣтственная тренировка (разумѣется, поскольку она не имѣетъ характера физиологическаго злоупотребленія, влекущаго за собою патологическія послѣдствія, ослабленіе и разрушеніе вмѣсто усиленія и т. д.), чѣмъ исключительнѣе соотвѣтственная концентрація жизненной энергіи, тѣмъ больше *ceteris paribus* біологическая дуга развитія дан-

наго органа расходится съ общею біологическою дугою. тѣмъ долѣе продолжается подъемъ, до тѣмъ большей высоты она поднимается, тѣмъ позже начинается опусканіе и т. д.

Весьма поразительныя подтвержденія и иллюстраціи этого положенія можно наблюдать въ области разныхъ спеціальныхъ искусствъ, достигаемыхъ исключительно усиленною тренировкою тѣхъ или иныхъ органовъ. Цирковыя, балетныя знаменитости, знаменитые пѣвцы и пѣвицы, музыканты-виртуозы и т. д. доходятъ до зенита своего искусства и продолжаютъ держаться на высотѣ въ такомъ возрастѣ, въ которомъ у другихъ соотвѣтственные органы уже находятся въ стадіи отрицательнаго развитія, старѣнія или болѣе или менѣе полнаго старческаго «склероза» и слабосилія. Еще недавно петербургскіе балетоманы восхищались танцами восьмидесятилѣтняго старца...

Разные органы и органическія свойства и способности допускаютъ такое, расходящееся съ общимъ порядкомъ развитія организма, особенное развитіе въ различной степени. Здѣсь играетъ роль, повидимому, біологическая исторія породы и даннаго органа или данной способности. Съ точки зрѣнія исторіи развитія породы, съ такъ наз. филогенетической точки зрѣнія, можно различать болѣе старые органы и способности, достигшіе такого или приблизительно такого состоянія, въ какомъ они у данной породы животныхъ находятся теперь, въ болѣе древнее время, и болѣе молодые органы и способности. Разные органы и свойства живыхъ существъ, особенно высшихъ животныхъ и среди нихъ особенно породы *homo sapiens*, имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма различную исторію. Нѣкоторые изъ нихъ весьма древняго происхожденія, гораздо болѣе древняго, чѣмъ сама порода. какъ таковая, какъ особый видъ; они были уже выработаны и достигли относительной фиксированности еще на низшихъ стадіяхъ развитія животнаго царства и перешли по наслѣдству къ данной породѣ при образованіи ея, какъ особаго вида, отъ весьма отдаленныхъ предковъ. Такіе органы въ относительно одинаковомъ видѣ являются, соотвѣтственно древности ихъ исторіи, весьма распространенными въ животномъ царствѣ; они общи для данной породы съ разными низшими породами; они въ такъ наз. онтогенетическомъ развитіи, въ развитіи индивидуальнаго зародыша, появляются и достигаютъ своего окончательнаго развитія раньше, чѣмъ другіе органы (по общему біологическому закону, что

онтогенетическое развитие, развитие индивида, воспроизводить филогенетическое развитие, развитие рода). Другие органы унаследованы в данной формѣ отъ менѣе отдаленныхъ предковъ, менѣе распространены вѣ животномъ царствѣ (или менѣе сходны у разныхъ животныхъ), появляются и развиваются у отдѣльныхъ экземпляровъ породы позже. Наконецъ, нѣкоторые органы или ихъ свойства представляютъ вѣ такомъ видѣ, вѣ какомъ они имѣются у данной породы, специальность и особенность данной породы, развившюся сравнительно недавно, уже вѣ исторіи даннаго вида, какъ такового, или даже вѣ сравнительно недавнее съ точки зрѣнія исторіи даннаго вида время. Такіе органы или такія ихъ формы, свойства, качества имѣются только у данной породы и появляются и развиваются вѣ сравнительно болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ прочіе. Такимъ образомъ и при обыкновенныхъ условіяхъ индивидуальнаго развитія, при отсутствіи особой и чрезвычайной концентраціи жизненной энергіи даннаго индивида на развитие какого либо органа вѣ отличіе отъ прочихъ, разные органы и способности организма имѣютъ собственно разные біологическія дуги развитія.

И вотъ, повидимому, можно установить такое положеніе, что болѣе молодые вѣ указанномъ, филогенетическомъ, смыслѣ органы и ихъ элементы и способности, менѣе древнія видовыя модификаціи живыхъ существъ, отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ вообще болѣею индивидуальною гибкостью и эластичностью развитія, болѣе поддаются усиленному развитію путемъ спеціальной тренировки, допускаютъ болѣе передвиженіе зевита развитія на старшій возрастъ, болѣе продолжительное сохраненіе энергіи, подвижности и вообще свойствъ молодости, чѣмъ болѣе древнія модификаціи.

Къ числу относительно молодыхъ органовъ съ точки зрѣнія эволюціи животнаго царства вообще относится мозгъ, вѣ особенности та часть его, съ которою связаны высшія психическія функціи, полушарія большого мозга. Такое же развитие этого органа и высшихъ духовныхъ способностей, какое замѣчается вѣ породѣ *homo sapiens* («человѣкъ мудрый»), представляетъ біологическую новостъ и особенность породы, т. е. модификацію сравнительно весьма недавняго происхожденія. Если же принять во вниманіе ту прогрессію духовныхъ способностей, которая существуетъ вѣ предѣлахъ человѣческаго рода между низшими, наиболѣе примитивными дикарями, за-

тѣмъ средними, высшими дикарями, низшими, средними, высшими варварами и т. д. — до высшихъ цивилизованныхъ, культурныхъ народовъ, то такое состояніе духовныхъ способностей, какое имѣется у культурныхъ народовъ, оказывается біологическою новостью не только съ точки зрѣнія развитія животнаго царства, но даже съ точки зрѣнія исторіи человѣческой цивилизаціи. Такъ что то, что сказано объ относительно молодыхъ органахъ и модификаціяхъ, должно въ высшей и чрезвычайной степени относиться къ этимъ способностямъ.

Если въ области такихъ способностей, какъ цирковыя, балетныя и т. п., путемъ интенсивной тренировки достигается поразительное отступленіе отъ естественной біологической дуги развитія, передвиженіе зенита развитія, сохраненіе свойствъ молодости подлежащихъ органовъ, мускуловъ ногъ и т. п., въ относительно весьма позднемъ возрастѣ, то примѣненіе столь же интенсивной и удачно направленной тренировки въ области высшихъ духовныхъ способностей и психическихъ дѣятельностей должно давать еще болѣе выдающіеся и поразительные результаты въ такомъ же направленіи.

Что же касается специально научнаго самообразованія, то здѣсь нужно принять во вниманіе еще то обстоятельство, что здѣсь на ряду съ выработкою и потенцированіемъ извѣстныхъ высшихъ духовныхъ способностей, какъ таковыхъ, огромную роль играютъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, разныя спеціальныя, интеллектуальныя и эмоціональныя, диспозиціи, достигаемыя лишь продолжительнымъ, многолѣтнимъ трудомъ (ср. выше о накопленіи спеціальныхъ научно-эмоціональных диспозицій и постепенной метаморфозѣ знанія, накопленіи изслѣдовательскихъ убѣжденій и т. д.). Поэтому достижимая здѣсь съ помощью труда и искусства дуга развитія должна такъ далеко расходиться съ общою біологическою дугою развитія, какъ это едва ли мыслимо въ какой либо другой области не только физическаго, но и духовнаго самообразованія. Въ частности, передвиженіе зенита развитія, высшаго расцвѣта съ молодости на болѣе поздній возрастъ здѣсь при примѣненіи надлежащей техники должно достигать особенно большихъ, исключительныхъ предѣловъ. Сказать опредѣленно, какіе годы жизни являются годами такого, достижимаго при примѣненіи удачнѣйшей техники, т. е. усерднѣйшаго и раціональнѣйшаго самообразованія ученаго, зенита, мы, конечно, не можемъ, за

отсутствіемъ данныхъ для этого. Тѣмъ болѣе, что въ виду отсутствія научной техники научнаго самообразованія, едва ли какой либо ученый такъ по удачному совпаденію обстоятельствъ (безъ соотвѣтственнаго, подлежащаго развитію лишь въ будущемъ сознательно-научнаго руководства) провелъ свою жизнь, такъ избѣжалъ разныхъ ненужныхъ и вредныхъ растратъ духовной энергіи и иныхъ автодидактическихъ ошибокъ и т. д., что получился фактической суррогатъ сознательно-раціональной техники научнаго самообразованія или по крайней мѣрѣ нѣчто почти равное этому. Мы даже не рѣшаемся опредѣлить того возрастнаго пятилѣтія или даже десятилѣтія, въ предѣлахъ котораго долженъ находиться искомый зенитъ. Но можно, напр., съ увѣренностью сказать, что если, какъ это наблюдалъ Пироговъ, и соотвѣтствуетъ теперешней нашей университетской дѣйствительности, двадцатилѣтнее пребываніе на кафедрѣ у насъ бываетъ достаточнымъ для неузнаваемости въ отрицательномъ смыслѣ вступавшихъ впервые на эту кафедру съ блестящими надеждами, то соотвѣстнаго средняго возраста во всякомъ случаѣ недостаточно, чтобы достигнуть высшей достижимой неузнаваемости въ противоположномъ направленіи, въ смыслѣ прогресса научной психики, при примѣненіи и послѣ достиженія кафедры надлежащаго научнаго самообразованія.

По русскому университетскому уставу профессоръ, прослужившій двадцать пять лѣтъ по учебной части (при чемъ въ этотъ срокъ зачитывается время приватъ-доцентуры и оставленія при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію), *ipso iure* устраняется отъ профессуры и только въ случаѣ особаго ходатайства другихъ получаетъ право быть профессоромъ еще на пятилѣтіе. Съ точки зрѣнія фактическаго положенія вещей у насъ этотъ законъ вполнѣ раціоналенъ и недостаточенъ только въ томъ отношеніи, что не даетъ возможности освобождать кафедры отъ бывшихъ начинавшихъ ученыхъ, но не проработавшихъ своего научнаго самообразованія, или отъ отставшихъ отъ науки и опустившихся профессоровъ раньше. Но съ точки зрѣнія такого устройства университетскаго дѣла, при которомъ бы и послѣ достиженія кафедры происходило болѣе или менѣе общее и энергичное занятіе наукою, такой законъ былъ бы законодательно-политическимъ абсурдомъ, и, напр., въ Германіи предложеніе ввести подобный законъ вызвало бы величайшее недоумѣніе; оказалось бы, что наиболѣе

выдающіеся корифеи науки подлежали бы удаленію. Еще болѣе пелѣпымъ представляется такой срокъ браковки ученыхъ съ точки зрѣнія предположенія наличности рациональнаго, интенсивнаго и непрерывнаго ученаго самообразованія. Опъ означаетъ признаніе наступленія негодности въ такое время, когда еще нѣтъ состоянія высшей годности, когда зенить еще впереди. Сопоставленіе той, выясненной выше, особенности ученаго образованія, что здѣсь высшій расцвѣтъ соответственной психической приспособленности достигается и продолжается въ исключительно позднемъ возрастѣ, и той особенности нашего университетскаго права, что здѣсь имѣется исключительно раннее признаніе негодности субъекта для занимаемой имъ должности, въ высокой степени поучительное и заставляющее задуматься явленіе. Оно свидѣтельствуетъ о наличности какого то абсурда въ устройствѣ университетскаго дѣла, какого то фактора, губящаго и уничтожающаго науку. Выясненіе этого фактора и устраненіе подлежащаго порока университетскаго дѣла относится къ политикѣ права (ср. ниже).

Возвращаясь къ научному самообразованію, слѣдуетъ еще добавить, что изложенное выше о существенномъ несовпаденіи обще-біологической дуги развитія и той дуги развитія научной психики, которая является результатомъ рациональнаго научнаго самообразованія, вовсе не означаетъ, что не слѣдуетъ считаться съ естественными періодами и тенденціями развитія организма и его силъ и свойствъ. Напротивъ, эти періоды и тенденціи развитія сохраняютъ свое значеніе; подлежащая достиженію иная, не совпадающая съ обще-біологическою, дуга развитія имѣетъ характеръ средней равнодѣйствующей двухъ факторовъ: естественныхъ тенденцій развитія и самообразовательной техники; и сознательное и рациональное самообразование должно имѣть въ виду и факторы перваго рода и съ ними считаться и сообразоваться.

Въ частности, что касается обще-біологическаго критическаго періода образованія духовнаго облика, склада мышленія и т. д., то особенности этого періода, состояція въ томъ, что въ это время имѣется особая духовная впечатлительность и воспримчивость и что приобрѣтенныя въ это время духовныя качества, умственные навыки и т. д., имѣютъ особенно сильную тенденцію сохраняться и на будущее время,—сохраняютъ свою силу и имѣютъ капитальное значеніе для научнаго образова-

нія. Это — время, которое въ области научнаго самообразованія слѣдуетъ цѣнить болѣе, чѣмъ на вѣсь золота. Въ это время каждое quantum рационально примѣняемой самообразовательной энергіи даетъ особенно крупныя и цѣнные для будущаго результаты; а каждое упущеніе, каждый недостатокъ использованія и растрата драгоценнаго времени, а равно каждая ошибка въ направленіи научнаго самообразованія, примѣненіе нерациональныхъ приѣмовъ и т. д., особенно вредны и губительны, ведутъ къ особенно крупнымъ и невознаградимымъ потерямъ на всю будущую жизнь. Если на будущее время, напр., на время послѣ окончанія университета, существуютъ благія намѣренія взяться энергично за дѣло и наверстать упущенное время, то, независимо отъ того, что расчетъ на свои намѣренія относительно будущей жизни бываетъ обыкновенно съ психологической точки зрѣнія болѣе или менѣе наивнымъ и ненаучнымъ (основаннымъ на ненаучномъ пониманіи «свободы воли») расчетомъ и что практическая жизнь въ послѣ-университетское время, соответственные интересы, дѣла, занятія, представляютъ болѣе или менѣе сильную или даже абсолютно уничтожающую конкуренцію, во всякомъ, и въ лучшемъ мыслимомъ случаѣ о наверстаніи упущеннаго въ собственномъ смыслѣ слова не можетъ быть рѣчи. Представленіе о наверстаніи и исправленіи результата упущеній въ этой области столь же нелѣпо по существу, какъ, напр., представленіе о возможности наверстанія упущеннаго въ денежно-пріобрѣтательной области. Если въ извѣстный періодъ времени не собранъ извѣстный денежный капиталъ, который могъ бы быть собранъ при надлежащемъ трудолюбіи и т. д., напр., 10.000, то пріобрѣтеніе впоследствии, на почвѣ измѣненія хозяйственнаго поведенія, капитала соответственной величины, напр., 10.000, какъ можно убѣдиться путемъ сложенія 10.000 съ 10.000, вовсе не означаетъ наверстанія, исправленія упущенія и т. д. И то же относится къ образованію научно-психическаго капитала; при чемъ здѣсь имѣется та особенность, что въ критическій періодъ развитія пріобрѣтаемое достигается гораздо легче и быстрѣе, чѣмъ впоследствии, и имѣетъ большую цѣнность вслѣдствіе тенденціи «засыханія гипса», вслѣдствіе большей способности сохраняться на будущее время.

Въ особенномъ и сугубомъ смыслѣ «критическимъ» является критическій періодъ для массы тѣхъ оканчивающихъ универ-

ситеты, которые затѣмъ уходятъ въ практику и не занимаются или не могутъ серіозно заниматься научнымъ самообразованиемъ; то, что приобрѣтено въ университетѣ, если не въ области положительныхъ знаній, то въ области образованія интеллектуального типа и въ области научно-эмоціональной психики и ея вліянія на характеръ, остается въ качествѣ дальше ужъ не растущаго духовнаго капитала.

Что касается затѣмъ дальнѣйшихъ стадій психической жизни послѣ перехода критическаго періода, то, хотя путемъ надлежащей тренировки интеллекта и т. д. естественная тенденція «засыханія гипса» въ извѣстной степени обезвреживается, въ тѣмъ большей степени обезвреживается, чѣмъ лучше и сильнѣе эта тренировка, все таки съ этой естественной тенденціей и возрастаніемъ ея силы съ теченіемъ времени слѣдуетъ считаться, какъ съ реальнымъ факторомъ. Отсюда вытекаетъ, напр., расчетъ по возможности концентрировать, въ случаѣ продолженія научнаго самообразования послѣ окончанія университета, образовательные, въ частности рецептивные, процессы на болѣе раннее время; напр., имѣющимъ въ виду практическую дѣятельность рациональнѣе, въ случаѣ возможности выбора между отложеніемъ начала практической дѣятельности и концентраціей научнаго самообразования на соотвѣтственный промежутокъ времени, съ одной стороны, и болѣе равномернымъ и постепеннымъ занятіемъ научнымъ самообразованиемъ, съ другой стороны, предпочесть первое. Приготовляющимся къ научной дѣятельности слѣдуетъ ближайшее послѣ окончанія университета время посвятить рецептивнымъ процессамъ, откладывая нѣсколько научно-писательскую работу. Въ случаяхъ перерывовъ и иныхъ существенныхъ упущеній въ области научнаго самообразования, измѣненіе отношенія къ дѣлу во время относительной молодости включаетъ въ себѣ болѣе шансы достигнуть извѣстныхъ успѣховъ, чѣмъ если возвратъ къ наукѣ наступаетъ въ болѣе позднее время. Съ другой стороны, перерывъ тренировки интеллекта и т. д. ведетъ къ тѣмъ болѣе быстрому и рѣшительному умственному «склерозу», окаменѣнію, чѣмъ старше возрастъ и, слѣдовательно, сильнѣе соотвѣтственная естественная тенденція, и т. д.

Что касается затѣмъ періодовъ обще-біологическаго или обще-психическаго расцвѣта, а затѣмъ соотвѣтственнаго постепеннаго паденія, то хотя дуга развитія спеціально научной

психики, особенно поскольку дѣло идетъ о капиталѣ постепенно накапливаемыхъ специальныхъ эмоционально-интеллектуальныхъ диспозицій, можетъ быть съ помощью надлежащихъ средствъ значительно разогнута, паденіе можетъ быть отодвинуто на болѣе позднее время и т. д., все таки и здѣсь съ естественными тенденціями развитія слѣдуетъ считаться, какъ съ благоприятными и неблагоприятными факторами. Время высшаго подъема духовной энергіи и трудоспособности — особенно драгоцѣнное время съ точки зрѣнія идейнаго творчества, въ особенности съ точки зрѣнія болѣе крупныхъ и принципиальныхъ творческихъ переворотовъ въ научныхъ воззрѣніяхъ, пирокяхъ и смѣлыхъ обобщеній и т. д.: впоследствии, на почвѣ большей зрѣлости научной психики, кое что изъ добычъ этого бурнаго творческаго періода окажется, можетъ быть, слишкомъ смѣлымъ, даже легкомысленнымъ, другое нуждающимся въ болѣе солидномъ обоснованіи и т. п.; по все таки очень нужно цѣнить и использовать какъ можно лучше этотъ періодъ броженія мысли и смѣлаго и сильнаго идейнаго полета, а лѣниться въ это время и проспавать этотъ періодъ — великое преступленіе предъ наукою и обществомъ. Надлежащее использованіе этого періода и вообще періода высшаго подъема творческихъ силъ и способностей даетъ драгоцѣнные капиталы и матеріалы для цѣнной продуктивно-писательской дѣятельности и на такое время старости, когда уже сколько нибудь крупнаго творчества ожидать нельзя. Какъ выше (стр. 156) было упомянуто, цѣнныя идеи появляются и мыслятся быстро, а соответственныя книги пишутся очень медленно. Не говоря уже о столь крупныхъ и плодотворныхъ идеяхъ, какъ, напр., та, разработкѣ которой была посвящена продолжительная жизнь Дарвина и могли бы быть посвящены еще сотни и тысячи не менѣе продолжительныхъ жизней, вообще сколько нибудь выдающіяся новыя научныя идеи, появляющіяся въ минуты научнаго вдохновенія при разработкѣ соответственныхъ или другихъ проблемъ, даютъ матеріалъ на годы и десятилѣтія писательской работы. Такъ какъ воплощеніе открытыхъ раньше идей въ форму книгъ требуетъ много времени и труда, подчасъ весьма терпѣливаго и кропотливаго труда, но не такого подъема творчества, какой необходимъ былъ для перваго открытія, или вообще не требуетъ идейнаго творчества въ тѣсномъ смыслѣ, то возможна и даже естественна такая комбинація, что въ то

время, когда духъ ученаго уже меркнетъ, отъ него исходитъ драгоцѣннѣйшій свѣтъ для человѣчества, подчасъ болѣе драгоцѣннѣйшій, чѣмъ въ то время, когда этотъ ученый находился на высшихъ ступеняхъ не только обще-психическаго, но и научно-психическаго подъема.

Выше мы выяснили, что при примѣненіи надлежащей техники самообразованія дуга развитія ученой психики существенно расходится съ обычною дугою психическаго развитія въ направленіи подъема и выпрямленія, передвиженія зенита подъема и періода опусканія на исключительно поздній возрастъ; но это еще недостаточно характеризуетъ дѣйствіе и результаты надлежащаго устройства научной дѣятельности. Ибо при примѣненіи надлежащихъ средствъ, въ частности при надлежащемъ использованіи періода процвѣтанія жизненной энергии (предполагая, конечно, наличность тѣхъ способностей, которыя вообще необходимы для избранія ученой дѣятельности и надлежащее ихъ развитіе и приспособленіе путемъ раціональнаго самообразованія), получается еще тотъ результатъ, что дуга полезности для общества и человѣчества расходится въ такомъ же направленіи съ дугою развитія ученой психики, въ какомъ эта послѣдняя дуга расходится съ обще-біологическою дугою развитія.

Въ зависимости отъ собственной воли и желанія можно достигнуть или такихъ результатовъ, что норма нашего университетскаго права, устанавливающая для ученыхъ, въ отличіе отъ представителей другихъ дѣятельностей, исключительно ранній, двадцатипятилѣтній, срокъ браковки, окажется не только разумною, но и слишкомъ льготною, ибо состояніе негодности и паразитности наступило уже много раньше; или такихъ результатовъ, что въ случаѣ пятидесятилѣтняго юбилея ученой дѣятельности пожеланія дальнѣйшей жизни и дѣятельности въ интересахъ науки и человѣчества могутъ быть вполнѣ искренни и основательны по существу.

2. Основныя положенія университетской дидактики.

I.

Для содѣйствія поднятiю и процвѣтанiю университетскаго образованiя было бы желательнo учрежденiе и развитiе, на ряду съ высшею автодидактикою, науки о рациональныхъ началахъ устроенiя и веденiя дѣла высшаго научнаго, университетскаго преподаванiя. Такая, наука, могущая быть названною университетскою дидактикою, представляла бы особую кѣтвь дидактики, науки объ обученiи, и восполняла бы пробѣлъ и недостатокъ современной дидактики, состоящiй въ ограниченiи ея проблемами низшаго обученiя.

Научное построенiе такого практическаго ученiя, въ отличiе отъ разныхъ и теперь высказываемыхъ въ этой области научно не обоснованныхъ мнѣнiй, совѣтовъ, рецептовъ, построенiе университетской дидактики, какъ науки, предполагаетъ предварительное построенiе системы научныхъ предпосылокъ двоякаго рода:

1. Теоретическаго базиса въ видѣ научно-психологической теорiи науки, какъ особаго класса эмоціоально-интеллектуальныхъ процессовъ, и такой же теорiи процессовъ приобщенiя къ научной психикѣ.

2. Практическаго базиса въ видѣ науки высшей автодидактики. Дѣло въ томъ, что университетская дидактика должна была бы по существу представлять научно-практическое руководство къ доставленiю лучшей и сознательно-раціональной помощи занимающимся научнымъ самообразованiемъ со стороны университета и отдѣльныхъ профессоровъ. Нѣкоторыя изъ лицъ, занимающихся научнымъ самообразованiемъ, обходятся или принуждены обходиться безъ помощи со стороны университета. Другiе пользуются въ извѣстныхъ стадiяхъ своего научнаго самообразованiя, главнымъ образомъ въ начальной стадiи, въ

качествѣ студентовъ или вольнослушателей, подчасъ и въ другихъ стадіяхъ своего научнаго самообразованія, на ряду съ разными другими средствами научнаго самообразованія, лекціями и иною помощью со стороны университета и отдѣльныхъ преподавателей, въ томъ числѣ разными совѣтами и указаніями. Такимъ образомъ для лицъ, пользующихся помощью со стороны университета и отдѣльныхъ преподавателей, эта помощь представляетъ одинъ изъ элементовъ системы средствъ научнаго самообразованія и, сообразно съ этимъ, она должна быть сообразована съ началами рациональнаго самообразованія, т. е. высшей автодидактики. Нѣкоторыя же основныя проблемы дидактики, какъ увидимъ ниже, непосредственно рѣшаются началами рациональной автодидактики.

Здѣсь мы имѣемъ, между прочимъ, примѣръ особой, не упомянутой еще выше, зависимости разныхъ вѣтвей знанія; а именно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ случаемъ, гдѣ одна практическая наука является научнымъ базисомъ другой практической науки; такого рода зависимости встрѣчаются въ разныхъ областяхъ прикладнаго знанія; практическія науки или отдѣльныя ихъ положенія бываютъ прикладными не только по отношенію къ подлежащимъ законамъ физической или духовной природы, вообще по отношенію къ теоретическимъ знаніямъ, но и по отношенію къ другимъ практическимъ наукамъ или отдѣльнымъ ихъ положеніямъ; на ряду съ теоретическими бываютъ и практическіе базисы прикладнаго знанія; напр., начала практической науки—гигіены являются научнымъ базисомъ для надлежащаго построенія нѣкоторыхъ правилъ разныхъ другихъ практическихъ дисциплинъ, напр., практической науки воспитанія дѣтей, разныхъ вѣтвей (будущей) науки политики права, имѣющихъ дѣло съ вопросами санитарнаго и иного, касающагося физическаго благосостоянія народа, законодательства и т. п.

Идея о возможности и желательности построенія науки университетской дидактики не представляетъ новаго изобрѣтенія автора этого сочиненія. Она возникла впервые, впрочемъ въ иной формѣ и подъ инымъ именемъ: «педагогика высшихъ учебныхъ заведеній» (Hochschulpädagogik), въ Германіи и возбудила тамъ большія симпатіи и надежды, вызвала оживленное общественное движеніе, учрежденіе соответственныхъ обществъ и т. д. При этомъ предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ учредить

особую высшую школу этой высшей педагогики, институтъ для обученія приготовляющихся къ преподаванію въ университетахъ и иныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ наукъ и искусству чтенія лекцій и вообще высшаго преподаванія.

Но фактически ничего изъ этого движенія не вышло; не только сколько нибудь развитой науки «педагогики высшихъ учебныхъ заведеній», но даже и зачатковъ такой науки, вообще какихъ бы то ни было научныхъ положеній этой, высшей, «педагогики» создать не удалось; и возникли разочарованіе и скептицизмъ по адресу самой идеи. Ей было противопоставлено, что искусство чтенія лекцій и вообще преподаванія каждой спеціальной науки есть нѣчто индивидуальное и спеціальное, зависящее отъ характера и содержанія данной науки и не поддающееся регулированію общими правилами, что лучшимъ и единственно возможнымъ средствомъ обученія преподаванію каждой отдѣльной науки является слушаніе лекцій выдающихся мастеровъ преподаванія данной науки для изученія примѣняемыхъ ими приѣмовъ преподаванія, и т. д.

Эта неудача вполне естественна: ибо изъ ничего нельзя сдѣлать что либо; для построенія науки высшей дидактики и даже для выясненія самой возможности такой науки и убѣжденія другихъ въ разумности идеи требуется надлежащая научная почва, научные базисы указаннаго выше рода.

Дальнѣйшее изложеніе ограничивается краткимъ указаніемъ главнѣйшихъ выводовъ, вытекающихъ съ точки зрѣнія университетской дидактики изъ изложенныхъ выше теоретическихъ положеній о наукѣ и научномъ образованіи и практическихъ началъ высшей автодидактики. Нѣкоторые спеціальные вопросы университетской дидактики были уже рассмотрѣны выше въ другой связи.

II.

Вся система университетской дидактики и вообще всѣ отношенія университета, факультета и отдѣльныхъ преподавателей къ учащимся должны быть прежде всего проникнуты и опредѣляться сознаніемъ великой важности и цѣнности эмоциональнаго элемента научной психики, какъ средства дѣйствія и какъ цѣли университетской дидактики.

Въ частности университетская дидактика должна исходить

изъ того: 1) что драгоцѣннѣйшимъ элементомъ университетскаго образованія и высшею задачею университетской дидактики является приобщеніе учащихся къ возвышенной эмоціональной научной психикѣ и соответственное перерожденіе характера питомцевъ alma mater и будущихъ руководящихъ общественныхъ дѣятелей; 2) что тотъ же эмоціональный факторъ является въ то же время рычагомъ поднятія интеллекта на высшія ступени дѣйствія и развитія и условіемъ успѣшнаго дѣйствія всякой университетской дидактики; 3) что научно-эмоціональныя настроенія, воодушевленія и увлеченія являются лучшимъ стимуломъ для охотнаго и усерднаго автодидактическаго пользованія со стороны учащихся тѣмъ, что имъ предлагается со стороны университетской дидактики, и вообще для занятія наукою; 4) что задачею университетской дидактики является создать стимулы для занятія факультетскими науками отнюдь не на университетское время только, а и на послѣдующее время жизни, а это зависитъ опять таки отъ приобщенія къ научно-эмоціональной психикѣ, отъ развитія соответственныхъ диспозицій.

Сообразно съ этимъ:

1. Всѣ виды и элементы университетской дидактики должны имѣть характеръ предложенія подлежащихъ духовныхъ продуктовъ желающимъ и умѣющимъ ихъ цѣнить для автодидактическаго пользованія по собственному добровольному выбору и влеченію. Слѣдуетъ избѣгать всякой подневольности учебныхъ занятій, всякаго навязыванія, понужденія, устрашенія и т. п. приемовъ мотивационнаго воздѣйствія, какъ факторовъ не только ослабляющихъ и разрушающихъ аттрактивные, притягательныя эмоціональныя диспозиціи и ассоціаціи, но заводящихъ прямо противоположныя — репульсивныя, отталкивающія эмоціональныя диспозиціи и ассоціаціи. Въ виду тенденціи распространенія эмоцій на смежныя представленія съ той же точки зрѣнія важно и въ сферахъ виѣчебныхъ отношеній университета, факультета и отдѣльныхъ преподавателей къ учащимся тщательно избѣгать всего того, что можетъ возбуждать отталкивающія эмоціи по адресу учрежденія, лицъ и т. п., и распространять ихъ по ассоціаціи и на невинный объектъ—университетскую науку.

2. Мотивационная система, необходимая для надлежащаго дѣйствія университетской дидактики, т. е. для привлеченія къ самообразовательному возможно болѣе усердному поль-

зованію со стороны учащихся предлагаемыми для пользования элементами упиверситетской дидактики и къ другимъ самообразовательнымъ занятіямъ, къ чтенію научной литературы и т. д., — должна имѣть въ своей основѣ эмоціональный, аттрактивный элементъ научной психики и оперировать соотвѣтственными средствами. И вообще всякія воздѣйствія и отношенія упиверситета, факультета и ихъ представителей къ учащимся должны быть по возможности построены такъ и опредѣляться тѣмъ, чтобы по адресу не только науки, по и смежныхъ представлений и воспоминаній: «alma mater», «professores», клички и т. д. развивались симпатично-аттрактивные эмоціональныя диспозиціи, чтобы alma mater была дѣйствительно матерью, а не мачихою и т. д. Если, напр., въ студенческихъ представленіяхъ и воспоминаніяхъ фигурируютъ не столько alma mater, отецъ ректоръ, отецъ деканъ и т. д., сколько инспекція, «субы», «шпики» и т. п., то это весьма вредное явленіе вслѣдствіе ассоціаціи по смежности и съ точки зрѣнія упиверситетской и послѣ-упиверситетской науки.

3. Вся система упиверситетской дидактики и вообще устройства упиверситетскаго дѣла, поскольку она касается учащихся, должна быть по возможности припоровлена къ тому, чтобы дѣйствіе указанной въ предыдущемъ пунктѣ мотиваціи, въ частности разныхъ возникающихъ въ психикѣ учащихся автодидактическихъ научныхъ влеченій, пристрастій и увлеченій, хотя бы, напр., исключительнаго увлеченія въ пользу одной какой либо изъ факультетскихъ или даже внѣфакультетскихъ наукъ, могло находить возможно полное и безпрепятственное осуществленіе; слѣдуетъ по возможности стремиться къ тому, чтобы этотъ драгоцѣнный факторъ упиверситетскаго самообразования не встрѣчалъ помѣхъ и препятствій не только въ видѣ болѣе или менѣе абсолютной необходимости отказаться отъ своихъ автодидактическихъ желаній и влеченій и заниматься другимъ дѣломъ, подчиняться иному плану и порядку занятій, но и въ видѣ такихъ или иныхъ косвенныхъ отклоняющихъ давленій и конкуренцій. Это можно кратко выразить такъ: не слѣдуетъ мѣшать учащимся заниматься наукою въ собственномъ и высшемъ смыслѣ слова. Это положеніе имѣетъ видъ трузизма, и возведеніе его въ основной тезисъ науки упиверситетской дидактики можетъ показаться страннымъ. Между тѣмъ осуществленіе разныхъ заключающихся въ немъ требованій въ сколько

нибудь полной и удачной формѣ—довольно сложная и трудная задача, требующая искусства приноравливанія не только разныхъ элементовъ университетскаго и факультетскаго устройства (ср. выше, стр. 487), университетскихъ правилъ и системы университетскаго преподаванія, но и нормъ права, касающихся образовательнаго ценза, необходимаго для разныхъ специальныхъ дѣятельностей (въ томъ числѣ для занятій разныхъ университетскихъ кафедръ, ср. выше, стр. 488). Фактическое же устройство университетской дидактики въ большинствѣ университетскихъ странъ, не исключая Россіи, таково, что оно болѣе или менѣе грубымъ и кореннымъ образомъ противорѣчитъ приведенному, казалось бы, простому положенію (ср. ниже *).

Изъ предыдущихъ положеній, между прочимъ, вытекаетъ недопустимость съ точки зрѣнія рациональной университетской дидактики прикрѣпленія къ университетамъ, обязанности и контроля посѣщенія лекцій, обязательныхъ практическихъ занятій, письменныхъ работъ и проч., задаванія уроковъ и репетицій и прочаго тому подобнаго навязыванія и замѣны для учащихся свободной автодидактики подневольнымъ школьнымъ положеніемъ; далѣе, изъ приведенныхъ основныхъ положеній вытекаетъ принципиальная предпочтительность такъ называемой предметной системы курсовой, а равно желательность возможно большаго развитія специальныхъ факультет-

*) Между прочимъ, въ то время, когда пишутся эти строки, у насъ существуетъ такое, въ настоящемъ году введенное устройство университетскихъ экзаменовъ, при которомъ студентамъ (кромя первокурсниковъ) нѣтъ времени и возможности заниматься наукою, слушать лекціи, читать научную литературу и т. д. Въ теченіе учебнаго года и даже параллельно съ чтеніемъ лекцій производится экзамены, т. е. совмѣщается совершенно несовмѣстимое; университетъ превращенъ въ экзаменную лавочку; научныя настроенія и воодушевленія, научный духъ и подъемъ, драгоцѣннѣйшіе союзники университетской дидактики, разрушаются и вытѣняются экзаменными хлопотами и заботами въ то время, когда присутствіе и возможно живое и сильное дѣйствіе этого научнаго духа является первѣйшимъ условіемъ успѣха всякой университетской дидактики; университетское образованіе въ надлежащемъ смыслѣ слова упраздняется и замѣняется жалкимъ и обманчивымъ суррогатомъ, состоящимъ въ отзубриваніи разныхъ печатныхъ и литографированныхъ пособій для послѣдующаго забыванія и замѣны содержимымъ другихъ пособій для слѣдующаго экзамена и т. д. Слѣдуетъ надѣяться, что это только временная язва, вынужденная необходимостью поскорѣе освободить университетъ отъ чрезвычайнаго скопленія разныхъ застрявшихъ поколѣній студентовъ, хотя бы цѣною ихъ научнаго образованія, для дальнѣйшихъ поколѣній студентовъ.

скихъ отдѣленій и вообще возможно большаго разнообразія, эластичности и подвижности образовательныхъ комбинацій.

Поскольку по такимъ или инымъ особымъ обстоятельствамъ и основаніямъ, напр., въ виду существующаго пока слабосилія университетовъ и недостаточнаго дѣйствія указанной выше аттрактивно-эмоціональной мотивации, или въ виду затрудненій, вытекающихъ изъ нормировки разныхъ специальныхъ образовательныхъ цензовъ, приходится дѣлать отступленія отъ приведенныхъ выше началъ, необходимо заботиться о томъ, чтобы эти отступленія все таки по возможности были согласованы съ этими началами, не причиняли лишняго вреда, возможно менѣ стѣсняли свободное осуществленіе автодидактическихъ желаній и влеченій, возможно менѣ способствовали появленію и укорененію нежелательныхъ ассоціаций; напр., слѣдуетъ стараться о томъ, чтобы представленіе о наукѣ и свободномъ занятіи ею, съ одной стороны, представленіе элемента принудительности, въ частности экзаменовъ, съ другой стороны, были по возможности раздѣлены, диссоціированы идейно и реально (отнесеніе экзаменовъ на время послѣ окончанія академическаго года въ смыслѣ періода университетскаго преподаванія и отдаленіе ихъ отъ этого періода надлежащимъ промежуткомъ времени) и т. д.

Довольно удачное фактическое воплощеніе приведенныхъ выше общихъ принциповъ университетской дидактики, поскольку дѣло идетъ о формальной сторонѣ дѣла, о традиціонныхъ правилахъ и обычаяхъ университетской жизни и объ общей формальной структурѣ университетскаго преподаванія, исторически выработалось и установилось въ германскихъ университетахъ. Въ частности въ германскихъ университетахъ нѣтъ вообще обязанности и контроля студенческихъ занятій, а структура университетскаго преподаванія (въ томъ числѣ семестральная система курсовъ) и другія правила университетской жизни таковы, что учащіеся могутъ съ большою легкостью и большимъ удобствомъ осуществлять свои автодидактическіе вкусы и планы, выбирать, мѣнять и комбинировать университеты, предметы изученія, порядокъ ихъ изученія, профессоровъ, которыхъ они желаютъ слушать, и проч. Тѣ особенности германскаго университетскаго быта, которыя состоятъ въ отсутствіи обязанности и контроля студенческихъ занятій и ихъ порядка, обобщаются теперь выраженіемъ «свобода ученія»

(Lernfreiheit) и объясняются и оправдываются сторонниками сохранения их и на будущее время главнымъ образомъ съ точки зрѣнія принципа свободы и значенія ея, какъ условія развитія внутренне свободной, самостоятельной и независимой личности. Но такъ какъ въ основѣ «свободы ученія» (и другихъ традицій и обычаевъ германской университетской жизни, способствующихъ свободному осуществленію автодидактическихъ плановъ и влеченій учащихся) лежитъ не столько знаніе научныхъ основаній и значенія этого начала, коренящихся въ эмоціональномъ элементѣ науки и научнаго образованія, сколько бессознательно-эмпирическая мудрость и удачный для ея кристаллизаціи ходъ историческаго развитія, а теперь такое время, что разные обычаи и традиціи легко подвергаются критикѣ и разрушенію, хотя бы эта критика была научно недостаточно вооруженною и недоросшей до пониманія бессознательной мудрости этихъ обычаевъ и традицій, то и въ германскихъ университетахъ начало «свободы ученія» подвергается сомнѣнію и разрушенію. Опасность для этого начала тѣмъ больше, что тотъ великій общій принципъ свободы, который прежде былъ прочною опорой начала «свободы ученія», все менѣе понимается и цѣнится общественнымъ мнѣніемъ. Въ Пруссіи въ 1897 году введена для юристовъ обязательность участія въ практическихъ занятіяхъ; въ частности для государственнаго экзамена требуется представленіе письменныхъ работъ съ отмѣткою подлежащаго профессора. Фактически обезвреживается до извѣстной степени это нововведеніе тѣмъ, что въ производствѣ подлежащей массы письменной макулатуры принимаютъ участіе за небольшую плату появившіеся на этой почвѣ специалисты; и точно также ученымъ, слишкомъ цѣнящимъ свое драгоценное время, чтобы растрчивать его на чтеніе громадной массы этой макулатуры, подчасъ помогаютъ люди, болѣе подходящіе для этого занятія, мало имѣющаго смысла и при томъ оглупляющаго и мѣшающаго заниматься наукою. Тѣмъ не менѣе идетъ пропаганда въ пользу распространенія этого нововведенія на другіе факультеты и въ пользу тому подобныхъ иныхъ нововведеній.

Въ университетахъ или соотвѣтственныхъ высшихъ школахъ другихъ странъ, въ томъ числѣ столь культурныхъ, какъ Англія и Франція, начало автодидактическаго свободнаго выбора вообще не существуетъ; учащіеся находятся въ положеніи под-

невольныхъ школьничковъ и ведутъ себя по отношенію къ наукѣ сообразно съ этимъ.

Уже эти факты, и даже само радикальное различіе исторически развившихся въ разныхъ странахъ системъ высшей дидактики, свидѣлствуютъ о необходимости построения и разработки науки университетской дидактики.

III.

Существеннымъ подкрѣпленіемъ указанной выше (стр. 505) мотиваціонной системы университетской дидактики и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ рациональнаго использования автодидактической свободы со стороны учащихся должно быть доставленіе послѣднимъ возможно болѣе обильнаго научнаго свѣта и руководства относительно рациональнаго веденія дѣла ихъ научнаго самообразованія. Томазій различалъ два средства внушенія другимъ разумнаго поведенія: совѣтъ и приказаніе. Чѣмъ больше изъ сферы университетской дидактики исключается второе средство, тѣмъ болѣе значеніе приобретаетъ первое. Одною изъ темныхъ сторонъ и весьма существеннымъ недостаткомъ фактической университетской дидактики является полная и поразительная безпомощность попадающихъ изъ гимназій въ университеты молодыхъ людей, оставленіе ихъ безъ свѣта и руководства относительно ихъ самообразовательныхъ занятій, относительно рациональнаго выбора и пользованія разными сюда относящимися средствами и приѣмами, относительно ихъ смысла и значенія и т. д. Отсюда множество ошибокъ и блужданій, неудачныхъ попытокъ и разочарованій съ болѣе или менѣе полнымъ охлажденіемъ и опусканіемъ рукъ въ результатъ и т. п. На кафедрахъ появляются профессора, излагаютъ такъ или иначе ряды свѣдѣній и положеній по своей спеціальной наукѣ, подчасъ безъ рекомендаціи чтенія и указанія подходящаго для этого занятія матеріала, и даже не извѣстно, почему и для чего читаются лекціи, почему ихъ слѣдуетъ слушать, что такое университетское образованіе и отъ чего зависитъ его успѣхъ. А разные обстоятельства, главнымъ образомъ экзамены и успѣшное выдерживаніе ихъ на почвѣ выучиванія разныхъ печатныхъ и литографированныхъ, пособій, внушаютъ весьма ошибочныя и роковыя представленія въ этой области.

Поскольку же некоторыя, главнымъ образомъ литературныя, указанія дѣлаются въ лекціяхъ или внѣ лекцій тѣмъ, которые обращающимся за такими или иными совѣтами, тѣми преподавателями, къ которымъ студенты обращаются съ частными просьбами и вопросами, эти совѣты и указанія, даваемые обыкновенно безъ объясненія основаній, далеко не всегда раціональны — за отсутствіемъ вообще надлежащаго руководящаго научнаго свѣта въ этой области явленій духовной жизни и духовнаго развитія.

Предполагая въ будущемъ успѣшное и обильное развитіе подлежащаго научнаго свѣта, слѣдуетъ признать однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ университетской дидактики снабженіе учащихся этимъ свѣтомъ. При томъ дѣло идетъ отнюдь не о лаконическихъ авторитетно-догматическихъ указаніяхъ и правоченіяхъ, напр., что слѣдуетъ аккуратно посѣщать лекціи, усердно учиться, читать научную литературу, по такой то наукѣ такія то книги и т. п., а именно о доставленіи научнаго, теоретическаго и практическаго свѣта, безъ всякаго, хотя бы словеснаго, навязыванія, догматизма и правочительства, но съ сообщеніемъ научныхъ данныхъ и соображеній въ пользу такого или иного отношенія къ дѣлу, съ тѣмъ, чтобы учащіеся сами могли самостоятельно оцѣнить смыслъ, значеніе и цѣнность подлежащихъ средствъ самообразования и энергичнаго пользованія ими. Только въ такомъ видѣ этотъ элементъ университетской дидактики способенъ служить сильнымъ подкрѣпленіемъ прочей эмоціоально-аттрактивной системы университетской мотиваци и давать надлежащее освѣщеніе автодидактическаго пути на университетское и послѣдующее время.

Другими словами, университетская дидактика въ данной области представляетъ не что иное, какъ сообщеніе общихъ началъ научной автодидактики и конкретных, спеціальныхъ, соответствующихъ конкретнымъ обстоятельствамъ, выводовъ изъ этихъ началъ (вмѣстѣ съ подлежащимъ теоретическимъ базисомъ). Всякій представитель университетской дидактики, въ качествѣ руководителя занятія учащихся, долженъ по адресу всей своей аудиторіи и по адресу отдѣльныхъ, обращающихся за совѣтами, студентовъ (и другихъ лицъ, нуждающихся въ руководствѣ, напр., оставляемыхъ при университетѣ для приготовленія къ ученому званію) быть *viva vox* , живымъ голосомъ началъ раціональной высшей автодидактики отчасти въ такой

формъ, въ какой эти начала (будутъ) выработаны и установлены наукою высшей автодидактики, отчасти въ формъ болѣе специальныхъ и конкретныхъ выводовъ изъ этихъ началъ.

Кромѣ того, было бы въ высшей степени желательнымъ открытіе специальныхъ курсовъ по теоріи науки и научнаго образованія и высшей автодидактикѣ. Можно съ увѣренностью предсказать, что такіе курсы пользовались бы величайшимъ успѣхомъ и приносили бы (разумѣется, при надлежащей, научной ихъ постановкѣ) огромную пользу учащимся *). Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ науки высшей автодидактики и распространеніемъ сознанія и признанія ея значенія, можно надѣяться, въ университетахъ будутъ учреждены спеціальныя кафедры для нея.

IV.

Что касается затѣмъ самой структуры университетскаго преподаванія, то важнѣйшій, вытекающій изъ всего предыдущаго изложенія, изъ теоретическаго базиса и установленныхъ началъ университетской автодидактики, выводъ состоитъ въ томъ, что основою университетской дидактики должна быть лекціонная система, лекціонный способъ преподаванія науки.

Движеніе противъ лекціонной системы, въ частности мнѣніе о безполезности чтенія и слушанія лекцій вслѣдствіе «пассивнаго» характера слушанія и т. д., основано на недоразумѣніяхъ, на научной невыясненности психологіи науки, научнаго образованія, слушанія лекцій и т. д. То же относится и къ мнѣнію друзей лекціонной системы о необходимости противобѣса этой мнимой пассивности въ видѣ «активнаго» элемента такъ наз. практическихъ занятій. Этимъ, разумѣется, нисколько не умаляется значеніе, въ качествѣ средствъ нагляднаго обученія, экспериментальныхъ подтвержденій и т. д. (ср. выше, стр. 40 и сл.) тѣхъ такъ наз. «практическихъ занятій», кото-

*) Предсказаніе относительно успѣха такихъ специальныхъ курсовъ основано не только на апріорныхъ соображеніяхъ, но и на личномъ опытѣ автора. До изданія этой книги, я періодически (не каждый годъ) посвящала нѣкоторую часть лекціоннаго времени въ началѣ года «лекціямъ о лекціяхъ», о наукѣ, научномъ образованіи и значеніи слушанія лекцій. Хотя объ этомъ въ университетѣ не объявлялось, вѣсть о такомъ содержаніи лекцій быстро распространялась въ студенческихъ сферахъ и привлекала столько слушателей, что бывало затруднительно читать. Въ результатѣ замѣчалось вліяніе на посѣщаемость лекцій вообще, на количество обращающихся за совѣтами и указаніями и т. д.

рыя въ нѣкоторыхъ специальныхъ наукахъ служить дополненіемъ слушанія лекцій и иныхъ средствъ автодидактики. Но это не относится къ общимъ началамъ университетской дидактики, а во всякомъ случаѣ нисколько не затрагиваетъ и не умаляетъ значенія лекціонной системы, какъ общей основы университетскаго преподаванія *).

Задачею рациональной университетской дидактики является не упраздненіе или ограниченіе лекціоннаго способа университетскаго преподаванія и не созданіе ему противобѣсовъ и конкуренцій, а, напротивъ, возможно болѣе полное развитіе и обильное предложеніе учащимся этого высшаго и специфическаго средства приобщенія къ научной эмоціонально-интеллектуальной психикѣ, и, разумѣется, возможно большее качественное его усовершенствованіе.

Нѣкоторыя сюда относящіяся частныя задачи и требованія, такъ, задача возможно большаго умноженія лекціонныхъ курсовъ сообразно развитію науки и идеалу университета, какъ *universitas litterarum*, задача возможно большаго развитія специальныхъ курсовъ (надлежащая постановка доцентуры), задача созданія и привлеченія къ университетскому дѣлу возможно большаго количества и возможно болѣе выдающихся ученыхъ силъ,—входятъ въ сферу проблемъ университетской политики (ср. ниже).

Главною и основною проблемою науки университетской дидактики въ тѣсномъ смыслѣ является выясненіе тѣхъ путей и средствъ, съ помощью которыхъ готовящіяся къ высшему научному преподаванію или уже преподающіе могли бы достигать возможно большаго успѣха въ области лекціонной дѣятельности, возможно большей плодотворности и полезности для учащихся своей *professio scientiae*.

Намъ пришлось выше встрѣтиться съ поисками соотвѣтственнаго «секрета», т. е. секрета успѣха лекцій, находяща-

*) Болѣе общее значеніе, чѣмъ упомянутыя «практическія занятія», въ смыслѣ относительной независимости отъ specialнаго характера отдельныхъ наукъ, имѣютъ разсмотрѣнныя уже выше съ точки зрѣнія высшей автодидактики занятія, состоящія въ обсужденіи научныхъ рефератовъ въ кружкахъ специально интересующихся данною наукою и обладающихъ надлежащимъ образовательнымъ цензомъ участниковъ. Но и они имѣютъ, съ точки зрѣнія общей экономіи университетскаго преподаванія, лишь аксессуарное и частное и ограниченное, уже въ виду ограниченнаго числа участниковъ, значеніе.

гося въ фактическомъ обладаніи тѣхъ, которые достигаютъ этого успѣха, по тѣмъ не менѣе остающагося секретомъ, т. е. съ точки зрѣнія знанія и сознательнаго распоряженія подлежащими средствами не выясненнымъ. Выработку соответственныхъ сознательныхъ и научно обоснованныхъ правилъ и созданіе соответственнаго института для теоретическаго и практическаго обученія искусству высшаго преподаванія науки имѣло въ виду упомянутое уже выше движеніе въ пользу созданія науки «педагогика высшихъ учебныхъ заведеній», но, какъ тоже упомянуто выше, дѣло ограничилось намѣреніями и планами и не дало положительныхъ результатовъ. Противопоставленное этому движенію мнѣніе, что лучшее средство пріобрѣтенія соответственнаго умѣнія состоитъ въ изученіи характера и пріемовъ преподаванія науки въ аудиторіяхъ лучшихъ мастеровъ этого дѣла для заимствованія и примѣненія этихъ пріемовъ въ собственномъ преподаваніи, а тѣмъ болѣе такія указанія относительно искомаго секрета, какъ совѣты ограниченія лекцій только нѣкоторыми особенно интересными темами или только вводными или антрактными рѣчами на почвѣ иного основного пріема преподаванія, или какъ рекомендація примѣненія громового голоса, мимики и т. п.—не могутъ быть признаны серьезнымъ рѣшеніемъ проблемы.

Изъ изложенныхъ выше положеній психологической теоріи науки и лекцій и началъ высшей автодидактики вытекаеть:

1. Что идея высшей дидактики и института для обученія высшему преподаванію, поскольку она имѣетъ тотъ смыслъ, что путемъ выработки правилъ, непосредственно касающихся искусства преподаванія, какъ такового, усвоенія этихъ правилъ со стороны готовящихся къ высшему преподаванію и упражненія въ примѣненіи этихъ правилъ въ институтѣ высшей дидактики предъ собранною для этой цѣли аудиторіей (какъ предполагали сторонники этого проекта) можно достигнуть способности къ успѣшному университетскому преподаванію,—дѣйствительно несостоятельная идея. Ибо суть дѣла и «секретъ» успѣха заключается вовсе не въ знаніи такихъ или иныхъ дидактическихъ въ тѣсномъ смыслѣ правилъ и умѣнія примѣнять ихъ.

2. Что точно также поверхностно и ошибочно мнѣніе противниковъ этой идеи, а именно мнѣніе, что искомой способности можно достигнуть путемъ подмѣчанія и усвоенія характера и пріемовъ преподаванія выдающихся мастеровъ этого дѣла.

3. Что секретъ успѣшнаго университетскаго преподаванія, въ смыслѣ сознательно-раціональныхъ средствъ для достиженія этой цѣли, имѣется (и подлежитъ сознательно-научной разработкѣ); но только онъ имѣетъ иной, болѣе глубокой, характеръ, чѣмъ тѣ секреты, о которыхъ въ этой области обыкновенно идетъ рѣчь; а именно онъ состоитъ въ примѣненіи началъ раціональнаго ученаго самообразованія и достиженія этимъ путемъ высшаго развитія трехъ элементовъ научной психики: 1) научнаго воодушевленія и энтузіазма, 2) мастерской техники и виртуозности научнаго мышленія, 3) знаній высшихъ разрядовъ, изслѣдовательскихъ убѣжденій, въ отличіе отъ ученическихъ и полу-изслѣдовательскихъ знаній, въ особенности знаній перваго изъ упомянутыхъ выше четырехъ разрядовъ знаній, оригинальныхъ, впервые выработанныхъ и потому наиболѣе воодушевленннхъ и глубоко раціонализованныхъ научныхъ убѣжденій.

«Блестящій» характеръ лекцій, ихъ эмоціоально-импульсивная сила, способность поднимать и увлекать слушателей въ высокія сферы идейнаго воодушевленія и высшаго полета мысли, подвергать ихъ умъ и характеръ соотвѣтственному перерожденію, привлекать ихъ въ аудиторію и вообще создавать аттрактивные связи между наукою и ними не только на университетскомъ, но и на будущее время жизни... всѣ эти, дѣйствительно «блестящія» въ высшемъ смыслѣ слова свойства научной проповѣди представляютъ отблескъ соотвѣтственнаго научнаго просвѣтленія духа ученаго и результатъ того, чѣмъ достигается такое просвѣтленіе.

Такъ какъ главнымъ и основнымъ «секретомъ» успѣха въ дѣлѣ достиженія такого просвѣтленія собственнаго духа ученаго, въ дѣлѣ обогащенія собственной психики указанными тремя драгоценными элементами научнаго свѣта, является, какъ было выяснено выше, возможно болѣе интенсивная и непрерывная изслѣдовательно-писательская разработка научнаго свѣта, то можно сказать, что въ соотвѣтственной усердной и раціонально устроенной научной работѣ и заключается главный секретъ успѣшной и плодотворной проповѣди науки въ университетской аудиторіи (какъ и въ печати). Лишь аксессуарное и относительно весьма скромное значеніе по сравненію съ этимъ секретомъ и вообще началами раціональной ученой автодидактики имѣютъ тѣ условія успѣха и правила лекціонной

дѣятельности, которыя касаются не указанной подготовки къ этой дѣятельности, а самихъ лекцій, ихъ характера, структуры, содержанія и т. д.

Главнѣйшія общія правила этого рода, вытекающія изъ изложенной психологической теоріи науки и лекцій, уже были изложены выше въ связи съ теоретическимъ разсмотрѣніемъ разныхъ сторонъ и элементовъ психического дѣйствія лекцій.

— Общимъ директивомъ является положеніе, что дидактическій смыслъ и осповная цѣнность лекцій состоятъ отнюдь не въ томъ, въ чемъ ихъ обыкновенно усматриваютъ съ точки зрѣнія ходячаго и психологически естественнаго, но тѣмъ не менѣе ненаучнаго представленія о лекціяхъ, какъ объ устномъ сообщеніи научныхъ знаній для «пассивнаго» воспріятія ихъ слушателями, а въ приобщеніи къ другимъ элементамъ научной психики, къ (активному) высшему научному мышленію и «чувствованію» (научно-эмоціональному настроенію и воодушевленію).

Отсюда вытекаетъ прежде всего рядъ правилъ отрицательнаго содержанія, правилъ, указывающихъ, чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы не портить лекцій, не лишать ихъ цѣнности и полезности для слушателей: 1) не слѣдуетъ, какъ это дѣлаютъ старательные и усердные преподаватели подъ вліяніемъ ложно направленаго дидактическаго усердія, уничтожать смысла и цѣнности своего преподаванія путемъ превращенія лекцій въ элементарное разжевываніе и школьническое выдреніе знаній (ср. выше стр. 318 и сл.); такое преподаваніе, поскольку оно, какъ это, напр., въ широкихъ размѣрахъ практикуется въ германскихъ университетахъ (не говоря уже, напр., объ англійскихъ университетахъ съ ихъ тьюторствомъ и т. п.), опускается на такой уровень, что получается для обѣихъ сторонъ то, что мы выше назвали умственнымъ таперствомъ, слѣдуетъ даже признать положительно вреднымъ для обѣихъ сторонъ, отрицательнымъ факторомъ съ точки зрѣнія интеллектуальнаго развитія и вообще истинно научнаго образованія (точно также какъ «практическія занятія», «собесѣдованія» и т. д. соответственнаго типа); 2) не слѣдуетъ пытаться путемъ лекцій сообщать слушателямъ знаніе позитивныхъ рядовъ и вообще чисто позитивнаго остова данной полной науки. т. е. превращать лекцій въ покушенія съ негодными средствами, или, поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ частяхъ лекцій, уничтожать эмо-

ціональний и интелектуальный разгонъ и полетъ въ своей психикѣ и въ психикѣ слушателей путемъ введенія промежуточныхъ бесполезныхъ перечисленій и т. п.; о допустимомъ тѣмъ не менѣе и даже болѣе свободномъ и обильномъ, чѣмъ въ учебникѣ, пользованіи фактическимъ и инымъ позитивнымъ матеріаломъ въ качествѣ служебнаго, ср. выше, стр. 303 и сл.; 3) и въ области рacionales элементовъ данной науки дѣло идетъ не столько о сообщеніи подлежащихъ знаній, сколько о пользованіи ими, какъ матеріаломъ для примѣненія и развитія иныхъ элементовъ научно-психического процесса; 4) негоднымъ матеріаломъ для этой цѣли являются тѣ знанія, которыя въ психикѣ даннаго преподавателя имѣютъ природу ученическихъ знаній; мало годный матеріалъ представляютъ полужизньдовательскія (полу-ученическія) знанія; 5) поскольку иного матеріала пока нѣтъ, элементарное правило не только университетской дидактики (и ученой автодидактики, ср. выше, стр. 432 и сл.), но и университетской этики состоитъ въ воздержаніи пока, до пріобрѣтенія лучшаго матеріала, отъ (вреднаго для обѣихъ сторонъ и дискредитирующаго науку и университетскую кафедру) университетскаго преподаванія; лучше отсутствіе всякаго преподаванія данной науки въ данномъ университетѣ, т. е. пользованіе студентами другими средствами научной автодидактики и знаніе и пониманіе необходимости замѣнить слушаніе лекцій соответственными суррогатами, чѣмъ такое преподаваніе; поскольку матеріалъ для подлинной и надлежащей *professio scientiae* уже добытъ, но пока въ ограниченныхъ, скромныхъ предѣлахъ, допустимъ и желателенъ спеціальныи курсъ по наиболѣе просвѣтленной въ психикѣ доцента части науки, по отнюдь не общій курсъ.

Въ качествѣ положительныхъ правилъ, вытекающихъ изъ того же общаго директива, можно здѣсь привести (или повторить въ качествѣ *resumé*) слѣдующія: 1) наиболѣе годнымъ матеріаломъ для построения удачныхъ и сильно дѣйствующихъ въ эмоциональномъ и интеллектуальномъ отношеніи лекцій являются и потому подлежатъ особенно обширной лекціонной утилизациі—оригинальныя изслѣдовательскія убѣжденія съ ихъ рационализациію, съ полемическою, критическо-разрушительною аргументациію по адресу другихъ учений и мнѣній и съ положительною аргументациію въ пользу своихъ убѣжденій; а равно тѣ, обыкновенно касающіяся новыхъ и еще борющихся за

существование идей, направлений, школ и проч. убеждения (с их рационализацией), которые в психикѣ преподавателя сочетаются (с диспозитивнымъ) энтузіазмомъ; в области этого, драгоценнѣйшаго в дидактическомъ отношеніи, матеріала не слѣдуетъ вообще стѣсняться соображеніями школьно-дидактическаго типа, напр., о неважности для слушателей знанія данной спеціальной проблемы, о мнимой необходимости соблюдать равномерность курса, его полноту и т. п. свойства «устнаго учебника»; напротивъ, съ точки зрѣнія высшей дидактики волиѣ рациональна гипертрофія соответственныхъ элементовъ курса насчетъ другихъ элементовъ, в тѣмъ большей степени, чѣмъ меньше запасъ такихъ, особенно драгоценныхъ, элементовъ преподавательской психики, т. е., при правильномъ ходѣ автодидактики ученаго. особенно в началѣ преподавательской дѣятельности; дальнѣйшимъ годнымъ матеріаломъ для успѣшной устной проповѣди науки являются прочія изслѣдовательскія убеждения в порядкѣ степеней ихъ эмоціоанальной силы и оживленности (и интеллектуальной разработанности); прочіе матеріалы, полу-ученическія и ученическія знанія, чисто позитивные тезисы и т. д., должны играть, по возможности, только роль соединительныхъ звеньевъ, заплать, по скольку таковыя необходимы для пониманія главнаго и болѣе цѣннаго содержанія лекцій; 2) изложеніе должно быть по возможности свободное, не стѣсненное и фиксированное напередъ путемъ записокъ или запоминанія; оно должно имѣть характеръ естественнаго и свободнаго теченія научной мысли; и это достижимо *ceteris paribus* в тѣмъ большей степени (до степени вообще новаго творческаго полета мысли), чѣмъ выше степень эмоціоанальной оживленности проповѣдуемыхъ идей и вообще доброкачественности утилизируемаго матеріала в указанномъ выше смыслѣ; разумѣется, поскольку дѣло идетъ объ ученическихъ знаніяхъ, безъ помощи записокъ или меморативнаго усвоенія обойтись нельзя, и изложеніе имѣетъ тѣмъ болѣе мертвый и искусственный характеръ; требованіе свободнаго мышленія, конечно, не исключаетъ подготовки плана, основнаго остова изложенія; 3) уровень полета научной мысли долженъ быть, не исключая лекцій для начинающихъ, для первокурсниковъ и т. п., возможно болѣе высокій, а не приноровленный къ обычному, будничному типу мышленія слушателей; это, т. е. соответственное успѣшное поднятіе мышленія слушателей на необычный для нихъ высо-

кій уровень полета, оная таки достижимо *ceteris paribus* въ тѣмъ большей степени, чѣмъ выше степень эмоциональной оживленности проповѣдуемыхъ научныхъ идей; разумѣется, поскольку дѣло идетъ о блѣдномъ и холодномъ сообщеніи по запискамъ или по памяти ученическихъ знаній, вмѣсто поднятія требуется опусканіе и приноровленіе характера изложенія къ соотвѣтственному низкому уровню пониманія и мышленія.

Для достиженія высшей силы и успѣшности лекцій важна наличность въ лекціонное время научнаго вдохновенія. И при наличности указанныхъ выше условій успѣха лекцій, таковыя не удаются, если въ данное время нѣтъ подлежащаго настроенія и вдохновенія. Содержаніе лекціи получаетъ слабый, блѣдный и вообще неудачный характеръ. Вмѣсто воодушевленія такія лекціи вызываютъ въ аудиторіи скуку. Вмѣсто высшаго пониманія, т. е. сильнаго и энергичнаго дѣйствія интеллектовъ слушателей, онѣ вызываютъ лишь слабые и лѣнныя интеллектуальные процессы и оказываются подчасъ совсѣмъ темными и непонятными. Процессъ чтенія въ такіе неудачные дни представляетъ для лектора весьма мучительное и крайне изнуряющее (вслѣдствіе такъ сказать насильнаго понужденія отказывающагося дѣйствовать интеллекта къ дѣйствию) занятіе, независимо отъ сознанія его дидактической неудачности и бесполезности. Однимъ изъ симптомовъ отрицательнаго вмѣсто положительнаго дѣйствія такихъ лекцій бываетъ уменьшеніе числа слушателей въ слѣдующій лекціонный день. Противоположный характеръ имѣютъ и противоположное дѣйствіе оказываютъ лекціи, читаемыя въ состояніи удачнаго настроенія, «удара», «вдохновенія».

Въ виду этого къ техникѣ лекціонной дѣятельности слѣдуетъ отнести и такія правила поведенія, отъ соблюденія коихъ зависитъ достиженіе вдохновенія, подлежащей физической и психической склонности и приспособленности къ данной работѣ на данное время. Сюда относится *mutatis mutandis* изложенное выше по поводу техники распорядженія научно-писательскимъ вдохновеніемъ (ср. также выше, стр. 430 и сл. о необходимости избѣгать слишкомъ большого числа лекцій и иныхъ переобремененій и совмѣстительствъ). Само собою разумѣется, что соблюденіе подлежащихъ правилъ не поможетъ достигать научнаго вдохновенія, если для него нѣтъ почвы въ диспозитивной психикѣ въ видѣ диспозицій любви къ наукѣ

и научнаго воодушевленія, достигаемыхъ путемъ надлежащаго самообразованія ученаго.

Вообще всѣ приведенныя правила техники лекціонной дѣятельности, какъ таковой, и условія успѣха ея предполагають по своему смыслу наличность такихъ высшихъ элементовъ научной психики, которые достигаются интенсивною и рациональною ученою автодидактикою и прежде всего энергичною изслѣдовательно-писательскою дѣятельностью.

Такихъ же секретовъ успѣха лекцій, которые бы имѣли иной характеръ, которые бы замѣняли указанный основной секретъ, въ частности учено-изслѣдовательскую работу, какъ базисъ для проповѣди научныхъ убѣжденій, по самой природѣ науки, научной проповѣди и ея образовательнаго дѣйствія, нѣтъ и быть не можетъ; и никакая «педагогика высшихъ учебныхъ заведеній», можно съ увѣренностью сказать, такихъ секретовъ не изобрѣтетъ; никакіе институты и семинаріи для обученія чтенію лекцій или попытки подражать выдающимся профессорамъ такому искусству не обучать.

Положимъ, есть нѣкоторые секреты, служащіе для замѣны подлинной науки, научнаго настроенія и воодушевленія лектора и для предупрежденія сонливости и таянія аудиторіи. Они иногда открыто сообщаются, по большей же части остаются секретами для собственнаго пользованія. Сюда, напр., относятся: «мимика и жестикуляція, громовой голосъ, переходы въ тонахъ и пр.»; цвѣты краснорѣчія (особенно обильно украшающіе лекціи въ замѣнившихъ подлинныя университеты французскихъ высшихъ учебныхъ заведеній); анекдоты и остроты (ср. нѣмецкіе «Witze», обыкновенно записанные и заученные наизусть и каждый годъ аккуратно повторяемые въ подлежащихъ мѣстахъ изложенія болѣе неудачными нѣмецкими профессорами); порнографическіе элементы (напр. въ области судебной медицины, психопатологіи и т. п.); играніе на націоналистическихъ или иныхъ политическихъ струнахъ аудиторіи или уснащиваніе лекцій иными злободневными элементами и проч. Но такія средства по большей части только роняють репутацію профессора въ глазахъ аудиторіи. Поскольку же они иногда имѣють успѣхъ въ смыслѣ апплодисментовъ, привлеченія толпы любопытныхъ, желающихъ позабавиться и т. п., то дѣло идетъ не о томъ успѣхѣ преподаванія, который имѣетъ въ виду высшая дидактика, а о научномъ шарлатанствѣ, о

суррогатахъ и фальсификатахъ, представляющихъ *testimonium rapertatis* не только въ научномъ, но и въ этическомъ смыслѣ.

Такъ какъ, согласно вышеизложенному, научно-сознательное руководство къ достиженію (и поддержанію) успѣха въ области университетскаго преподаванія въ тѣсномъ смыслѣ состоитъ въ началахъ высшей автодидактики, и руководство къ рациональному и успѣшному исполненію второй важной миссіи профессора, состоящей въ совѣтахъ и указаніяхъ, вообще въ руководствѣ занятіями учащихся, равнымъ образомъ состоитъ въ началахъ той же дисциплины, только въ первой области дѣло идетъ о примѣненіи этихъ началъ къ себѣ, а во второй къ другимъ, то оказывается, что высшая автодидактика составляетъ по отношенію къ университетской дидактикѣ нѣчто значительно большее, чѣмъ научный базисъ въ обыкновенномъ смыслѣ взаимной зависимости дисциплинъ. Содержаніе высшей автодидактики входитъ дважды въ содержаніе университетской дидактики и вообще составляетъ главное содержаніе этой дисциплины (при чемъ и для остальныхъ проблемъ университетской дидактики остается правильнымъ то положеніе, что ихъ рѣшеніе должно быть сообразовано съ началами высшей автодидактики, способствовать, и во всякомъ случаѣ не мѣшать осуществленію началъ высшей автодидактики и т. д.). Поэтому, между прочимъ, предыдущее краткое изложеніе началъ университетской дидактики, если вставить въ подлежащія скобки (ссылки на начала автодидактики) соответственное содержаніе изъ предшествующей части изслѣдованія, окажется не столь скуднымъ, какъ это можетъ показаться по количеству страницъ.

3. Основные положенія университетской политики.

I.

Прогвѣтаніе университетскаго дѣла зависитъ не только отъ отдѣльныхъ лицъ и ихъ сознательнаго отношенія къ дѣлу, а и отъ того права, которымъ нормируется университетская жизнь и научное поприще, отъ степени его удачности и рациональности.

Сравнительно наиболѣе удачное—германское университетское право, создавшееся главнымъ образомъ путемъ бессознательнаго, обычно-правового процесса развитія, и Германія играетъ первую роль въ мірѣ въ области университетской науки и университетскаго просвѣщенія. Въ другихъ странахъ университетское право находится въ безотрадномъ состояніи. Въ Англіи дѣйствуетъ окаменѣвшее средневѣковое обычное право, совершенно не приспособленное къ современнымъ условіямъ научной жизни; и, будучи передовою страной во многихъ другихъ отношеніяхъ, Англія въ области университетской науки занимаетъ болѣе, чѣмъ скромное, положеніе. Отдѣльные выдающіеся и великіе ученые Англіи по большей части частныя, не университетскіе люди. Въ исторіи французской университетской науки, когда то сіявшей на весь міръ, сыграло большую роль законодательство. Это законодательство, превратившее университеты въ отдѣльныя спеціальныя учебныя заведенія, можно охарактеризовать какъ грандіозный законодательно-политическій промахъ, погубившій французскую науку; и эта страна, игравшая когда то передовую роль въ области духовной жизни вообще и играющая еще и теперь въ значительной степени передовую роль въ области изящной литературы и другихъ областяхъ искусства, въ области науки все болѣе падаетъ и отстаетъ. Разныя другія страны подражаютъ въ области университетскаго права неудачному англійскому шаблону или, болѣе удачному, германскому. Но копированіе нѣмецкаго типа

устройства университетскаго дѣла имѣть чисто внѣшній и неудачный характеръ; оно не основывается на знаніи и пониманіи того, что собственно въ германскихъ университетскихъ порядкахъ является дѣйствующею причиною процвѣтанія университетскаго дѣла, и результаты получаются не блестящія.

Университетское дѣло это одна изъ такихъ областей правовой нормировки, которая въ особенно высокой степени нуждается въ свѣтъ научной, сознательно-раціональной законодательной политики.

Для прогресса человѣческой науки и высшаго просвѣщенія весьма желательно и необходимо созданіе и разработка соответственной практической дисциплины, ученія о раціональной правовой нормировкѣ университетскаго дѣла, о правовыхъ средствахъ достиженія возможно большаго процвѣтанія университетской науки и вообще университетскаго дѣла.

Подлежащее ученіе, могущее быть названнымъ политикою университетскаго права или, короче, университетскою политикою, представляло бы одну изъ вѣтвей науки политики права (системы правно-политическихъ дисциплинъ), а именно политики публичнаго, государственнаго, специально административнаго права.

О существованіи соответственнаго пробѣла въ наукѣ политики права нельзя говорить только потому и въ томъ смыслѣ, что еще, къ сожалѣнію, и сама наука политики права не существуетъ и представляетъ лишь задачу и дѣло будущей коллективной научной работы. Пока еще не имѣется не только системы специальныхъ наукъ политики права, политики частнаго права, политики публичнаго права, международнаго права и т. д., но даже общаго научнаго базиса для построенія этихъ специальныхъ правно-политическихъ дисциплинъ въ видѣ общей политики права, науки, разрабатывающей и выясняющей общія начала, общія задачи, средства и приемы раціональнаго правового, законодательнаго и иного, творчества.

Мысли о возможности и необходимости учрежденія и развитія науки политики права, о теоретическомъ базисѣ ея, о ея задачахъ и методахъ высказаны и развиты авторомъ, какъ уже было упомянуто выше, въ разныхъ другихъ его сочиненіяхъ, въ *Lehre v. Einkommen*, 1893 и 1895 гг., и др.; здѣсь приходится ограничиться только краткимъ повтореніемъ слѣд. по-

ложеній: теоретическимъ базисомъ будущей науки политики права являются психологическія данныя, данныя общей психологіи и специальное психологическое изученіе права и его дѣйствія; такъ какъ дѣйствіе права состоитъ, во первыхъ, въ возбужденіи мотивовъ (эмоціональных влеченій и давленій) въ пользу извѣстнаго поведенія (мотиваціонное дѣйствіе), во вторыхъ, въ созданіи, путемъ мотиваціоннаго управленія поведеніемъ и иными путями разныхъ психическихъ диспозицій, эмоціональных и иныхъ склонностей и способностей (воспитательное, педагогическое дѣйствіе), то сознательно-раціональная законодательная политика представляетъ основанное на соотвѣтственномъ психологическомъ базисѣ мотиваціонно-педагогическое искусство, искусство вызванія желательнаго въ данной области индивидуальнаго и массоваго поведенія и желательнаго развитія диспозитивной психики тѣхъ индивидовъ или тѣхъ категорій ихъ, которые подвергаются психическому воздѣйствію со стороны извѣстной правовой нормировки.

Сверхъ подлежащаго, общаго для всей политики права и для сознательно-раціональной постановки и рѣшенія какой бы то ни было правно-политической проблемы, психологическаго базиса, въ разныхъ специальныхъ областяхъ законодательной правовой политики требуются еще разные специальные теоретическіе и практическіе базисы, соотвѣтствующіе специальному содержанію подлежащихъ правно-политическихъ проблемъ. Такъ, поскольку тѣ классы людей, которые подвергаются или должны быть подвергнуты извѣстному правно-психическому воздѣйствію, или тѣ дѣятельности, въ пользу которыхъ желательно создать импульсы, отличаются такими или иными болѣе или менѣе существенными психологическими особенностями, требуются, кромѣ обще-психологическихъ посылокъ, соотвѣтственные специальные психологическія познанія. Поскольку тѣ дѣятельности, въ пользу коихъ создаются правовые импульсы, могутъ въ зависимости отъ правовой нормировки получить болѣе или менѣе раціональное направленіе, постольку требуется соотвѣтственное практическое знаніе, знаніе раціональных началъ соотвѣтственныхъ дѣятельностей и т. д.

Сообразно съ этимъ научный базисъ для созданія и развитія университетской политики, какъ науки, имѣетъ сложный характеръ, значительно болѣе сложный, чѣмъ базисы высшей автоди-

дактики и университетской дидактики. А именно, этотъ базисъ составляютъ: 1) тѣ теоретическія познанія изъ области психологіи и теоріи права и тѣ общія практическія начала политики права, которыя составляютъ базисъ для всякой научной, сознательно-раціональной спеціальной политики права; 2) тѣ теоретическія знанія изъ области психологіи науки, научнаго образованія и т. д., которыя составляютъ теоретическій базисъ для наукъ высшей автодидактики и университетской дидактики; 3) наконецъ, тѣ практическія знанія, которыя составляютъ (будутъ составлять) содержаніе этихъ двухъ практическихъ дисциплинъ. Научная университетская политика такъ сказать еще болѣе многоэтажная наука, чѣмъ университетская дидактика, такъ какъ послѣдняя со всѣми ея базисами входитъ въ фундаментъ, на которомъ можетъ и должна строиться сознательно-раціональная университетская политика.

Фактически у насъ вопросы университетской политики рѣшаются значительно проще, безъ этихъ знаній и посылокъ, по разнымъ личнымъ мнѣніямъ и вкусамъ, подъ вліяніемъ разныхъ тенденцій, теченій и давленій сверху или снизу, подъ главнымъ руководствомъ генераловъ или чиновъ иныхъ вѣдомствъ. При всей естественной и неизбѣжной, вслѣдствіе отсутствія единаго научнаго свѣта и руководства, разнохарактерности и пестроты высказываемыхъ здѣсь по разнымъ вопросамъ личныхъ взглядовъ, мнѣній и соображеній, а равно проводимыхъ въ разныхъ частяхъ предполагаемаго университетскаго законодательства цѣлей и стремленій и проч., онѣ, эти цѣли и соображенія, отличаются одною общею и въ своемъ родѣ весьма выдающеюся и замѣчательною чертою, состоящею въ томъ, что онѣ не имѣютъ въ виду осуществленія ученой дѣятельности со стороны ученыхъ, или такъ наз. «преподавательскаго персонала», не имѣютъ въ виду и не касаются процвѣтанія университетской науки, какъ таковой; такъ что, будучи воплощенными въ нормы университетскаго устава онѣ, такъ сказать, дружно и согласно порождали бы не жизнь и процвѣтаніе науки въ университетѣ, а прямо противоположные результаты, сонъ и смерть науки.

Съ точки зрѣнія исторіи русскаго университетскаго законодательства, весьма характерною чертою его является своего рода закономѣрность развитія, состоящая въ періодическомъ, наступающемъ весьма скоро послѣ изданія каждаго устава російскихъ университетовъ, признаніи полной его негодности

и неудачности и замѣнѣ его новымъ уставомъ, составляемымъ по образу и подобию того устава, который былъ признанъ негоднымъ предъ составленіемъ послѣдняго, въ данное время отмѣняемаго, устава. Получается такъ сказать правильное и закономѣрное качаніе маятника университетскаго законодательства между двумя шаблонами съ поочереднымъ признаніемъ каждаго изъ нихъ негоднымъ. Уставъ 63 года, уставъ 84 года, вырабатываемый теперь съ возвращеніемъ къ началамъ устава 63 г. новый уставъ — это только повтореніе такихъ же, бывшихъ раньше, качаній маятника университетскаго законодательства. Но и при этомъ періодическомъ отвращеніи отъ прежняго полюса временной остановки и движеніи къ противоположному полюсу для временной остановки при немъ, до новаго отвращенія, неизмѣнною остается одна общая черта этого страннаго законодательства, а именно та черта, что каждое качаніе направлено на усиленіе и умерщвленіе университетской науки. И она, университетская наука, неизмѣнно продолжаетъ пребывать въ томъ же сонномъ, полумертвомъ состояніи. Начинающіе ученые входятъ на кафедры съ болѣе или менѣе «блестящими надеждами», а потомъ блескъ этихъ надеждъ, до какого бы то ни было осуществленія, меркнетъ, они дѣлаются неузнаваемыми. Статья о соответственной послѣшней браковкѣ переходитъ изъ устава въ уставъ, какъ вполне разумное по своимъ намѣреніямъ дополненіе къ прочей мудрости подлежащаго законодательства. Разумное только по своимъ намѣреніямъ дополненіе, ибо фактически эта статья, какъ и многое другое, остается на бумагѣ, какъ украшеніе университетскаго устава. Впрочемъ, безразлично, все равно; отъ ея осуществленія была бы та же польза, что отъ объявляемыхъ конкурсовъ на кафедры, на которыя некому конкурировать, и т. п.

II.

Какъ для всякой сознательно-раціональной правовой политики, такъ и для университетской политики требуется прежде всего уясненіе того идеальнаго, представляемаго эффекта, къ вызову котораго на основаніи законовъ причинной связи, путемъ соответственныхъ правовыхъ нормъ, какъ дѣйствующихъ психическихъ причинъ, слѣдуетъ стремиться.

Съ этимъ представляемымъ идеальнымъ эффектомъ слѣдуетъ

вездѣ, при выработкѣ и обсужденіи такихъ или иныхъ частныхъ правно-политическихъ предложеній, сообразоваться; подлежащее законодательство должно быть образовано такъ, чтобы оно по психологическимъ законамъ неизбѣжно вызывало соотвѣтственный (мотиваціонный или педагогическій, или и тотъ и другой, ср. выше, стр. 524) результатъ; такая правовая реформа, которая вызываетъ этотъ эффектъ, удачная реформа; такая, которая неспособна его вызвать, неудачная реформа; получается законодательно-политическое фiasco и необходимость вновь реформировать, вырабатывать болѣе разумное право.

По поводу періодически у насъ затѣваемыхъ университетскихъ реформъ и затѣмъ контръ-реформъ, въ частности по поводу послѣдняго движенія въ пользу «реформы высшихъ учебныхъ заведеній» вообще, высказывалось и высказывается устно, въ университетскихъ совѣтахъ, комиссіяхъ, на академическихъ съѣздахъ представителей разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и т. д. и въ печати множество разныхъ предложеній и соображеній по разнымъ частнымъ вопросамъ предполагаемой реформы; но опредѣленія и сознанія того идеальнаго эффекта, того руководящаго идеала, реализацію котораго слѣдуетъ имѣть въ виду въ данной области, не замѣчается; мало того, не видно даже сознанія надобности въ выработкѣ соотвѣтственной руководящей посылки и вообще въ уясненіи цѣли, къ достиженію коей слѣдуетъ стремиться.

Изъ всего предыдущаго изложенія видно:

1. Что основною и руководящею задачею университетской политики должно быть признано осуществленіе идеала университета, какъ (универсальнаго въ указанныхъ выше направленіяхъ) органа производства и распространенія научнаго свѣта (ср. выше, стр. 336 и сл.).

2. Что же касается университетовъ, какъ «высшихъ учебныхъ заведеній», то соотвѣтственная функція этихъ ученыхъ учреждений — одна изъ многихъ функцій по распространенію научнаго свѣта, — приобщеніе учащейся молодежи къ научному свѣту и степень силы и успѣшности этого дѣйствія, представляетъ рефлексъ того научнаго свѣта и той степени его силы, которые имѣются въ университетѣ въ лицѣ его членовъ-ученыхъ. Чѣмъ высшаго научнаго просвѣтленія достигаютъ отдѣльные члены университета, какъ коллегии ученыхъ, и ихъ совокупность (путемъ примѣненія соотвѣтственныхъ средствъ ученой

автодидактики, главнымъ образомъ путемъ возможно болѣе интенсивной и непрерывной изслѣдовательско-писательской работы), тѣмъ выше сила и успѣхъ ихъ учительства, ихъ *professio scientiae*; чѣмъ слабѣе это научное просвѣтленіе, тѣмъ меньше сила и успѣхъ преподаванія науки; а если, того, что требуется съ точки зрѣнія ученой автодидактики, въ университетѣ не происходитъ, если имѣется «преподавательскій персоналъ», но не имѣется активныхъ ученыхъ въ надлежащемъ смыслѣ слова, если профессора занимаются только преподаваніемъ, но не научною работою въ собственномъ смыслѣ слова, то того цѣннаго положительнаго дѣйствія на психику учащихся, которое составляетъ задачу университетскаго преподаванія, вообще нѣтъ и быть не можетъ, хотя и происходитъ отчитываніе лекцій; а можетъ быть только отрицательное, научно-развращающее дѣйствіе, ослабленіе и уничтоженіе приносимыхъ въ университетъ студентами научно-образовательныхъ стремленій, уничтоженіе университетскаго образованія и замѣна его формальнымъ отбываніемъ экзаменной повинности и т. д., такъ что лучше было бы, если бы люди, стремящіеся къ достиженію образованія, занимались самообразованіемъ безъ мнимой, только вводящей въ заблужденіе и ослабляющей сознаніе отвѣтственности, помощи и цензуры университета.

Поэтому такая университетская реформа и вообще такая университетская политика, которая, не заботясь объ оживленіи и кипѣннй ученой жизни въ университетѣ, о томъ, чтобы «преподавательскій персоналъ» занимался наукою, а не чисто формальнымъ и безжизненнымъ отбываніемъ преподавательской повинности, не создавая никакихъ мотивовъ для иного отношенія къ дѣлу, занимается такимъ или инымъ правовымъ устройеніемъ университета, какъ высшаго учебнаго заведенія,— представляетъ неосмысленную, принципиально ошибочную и нерациональную университетскую политику, могущую дать въ результатъ только плачевные результаты.

Не можетъ быть рѣчи, прежде всего, о достиженіи той высшей и основной, имѣющей не только общенародное и общегосударственное, но еще болѣе крупное и высокое, общечеловѣческое, значеніе, цѣли университетской политики, которая состоитъ въ возможно большемъ обогащеніи человѣчества новымъ научнымъ свѣтомъ; и точно также не можетъ быть рѣчи объ успѣшномъ дѣйствіи университетовъ, какъ источниковъ и

факторовъ просвѣщенія народа, въ томъ числѣ учащейся молодежи.

Задача достиженія обѣихъ этихъ цѣлей или, точнѣе, единой великой цѣли сознательной университетской политики, состоящей въ превращеніи университетовъ въ такія ученые учрежденія, которыя представляли бы очаги сильнѣйшаго научнаго свѣта, центры кипѣнія научной жизни и обильнѣйшаго производства и распространенія научнаго свѣта на весь міръ и тѣмъ болѣе на болѣе близкія и ближайшія сферы (учащуюся молодежь), сводится къ задачѣ созданія возможно болѣе вѣрно и сильно дѣйствующихъ мотивовъ въ пользу соотвѣтственнаго поведенія лицъ подлежащей категоріи.

Въ чемъ состоитъ это поведеніе, какое поведеніе требуется для того, чтобы достигнуть высшихъ результатовъ въ дѣлѣ производства и распространенія научнаго свѣта, въ томъ числѣ въ дѣлѣ сильной и успѣшной *professio scientiae*, видно изъ того, что было изложено выше въ видѣ началъ высшей автодидактики, въ видѣ средствъ достиженія ученой гениальности или приближенія къ ней и т. д.

Если бы было вызвано это поведеніе, главнымъ образомъ и прежде всего интенсивная и непрерывная изслѣдовательско-писательская дѣятельность, то это было бы достиженіемъ искомаго успѣха, тѣмъ большаго успѣха, чѣмъ болѣе общимъ и энергичнымъ было бы это поведеніе. Тогда, въ частности, печальнѣйшее явленіе восхожденія на каедры съ блестящими надеждами и затѣмъ паденія до неузнаваемости смѣнилось бы, какъ было выяснено въ связи съ положеніями высшей автодидактики, противоположнымъ явленіемъ, болѣе блестящими, чѣмъ надежды, реальными результатами.

Высшая автодидактика является базисомъ научной, сознательно-раціональной университетской политики въ томъ смыслѣ, что основная проблема университетской политики сводится къ выработкѣ системы правовой мотивации, ведущей къ возможно болѣе общей и энергичной реализаціи началъ высшей автодидактики, т. е. соотвѣтственнаго поведенія.

Обстоятельная научная разработка подлежащей правнопсихологической проблемы, указаніе и выясненіе психологическаго, мотиваціоннаго и педагогическаго, значенія разныхъ возможныхъ здѣсь системъ правовой мотивации и ихъ элементовъ и т. д., представляютъ сложную и обширную задачу, предпола-

гающую, особенно въ виду отсутствія разработанной системы началъ общей политики права, предварительную выработку разныхъ обще- и правно-психологическихъ базисовъ. Въ этомъ изложеніи, имѣющемъ вообще въ виду указаніе главныхъ тезисовъ, вытекающихъ изъ предыдущихъ частей изслѣдованія, мы ограничимся лишь слѣдующими краткими указаніями:

1. Непосредственная правовая мотивация, т. е. мотивация, состоящая въ возбужденіи сознанія соотвѣтственнаго правового долга, обязанности работать въ надлежащемъ направленіи, въ частности, посвящать свое время и силы учено-писательской дѣятельности, не имѣла бы въ данной области, въ виду характера такой обязанности и необходимости сильнаго мотивационнаго давленія, достаточно серьезнаго практическаго значенія.

2. Примѣненіе косвенной вспомогательной правовой мотивации въ видѣ снабженія нормы указаннаго въ п. 1 характера такими или иными санкціями на случай неисполненія недопустимо уже по принципиально-психологическимъ соображеніямъ того же рода, по какимъ мы выше отвергли систему понужденія и подневольнаго занятія наукою въ области университетской дидактики. Къ тому же подлежащія санкціи, даже при искусномъ ихъ построеніи, оставались бы въ значительной степени (по естественнымъ психологическимъ причинамъ) мертвою буквою.

Только въ видѣ *lex imperfecta*, нормы безъ санкціи, умѣстна въ уставѣ норма такого содержанія, что обязанность профессора состоитъ въ разработкѣ и распространеніи научнаго свѣта путемъ печати и устнаго преподаванія. Точно также въ тѣхъ частяхъ университетскаго законодательства, гдѣ указывается компетенція (обязанности и права) разныхъ университетскихъ органовъ: совѣта, факультетовъ, декановъ и т. д., слѣдуетъ ввести нормы, обязывающія не только къ заботамъ школьнаго характера, но и къ заботамъ о надлежащей разработкѣ науки въ университетѣ и иномъ распространеніи научнаго свѣта, кромѣ преподаванія студентамъ. Вообще вся структура и содержаніе университетскаго законодательства должны быть сформированы съ характеромъ и задачей университета, какъ органа разработки и распространенія научнаго свѣта. Поскольку дѣло идетъ объ установленіи соотвѣтственныхъ обязанностей для профессоровъ, доцентовъ, факультетовъ и т. д., то умѣстность и необходимость этого вытекаетъ уже изъ того психо-

логическаго соображенія, что обычное, иное содержаніе нашего университетскаго законодательства внушаетъ мысль, что кромѣ отчитыванія лекцій, экзаменованія и т. п. никакихъ обязанностей не существуетъ, и что если аккуратно отбываются указанныя повинности, то все въ порядкѣ и никакого упрека быть не можетъ. Сверхъ того указанная нормировка обязанностей имѣла бы и нѣкоторое положительное, хотя, какъ указано въ п. 1, далеко не достаточное значеніе. Что же касается вообще сообразованія нормировки университетскаго дѣла, структуры университета и его частей, факультетовъ и т. д., съ задачею университета, какъ органа разработки науки, то послѣ всего изложеннаго выше объ этомъ распространяться не приходится *).

3. Умѣстной и надлежащею мотиваціонною системою является аттрактивная (привлекающая, пригласительная) система, т. е. не система сочетанія минусовъ съ ненадлежащимъ поведеніемъ, а система сочетанія плюсовъ съ желательнымъ, подлежащимъ правнo-политическому каузальному созданію, усилению и распространенію, отношеніемъ къ дѣлу. При томъ со-

*) Когда печатались въ газетахъ статьи, вошедшія въ начальныя главы этой книги, разсужденія и предложенія по университетскому вопросу въ газетахъ и т. д. имѣли вообще такой характеръ, какъ если бы университеты представляли учебныя заведенія и ничего больше, такъ что приходилось прежде всего настаивать на ошибочности такой точки зрѣнія и на томъ, въ существѣ дѣла не только не новомъ, но само собою разумѣющемся положеніи, что университетъ существуетъ для науки, а не только для обученія студентовъ. Впослѣдствіи положеніе вопроса нѣсколько улучшилось въ смыслѣ бѣльшаго обращенія вниманія на функціи университета, какъ ученаго учрежденія. Между прочимъ, новый «Проектъ положеія устава императорскихъ россійскихъ университетовъ», 1905 г., предполагаетъ явствіи въ университетское законодательство такое положеніе: «Университеты суть учено-учебныя учрежденія, имѣющія цѣлью содѣйствовать развитію наукъ въ Россійскомъ государствѣ и сообщать лицамъ, подлежаще къ тому подготовленнымъ, какъ общее, такъ и спеціальное высшее образованіе» (ст. 2). Это положеніе слѣдуетъ привѣтствовать. Но только возникаетъ вопросъ: почему же, сдѣлавъ этотъ поклонъ наукѣ во вводной статьѣ, проектъ дальше, въ прочихъ частяхъ предлагаемаго устава, уже отворачивается отъ науки, забываетъ сказанное во 2-й статьѣ и вводитъ такимъ образомъ противорѣчіе между сообщенною имъ самимъ цѣлью университетовъ и содержаніемъ предлагаемаго университетскаго законодательства? При такомъ отношеніи къ дѣлу вполне естественно, что проектъ ничего не предлагаетъ въ смыслѣ созданія импульсовъ для пробужденія научной жизни въ университетахъ, не даетъ никакихъ мотивовъ для того, чтобы «штатные преподаватели» и т. д. занимались, хоть между прочимъ, и наукою, и даже вводитъ усыпляющіе принципы «порядка старшинства» въ области назначенія ординарныхъ профессоровъ (ср. ст. 146) и завѣ-

образно характеру высшей квалификаціи соотвѣтственной дѣятельности, необходимости превозмочь сильно дѣйствующую инерцію и необходимости вызвать большую энергію, большой и тяжелый трудъ съ разными жертвами и отреченіями (по-скольку еще не достигнута и не укрѣплена окончательно та, указанная выше, научная психика, которая съ теченіемъ времени при надлежащемъ устройствѣ мотиваціонной системы должна развиться и дѣйствовать въ качествѣ самостоятельнаго мотиваціоннаго фактора), требуется весьма сильно дѣйствующая мотивація, значительно болѣе интенсивная мотивація, чѣмъ въ большинствѣ другихъ областей правовой политики.

Между прочимъ, въ Германіи исторически, безъ помощи сознательно-научной политики права, путемъ бессознательно-удачнаго соціального приспособленія, выработалась такая структура ученой карьеры, что тамъ, какъ уже упоминалось выше, дѣйствуетъ весьма сильная (аттрактивная) мотивація въ пользу энергичной научной работы и вообще заботы о накопленіи и ростѣ научныхъ заслугъ и ученой репутаціи. И, какъ довольно наглядно и внушительно показываютъ факты, под-

симости вознагражденія штатныхъ доцентовъ отъ количества лѣтъ службы (такъ какъ пребываніе доцентомъ обыкновенно, особенно въ провинціальныхъ университетахъ, означаетъ отсутствіе работъ, дающихъ высшія права, или отсутствіе приглашенія со стороны своего и другихъ университетовъ на кафедру, то принципъ повышенія вознагражденія за пребываніе въ теченіе пзвѣстнаго количества лѣтъ доцентомъ имѣетъ съ точки зрѣнія правовой мотиваціи особенно неудачный смыслъ).

Такое же отношеніе къ наукамъ, т. е. признаніе на словахъ и игнорированіе на дѣлѣ, имѣется и въ еще болѣе новомъ (но уже, насколько пзвѣстно, сданномъ въ архивъ исторіи) проектѣ 1906 г. Въ качествѣ нововведеній здѣсь предлагается: 1) пониженіе научнаго ценза для профессоровъ, замѣна теперешней докторской степени магистерской съ переименованіемъ ея въ докторскую, и 2) не лишнее соотвѣтственнаго остроумія и послѣдовательности признаніе предпочтительности ученія по запискамъ и учебникамъ слушанію лекцій этихъ будущихъ профессоровъ съ пониженнымъ цензомъ — въ формѣ введенія производства экзаменовъ «нѣсколько разъ» въ теченіе академическаго года. Справедливость требуетъ, впрочемъ, признать, что въ другихъ частяхъ проекта, въ области нормъ университетскаго административнаго права, имѣются и весьма симпатичныя и дѣльныя по существу постановленія. Болѣе подробный критическій разборъ разныхъ предположеній относительно университетской реформы представляется пока, до появленія проекта, имѣющаго шансы осуществленія, несвоевременнымъ.

Въ студенческихъ сферахъ до сихъ поръ господствуетъ недоразумѣніе, будто университеты существуютъ только для студентовъ, а члены университета — это «преподавательскій персоналъ», служебный по отношенію къ нимъ.

лежащая система дѣйствуетъ съ успѣхомъ, во всякомъ случаѣ съ такимъ успѣхомъ, который не достигается ни въ какой другой странѣ міра и который помогаетъ Германіи идти въ области науки и просвѣщенія, развитія прикладного знанія, техники и т. д., впереди другихъ странъ и все больше ихъ опережать.

Тѣмъ не менѣе о рекомендаціи германской системы съ точки зрѣнія науки университетской политики не можетъ быть рѣчи. Независимо отъ разныхъ, могущихъ быть на почвѣ сознательно-раціональной правовой политики (въ отличіе отъ бессознательнаго, относительно удачнаго приспособленія) избѣгнутыми, недостатковъ этой системы, отчасти весьма существенныхъ правно-политическихъ промаховъ и дефектовъ (выясненіе коихъ заняло бы здѣсь много мѣста и для дальнѣйшаго не требуется), о заимствованіи этой системы со стороны другихъ государствъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что она не допускаетъ по самой природѣ своей законодательнаго заимствования. Она столь тѣсно связана съ разными специальными мѣстными условіями, въ томъ числѣ, между прочимъ, съ обычаемъ массоваго странствованія студентовъ изъ университета въ университетъ, съ обильнымъ предложеніемъ и вообще возможностью весьма свободнаго и широкаго выбора курсовъ для слушанія, съ извѣстными специальными этическими убѣжденіями, имѣющими абсолютную силу въ средѣ германскаго студенчества и не существующими въ другихъ мѣстахъ, съ существованіемъ множества конкурирующихъ въ дѣлѣ развитія и процвѣтанія науки въ подлежащихъ государствахъ правительствъ и соотвѣтственнымъ отношеніемъ къ выдающимся ученымъ, и проч. и проч., что законодательное копированіе могло бы касаться лишь нѣкоторыхъ изъ системы вырванныхъ элементовъ безъ необходимыхъ дополненій и условій успѣшнаго дѣйствія и сводиться къ чисто внѣшнему, частичному и каррикатурному, подражанію безъ внутренняго правно-политическаго смысла *).

Одной изъ лучшихъ мотивационныхъ системъ, которая могутъ быть введены законодательнымъ порядкомъ и гарантируютъ

*) Между прочимъ, уставъ 1884 г., старавшійся вообще копировать разныя внѣшнія особенности нѣмецкихъ университетскихъ порядковъ въ качествѣ декоративныхъ придатковъ, сглаживающихъ отрицательное впечатлѣніе внутренняго смысла и основной тенденціи этого устава, относящейся къ области политической полиціи, выхватилъ и перенесъ въ русскіе университеты одинъ изъ элементовъ нѣмецкой структуры ученой профессіи, а именно гонораръ. Но это именно примѣръ частич-

пробужденіе и оживленіе научной дѣятельности въ университетахъ, представляется (въ краткихъ и схематическихъ чертахъ, приуроченныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ русскимъ условіямъ) слѣдующая:

1. Академія наукъ преобразовывается и расширяется въ томъ направленіи, что вводится система кафедръ, факультетовъ и отдѣленій, совпадающая съ системою кафедръ, факультетовъ и отдѣленій университетовъ, причемъ положеніе членовъ академіи наукъ, какъ заслуженнѣйшихъ и наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и просвѣщенія, значительно повышается и улучшается по сравненію съ теперешнимъ.

2. Университеты раздѣляются по количеству учащихся на три группы. Первую группу составляютъ два наиболѣе крупныхъ, столичныхъ университета. Вторую — три слѣдующіе по размѣру (по количеству учащихся), третью — прочіе университеты.

3. Профессорская дѣятельность начинается въ одномъ изъ университетовъ третьей группы (такъ что назначеніе начинающаго сразу на одну изъ важнѣйшихъ двухъ или важнѣйшихъ пяти кафедръ подлежащей науки, по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила, исключается). Затѣмъ, въ случаѣ открытія вакантной кафедры въ одномъ изъ университетовъ второй группы, можетъ послѣдовать выборъ и приглашеніе на эту кафедру, а оттуда, впоследствии, въ одинъ изъ столичныхъ университетовъ.

4. Дѣленіе профессоровъ на экстраординарныхъ, ординарныхъ и заслуженныхъ ординарныхъ, какъ не имѣющее никакого правно-политическаго смысла, на будущее время упраздняется.

наго и чисто внѣшняго и каррикатурнаго замѣтлованія безъ внутренняго, правно-политическаго смысла. Въ Германіи сумма гонорара колеблется въ зависимости отъ ученыхъ заслугъ, ученой репутаціи и аттрактивной силы лекцій, а въ Россіи отъ количества обязательной и отъ достоинствъ ученаго и его курса независимой канцелярской записи слушателей. Пустая аудиторія и большой гонораръ, полная аудиторія и отсутствіе гонорара здѣсь вполне естественная и частая комбинація. Поразительная каррикатурность и неудачность гонорарной системы на почвѣ русской университетской жизни возбудили естественно тотчасъ послѣ введенія предложенія объ отмѣнѣ этой системы и ожиданіе соотвѣтственной контръ-реформы. А этимъ было подкормано и уничтожено даже то слабое и спорадическое мотивационное значеніе, которое эта система могла бы имѣть, напр., въ направленіи увеличенія количества желающихъ готовиться къ занятію нѣкоторыхъ, хорошо обставленныхъ въ смыслѣ вознагражденія, кафедръ.

Вмѣсто этихъ градацій и соотвѣтственнаго авансированія съ повышеніемъ содержанія и другихъ правъ и вообще вмѣсто всякихъ иныхъ градацій, не зависящихъ отъ научной дѣятельности и научныхъ заслугъ, именно вводится система послѣдовательнаго приглашенія университетами достойнѣйшихъ на свои кафедры, и съ соотвѣтственною честью приглашенія связывается вмѣстѣ съ тѣмъ, *ipso jure*, безъ всякихъ милостей со стороны начальства и т. д., улучшение матеріальнаго положенія и вообще авансированіе *).

5. Избраніе и назначеніе профессоровъ изъ доцентоѡ того же университета исключается; т. е. вмѣсто системы устроенія «своихъ», особенно абсолютно господствующей въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ факультетахъ и связанной съ недопущеніемъ «чужихъ», хотя бы выдающихся кандидатовъ, или вмѣсто соотвѣтственныхъ вліятельныхъ покровительствъ и просьбъ (какъ это практиковалось на почвѣ устава 1884 г.) вводится система выбора и приглашенія извиѣ (т. е. по научной репутаціи и заслугамъ). Этотъ принципъ (возведеніе его по крайней мѣрѣ въ общій законъ съ допущеніемъ изъятій лишь въ исключительныхъ случаяхъ и въ особой осложненной формѣ, лучше всего въ формѣ законодательной диспенсаци), представляющій вообще *conditio sine qua non* здоровья и нормальнаго развитія университетовъ, содѣйствовалъ бы фактическому развитію движенія

*) Это, соотвѣтственно мотиваціонному смыслу политики права, имѣетъ силу на будущее время, не имѣетъ обратнаго дѣйствія, не лишаетъ приобрѣтенныхъ правъ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ, не даетъ новыхъ правъ уже находящимся на опредѣленныхъ кафедрахъ, напр., столичныхъ университетовъ, и т. д., но распространяется и на теперешнихъ профессоровъ второй и третьей группы университетовъ въ случаѣ приглашенія ихъ на кафедры первой или второй группы. Положеніе остающихся на своихъ мѣстахъ профессоровъ регулируется вводимымъ закономъ на иныхъ началахъ, хотя бы на началахъ количества лѣтъ службы. Здѣсь дѣло идетъ только о надлежащемъ обезпеченіи безъ нарушенія «приобрѣтенныхъ правъ», безъ подкапыванія вѣры въ законъ и т. д.

Между прочимъ, во Франціи, имущественное положеніе профессоровъ чуждо такихъ рѣзкихъ различій, какъ въ Германіи, но все таки и тамъ нѣтъ системы однообразія. Такъ, профессорскія жалованія составляютъ въ Парижѣ 15.000 фр., въ департаментахъ — 11.000, 10.000, 8.000 и 6.000 фр. Къ сожалѣнію, во Франціи постановка университетскаго дѣла, и по новымъ законамъ, пытающимся превратить спеціальныя учебныя заведенія въ подлинныя университеты, такова, что сколько нибудь выдающагося процвѣтанія науки здѣсь трудно ожидать.

изъ третьей группы во вторую и дальше безъ особой законодательной санкціи принципа постепенности. Вслѣдствіе этого, абсолютнаго значенія правилу о началѣ профессуры въ третьей группѣ и т. д., въ случаѣ введенія принципа приглашенія извнѣ, можно не придавать. Тѣмъ не менѣе и это правило является цѣннымъ элементомъ системы.

Получается такимъ образомъ единая организациа научнаго дѣла въ видѣ пирамиды съ академіей наукъ на вершинѣ и съ движеніемъ ученыхъ, по мѣрѣ ихъ научной дѣятельности, роста научныхъ заслугъ и ученой репутаціи въ ученыхъ сферахъ, съ основанія къ вершинѣ пирамиды и къ «безсмертію», къ лаврамъ академіи наукъ.

Подробной разработкѣ, обоснованія и выясненія психическаго дѣйствія предложенной мотивационной системы мы здѣсь не имѣемъ въ виду, но все таки представляются не лишними слѣдующія краткія указанія:

1. Интенсивность, сила дѣйствія намѣченной системы правовой мотиваціи, стало быть, и степень подлежащаго эффекта въ видѣ пробужденія и оживленія науки и кипѣнія научной работы, слѣдовательно и соответственнаго перерожденія университетскаго преподаванія и т. д., поддается регулировкѣ по желанію. А именно, степень мотивационнаго давленія, распространеніе его дѣйствія и на болѣе апатичныхъ, любящихъ отдыхъ и покой и т. д., зависитъ отъ размѣра тѣхъ плюсовъ, которые сочетаются съ ростомъ научныхъ заслугъ и ученой репутаціи и соответственными приглашеніями со стороны университетовъ въ свою среду. Вначалѣ, въ виду состоянія, созданнаго прежнею, усыпляющею и умерщвляющею науку, университетскою политикою, естественно для успѣха требуется болѣе интенсивная мотиваціа, чѣмъ впоследствии; такъ что правильная политика состояла бы въ назначеніи сначала бѣльшихъ плюсовъ, а затѣмъ съ теченіемъ времени въ уменьшеніи ихъ, разумѣется безъ обратнаго дѣйствія.

2. Съ психологической точки зрѣнія мотиваціа, создаваемая изложенною системою, имѣетъ сложный характеръ, а именно состоитъ въ сочетаніи мотивовъ личнаго и семейнаго благосостоянія и мотива чести (соответственныхъ эмоціональных влеченій). Въ послѣднемъ направленіи имѣетъ значеніе не только включеніе въ систему Академіи наукъ, но и такое устройство ученаго поприща, при которомъ положеніе и его

измѣненія зависятъ отъ научныхъ заслугъ, а не отъ такихъ факторовъ, которые отъ личныхъ достоинствъ и заслугъ не зависятъ: связей, протекцій, сроковъ службы и т. п. Въ частности, приглашенія со стороны университетовъ второй и первой группы въ свою среду съ теченіемъ времени получили бы въ психикѣ университетскихъ сферъ характеръ большой чести (на почвѣ образованія и укрѣпленія соотвѣтственныхъ ассоціацій).

3. Главная правно-политическая цѣнность системы состоитъ не въ указанномъ мотиваціонномъ дѣйствіи, какъ таковомъ, а въ ея педагогическомъ дѣйствіи.

Устраиваемыя и перестраиваемыя періодическими университетскими реформами и контръ-реформами въ Россіи нормировки ученой, или, точнѣе, «преподавательской» профессіи отличаются тѣмъ общимъ свойствомъ, что онѣ приноровлены (конечно, не сознательно) къ отрицательному дѣйствію въ правно-педагогическомъ отношеніи.

А именно эти нормировки устроены такъ, что для лицъ назначенныхъ «штатными преподавателями», т. е. добившихся съ помощью такихъ или иныхъ средствъ назначенія на кафедру, не существуетъ никакихъ личныхъ мотивовъ работать въ области науки и стараться быть чѣмъ либо инымъ, нежели «штатный преподаватель», или даже существуетъ положительное давленіе въ пользу прекращенія научной работы и занятія иными дѣлами.

Неизбѣжный и могущій быть легко предвидѣннымъ дедуктивно-психологически, независимо отъ соотвѣтственныхъ фактическихъ подтвержденій, результатъ состоитъ въ массовомъ отрицательно-научномъ воспитаніи, въ массовомъ воспитаніи «штатныхъ преподавателей»;—въ частности въ обратномъ, нисходящемъ развитіи и атрофіи научной психики и тѣхъ, которые во время защиты диссертациіи и назначенія на кафедру были начинающими учеными съ болѣе или менѣе блестящими надеждами, въ превращеніи и этихъ лицъ въ «штатныхъ преподавателей». Сообразно съ этимъ развиваются и укореняются, съ особою силою въ особенно низко стоящихъ университетахъ и факультетахъ, такіе общіе нравы, взгляды, привычки, дѣйствуютъ такіе примѣры и т. д., которые, въ свою очередь, оказываютъ отрицательно-педагогическое давленіе, охлаждають научный пылъ, если таковой при вступленіи въ соотвѣтственную среду имѣется, и т. д. Поскольку бываютъ спорадическія исключенія, то дѣло идетъ объ особыхъ индивидуальных свойствахъ

или обстоятельствахъ, объ особенной и исключительной способности сопротивленія и т. д.

Психологически, по законамъ общей и спеціальной научной психики, неизбѣжнымъ правно-педагогическимъ результатомъ дѣйствія предположенной выше структуры ученой профессіи было бы устраненіе такого массоваго процесса отрицательнаго развитія научной психики и смѣна его противоположнымъ, положительнымъ и повышательнымъ.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду два рода правно-педагогическихъ процессовъ: 1) развитіе индивидуальной научной психики отдѣльныхъ членовъ университетовъ и факультетовъ; 2) развитіе коллективной, групповой научной психики, перерожденіе общихъ настроеній, обычаевъ, традицій, взглядовъ, и т. д.

Дѣйствіе предположенной правовой мотивационной системы состояло бы, прежде всего, въ томъ, что общимъ правиломъ сдѣлалось бы продолженіе научно-продуктивной дѣятельности (несмотря на отбытіе докторской диссертациі и достиженіе кафедры) и, само собою разумѣется, неизбѣжно съ этимъ связанной научно-рецептивной работы, т. е. происходило бы, намѣренное или ненамѣренное, научное самовоспитаніе; тѣмъ болѣе, *ceteris paribus*, энергичная, сознательная или бессознательная, автодидактика, чѣмъ интенсивнѣе дѣйствіе указанной мотивационной системы; происходило бы соотвѣтственное упражненіе и развитіе техники и мастерства научнаго мышленія, перерожденіе познавательнаго капитала, въ видѣ смѣны ученическихъ и полу-ученическихъ познавательныхъ диспозицій учено-ислѣдовательскими, въ томъ числѣ оригинальными убѣжденіями; и, наконецъ, и это главное, вмѣсто охлажденія къ наукѣ получалось бы поддержаніе или развитіе впервые научныхъ интересовъ, любви къ наукѣ, научнаго воодушевленія и т. д. Какъ видно изъ соотвѣтственныхъ положеній ученой автодидактики, здѣсь дѣйствовали бы двоякаго рода психологическіе факторы и законы; главнымъ и основнымъ факторомъ было бы само фактическое активное участіе въ построеніи науки, научно-писательское творчество, отстаиваніе своихъ идей, научно-литературная борьба за эти идеи и т. д., въ связи съ закономъ распространенія эмоцій и эмоціональныхъ диспозицій съ конкретныхъ и единичныхъ на соотвѣтственные абстрактные и коллективные объекты; затѣмъ, въ виду того,

что по изложенной структурѣ ученой профессіи полезная для общества научная работа вела бы и къ личнымъ, житейскимъ успѣхамъ, въ видѣ вспомогательнаго и усиливающаго фактора дѣйствовалъ бы законъ, такъ наз. «передвиженія чувствъ» (эмоцій и эмоціональныхъ диспозицій) съ результатовъ на средства достиженія. тенденція развитія и укрѣпленія любви къ тому дѣлу, которое содѣйствуетъ личному и семейному благосостоянію, почету и т. д.

Затѣмъ, педагогическое дѣйствіе предположенной системы правовой мотиваціи неизбѣжно состояло бы въ соотвѣтственномъ измѣненіи коллективной психики: въ смѣнѣ общей низкой и охлаждающей температуры научной психики температурой кипѣнія научной жизни; а равно въ вытѣсненіи разныхъ, въ столичныхъ и разныхъ провинціальныхъ университетахъ отчасти различныхъ, но во всякомъ случаѣ отъ научнаго воодушевленія совершенно отличныхъ, подчасъ, особенно въ глухихъ провинціяхъ, мелкихъ интересовъ и дразгъ, учеными интересами, темами, разговорами; въ смѣнѣ дѣйствующихъ отрицательно примѣровъ, господствующихъ типовъ поведенія, привычекъ, взглядовъ и т. д. иными примѣрами, обычаями, взглядами и проч. И такое измѣненіе коллективной профессиональной психики и этики и вообще характера среды было бы въ свою очередь могучимъ, подчиняющимъ своему давленію индивидуальную психику, факторомъ воспитанія ученыхъ въ подлинномъ и высокомъ смыслѣ слова вмѣсто вырабатываемыхъ теперешнею системою типовъ «штатныхъ преподавателей», «лицъ преподавательскаго персонала» и т. п. (третируемыхъ и унижаемыхъ къ тому же съ разныхъ сторонъ такъ, какъ это при другихъ условіяхъ было бы совершенно и абсолютно невысказуемо).

Такимъ образомъ мотивы личнаго и семейнаго благополучія и чести играли бы роль психическаго звена, переходной психической ступени къ процессу воспитанія и дѣйствія иныхъ импульсовъ къ энергичной научной работѣ, а именно любви къ наукѣ и научнаго воодушевленія и энтузіазма. Эти эмоціи, по мѣрѣ ихъ интензивности и характера возвышенности, по общимъ психологическимъ законамъ вытѣсняли бы изъ психики, заставляли бы меркнуть и ступшеываться дѣйствовавшіе въ началѣ мотивы низшаго свойства (ср. выше, стр. 190 и сл.); и только въ случаяхъ слабости любви къ наукѣ и научнаго

воодушевленія, напр., въ случаяхъ временнаго ослабленія, блѣднѣнія или исчезновенія ихъ по какимъ либо особымъ причинамъ, мотивы имущественнаго и честолюбиваго свойства появлялись бы на сценѣ и приобрѣтали бы силу въ качествѣ стражей интересовъ науки; и они опять дѣйствовали бы путемъ поддержанія научной работы, вообще фактической ученой автодидактики, въ пользу замѣны самихъ себя самодовлѣющею силою научной эмоциональной психики, — въ пользу своего упраздненія за ненадобностью.

Въ общемъ окончательномъ результатѣ всѣхъ указанныхъ психическихъ процессовъ и законовъ общимъ правиломъ научной жизни было бы дѣйствіе любви къ наукѣ и научнаго воодушевленія, и наука кипѣла бы и процвѣтала въ университетахъ на почвѣ соответственныхъ идеальныхъ эмоцій и диспозицій, какъ главнаго, фактически царствующаго и управляющаго, эмоциональнаго фактора.

Блестящую и грандіозную фактическую иллюстрацію къ этому выводу, полученному на почвѣ психологическихъ дедукцій, представляетъ научная жизнь германскихъ университетовъ. Тамъ въ структурѣ ученой профессіи содержится крайне сильная имущественная мотивация въ пользу усердной учено-писательской работы, а именно, какъ уже было упомянуто выше, низшею и довольно распространенною, среди начинающихъ и менѣе успѣвающихъ, степенью вознагражденія является 0 или почти 0, а высшіе доходы значительно превышаютъ министерскіе. Такъ какъ, согласно указанному выше, интенсивность мотивации зависитъ отъ разницъ, связанныхъ съ научными успѣхами, то эта мотивация, не только вслѣдствіе весьма высокаго уровня высшихъ доходовъ, но и вслѣдствіе весьма низкаго уровня низшихъ — имѣетъ характеръ крайней интенсивности, и, слѣдуетъ сказать, чрезмѣрной, значительно большей интенсивности, чѣмъ это необходимо и умѣстно съ точки зрѣнія сознательно-раціональной правовой политики. (Ср. ниже, при чемъ, какъ упомянуто выше, вслѣдствіе безсознательности подлежащаго социально-эмпирическаго приспособленія германская система страдаетъ и разными другими существенными пороками). Германия въ то же время первая въ мірѣ не только по процвѣтанію университетской науки, но и по господству любви къ наукѣ и научнаго воодушевленія страна. Университетская атмосфера, сила академическаго духа и научнаго настроенія,

характеръ интересовъ, темъ, разговоровъ и т. д. таковы, что пребываніе въ германскихъ университетахъ и среди германскихъ ученыхъ—одно изъ лучшихъ средствъ зараженія научнымъ духомъ и воодушевленіемъ, и т. д. Сравненіе состоянія германской университетской науки и научной психики съ состояніемъ соответственныхъ народныхъ и обще-человѣческихъ цѣнностей въ разныхъ другихъ странахъ, въ связи съ соответственными различными структурами университетской профессіи, дало бы вообще интересный и внушительный матеріалъ для индуктивныхъ заключеній, совпадающихъ съ кратко изложенными выше дедукціями *).

Согласно изложенному выше о дѣйствиіи возвышенныхъ эмоцій, въ томъ числѣ научно-идейнаго настроенія, воодушевленія и энтузіазма на образованіе характера вообще, о ихъ способности очищать (диспозитивную) психику отъ разныхъ низменныхъ, мелкихъ, пошлыхъ элементовъ и т. д., дальнѣйшимъ педагогическимъ эффектомъ разсматриваемой системы было бы вообще повышеніе этического уровня индивидовъ и коллективныхъ группъ съ ихъ коллективною психическою атмосферою.

Во всякомъ случаѣ центръ тяжести и главная цѣнность системы находятся не въ сферѣ правовой мотивации, какъ таковой, а въ сферѣ правовой педагогики. И съ этимъ должны сообразоваться частности правовой нормировки. Отсюда можно было бы вывести рядъ частныхъ теоремъ для науки университетской политики; отмѣтимъ только главнѣйшія:

а) Для избѣжанія все таки возможнаго въ единичныхъ слу-

*) Тѣ психологическія положенія (законы), изъ которыхъ исходили приведенные дедуктивные выводы и самыя эти дедукціи примѣнимы *mutatis mutandis* и въ области нѣкоторыхъ другихъ дѣятельностей, кромѣ науки; главнымъ образомъ, въ области разныхъ чрезвычайно квалифицированныхъ и требующихъ усердной и энергичной работы дѣятельностей, способныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ породить особые эмоціональные подъемы и воодушевленія, напр., въ области поэзіи, живописи и проч., въ области опернаго, драматическаго искусства и т. п. И здѣсь, между прочимъ, интересное поле для соответственныхъ индуктивныхъ изслѣдованій и подтвержденій. Между прочимъ, и здѣсь безсознательное социальное приспособленіе вырабатываетъ такія структуры профессій (съ нулями или т. п. для низшихъ уровней и огромными преміями, жалованьями, превышающими министерскія, и т. п., для мастеровъ и виртуозовъ), кака въ германской университетской жизни выработалась безсознательно-исторически для ученой профессіи.

чаяхъ (при соответственныхъ особыхъ условіяхъ индивидуальной психики или особыхъ обстоятельствахъ индивидуальной или семейной жизни) чрезмѣрнаго и умаляющаго въ конкретномъ случаѣ воспитательное дѣйствіе системы вліянія имущественной мотивациі и вообще для достиженія лучшаго педагогическаго эффекта, требуется введеніе смѣшанной, сложной мотивациі, въ частности привлеченіе—имѣющей въ данной области психики весьма благоприятную почву для успѣшнаго дѣйствія—мотивациі чести; это даетъ возможность, безъ вреда для дѣла, существенно понизить степень интенсивности имущественной мотивациі; такъ какъ разсматриваемая система вводитъ (путемъ включенія въ систему академіи наукъ и путемъ такого устройства самого университетскаго дѣла, которое заставляетъ дѣйствовать мотивы чести) двоякое и соответственно интенсивное дѣйствіе мотивациі чести, то имущественная мотивациі могла бы быть, безъ вреда дѣла, относительно весьма скромною *).

б) Чѣмъ больше конкретный успѣхъ правовой педагогики, тѣмъ меньше надобности во вспомогательной правовой мотивациі; восходящей прогрессіи результатовъ ученаго воспитанія, ученыхъ качествъ и заслугъ, должна соответствовать нисходящая прогрессія вспомоgetельнаго мотиваціоннаго давленія въ пользу энергичной научной работы (и обратно); этотъ правнополитическій постулатъ осуществляется, очевидно, предположенною мотиваціонною системою; при чемъ, для тѣхъ, научныя достоинства и заслуги коихъ возросли до такой степени, что они удостоены приглашенія на важнѣйшія университетскія кафедры и на кафедры академіи, уже нѣтъ никакой вспомоgetельной правовой мотивациі, за ненадобностью таковой по общему правилу.

в) Съ точки зрѣнія политики права, какъ науки, разраба-

* Такъ какъ, между прочимъ, большіе, въ томъ числѣ особенно столичные, центры обладаютъ сами по себѣ извѣстною притягательною силою, то, даже въ случаѣ отсутствія особыхъ добавокъ, а только надлежащаго учета болѣе дорогой жизни въ болѣшихъ центрахъ и болѣе (иногда, при надлежащемъ отношеніи къ наукѣ и къ учащимся и соответственномъ довѣріи со стороны послѣднихъ, пользованіи руководствомъ и т. д.; удвоенной или утроенной) преподавательско-руководительской работы въ болѣшихъ университетахъ, при сохраненіи прочихъ элементовъ системы, получилась бы такая смѣшанная мотивациі, которая въ значительной степени противоdѣйствовала бы научному бездѣйствію и омертвѣнію науки и преподаванія въ провинціальныхъ университетахъ.

тывающей не только начала рационального права для определеннаго мѣста и времени, точнѣе, для определеннаго состоянія психики, но и принципы рациональныхъ измѣненій правовой мотивации и педагогики сообразно съ достигаемымъ прогрессомъ культуры человѣческой психики, можно, наконецъ, установить въ качествѣ общаго начала университетской политики (и вмѣстѣ съ тѣмъ предсказанія относительно будущаго, напр., германской университетской жизни и другихъ университетскихъ сферъ, въ случаѣ введенія рациональной нормировки ученой профессіи) положеніе, что съ теченіемъ времени (съ ростомъ общей духовной культуры и совершенствованіемъ психики человѣческой, ослабленіемъ эгоистическихъ и усиленіемъ общественно-альтруистическихъ эмоціональныхъ элементовъ и т. д.) рационально постепенное ослабленіе личной мотивации, усѣкновеніе высшихъ, повышеніе низшихъ величинъ вознагражденія и т. д. *).

Съ той же педагогической точки зрѣнія слѣдуетъ отвергнуть въ принципѣ систему гонораровъ (и для Германіи, гдѣ она имѣетъ большое мотивационное значеніе), а также систему назначенія по договору чрезвычайныхъ, особенно повышенныхъ, индивидуальныхъ вознагражденій для особенно выдающихся ученыхъ **).

4. Величайшею и зловреднѣйшею язвою нашей университетской жизни Пироговъ и другіе, интересующіеся существомъ дѣла, считаютъ nepотизмъ, личныя связи и интересы, протека-

*) Ср. Lehre v. Einkommen, II, Anhang. «Введеніе въ изученіе права и нравственности», предисловіе.

**) Эту систему, между прочимъ, считаетъ справедливою и рекомендуетъ лучшій знатокъ русской университетской жизни и вообще наиболѣе выдающійся изслѣдователь университетскаго вопроса,—но не-специалистъ въ области права и правовой политики—Пироговъ: „Но, принявъ уллучшеніе матеріальной стороны коллегіи, какъ одну изъ самыхъ существенныхъ потребностей, я предполагаю и въ отношеніи ея не дѣлать экспериментовъ однообразно. Для чего опредѣлять содержаніе не лицу, а должности; тогда какъ въ университетской коллегіи главное—лицо, а не должность; духъ, а не форма? Вотъ талантъ, посвятившій себя всецѣло учебной (ученой?) дѣятельности; труды его уже обогатили науку; но они такого рода, что не могутъ ему принести никакой матеріальной выгоды. Опъ, кромѣ университетскаго содержанія, ни на что не рассчитываетъ, потому что отдаетъ все время и силы университету. Вотъ другой: онъ приглашенъ „за немѣннѣемъ лучшаго“ для замѣщенія каведры. Его занятія такого рода, что кромѣ университетскаго содержанія, они доставляютъ ему еще огромные доходы и помимо университета, въ которомъ онъ „исполняетъ только аккурратно

ціи и покровительства и т. д. «Но все хорошее, что я сказалъ объ автономіи университета, пишетъ Пироговъ (Унив. вопр. стр. 33 и сл.), нисколько не отвели моихъ глазъ отъ худого. Я знаю очень хорошо, что она одна не предохраняетъ его отъ порчи и упадка. Нужно противодѣйствіе, но такое, которое, не мѣшая его свободной дѣятельности, препятствовало бы только развитію апатіи, застоя и непотизма. Въ нашемъ мало-развитомъ обществѣ, а особливо провинціальномъ, столько парализующихъ условій, наша жизнь такъ скудна возбуждающими стремленіями, наше самолюбіе такъ мелочно, искусственные его стимулы такъ мало приноровлены къ духовнымъ интересамъ, что у насъ всего труднѣе уберечь университетъ отъ апатіи и застоя. Непотизмъ, съ его системою протекцій, существуетъ вездѣ,—у насъ онъ только принимаетъ иногда грубыя и уродливыя формы... Противъ его уродливостей много уже подѣйствуетъ улучшение матеріальнаго быта коллегіи и правительственный контроль, обращенный не на соблюденіе одной только законной формы, а на внутреннее содержаніе. Но несравненно труднѣе предотвратить апатію или застой, соединенные съ непотизмомъ. Противъ этого сложнаго зла, самаго страшнаго для самостоятельной жизни нашихъ коллегій, я считаю всякій экспериментъ не только позволительнымъ, но и единственнымъ средствомъ, обѣщающимъ хотя что нибудь лучшее, такъ какъ употреблявшіеся до сихъ поръ палліативы: регламентація, предписанная закономъ заботливость начальника о процвѣтаніи университета, и т. п. оказались вполне несостоятельными».

Но и предлагаемыя авторомъ мѣры противъ непотизма,

свои обязанности». Что же общаго между этими двумя личностями? Одинъ,—находка и приобритеніе для университета,—удесятеряетъ фонды производительныхъ его силъ. Другой исполняетъ только должность. Вотъ третій случай: профессоръ одного университета заслужилъ уже имя въ наукѣ. Его бы хотѣли имѣть у себя нѣсколько университетовъ. Онъ и самъ бы не прочь перемѣнить мѣсто, по домашнимъ обстоятельствамъ; но университетъ, который онъ предпочелъ бы другимъ, въ такомъ городѣ, гдѣ жизнь дорога. Будь у этого университета средства—и онъ получилъ бы профессора, увеличивъ его содержаніе по взаимному договору“ („Университетскій вопросъ“, стр. 12 и сл.). Но подражаніе въ области такихъ личныхъ „взаимныхъ договоровъ“ западнымъ университетамъ въ Россіи породило бы, можно съ увѣренностью предсказать, развылъ, этически болѣе чѣмъ сомнительныя, искушенія и злоупотребленія и вмѣсто повышенія научной психики и этики ввело бы только элементъ деморализаціи.

этой дѣйствительно страшной язвы, разъѣдающей и безъ того худосочные университетскіе организмы, главнымъ образомъ слабѣйшіе изъ нихъ, и производящей нѣкоторые изъ провинціальныхъ факультетовъ до совершенно уродливаго состоянія, въ частности, гласность, сѣзды профессоровъ (для развитія взаимной связи между университетами и общественнаго мнѣнія), возстановленіе института академическихъ элевовъ и т. д. — тоже палліативы, слабыя и недѣйствительныя мѣры.

Предложенная выше система заключаетъ въ себѣ троякаго рода мѣры противъ этой язвы. Основная и главная мѣра, касающаяся самаго источника этой болѣзни, состоитъ въ устраненіи холоднаго, безразличнаго отношенія къ наукѣ и ея интересамъ; ибо корень и существо университетскаго nepотизма состоитъ въ такомъ холодномъ отношеніи къ наукѣ, что болѣе сильными оказываются личныя знакомства, симпатіи, просьбы, и разные иные мелкіе (иногда совершенно микроскопическіе) мотивы. Чѣмъ сильнѣе научное настроеніе и воодушевленіе, тѣмъ дороже интересы науки, тѣмъ болѣе они опредѣляютъ поведеніе во всѣхъ областяхъ университетскаго дѣла, въ томъ числѣ въ области выборовъ и т. д.

Вторая мѣра, заключенная въ предложенной системѣ противъ nepотизма въ опаснѣйшей для университета области, въ области замѣщенія кафедръ, это принципъ приглашенія извнѣ. Это, какъ и разное другое въ предлагаемой системѣ, нѣкоторымъ, конечно, очень не понравится. Тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ университетахъ nepотизмъ до того вошелъ въ привычку и укоренился, что онъ сдѣлался признаннымъ принципомъ, въ родѣ доктрины Монро, Америка для американцевъ: покровительствовать своимъ и не допускать чужихъ не только не считается нехорошимъ, но представляется дѣломъ мѣстно-университетскаго патріотизма и обязательной солидарности; абсолютному и неумолимому по отношенію къ «чужимъ», хотя бы и весьма выдающимся кандидатамъ, осуществленію этой убійственной для науки «доктрины» не мѣшаетъ даже отсутствіе своихъ кандидатовъ съ научнымъ цензомъ: находятся покровительствуемые, которыхъ имѣютъ въ виду готовить къ строенію въ будущемъ.

Наконецъ, послѣдній ударъ возможности основать успѣшную «ученую» карьеру на пользованіи nepотизмомъ наносится принципомъ начинанія профессуры въ одномъ изъ универси-

тетовъ третьей группы и постепеннаго перехода въ другія группы. Требуется послѣдовательная оцѣнка и признаніе ученыхъ заслугъ со стороны трехъ чужихъ университетовъ (или трехъ университетовъ и академіи наукъ)! Въ началѣ, до поднятія общаго уровня, для этого достаточно было бы весьма скромныхъ научныхъ заслугъ, но все таки дѣло было бы не въ непотизмѣ.

Между прочимъ, передвиженіемъ ученыхъ, вызываемымъ разсматриваемою системой правовой мотивации, было бы достигнуто въ болѣе дѣйствительной формѣ и болѣе сильной степени, чѣмъ путемъ предписанія съѣздовъ профессоровъ, института академическихъ элевовъ и т. п., и то, къ чему стремился Пироговъ, предлагая эти мѣры, а именно устраненіе замкнутости отдѣльныхъ ученыхъ кружковъ, университетовъ и академіи наукъ, установленіе связи и сближенія между ними и развитія такимъ образомъ соответственно широкаго и объективнаго учено-общественнаго мнѣнія ¹⁾.

Сверхъ того, передвиженіе ученыхъ, сначала въ меньшіе университеты, а затѣмъ въ большіе и въ академію наукъ, имѣло бы еще и другія цѣнные послѣдствія, на которыя здѣсь достаточно кратко паметнуть: 1) оно бы вносило струю свѣжаго воздуха въ затхлыя подчасъ атмосферы замкнутыхъ теперь кружковъ, сжившихся другъ съ другомъ, свободныхъ отъ посторонняго взора и переставшихъ стѣсняться другъ друга людей; стоячая вода склонна къ гніенію; 2) оно препятствовало бы развитію разрушающихъ связей съ наукою безчисленныхъ нныхъ связей и интересовъ мѣстнаго, провинціальнаго, дѣлового характера (напр., по управленію банками, по торговлѣ имѣніями на мѣстной грязной политической почвѣ, по подрядамъ и поставкамъ на почвѣ мѣстныхъ связей и союзовъ) ^{**)} и

¹⁾ „Гдѣ и чѣмъ только можно, нужно способствовать у насъ этому сближенію. Я твердо убѣжденъ, что эта мѣра (съѣзды), сколько бы ей еще ни препятствовали наши дороги и разстоянія, также существенно необходима для просвѣщенія, какъ и поѣздка за границу съ ученою цѣлью. Тоже самое думаю и о связи университета съ академіей“ (Унив. вопр. стр. 34). Само собою разумѣется, мнѣніе Пирогова о желательности съѣздовъ (какъ и поѣздокъ за границу съ ученою цѣлью) остается правильнымъ и не возбуждаетъ возраженій. Сомнительнѣе институтъ академическихъ элевовъ. Онъ только обозначалъ бы банкротство университетовъ и самъ бы потерпѣлъ фіаско.

^{**)} Когда я былъ студентомъ, въ нашей средѣ было завѣтно относительно многихъ нашихъ «цитатныхъ преподавателей», мѣстныхъ ста-

т. п.; вмѣсто пусканія множества корней въ мѣстную, подчас болотную почву, постепеннаго погруженія въ тину соответственныхъ интересовъ, дѣль и дѣлишекъ, опутыванія сѣтью отдѣляющихъ отъ науки и прикрѣпляющихъ къ другому связей, создавалась бы и крѣпла единая связь—съ наукою; 3) это касалось бы и совмѣстительства въ тѣсномъ смыслѣ слова, при томъ въ менѣе одіозной и вообще лучшей формѣ, чѣмъ прямыя запрещенія закона, могущія касаться лишь нѣкоторыхъ, болѣе явныхъ и официальныхъ видовъ совмѣстительства.

Эти особенности системы, въ свою очередь, дѣйствовали бы въ пользу воспитанія въ индивидахъ и коллегіяхъ научнаго духа и научной этики и вообще въ пользу поднятія духовнаго облика факультетовъ и университетовъ, а это отражалось бы въ благопріятномъ смыслѣ и на воспитаніи учащейся въ университетахъ молодежи.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что разныя, изложенныя выше, положенія и разные элементы предложенной системы университетской мотивациі и педагогики допускаютъ и отдѣльное или иначе комбинированное примѣненіе. Такъ, напр., рациональное переустройство академіи наукъ, само по себѣ, независимо отъ университетской реформы, способствовало бы въ извѣстной степени оживленію науки и просвѣщенію, въ томъ числѣ поднятію уровня университетской науки и университетскаго преподаванія. И теперь, какъ не трудно убѣдиться путемъ сравненія состоянія разныхъ наукъ и разныхъ факультетовъ въ Россіи, особенно жалко состояніе тѣхъ университетскихъ наукъ, которыя не встрѣчаютъ никакого поощренія, даже со стороны академіи наукъ. Представленныя въ академіи науки находятся и въ университетахъ не въ столь жалкомъ состояніи.

Равнымъ образомъ, рациональное устроеніе университетскаго дѣла, какъ таковое, и безъ реформы академіи наукъ, оказало бы—еще болѣе существенное—оживляющее вліяніе на всѣ вѣтви

рожиловъ, что они заправляли банкови. или промышляютъ въ области городского хозяйства или дѣльцы иного рода, при чемъ въ силу мѣстныхъ связей, оказательства предписаннаго для данной мѣстности типа патріотизма и соотвѣтственнаго политиканства, связей съ генераль-губернаторамъ и т. п., замѣчалась особая неприкосновенность со стороны уголовныхъ законовъ. Только разъ случилось смѣщеніе ректора, знаменитаго Ренненкампа, вслѣдствіе слишкомъ большой огласки крупныхъ денежныхъ злоупотребленій.

университетской науки. При томъ разные принципы предложенной университетской реформы, въ свою очередь, допускаютъ отдѣльное примѣненіе или примѣненіе въ иной формѣ. Такъ, значеніе научной работы и научныхъ заслугъ для личнаго положенія можно было ввести (впрочемъ, въ менѣе дѣйствительной формѣ) и безъ передвиженія изъ университета въ университетъ или при передвиженіи безъ дѣленія университетовъ на группы. Съ другой стороны, принципъ приглашенія извнѣ весьма цѣненъ и необходимъ независимо отъ всей прочей реформы, и проч.

III.

Задача, рассмотрѣнная въ предыдущемъ раздѣлѣ,—главная и основная задача университетской политики; въ ней центр тяжести и главный смыслъ этой области правовой политики, и безъ успѣшнаго ея рѣшенія не можетъ быть надлежащаго состоянія и дѣйствія университетовъ ни въ какой области, ни въ какихъ отношеніяхъ. И такая или иная, хотя бы и геніальнѣйшая, реформа прочихъ сторонъ университетской жизни, напр., введеніе остроумнѣйшей и лучшей мыслимой системы выборовъ должностныхъ лицъ, ректора и т. д., и управленія хозяйственными и иными университетскими дѣлами (главная тема, средоточіе вниманія и традиціонный фактической центр тяжести нашей университетской политики), лучшей мыслимой системы преподаванія, богатѣйшей и превосходной системы каеодръ, факультетовъ и отдѣленій и проч.—лишаются серіознаго, съ точки зрѣнія существа дѣла, смысла и цѣльности, если указанная задача оставлена безъ вниманія, не рѣшена, такъ что въ ея области все остается по старому. Да и объ остроумнѣйшемъ или даже просто объ умномъ устройствѣ прочихъ сторонъ университетской жизни можно только говорить *cum grano salis*. Ибо не требуется, напр., особаго правно-политическаго остроумія, чтобы, размышляя о системѣ такъ называемой автономіи, точнѣе, большей или меньшей децентрализаціи управленія университетскими дѣлами, объ условіяхъ успѣшнаго дѣйствія, жизнеспособности или нежизнеспособности, опасности компрометированія этой системы и контрреформы и т. п., сообразить, что дѣло зависитъ отъ того, насколько интересуютъ и воодушевляютъ участниковъ интересы

науки, какъ таковой, или, за слабостью или отсутствіемъ такихъ импульсовъ для заботы и радѣнія о существѣ дѣла, играютъ роль иные, провинціальныя, кружковыя, непотическія и личные интересы, дѣла и дѣлишки, интриги и т. п., при чемъ худшія университеты компрометируютъ всю систему, даютъ матеріаль для собиранія фактовъ и торжества противниковъ системы; и то же въ еще большей степени относится къ организаціи системы кафедръ, факультетовъ, отдѣленій, какъ органовъ разработки наукъ и распространенія научнаго свѣта, въ отличіе отъ обременяющихъ бюджетъ «штатныхъ должностей» съ «присвоенными имъ окладами», къ такой или иной системѣ преподаванія и проч.

Распространяется причинная зависимость указаннаго рода и на главнѣйшую по существу слѣдующую, послѣ первой и основной, задачу университетской законодательной политики. Вторая по степени важности, съ точки зрѣнія достиженія идеала (общей и высшей цѣли) университетской политики, задача состоитъ въ выработкѣ надлежащей правовой мотиваціи, дѣйствующей въ направленіи возможно болѣе обильнаго привлеченія способнѣйшихъ, талантливѣйшихъ изъ оканчивающихъ университеты къ специальному посвященію себя наукѣ, къ избранію ученой профессіи, и къ соотвѣтственной возможно болѣе усердной и энергичной научной автодидактикѣ.

Если не имѣется успѣшнаго рѣшенія разсмотрѣнной въ предыдущемъ раздѣлѣ правно-политической задачи, то и формулированная только что задача теряетъ въ значительной степени смыслъ и значеніе, и даже возникаетъ такое сомнѣніе съ точки зрѣнія общей (въ отличіе отъ специально университетской) правовой политики: слѣдуетъ ли заботиться объ изыятіи сливокъ молодежи страны изъ оборота прочей общественной, экономической, государственной и т. д. жизни, гдѣ они могли бы сыграть съ успѣхомъ дѣятельную и блестящую роль, для того, чтобы превращать ихъ въ ничего не дѣлающихъ (за исключеніемъ отбыванія 6-часовой въ недѣлю повинности отчитыванія лекцій безъ пользы и для тѣхъ немногихъ, которые являются на эти лекціи, и проч.) людей, падающихъ духовно по истеченіи извѣстнаго времени до неузнаваемости (и въ этическомъ отношеніи, уже вслѣдствіе отсутствія воодушевленія, вѣры въ свое дѣло, и соотвѣтственной бодрой и энергичной, полезной

и усѣбной дѣятельности, независимо отъ разныхъ другихъ факторовъ). Слѣдуетъ ли извлекать сливки для предоставленія ихъ процессу порчи и гніенія въ ненормальной атмосферѣ? Не было ли бы болѣе экономнымъ и производительнымъ иное отношеніе къ подлежащему драгоценнѣйшему народному и общечеловѣческому капиталу лучшихъ и высшихъ силъ?

Но если предположить усѣбное рѣшеніе разсмотрѣнной на первомъ мѣстѣ и главной задачи университетской политики, то не только не можетъ быть рѣчи о такихъ сомнѣніяхъ, но формулированное только что въ видѣ второй задачи университетской политики положеніе пріобрѣтаетъ характеръ весьма важной аксіомы не только университетской политики, но и общегосударственной и общечеловѣческой политики лучшей, наиболѣе производительной, утилизаціи лучшихъ умственныхъ силъ страны.

Это можно было бы утверждать уже въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду только интересы образованія и воспитанія учащейся въ университетахъ молодежи, или даже, если имѣть въ виду только интеллектуальное образованіе этой молодежи. Если бы смыслъ и значеніе лекцій сводились къ сообщенію научныхъ свѣдѣній, для чего не требуется особой геніальности, а достаточно обладаніе подлежащими свѣдѣніями (а еще лучшее средство — хорошій учебникъ), то, конечно, о необходимости набора и подбора талантливѣйшихъ и геніальнѣйшихъ для этой цѣли не могло бы быть рѣчи. Но такъ какъ лекціи съ интеллектуальной точки зрѣнія суть процессы формировація въ критическій періодъ сотенъ и тысячъ молодыхъ умовъ смѣняющихся поколѣній слушателей по образу и подобию интеллекта учителя съ зараженіемъ геніальностью и т. д., то ясно, какое великое значеніе уже съ этой точки зрѣнія въ дѣлѣ воспитанія будущихъ руководящихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, законодателей, правителей, судей, учителей и т. д. имѣетъ лучший и строжайшій подборъ талантливѣйшихъ изъ наиболѣе способныхъ, по возможности геніальныхъ. Формировація умовъ цвѣта молодежи страны и будущихъ руководящихъ дѣятелей должно происходить на лучшихъ образцахъ, какіе только вообще могутъ быть найдены и сформированы въ давной странѣ (или, слѣдуетъ добавить, между прочимъ, добыты изъ-за границы). Но отъ характера лекцій зависитъ не только соотвѣтственная обработка и выдѣлка молодыхъ интеллектовъ, а и перерожденіе молодыхъ характеровъ, очищеніе ихъ огнемъ науки отъ

разныхъ мелкихъ и низменныхъ элементовъ, внушеніе импульсовъ къ живой университетской и послѣуниверситетской научной автодидактикѣ и т. д. Если же принять во вниманіе, что дѣло далеко не ограничивается влияніемъ на воспитаніе учащейся молодежи, что это только одинъ изъ видовъ распространенія научнаго свѣта тѣми, у которыхъ имѣется сильный и стремящійся къ распространенію духовный свѣтъ, и что выпая и драгоцѣннѣйшая миссія ученаго состоитъ въ производствѣ новаго научнаго свѣта для общества и человѣчества, то важность задачи возможно болѣе обильнаго набора талантливейшихъ изъ оканчивающихъ университеты и внушенія имъ импульсовъ къ усерднѣйшей научной автодидактикѣ для выбора среди нихъ затѣмъ наиболѣе выдающихся и преуспѣвающихъ въ наукѣ на университетскія кафедры—еще больше возрастаетъ и дѣлается еще болѣе внушительною и аксіоматическою.

При этомъ, для сознательно-раціональнаго обсужденія и рѣшенія этой важной правно-политической проблемы слѣдуетъ имѣть въ виду, что значеніе количественной стороны дѣла, требованія возможно болѣе обильнаго привлеченія способнѣйшихъ, отнюдь не исчерпывается тѣмъ непосредственнымъ и наиболѣе очевиднымъ дѣйствіемъ, которое состоитъ въ расширеніи сферы выбора и соотвѣтственномъ повышеніи научнаго ценза, научныхъ качествъ избираемыхъ. Не менѣе, или даже болѣе важны разныя менѣе явныя, косвенныя влиянія. А именно: 1) привлеченіе многихъ къ ученому поприщу, т. е. большаго количества рефлектантовъ на университетскія кафедры, тѣмъ число кафедръ, создаетъ соотвѣтственно сильно дѣйствующую мотивацію въ пользу усердной научной автодидактики, тѣмъ болѣе интенсивную мотивацію, чѣмъ больше указанное численное несоотвѣтствіе и, стало быть, необходимость для достиженія цѣли превзойти многихъ другихъ, тоже имѣющихъ въ виду необходимость достиженія такого превосходства; такъ какъ ученая дѣятельность и задача соотвѣтственной автодидактики, достиженіе научной гениальности или возможно большаго приближенія къ ней, по природѣ своей, требуютъ возможно болѣе исключительной, непрерывной и интенсивной тренировки интеллекта и т. д., вообще возможно большаго усердія и энергій соотвѣтственной автодидактической работы, съ соотвѣтственными житейскими жертвами, то созданіе подлежащей мотивации съ высокимъ давленіемъ—существенное условіе достиженія

желательныхъ автодидактическихъ результатовъ и соответственнаго высокаго ценза вступающихъ на отвѣтственные научные посты—университетскія кафедръ; 2) указанное количественное несоответствіе исключаетъ занятіе кафедръ, чтеніе отвѣтственныхъ общихъ курсовъ и т. д. неподготовленными, незрѣлыми съ точки зрѣнія особой, требующей продолжительной автодидактики, природы данной дѣятельности, что, какъ видно изъ изложеннаго выше, весьма вредно и съ точки зрѣнія автодидактики ученыхъ, и съ точки зрѣнія университетской дидактики; чѣмъ больше указанное количественное несоответствіе, тѣмъ большія научныя заслуги уже до занятія кафедръ требуются отъ кандидатовъ, тѣмъ больше поднимается возрастъ и ученый цензъ вступающихъ на кафедры, тѣмъ больше удлинняется періодъ интенсивной предварительной автодидактики, тѣмъ больше гарантія противъ скороспѣлости и ошибокъ въ области заполнения кафедръ, тѣмъ больше исключено «затыканіе» кафедръ на десятки лѣтъ проблематичнымъ матеріаломъ «подающихъ надежды», но еще не успѣвшихъ доказать склонность и способность оправдать ихъ, и т. д.; 3) уже само, достигаемое обильнымъ, болѣе обильнымъ, чѣмъ число вакансій, притокомъ конкурирующихъ силъ, непосредственное и, указанное въ двухъ предыдущихъ пунктахъ, косвенное поднятіе ученаго ценза до большой высоты ведетъ къ тому, что обладающимъ посредственными способностями вообще нечего думать о достиженіи университетской кафедры; и особенно тамъ, гдѣ на университетски образованныхъ людей имѣется большой спросъ въ разныхъ областяхъ жизни, а съ другой стороны богатыхъ, которые могли бы посвящать себя наукѣ на собственные средства, не заботясь объ обезпеченіи себя и семьи, весьма мало, получился бы (за исключеніемъ отдѣльныхъ, всегда возможныхъ, ошибокъ) естественный подборъ способнѣйшихъ, талантливѣйшихъ.

Между прочимъ, въ Россіи, въ виду крайней малочисленности людей дѣйствительно и солидно образованныхъ въ какой либо области и весьма большого спроса на такихъ людей, неизбежное зло, связанное съ дѣйствіемъ указанной мотивационной системы, браковка посредственныхъ и менѣе выдающихся, было бы мало чувствительнымъ и даже было бы связано съ плюсомъ, съ доставленіемъ разнымъ сферамъ полезныхъ, солидно образованныхъ дѣятелей.

Въ Германіи, гдѣ научно солидно образованныхъ людей,

глубоких знатоковъ своей специальности, множество, такъ что это не отличіе и не особенность, и вообще строй жизни таковъ, что мало успѣвающимъ на ошибочно избранномъ научномъ поприщѣ переѣнать профессію трудно, происходящая въ громаднѣхъ размѣрахъ браковка менѣе выдающихся адептовъ науки представляетъ довольно большой социальный минусъ.

Въ настоящее время въ Россіи, вслѣдствіе крайне ненормальной постановки ученой карьеры, любителей этой карьеры такъ мало, что не хватаетъ кандидатовъ на каѳедры даже въ смыслѣ обладателей формальнымъ цензомъ только—докторскою степенью. И съ этой точки зрѣнія предполагаемое въ новѣйшемъ проектѣ университетской реформы пониженіе ученаго ценза для занятія каѳедры, довольствованіе теперешними кандидатами на докторскую степень, магистрами, съ переименованіемъ ихъ докторами,—не лишено основанія, по крайней мѣрѣ съ той точки зрѣнія, для которой все равно, кѣмъ заняты университетскія каѳедры, лишь бы онѣ кѣмъ либо были заняты и все «обстояло благополучно». Ненормальный характеръ получаетъ это законодательное предположеніе главнымъ образомъ въ виду того, что его осуществленіе предполагается не отдѣльно, на почвѣ стараго, поддерживающаго болѣзненно художное состояніе университетской науки, университетскаго строя и режима, а въ связи съ общею университетскою реформою; т. е., что оно представляетъ такъ сказать добровольную и откровенную росписку въ неспособности или нежеланіи законодателя дѣйствительно реформировать, улучшить по существу положеніе университетской науки, *testimonium paupertatis*, напередъ выданное затѣваемой реформѣ.

Серіозная университетская реформа должна, — страннымъ образомъ это приходится повторять и подчеркивать—заботиться не о пониженіи ученаго ценза, а, напротивъ, о повышеніи; она должна заботиться о томъ, чтобы впредь имѣлось не только достаточно докторовъ въ теперешнемъ смыслѣ, но значительно большее ихъ число, чѣмъ требуется для заполнения каѳедръ, чтобы фактическій цензъ былъ выше юридическаго, такъ что послѣдній служилъ бы только формальнымъ минимумомъ и границею для возможнаго, главнымъ образомъ въ первое время, непотизма и т. п. *).

*) Другой вопросъ, вопросъ о теперешнихъ магистрахъ, уже занимающихъ каѳедры или еще не занимающихъ. Нормировка ихъ положе-

Что касается затѣмъ созданія такихъ формъ университетскаго права, чтобы получилась изображенная выше мотивация, создающая обильное направление способнѣйшихъ на научное поприще, соответствующую усердную научную автодидактику и т. д., вообще повышение научнаго ценза и замѣщеніе каедръ дѣльными и выдающимися учеными, то это вообще гораздо менѣ тонкая и сложная задача правовой политики и техники, чѣмъ предупрежденіе разводовъ съ наукою и поддержаніе энергичной учено-писательской дѣятельности со стороны уже занявшихъ каедръ. Эта задача могла бы быть рѣшена весьма простымъ образомъ (только, какъ увидимъ ниже, съ лишними финансовыми жертвами) даже на почвѣ традиціонной системы, санкціонирующей прекращеніе ученой дѣятельности и превращеніе начинающихся ученыхъ въ «штатныхъ преподавателей» послѣ занятія каедръ.

А именно, при такомъ предположеніи, т. е. при оставленіи прежней, негодной нормировки положенія «преподавательскаго персонала», слѣдовало бы снабдить положеніе профессора вообще такою привлекательностью, чтобы вмѣсто теперешняго предпочтенія со стороны выдающихся по способностямъ молодыхъ людей иныхъ карьеръ (въ томъ числѣ, напр., поразительнаго массоваго бѣгства и перетягиванія въ департаменты, въ адвокатуру и т. п. громаднаго большинства уже оставленныхъ

нія—тема для ввѣднаго закона, для правилъ о введеніи въ дѣйствіе новаго основнаго закона. Такъ какъ разумная государственная политика должна вездѣ и принципиально заботиться о томъ, чтобы не подрывать вѣры въ законъ, не колебать мотивационной силы и способности права вообще, то она должна соблюдать тотъ принципъ, чтобы лица, довѣрившіяся существующему правопорядку, не подвергались при реформахъ ухудшенію положенія, обману и разрушенію надеждъ и расчетовъ. Хотя теперь по буквѣ закона для занятія каедръ требуется докторская степень, но на почвѣ эпидемическаго обхода закона за отсутствіемъ кандидатовъ съ законнымъ минимальнымъ цензомъ образовалось, можно сказать, отличное отъ закона, административное обычное право. Во всякомъ случаѣ многіе имѣли основаніе думать, что послѣ написанія магистерской диссертации впродолженіе писаніе научныхъ сочиненій (крайне тяжелая и ужасная для некоторыхъ перспектива) уже отъ нихъ не потребуется. Какъ ни ненормально съ точки зрѣнія спеціально университетской политики такое положеніе, принципъ поддержанія вѣры въ существующее правовое положеніе, тщательнѣйшаго избѣганія всякихъ подводовъ и разрушеній плановъ и расчетовъ, столь важный и великій общій принципъ разумной политики права, что его слѣдуетъ соблюсти и здѣсь, предоставивъ теперешнимъ магистрамъ равныя права съ докторами.

при университетѣ петербургскимъ юрид. факультетомъ и т. п.) получилось обратное явленіе. При этомъ нужно было бы принять во вниманіе: необходимость для успѣшной ученой карьеры (въ будущемъ, на почвѣ новаго права, какъ слѣдуетъ вообще соображать въ области правовой политики) особенно выдающихся дарованій, особенно упорнаго, продолжительнаго и энергичнаго труда съ разными житейскими отказами и жертвами, рискъ недостиженія или лишь весьма поздняго достиженія кафедръ, исключенность, при (необходимомъ въ будущемъ) полномъ и исключительномъ посвященіи себя наукѣ, бѣльшаго личнаго и семейнаго благосостоянія, чѣмъ то, которое связано съ профессурою, легкость для наиболѣе талантливыхъ и научно серьезно образованныхъ людей достигнуть, вслѣдствіе большого и все увеличивающагося спроса на такихъ лицъ съ разныхъ сторонъ, сравнительно блестящихъ карьерныхъ результатовъ въ области государственной службы, вольныхъ профессій и т. п., а въ будущемъ и на почвѣ особенно задѣвающей честолюбіе и ставящей въ тѣнь профессуру политической, парламентской дѣятельности, и т. д.

Хотя число университетскихъ кафедръ, по сравненію, напр., съ числомъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній или т. п., весьма незначительное, все таки дѣло бы шло, вслѣдствіе большого размѣра опредѣленнаго такимъ образомъ оклада, объ увеличеніи бюджета министерства народнаго просвѣщенія на довольно значительный процентъ, по крайней мѣрѣ вдвое бѣльшій процентъ, чѣмъ это, напр., предполагается разными по-выми, вообще съ точки зрѣнія процвѣтанія науки несообразными, проектами.

Если бы эта финансовая жертва была необходима, если бы не было способовъ безъ вреда для дѣла обойти или уменьшить ее, то она, конечно, должна была бы быть принесена. И, между прочимъ, профессора обязаны были бы, поставивъ интересы науки и просвѣщенія выше личныхъ интересовъ оказательства благородства и безкорыстія, открыто, громко и настойчиво заявлять объ этомъ, выяснять, доказывать и т. д. Они эксперты, ихъ спрашиваютъ, и кто же сталъ бы выяснять и отстаивать интересы университета и науки, если бы они, каждый про-себя, предпочитали предоставить это дѣло другимъ и молчали или прямо вводили рѣшающія сферы въ заблужде-

ніе ради демонстраціи личнаго благородства и безкорыстія *).

Но, конечно, даже въ области такихъ производительныхъ затратъ, какъ затраты на народное просвѣщеніе, и даже столь несоизмѣримо съ размѣромъ жертвъ производительныхъ, какъ затраты на поднятіе университетскаго дѣла, сохраняетъ силу общій законъ бережливости, не въ смыслѣ жертвованія результатами ради денежныхъ сбереженій—это было бы не экономіей, а рачительностью,—а въ смыслѣ изысканія способовъ болѣе экономнаго достиженія тѣхъ же результатовъ.

Въ другомъ мѣстѣ ***) авторъ выяснилъ и доказалъ существованіе особаго закона (тенденціи) человѣческой психики, состоящаго въ стремленіи оцѣнивать шансы представляющихся возможными удачъ, напр., лоттерейныхъ и т. п. выигрышей, акціонерныхъ, курсовыхъ и дивидендныхъ премій, предпринимательскихъ удачъ и т. п., не пропорціонально ихъ объективной цѣнности, а съ «оптимистической надбавкою», которая при извѣстныхъ условіяхъ многократно, подчасъ въ сотни и тысячи разъ, превышаетъ реальную цѣнность, цѣнность дѣйствительныхъ шансовъ и т. д. (*Gesetz des optimistischen Chancenmehrwerths*, законъ эмоціонально-оптимистической оцѣнки шансовъ). При прочихъ равныхъ условіяхъ подлежащая тенденція дѣйствуетъ съ тѣмъ большею силою давленія, чѣмъ

*) Хотя этотъ психологическій факторъ по природѣ не явный, тѣмъ не менѣе его дѣйствіе въ исторіи университетскаго дѣла, при чтеніи соответственныхъ историческихъ документовъ, мнѣній, заявленій, экспертизъ и т. д., проявляется въ поразительной степени въ разныхъ формахъ, и несомнѣнно онъ сыгралъ роковую роль въ исторіи науки и просвѣщенія. Фактически, выясненіе и отстаиваніе матеріальныхъ нуждъ университетскаго дѣла предоставлялось министрамъ народнаго просвѣщенія. Но здѣсь тоже интереснѣе разныя оказательства, въ частности особой специфической благонадежности, куда забота о силѣ и процвѣтаніи университетовъ и университетской науки совсѣмъ не относится, а во всякомъ случаѣ такихъ порывовъ и воодушевленій въ пользу науки, которые бы вели къ спорамъ и порчѣ пріятныхъ и важныхъ для будущаго отношеній съ министромъ финансовъ, не имѣется. Характерный pendant къ этой исторіи и психологій исторія берлинскаго университета, основаннаго великимъ ученымъ, Гумбольдтомъ, и дальновиднымъ королемъ, для возрожденія упавшаго и разгромленнаго королевства, въ его столицѣ, на послѣдніе гроши, съ чрезвычайными по тогдашнему времени и тогдашнему состоянію финансовъ усиліями и жертвами.

**) „Акціонерная компанія. По поводу предстоящей реформы акціонернаго права“, 1898, въ улучшенной авторомъ для перевода формѣ въ нѣмецкомъ изданіи „Aktienwesen und Spekulation. Eine ökonomische und rechtspsychologische Untersuchung, 1906.

больше размѣръ колебанія шансовъ вверхъ; въ частности, напр., курсъ лоттерейныхъ билетовъ тѣмъ болѣе превосходить реальную ихъ цѣнность, чѣмъ неравномѣрнѣе преміи,—размѣръ оптимистической надбавки къ реальной цѣнности опредѣляется главнымъ образомъ размѣромъ высшей возможной преміи, хотя шансы получения ея столь ничтожны, что цѣнность ихъ при объективной оцѣнкѣ (при примѣненіи счета вѣроятности) составляетъ относительно микроскопическую величину. Поскольку приходится возможность личнаго воздѣйствія на результаты, т. е. оцѣнка (оптимистическая переоцѣнка) собственнаго ума или иныхъ способностей, будущей энергіи и постоянства труда и т. п., средняя оптимистическая прибавка къ дѣйствительной вѣроятности и цѣнности шансовъ достиженія высшихъ результатовъ, естественно и необходимо, существенно возрастаетъ. Этотъ психологическій законъ играетъ огромную роль въ качествѣ могучаго рычага экономической жизни и энергіи, предприимчивости и т. д. въ области народнаго хозяйства. Имъ объясняются разные, съ помощью обычныхъ посылокъ экономистовъ, совершенно странныя и необъяснимыя, явленія въ разныхъ областяхъ экономической жизни, и т. д. Этотъ же законъ можно и слѣдуетъ утилизировать, въ качествѣ средства удешевленія правовой мотиваци и повышенія ея дѣйствительности и реальныхъ эффектовъ, въ области экономической и иной правовой политики и техники. Примѣнимъ этотъ законъ и въ области университетской политики. И онъ уже принятъ нами въ расчетъ и утилизированъ при построеніи системы правовой мотиваци въ пользу кипѣнія науки въ университетѣ. Схема пирамиды ученыхъ учреждений съ двумя крупнѣйшими университетами и академіею наукъ на вершинѣ представляетъ такую схему правовой мотиваци, которая неизбѣжно приводитъ въ сильное дѣйствіе тенденцію эмоціоально-оптимистической оцѣнки шансовъ въ болѣе широкихъ сферахъ основанія и низшихъ ступеней пирамиды. Поэтому то количество человѣческой трудовой энергіи, для приведенія въ дѣйствіе которой при какой либо иной системѣ мотиваци потребовалась бы относительно большая затрата, при пирамидальной системѣ добывается съ меньшими финансовыми жертвами, съ тѣмъ меньшими, чѣмъ болѣе блескъ вершины пирамиды, играющей преимущественную мотивационную роль и въ психикѣ многихъ тѣхъ, которые фактически не достигнуть ея.

Но дѣйствіе подлежащей мотиваціи и оптимистической тенденціи оцѣнки шансовъ отнюдь не ограничивается тою категорією лицъ, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ раздѣлѣ, а распространяется на значительно большую массу лицъ: а именно, оно распространяется и на интересующія насъ въ этомъ раздѣлѣ категоріи лицъ, на тѣхъ изъ оканчивающихъ университеты, которые по своимъ выдающимся дарованіямъ способны къ ученой дѣятельности и обсуждаютъ вопросы о выборѣ карьеры, затѣмъ на лицъ, занимающихся послѣ окончанія университета приготовленіемъ къ магистерскому экзамену, къ магистрантамъ, магистрамъ, докторантамъ и т. д. Хотя лишь немногимъ объективно предстоитъ дойти до вершины пирамиды, но соотвѣтственныя представленія и стимулы имѣются въ психикѣ весьма многихъ и оказываютъ свое дѣйствіе въ пользу такихъ рѣшеній и такого поведенія, проблему успешнаго вызова коихъ разсматриваетъ настоящій раздѣлъ университетской политики: въ пользу отклоненія разныхъ ипыхъ карьерныхъ искушеній и болѣе или менѣе соблазнительныхъ предложеній, въ пользу исключительнаго посвященія себя наукѣ вмѣсто занятія наукою между прочимъ наряду съ службою, адвокатурою, журналистикою или т. п., какъ главною карьерою, противъ набиранія разныхъ, мѣшающихъ заниматься всецѣло наукою, побочныхъ занятій, преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, преждевременнаго чтенія лекціонныхъ курсовъ тамъ, гдѣ принимаютъ безъ ученаго ценза, и т. п., — вообще въ пользу исключительной и интенсивной ученой автодидактики.

И это, въ частности дѣйствіе закона оптимистической оцѣнки шансовъ удачъ, усиленное давленіе и рѣшающее значеніе высшихъ возможныхъ успѣховъ и т. д., относится отнюдь не къ матеріальной только сторонѣ дѣла, а и къ мотиваціи чести, къ особой чести, которую составляло бы на почвѣ разсматриваемой системы приглашеніе въ одинъ изъ большихъ университетовъ, и къ почету, связанному съ академією наукъ; а это тоже означаетъ сбереженіе милліоновъ для общественнаго хозяйства, культуры, для другихъ просвѣтительныхъ цѣлей и т. д.

Другими словами: указанное въ предыдущемъ раздѣлѣ рѣшеніе главной и основной проблемы науки университетской политики, проблемы такой правовой мотиваціи, которая бы вызвала энергичную разработку научнаго свѣта со стороны ученыхъ и т. д., заключаетъ въ себѣ и рѣшеніе второй по сте-

неи важности проблемы университетской политики, а именно проблемы такой правовой мотивации, которая бы без излишняго обременения народнаго хозяйства создавала обильный притокъ способнѣйшихъ къ ученой дѣятельности и энергичную научную автодидактику съ ихъ стороны до занятія кафедрой.

Обозрѣвая съ точки зрѣнія правовой мотивации всю длину ученой профессіи, начиная съ университетской скамьи и рѣшенія вопроса объ избраніи профессіи, мы можемъ сказать, что предложенная право-мотивационная система производитъ обильный наборъ наиболѣе выдающихся силъ для производства и распространения научнаго свѣта и приводитъ въ энергичнѣйшее дѣйствіе на всѣхъ стадіяхъ выработки ученыхъ научную автодидактику, развивающую эти силы въ направленіи достиженія высшихъ результатовъ для общества и человѣчества.

Можетъ быть, наука университетской политики выработаетъ лучшую, болѣе совершенную, болѣе сообразованную съ законами человѣческой психики и т. д. право-мотивационную систему, достигающую съ еще меньшими финансовыми затратами такихъ же или болѣе великихъ результатовъ. Но пока, съ точки зрѣнія того, что имѣется въ данной области, дѣло представляется въ такомъ видѣ, что изображенная схема правовой мотивации ученой профессіи даетъ максимумъ результата въ дѣлѣ обильнаго и энергичнаго производства и распространения благъ научнаго свѣта съ наименьшими народно-хозяйственными жертвами.

Во всякомъ случаѣ не только съ высшей точки зрѣнія политики народнои и общечеловѣческой культуры и прогресса, но (принимая во вниманіе роль науки и научнаго просвѣщенія въ народнои экономіи) и съ точки зрѣнія экономической политики въ тѣспомъ смыслѣ, затрачиваемыя въ указанной формѣ средства давали бы несоизмѣримо крупный результатъ. Мало того, если имѣть въ виду дальнѣйшую причинную связь состоянія государственнаго въ тѣспомъ смыслѣ, фискальнаго, хозяйства съ состояніемъ народнаго хозяйства вообще, то можно думать, что дѣло шло бы даже съ узкой точки зрѣнія финансовой въ тѣспнѣйшемъ смыслѣ политики о поразительно выгодной затратѣ.

Слѣдуетъ при томъ имѣть еще въ виду, что такъ какъ дѣло шло бы не только о незначительномъ количествѣ дотируемыхъ по указанной системѣ должностей, но и о незначительной въ

первые годы послѣ введенія реформы части лицъ, занимающихъ эти должности, — о прибавкахъ только для тѣхъ лицъ, которыя въ будущемъ перейдутъ изъ меньшихъ университетовъ въ бѣдшіе, а, напр., не для теперь занимающихъ важнѣйшія, столичныя, каѳедры и т. д.; то введеніе реформы было бы нечувствительно и въ эпоху финансоваго кризиса и паденія не только для общаго государственнаго бюджета, но даже для болѣе чѣмъ жалкаго и позорнаго, съ точки зрѣнія культуры, бюджета народнаго просвѣщенія.

IV.

Разумѣется, проведеніе предполагаемой системы правовой мотивациі не устраняетъ необходимости сдѣлать для способнѣйшихъ къ ученой дѣятельности возможнымъ приготовленіе къ этой дѣятельности путемъ доставленія имъ на промежуточное время соотвѣтственнаго пособія.

Однимъ изъ существенныхъ пороковъ устройства нѣмецкаго университетскаго дѣла является та его особенность, что, за отсутствіемъ надлежащей помощи со стороны государства приготавливающимъ къ ученому званію, ученая профессія доступна только для лицъ, имѣющихъ достаточныя средства для существованія въ теченіе десятилѣтій безъ профессиональнаго, трудового дохода. Надлежащій, умственный подборъ замѣняется здѣсь имущественнымъ подборомъ; рѣшающимъ факторомъ подбора является не состояніе умственныхъ способностей, а наличность необходимаго капитала или иного имущественнаго обезпеченія на многіе годы. Если тѣмъ не менѣе въ Германіи находится много любителей столь «дорого стоящаго и рискованнаго предпріятія» и изъ массы этихъ любителей вырабатывается немало дѣльныхъ и выдающихся ученыхъ, такъ что университетская наука процвѣтаетъ, то это объясняется весьма сильнымъ мотивационнымъ дѣйствіемъ другихъ, болѣе удачныхъ элементовъ структуры ученой профессіи и господствомъ научнаго духа въ университетахъ и въ народѣ вообще. Несомнѣнно процвѣтаніе нѣмецкой университетской науки и культурное процвѣтаніе Германіи было бы еще выше, если бы не было указаннаго порока въ нормировкѣ ученой профессіи.

Въ Россіи и въ случаѣ снабженія величайшею привлекательностью дальнѣйшихъ и конечныхъ стадій ученой профес-

си, а равно созданія сильнѣйшихъ стимуловъ для усерднѣйшей научной работы со стороны «штатныхъ преподавателей», въ случаѣ отсутствія надлежащей помощи приготавливающимся къ ученому званію въ промежуточное время, все таки нельзя было бы достигнуть достаточнаго обилія ученыхъ вслѣдствіе бѣдности учащейся молодежи, вслѣдствіе незначительности процента состоятельныхъ.

По существу дѣло идетъ вовсе не о какой либо благотворительности и особой милости со стороны государства, а о продуктивнѣйшей и выгоднѣйшей (при рациональномъ устроеніи прочихъ сторонъ дѣла) затратѣ сравнительно незначительнаго капитала для извлеченія изъ него впослѣдствіи огромной духовной и матеріальной прибыли; дѣло идетъ объ организаціи весьма выгоднаго для государства и общества «кредита» для способныхъ и готовыхъ посвятить себя весьма квалифицированному, тяжелому и связанному съ отказомъ отъ болѣе легкихъ профессій и заработковъ, цѣннѣйшему для общества и государства, производительному труду.

Страннымъ образомъ, традиціонный порядокъ русскаго университета дѣла таковъ, что пособія даются на время приготвленія къ магистерскому экзамену и прекращаются съ момента выдержанія этого экзамена; подъ приготвленіемъ къ ученому званію разумѣется только ученіе къ экзамену; какъ будто дальнѣйшія стадіи ученой автодидактики, стадія начальной писательской дѣятельности, составленія магистерской диссертациі, затѣмъ докторской диссертациі, стадія доцентуры, чтенія спеціальныхъ курсовъ—не относились къ приготвленію къ ученой дѣятельности и профессурѣ, представляли нѣчто уже не заслуживающее помощи и поддержки. Это поразительное несоотвѣтствіе существу дѣла. Если стипендіи для приготавлиющихся къ ученому экзамену имѣютъ то же разумное основаніе, которымъ оправдывается производительный кредитъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то для указанныхъ дальнѣйшихъ стадій ученой автодидактики имѣется, во первыхъ, то же, только усиленное вслѣдствіе успѣшнаго выдержанія экзамена (т. е. доказательства правильной утилизаціи кредита) основаніе для кредита, и, сверхъ того, еще новое основаніе для помощи и поддержки: диссертационныя работы и чтеніе спеціальныхъ курсовъ представляютъ одновременно и необходимые и цѣнные элементы ученой автодидактики, приготвленія къ профессурѣ, и непо-

средственно весьма производительные и цѣнные для науки и просвѣщенія виды труда, заслуживающіе сами по себѣ, независимо отъ точки зрѣнія кредита (остающейся въ силѣ), вознагражденія со стороны общества и государства.

Диссертационныя работы означаютъ производство и публикаціи научныхъ изслѣдованій, т. е. разработку и распространеніе научнаго свѣта, т. е. исполненіе главнаго общественно-производительнаго назначенія ученаго. Если къ тому же принять во вниманіе, что у насъ въ области большинства наукъ (не пользующихся поддержкою и поощреніемъ и въ формѣ представительства ихъ въ академіи) магистерскія и докторскія диссертациі представляютъ главные вклады въ науку, что стадія писанія диссертаций представляетъ обыкновенно наиболѣе или единственно активную, производительную и плодотворную для науки эпоху въ жизни нашихъ ученыхъ, прочая ученая жизнь которыхъ представляетъ главнымъ образомъ отдыхъ послѣ этихъ научныхъ трудовъ и волненій, то несообразность отказа въ поддержкѣ на время диссертационныхъ работъ получаетъ особенно поразительный видъ. Но и при нормальной и разумной постановкѣ университетскаго дѣла диссертационная стадія развитія ученыхъ представляла бы, хотя и относительно скромную и далеко не такъ цѣнную и плодотворную для науки эпоху производительной научной жизни, какъ послѣдующія эпохи дальнѣйшаго подъема научной психики и творчества, тѣмъ не менѣе все таки не лишенную цѣнности съ точки зрѣнія производства и распространенія научнаго свѣта.

Что касается, затѣмъ, специальныхъ курсовъ, то, какъ видно изъ изложеннаго выше, изъ теоріи лекцій, какъ средства не замѣны учебника и сообщенія систематическихъ научныхъ знаній, а приобщенія къ изслѣдовательскому мышленію и воодушевленію и т. д., дѣло идетъ о весьма цѣнномъ элементѣ университетскаго преподаванія, въ высокой степени соответствующемъ природѣ и задачамъ университетской дидактики и автодидактики. Разумѣется, если, какъ это имѣетъ мѣсто теперь, къ чтенію специальныхъ курсовъ допускаются люди чуть ли не съ университетской скамьи, совершенно для этого дѣла незрѣлые, только выдержавшіе экзамены, но самостоятельныхъ научно-писательскихъ трудовъ не производившіе, и къ тому же занимающіеся, по необходимости, разными совмѣстительствами, службою въ департаментахъ и т. п., а тѣ, которые находятся въ

стадіи зрѣлости для спеціальныхъ (но не общихъ) курсовъ, тотчасъ дѣлаются профессорами или вообще читаютъ общіе курсы, то дѣло имѣетъ каррикатурный характеръ и вмѣсто пользы университетскому дѣлу приноситъ вредъ: оно дискредитируетъ не только спеціальныя курсы (въ томъ числѣ отдѣльныя хорошія и выдающіеся курсы), но и университетскую кафедру вообще. Но въ случаѣ рациональной постановки университетскаго дѣла указанныя явленія отрицательнаго подбора смѣнились бы явленіемъ положительнаго и надлежащаго подбора, и институтъ спеціальныхъ курсовъ могъ бы получить блестящее развитіе.

Належаще поставленная платная доцентура (не исключаящая, конечно, сохраненія и приватъ-доцентуры, только съ повышеннымъ научнымъ цензомъ) имѣла бы двоякое рациональное значеніе: и средства поддержанія возможности исключительно заниматься ученою автодидактикою въ промежуточное время между магистерскою диссертациею и профессурою, въ частности возможности спокойно углубиться во второе, докторское изслѣдованіе, и средства доставить учащейся молодежи надлежащія и выдающіеся спеціальныя курсы.

Переходя отъ обоснованія рациональности и необходимости организациі государственной помощи приготовляющимся къ профессурѣ на разныхъ стадіяхъ ихъ научнаго самообразованія къ вопросу о рациональныхъ съ точки зрѣнія университетской политики началахъ нормировки этой помощи, отмѣтимъ кратко слѣдующее:

Подлежащія нормы, въ частности нормы, опредѣляющія условія выдачи пособій и размѣръ ихъ, должны быть сообразованы съ общою задачею правовой мотивациі (и педагогики) въ данной области, т. е. съ задачею привлеченія и подбора талантливейшихъ и созданія и поддержанія мотивовъ въ пользу исключительнаго и возможно болѣе интенсивнаго занятія научною автодидактикою.

Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ:

1. Пособія для приготовленія къ ученому званію должны быть обезпечены и гарантированы напередъ талантливейшимъ и фактически наиболѣе преуспѣвающимъ по возможности независимо отъ чьей бы то ни было милости и усмотрѣнія.

Это особенно необходимо на первое время, до очищенія и слабѣйшихъ и наиболѣе низко стоящихъ университетовъ и факультетовъ отъ nepотизма и т. п. огнемъ науки и научнаго во-

одушевленія, и особенно важно и цѣнно по отношенію къ критическому и рѣшающему моменту, къ оставленію при университетѣ для приготовленія къ ученому званію.

Для рѣшенія подлежащей правно-политической задачи слѣдуетъ: 1) расширить дѣйствіе превосходнаго и независимо отъ разсматриваемой задачи института объявленія факультетами конкурсныхъ темъ для сочиненій на медали (весьма скупо практикуемаго главнымъ образомъ въ провинціальныхъ университетахъ), а именно ввести ежегодное объявленіе темы по каждой университетской наукѣ, и затѣмъ 2) ввести (и сдѣлать постоянно извѣстнымъ студенчеству путемъ вывѣски объявленія или включенія въ выдаваемые студентамъ правила) законъ, по которому всѣ, оканчивающіе университетъ со степенью кандидата извѣстнаго разряда наукъ (предполагается устраненіе неудачнаго психологически названія «дипломъ первой степени» и замѣна его болѣе подходящимъ названіемъ «степень кандидата») и съ золотою медалью за сочиненіе, имѣють *ipso iure* (независимо отъ чьего либо усмотрѣнія, по одному заявленію о желаніи воспользоваться) право на двухгодичную стипендію для приготовленія къ магистерскому экзамену (о размѣрѣ стипендіи и условіяхъ пользованія ниже).

Медали за студенческія научныя изслѣдованія присуждаются, какъ извѣстно, на почвѣ конкурса лично неизвѣстнымъ (до вскрытія конверта съ именемъ, послѣ присужденія) авторамъ, такъ что личныя симпатіи, покровительства и т. п. не могутъ имѣть значенія; и въ то же время признаніе даннаго научнаго сочиненія, на почвѣ сравненія съ другими, достойнымъ золотою медали, представляетъ вообще лучшей критерій талантности и способности къ научной дѣятельности вообще на данной стадіи развитія.

Введеніе разсматриваемой мѣры не исключаетъ предоставленія по особому мотивированному докладу факультету свободныхъ стипендій и не обладающимъ указаннымъ цензомъ. Центръ тяжести въ мотиваціонномъ значеніи знанія, что съ надлежащими научными успѣхами связано право на оставленіе при университетѣ для приготовленія къ ученому званію и при томъ именно право, какъ таковое. Теперь положеніе особенно ненормально въ провинціальныхъ университетахъ, гдѣ дѣло идетъ подчасъ о столь рѣдкой и экстраординарной милости, предполагающей къ тому же исключительно благопріятныя кон-

стелляци въ факультетѣ, наличность особыхъ поддержекъ, отсутствіе противодѣйствія профессору-покровителю со стороны другихъ и т. п., что о сколько нибудь нормальномъ, успѣшномъ и плодотворномъ для науки дѣйствиіи института оставленія при университетѣ не можетъ быть рѣчи. Многіе способные къ научной дѣятельности и талантливѣйшіе и не знаютъ, а во всякомъ случаѣ не думаютъ и не мечтаютъ о возможности избрать ученое поприще.

Рекомендуемая реформа ввела бы нѣсколько большее, чѣмъ теперь, обремененіе профессоровъ чтеніемъ студенческихъ сочиненій, многочисленныхъ въ большихъ университетахъ и факультетахъ, и ограничила бы ихъ власть, роль благодѣтельности и покровительства и т. п.; а каждый изъ насъ себя считаетъ справедливѣйшимъ, объективнѣйшимъ и т. д. и не любитъ какихъ бы то ни было ограниченій своего произвола, особенно милостиваго усмотрѣнія.

Но съ точки зрѣнія существа дѣла, интересовъ науки, реформа (въ связи съ предложенными выше измѣненіями постановки ученой профессіи) имѣла бы, несомнѣнно, весьма цѣнное и плодотворное мотивационное дѣйствіе и при томъ не только въ направленіи обильнаго притока силъ и подбора талантливыхъ людей для научной дѣятельности, но и въ направленіи оживленія научной автодидактики студентовъ, особенно болѣе способныхъ къ научной работѣ, т. е. цѣннѣйшихъ элементовъ (не только талантливейшихъ и фактически достигающихъ права на оставленіе при университетѣ, но и многихъ другихъ).

Аналогичнымъ образомъ можно было бы нормировать и назначеніе пособій послѣ выдержанія магистерскаго экзамена, для сочиненія магистерской диссертациі, а именно можно было бы ввести (существующее въ заграничныхъ университетахъ и у насъ въ области медицинскаго докторскаго экзамена) дѣленіе ученыхъ экзаменовъ на двѣ степени и предоставить выдержавшимъ экзаменъ *sum eximia laude* право на трехгодичную магистрантскую стипендію (не исключая предоставленія этой стипендіи по особымъ уважительнымъ основаніямъ и нѣкоторымъ изъ выдержавшихъ экзаменъ только удовлетворительно). Эта мѣра, впрочемъ, не имѣетъ столь существеннаго значенія, какъ указанная выше реформа порядка оставленія при университетѣ для приготовленія къ ученому званію.

Затѣмъ, послѣ защиты магистерской диссертациі наиболѣе выдающіеся изъ магистровъ (предполагается введеніе указанныхъ выше мѣръ, создающихъ обильный притокъ кандидатовъ и возможность соответственнаго выбора) получаютъ дальнѣйшую поддержку въ формѣ факультетскаго, подтверждаемаго совѣтскимъ, выбора въ доценты (т. е. съ вознагражденіемъ), причемъ и прочіе магистры не лишаются права свободнаго, приватнаго преподаванія въ качествѣ приватъ-доцентовъ (безъ вознагражденія). Оплачиваемая доцентура должна имѣть смыслъ и характеръ главнымъ образомъ временной поддержки и мотивационнаго поощренія для дальнѣйшей ученой автодидактики, прежде всего для производства докторскаго изслѣдованія, а не какой-то постоянной должности «штатнаго преподавателя» второго разряда. Устройство штатной доцентуры въ послѣднемъ смыслѣ, да еще съ увеличеніемъ вознагражденія за продолжительное пребываніе или окончательное успокоеніе на этой, по существу переходной, стадіи развитія, т. е. за нежеланіе или неспособность работать дальше, предпринимать докторское изслѣдованіе и т. д. — конечно, было бы грубою и элементарною правно-политическою ошибкою: при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что, даже оставляя въ сторонѣ интересы науки и работы дѣльныхъ и выдающихся ученыхъ, и смотря на доцентуру исключительно съ точки зрѣнія извлеченія преподавательской пользы для «учебнаго заведенія», подлежащая преподавательская дѣятельность, можетъ быть, цѣнная въ началѣ, въ видѣ воодушевленнаго спеціальнаго курса, съ теченіемъ времени безъ дальнѣйшихъ учено-изслѣдовательскихъ работъ терять смыслъ и цѣнность; спеціальныи курсъ изнашивается, блекнетъ и выдыхается, для общаго нѣтъ ценза и матеріала, и т. д.

Итакъ, доцентское вознагражденіе есть временное пособіе, прекращающееся по истеченіи, напр., 5 лѣтъ въ случаѣ ненаписанія докторской диссертациі и во всякомъ случаѣ, и въ случаѣ защиты докторской диссертациі, не могущее продолжаться болѣе извѣстнаго періода времени, напр., 10 лѣтъ, періода, достаточнаго для того, чтобы въ случаѣ наличности желанія и способности двигать науку впередъ, [выказать эти склонности и способности и быть приглашеннымъ, сообразно своимъ научнымъ заслугамъ, на одну изъ университетскихъ кафедръ. Если же этого нѣтъ, то подлежащая финансовая жертва можетъ найти лучшее употребленіе: другіе кандидаты, подаю-

щіе лучшія надежды, тоже нуждаются въ пособіи, и лучше его предоставить имъ.

Съ другой стороны, такъ какъ оплачиваемая доцентура съ нашей точки зрѣнія главнымъ образомъ предназначена для ученой автодидактики, а не для «штатнаго преподаванія», то и не слѣдуетъ мѣшать доцентамъ заниматься главнымъ образомъ ученою автодидактикою. Поэтому, напр., отнесеніе ко всѣмъ «штатнымъ преподавателямъ» шестичасовой нормы лекціонной дѣятельности (ср. § 103 проекта 1906) и т. п.—нераціонально. Напротивъ, принимая во вниманіе, что надлежащее приготовленіе къ лекціямъ вначалѣ—большой и тяжелый трудъ, а общихъ курсовъ вообще не слѣдуетъ поручать начинающимъ, требовать больше 2-хъ или, максимумъ, 3-хъ часовъ лекцій нельзя. Мало того, въ случаѣ основаній для работы заграницею или вообще для освобожденія на время отъ чтенія лекцій, такія основанія должны быть уважаемы.

Предположенные выше законные сроки: 2 года для магистерскаго экзамена, 3 года для магистерской и 5 лѣтъ для докторской диссертациі могутъ быть по особымъ уважительнымъ основаніямъ увеличиваемы на одинъ годъ.

2. Пособія всѣхъ означенныхъ категорій означаютъ помощь со стороны государства для надлежащаго, т. е., какъ выяснено выше, исключительнаго занятія научною автодидактикою; и основаніе ихъ выдачи состоитъ въ отказѣ отъ иныхъ профессій и заработковъ для служенія наукъ; т. е. указанные пособія выдаются (не только бѣднымъ, они не милостыня), но подъ условіемъ отсутствія совмѣстительства.

3. Сообразно съ этимъ и размѣръ ихъ долженъ быть таковъ, чтобы была физическая и психическая возможность заниматься исключительно научною автодидактикою, чтобы не было порчи надлежащей мотивациі и психическаго понужденія къ исканію постороннихъ занятій и заработковъ. Съ другой стороны, размѣръ пособій всѣхъ категорій долженъ быть сообразованъ съ задачею надлежащей мотивациі и въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не портилъ этой мотивациі путемъ поощренія алтіи и спокойствія, въ частности, чтобы онъ, въ случаѣ непринятія пресѣкательныхъ сроковъ платной доцентуры, не давалъ возможности сначала откладывать столь ужасное и тяжелое для нѣкоторыхъ дѣло, какъ начало докторской работы, а потомъ и перестать думать объ этомъ. Другими словами, размѣръ долженъ

опредѣляться вычисленіемъ среднихъ скромныхъ, но необходимыхъ издержекъ; онъ долженъ быть въ столицахъ и въ случаѣ заграничныхъ командировокъ (заслуживающихъ особенно въ началѣ, до достиженія процвѣтанія мѣстной науки, научнаго духа и т. д. всяческаго облегченія и поощренія) больше, чѣмъ въ провинціальныхъ городахъ съ болѣе дешевыми квартирами и т. д. Разумѣется, магистрантское пособіе, сообразно росту житейскихъ потребностей и профессиональныхъ издержекъ на выпускъ книгъ и т. д., должно быть нѣсколько больше, чѣмъ пособіе для только что сошедшихъ съ университетской скамьи. Опредѣливъ, напр., размѣръ стипендіи для оставленныхъ при университетѣ въ 800 руб. въ провинціи и 1000 руб. въ столицахъ и за границей, для магистрантовъ слѣдовало бы назначить 1200 и 1400 руб. Доцентское пособіе должно содержать дальнѣйшую и значительно большую добавку; такъ какъ здѣсь присоединяются еще и нѣкоторыя «репрезентационныя» издержки. Размѣръ всѣхъ пособій долженъ опредѣляться не индивидуально чьимъ либо административнымъ усмотрѣніемъ, а законодательнымъ порядкомъ съ надѣленіемъ всѣхъ университетовъ пособіями для этой цѣли отъ казны. Количества этихъ пособій должны быть сообразованы съ количествами учащихся въ данныхъ университетахъ и представлять нисходящія прогрессіи по разрядамъ пособій: пособій для приготовленія къ ученому экзамену должно быть больше, чѣмъ магистрантскихъ пособій и т. д.

При обсужденіи финансовой стороны дѣла слѣдуетъ имѣть въ виду, что на всѣхъ ступеняхъ происходитъ подборъ достойнѣйшихъ и отпаденіе менѣе выдающихся и преуспѣвающихъ, при чемъ усовершенствованіе и углубленіе спеціального научнаго образованія и подвергающихся браковкѣ съ точки зрѣнія спеціально-ученой профессіи, для государственной, а тѣмъ болѣе народнои вообще, матеріальной и духовной, экономіи, тоже цѣнная величина; относительно нея съ увѣренностью можно сказать, что она достаточно оплачивала бы, при теперешнемъ состояніи культуры и спеціально высшей научной образованности, и тѣ издержки, которыя бы не приносили непосредственной пользы университетамъ (косвенно полезны и необходимы для развитія университета, по смыслу изложеннаго, и издержки на не доходящихъ до кафедръ, для выбора достойнѣйшихъ и наиболѣе преуспѣвающихъ). Дѣло вообще идетъ о

весьма скромной и экономной затратѣ на доставленіе полной возможности и широкаго простора для дѣйствія той, въ свою очередь экономно устроенной, правовой мотиваци и педагогики, которая коренится въ пирамидальной системѣ организаци ученаго дѣла съ академіею наукъ во главѣ.

Изображенная выше мотивационная пирамида получила бы вообще продолженіе внизъ и весьма широкія основанія, распространяя свое высоко производительное дѣйствіе на способнѣйшіе элементы учащейся молодежи. Въ способныхъ и весьма талантливыхъ среди этой молодежи нѣтъ недостатка; и, напр., тѣ, которые имѣли возможность вращаться въ студенческихъ сферахъ разныхъ странъ и сравнивать, во всякомъ случаѣ не скажутъ, что причина прозябанія науки и высшаго просвѣщенія въ Россіи—въ отсутствіи годнаго матеріала, въ интеллектуальной бездарности учащейся молодежи. Скорѣе результатъ сравненія и при томъ именно съ областями процвѣтанія науки имѣлъ бы противоположный характеръ. Обыкновенно даже констатируются въ этомъ направленіи поразительныя разницы въ противоположномъ направленіи. И тѣмъ, которымъ приходится экзаменовать большія массы студентовъ разныхъ національностей, приходится, напр., констатировать на ряду съ большею германскою культурностью, усидчивостью и т. д. большую славянскую даровитость. Только эти дарованія и таланты не культивируются, массами гибнутъ и растрачиваются вслѣдствіе крайне неблагоприятныхъ условій. Превосходный сырой матеріалъ остается безъ производительнаго употребленія, не обрабатывается, а въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда такая обработка происходитъ (и при томъ не кое какъ, въ свободное отъ департаментской службы и т. п. время), начатая обработка, какъ уже неоднократно приходилось подчеркивать, внезапно обрывается на начальной ступени, смѣняясь процессомъ обратнаго, нисходящаго развитія научной психики—съ момента поступленія въ ряды «штатныхъ преподавателей». И вотъ дѣло идетъ о построеніи такой пирамиды науки, которая бы, имѣя широкій базисъ въ области нахожденія годнаго и подлежащаго обработкѣ сырого матеріала, вызывала бы тамъ обильный притокъ способнѣйшихъ къ научному дѣлу, заставляла ихъ отдаваться подлежащей обработкѣ, исключительной и энергичной научной автодидактикѣ, поддерживала эту энергичную автодидактику на дальнѣйшихъ стадіяхъ, и, въ концѣ концовъ, сдѣ-

лалась въ верхнихъ своихъ этажахъ и вершинахъ источникомъ сильнаго научнаго свѣта для народа и человѣчества.

Съюзить базисъ такой пирамиды, въ частности оставить большинство университетовъ въ положеніи невозможности набирать и воспитывать ученыхъ за отсутствіемъ средствъ, оставить пирамиду безъ устройства дальнѣйшихъ ступеней, дѣлающихъ возможнымъ движеніе вверхъ безъ подрыва научной автодидактики заботами о средствахъ существованія, совмѣстительствами и т. д.; было бы не разумною экономіею, а культурнымъ вандализмомъ и преступною расточительностью.

Повторяемыми отъ времени до времени министерскими циркулярами на почвѣ дѣйствующаго устава и новѣйшимъ проектомъ его реформы (оставляющимъ привлеченіе кандидатовъ и приготовленіе къ профессурѣ въ прежнемъ ненормальномъ положеніи и предлагающимъ только введеніе штатной доцентуры безъ условій ея нормальнаго дѣйствія и процвѣтанія) подчеркивается необходимость и вмѣняется факультетамъ въ обязанность наблюдать за занятіями приготовляющихся къ ученому званію, контролировать и т. д. Гдѣ нѣтъ надлежащей мотивации поведенія, тамъ представляется необходимою палка; въ области же науки это, какъ уже неоднократно указывалось выше, только дальше портитъ дѣло, ослабляетъ аттрактивные ассоціаціи, создаетъ отталкивающія и т. д.

На почвѣ предположенной въ предыдущихъ раздѣлахъ въ связи съ дополненіями этого раздѣла мотиваціонной системы, разумѣется, всякое понужденіе, навязываніе, приказываніе и т. п. дѣлается совершенно лишнимъ въ виду наличности интенсивной мотивации аттрактивного, привлекательнаго свойства, и должно быть, какъ прямо зловредное, тщательнѣйшимъ образомъ избѣгаемо. Между прочимъ, въ видахъ доставленія приготовляющимся къ ученой дѣятельности бѣльшей автодидактической свободы, большаго простора для слѣдованія собственнымъ научнымъ вкусамъ и влеченіямъ безъ помѣхъ и посторонняго навязыванія, рационально было бы реформировать ученый экзаменъ въ томъ направленіи, чтобы посвящающіе себя спеціальной научной автодидактикѣ сами выбирали для себя не только главную, но и вспомогательныя науки или отдѣлы наукъ, и могли затѣмъ, въ случаѣ желанія, мѣнять спеціаль-

ность въ диссертационныхъ стадіяхъ безъ необходимости держать новый магистерскій экзамень.

V.

«Прощаніе искусства опредѣляется не наличностью достаточнаго количества полотна, красокъ, глины, мрамора хорошаго качества и т. п., а количествомъ и еще болѣе качествомъ художниковъ въ истинномъ, высокомъ смыслѣ этого слова» и т. д. (выше стр. 19). Аналогично, вопросы воспитанія и приведенія въ дѣйствіе обильнаго контингента ученыхъ въ полномъ смыслѣ слова и выдающихся мастеровъ разработки и распространенія научнаго свѣта имѣютъ по существу такое значеніе для процвѣтанія науки и университетскаго дѣла, что прочіе вопросы университетской политики получаютъ по сравненію съ ними весьма скромное, аксессуарное, отчасти совершенно микроскопическое значеніе. Въ случаѣ удачнаго рѣшенія проблемы о воспитаніи—о мотивациі самовоспитанія—ученыхъ, получается такая эмоціональная и интеллектуальная сила, которая сама дѣйствуетъ на благо науки и научнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ просвѣщенія учащейся молодежи; и это дѣйствіе тѣмъ интенсивнѣе и превосходнѣе, чѣмъ интенсивнѣе научное настроеніе и воодушевленіе и выше интеллектуальный уровень ученой психики. Въ частности, въ эмоціональномъ элементѣ живой и дѣйствующей ученой психики заключается мотивационная, импульсивная сила, вызывающая со стороны отдѣльныхъ ученыхъ и ученыхъ коллегій такое поведеніе, которое соотвѣтствуетъ интересамъ науки и научнаго просвѣщенія, т. е. задачѣ и назначенію университета; и чѣмъ интенсивнѣе научное настроеніе и воодушевленіе, тѣмъ неуклоннѣе, энергичнѣе и воодушевленнѣе это поведеніе во всѣхъ сферахъ, гдѣ затронуты интересы науки. Это превосходнѣйшій и идеальнѣйшій въ данной области видъ мотивациі. О несравнимости и несоизмѣримости этой мотивациі и соотвѣтственнаго поведенія съ мотивацией и поведеніемъ людей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ начальническаго надзора и контроля, понужденій и понуканій къ исполненію обязанностей, взысканій въ случаѣ нерадѣнія и т. п. излишне говорить. Но и такая вообще цѣннаго и высокаго типа мотивациа, какъ этическое сознаніе, сознаніе правственнаго или правового долга, этической отвѣтственности и

т. д.—въ данной области не столь превосходный факторъ поведенія, какъ любовь къ научному дѣлу и научное воодушевленіе. Какъ въ области поэзіи и иного художественнаго творчества или въ области религіозной проповѣди и иного радѣнія о религіи и распространеніи ея свѣта, сознаніе этического должествованія, какъ импульсъ для дѣйствія, не даетъ и не можетъ давать столь сильныхъ и выдающихся результатовъ, какъ поэтическое или иное художественное вдохновеніе и воодушевленіе, религіозный энтузіазмъ и т. д., такъ и въ области науки, ея проповѣди и иной заботы о ея процвѣтаніи, торжествѣ и распространеніи, нѣтъ и не можетъ быть столь сильно и превосходно дѣйствующихъ импульсовъ, какъ именно любовь къ наукѣ, научное воодушевленіе, научный энтузіазмъ. Наука не врагъ и не конкурентъ этики, силы и широты сознанія нравственнаго долга и т. д., а, напротивъ, какъ показано выше, другъ и союзникъ, факторъ этического подъема и очищенія и облагороженія характера и поведенія вообще. Поэтому тамъ, гдѣ господствуетъ научное настроеніе и воодушевленіе, и этическое сознаніе находится на высококомъ уровнѣ развитія. Но для ученыхъ и ихъ коллегій, поскольку въ ихъ психикѣ господствуетъ любовь къ наукѣ и научное настроеніе и воодушевленіе. т. е. поскольку дѣло идетъ о дѣйствительныхъ ученыхъ, а не о чиновникахъ, «штатныхъ преподавателяхъ» и т. п., и этическое сознаніе, сознаніе долга, нравственной отвѣтственности и т. д. не требуется для того, чтобы они дѣйствовали такъ, какъ это (по ихъ убѣжденію) соотвѣтствуетъ интересамъ науки и распространенія ея свѣта; ибо для такого поведенія и при томъ сильнаго и воодушевленнаго дѣйствія въ этомъ направленіи у нихъ есть лучшіе импульсы, вообще лучшія мыслимыя въ данной области психическія силы.

Поэтому, поскольку данный университетъ или данная группа университетовъ представляетъ коллегіи настоящихъ ученыхъ, а не учебныя заведенія только съ кое-какъ набраннымъ «преподавательскимъ персоналомъ»—это такія, своеобразныя, учрежденія, въ которыхъ, самихъ по себѣ, безъ надобности какихъ бы то ни было воздѣйствій и импульсовъ извнѣ, имѣются специфическія и лучшія мыслимыя силы, стремящіяся къ энергичному и неуклонному дѣйствію сообразно назначенію и идеалу этихъ учрежденій, лучшіе мыслимые стражи соотвѣтственныхъ высокихъ интересовъ и задачъ и т. д.

Это чрезвычайно упрощает и облегчает роль и задачу государства и его законодательной и административной политики по отношению къ этимъ учрежденіямъ.

Правиломъ разумной государственной политики, при такомъ положеніи дѣла, является *laissez faire*, предоставленіе этимъ учрежденіямъ свободно и безпрепятственно дѣйствовать сообразно ихъ естественнымъ стремленіямъ. Рациональное отношеніе къ нимъ государства сводится главнымъ образомъ къ воздержанію отъ препятствованія, мѣшанія и т. д., вообще отъ лишнихъ воздѣйствій и вторженій, отчасти къ доставленію, весьма легко достижимыхъ, условій для возможно болѣе полной самодѣятельной утилизациі со стороны университетовъ названныхъ психическихъ силъ на благо науки и просвѣщенія.

VI.

Разумѣется, указанный въ разд. V принципъ рациональнаго отношенія государства къ университетамъ и его основанія не исключаютъ потребности въ установленіи общихъ нормъ права, опредѣляющихъ организацию университетовъ и разныхъ ихъ частей, компетенцію разныхъ ихъ органовъ и т. д., а являются общимъ директивомъ и для этой стороны дѣла, для содержанія соотвѣтственной правовой нормировки.

Какъ вытекаетъ изъ всего содержанія этой книги и уже было упомянуто выше, нормы, опредѣляющія организацию университета и разныхъ его частей, факультетовъ, отдѣленій и т. д., устройство такъ называемыхъ (по теперешней терминологіи, исходящей изъ концепціи университета, какъ учебнаго заведенія) «учебно-вспомогательныхъ учреждений» (библіотеки, лабораторій, клиникъ и т. п.) и пр., функціи и компетенціи разныхъ коллегіальныхъ и единоличныхъ органовъ, въ томъ числѣ представителей отдѣльныхъ кафедръ (наукъ) и проч.,—должны соотвѣтствовать природѣ и задачамъ университета, какъ учебнаго учрежденія, какъ органа разработки науки и распространенія научнаго свѣта вообще. И съ этой точки зрѣнія традиціонное содержаніе нашихъ университетскихъ уставовъ пуждается въ пересмотрѣ и передѣлкѣ¹⁾.

¹⁾ Если у насъ обсуждается и производится, какъ нѣчто единое, «реформа высшихъ учебныхъ заведеній» (подразумѣвается: въ томъ числѣ и университетовъ), для этого собираются во едино мнѣнія и голоса

Исходя из точки зрѣнія на университеты, какъ на учебныя учрежденія, и принимая во вниманіе связь и взаимную зависимость разныхъ частей единой великой науки, университетская политика должна поставить и разрабатывать и вопросъ о томъ, какія кафедры слѣдуетъ ввести въ университетахъ, какія группы ихъ (факультеты, отдѣленія и т. д.) образовать, вообще какъ организовать правильную, возможно болѣе систематическую и плодотворную разработку науки путемъ надлежащаго представительства ея вѣтвей и развѣтвленій въ университетахъ, — важнѣйшій, послѣ разсмотрѣнныхъ выше, вопросъ университетской политики.

Традиціонные факультеты, ихъ число и составъ, представляютъ вообще продукты не сознательно-раціональнаго, научнаго мышленія, а бессознательнаго историческаго развитія въ

представителей разныхъ «высшихъ учебныхъ заведеній» и вырабатываются соотвѣтственные проекты уставовъ, только съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ статей для различныхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія» (ср., напр., официальное изданіе: «Измѣненія въ проектѣ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ при примѣненіи его къ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1905 г.) и т. д., — то это уже само по себѣ свидѣлствуетъ о принципиально ложной постановкѣ всего дѣла и даетъ основаніе для ожиданія не серіозной и соотвѣтствующей существу дѣла университетской реформы, а только поверхностныхъ, диллетантскихъ, упускающихъ въ университетской области изъ виду именно существо дѣла, передѣлокъ и декорацій. Сознательная университетская реформа касалась бы тоже не только университетовъ, но только въ подлежащей комбинаціи фигурировали бы не другія учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, а Академія наукъ. Весьма характерно, что въ то время, когда въ Россіи еще не было университетовъ, когда еще только готовялось, по мысли Петра Великаго, «расположеніе наукъ и художествъ» путемъ «двухъ образовъ зданія»: «университета» («собранія ученыхъ людей, которые наукамъ высокимъ... младыхъ людей обучаютъ») и «академіи и соціетата художествъ и наукъ», а равно въ ближайшее затѣмъ послѣдующее время, связь и общая цѣль этихъ двухъ видовъ ученыхъ учреждений была извѣстна, и они, какъ это соотвѣтствуетъ существу дѣла, въ проектахъ и законодательныхъ актахъ фигурировали вмѣстѣ и даже первоначально соединялись въ единое учрежденіе. И кое-что другое въ области науки, что впоследствии перестали знать и понимать, было извѣстно и понятно Петру I и его сотрудникамъ въ дѣлѣ насажденія наукъ, напр., что «науки принужденія терпѣть не могутъ, любяще свободу», что въ частности необходимо соблюдать принципъ свободы преподаванія (ср. ниже), что слушаніе университетскихъ лекцій должно быть свободнымъ и доступнымъ для всѣхъ желающихъ и при томъ быть бесплатнымъ и т. д. Последующая утрата сознанія связи и общей цѣли университетовъ и ака-

однѣхъ странахъ, некритическаго подражанія и копированія въ другихъ странахъ, а во всякомъ случаѣ ирраціональныя явленія, не соотвѣтствующія ни задачамъ полной и систематической разработки науки, ни задачамъ научнаго просвѣщенія.

Таковыми они были отчасти уже на начальныхъ стадіяхъ ихъ развитія, а съ теченіемъ времени, съ развитіемъ науки, отличающаяся крайнею косностью система представительства науки въ университетахъ въ видѣ традиціонныхъ факультетовъ дѣлается все болѣе поразительнымъ анахронизмомъ. Особенно зловредный пробѣлъ, не только съ точки зрѣнія интересовъ науки, какъ таковой (и научнаго просвѣщенія), но и съ непосредственно практической точки зрѣнія блага человѣчества, его развитія и прогресса, отсутствіе въ университетахъ факультета или факультетовъ соціальныхъ, общественно-политическихъ наукъ. По поводу традиціоннаго юридическаго фа-

деміи наукъ и необходимости соотвѣтственнаго единаго законодательнаго плана, игнорированіе академіи наукъ въ области просвѣдительныхъ реформъ, смѣшеніе университетовъ съ учебными заведеніями и т. д., вѣроятно, объясняются тѣмъ, что университеты фактически сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ простыхъ учебныхъ заведеній съ „персоналомъ штатныхъ преподавателей“ вмѣсто собраній дѣйствительныхъ и активныхъ ученыхъ, разрабатывающихъ и двигающихъ впередъ науку, а во всякомъ случаѣ не достигли такого развитія, которое бы дѣлало невозможнымъ соотвѣтственное смѣшеніе понятій, а академія наукъ, въ свою очередь, вслѣдствіе слабаго развитія (и ограниченія лишь немногими науками) подверглась забвенію и мало кого интересуетъ. Эти же обстоятельства объясняются тѣмъ, что «расположеніе наукъ» и успѣшное развитіе университетовъ и академіи предполагаетъ «расположеніе ученыхъ», а этого какъ разъ и не дѣлалось; мало того, всѣ, быстро слѣдовавшія другъ за другомъ, реформы и контръ-реформы университетскаго дѣла были столь несообразны, что вмѣсто «расположенія» ученыхъ онѣ производили истребленіе даже тѣхъ зародышей этихъ существъ, которые все таки появлялись, несмотря на неудачную постановку университетскаго дѣла, и превращали эпидемически начинающихся ученыхъ въ не занимающихся и не интересующихся наукою «штатныхъ преподавателей». Разумеетсяъ, какъ вездѣ въ области политики права, предпринимаемая новую правовую нормировку, ее слѣдуетъ сообразовать не съ существующимъ плачевнымъ состояніемъ дѣла, закрѣпляя его этою нормировкою, а, напротивъ, съ тѣмъ здоровымъ и по возможности цвѣтущимъ состояніемъ, вызвать которое и должна предпринимаемая реформа (безъ чего и реформа не имѣетъ смысла). Т. е. принявъ въ соображеніе ту простую истину, что для «расположенія наукъ» требуется «расположеніе ученыхъ» и сдѣлавъ то, что требуется для воспитанія ученыхъ, слѣдуетъ затѣмъ содержаніе прочихъ частей новаго университетско-академическаго права сообразовать съ нормальною природою и надлежащимъ дѣйствіемъ подлежащихъ учрежденій, какъ ученыхъ учреждений.

культета мы уже имѣли случай указать выше (стр. 49 и сл.), что онъ, даже какъ юридическій факультетъ, т. е. посвященный одной изъ вѣтвей общественныхъ наукъ, представляетъ карикатурное явленіе, сочетаніе лишь нѣкоторыхъ отрывковъ системы наукъ о правѣ. Изъ пяти категорій наукъ о правѣ: теоретическихъ въ тѣсномъ смыслѣ, историческихъ, описательныхъ, политическихъ и догматическихъ, сравнительно сносно представленъ на этомъ факультетѣ только послѣдній разрядъ въ видѣ догмы римскаго гражданскаго и мѣстнаго официальнаго права. Прочія же науки о правѣ еще ждутъ надлежащаго представительства и развитія въ юридическихъ факультетахъ. Что же касается общественныхъ наукъ вообще, среди которыхъ науки о правѣ составляютъ лишь одну изъ вѣтвей, то о надлежащемъ представительствѣ этихъ наукъ въ современныхъ университетахъ (и академіи наукъ) и подавно не можетъ быть рѣчи. По этому поводу возможно возраженіе, что общественныя науки, въ томъ числѣ дисциплина, долженствующая служить главою и общимъ основнымъ базисомъ общественныхъ наукъ вообще, въ томъ числѣ историческихъ, соціологія, между прочимъ, и упомянутыя выше, кромѣ догматическихъ, четыре разряда наукъ о правѣ, напр., общая исторія права, теоретическія науки о правѣ, правно-политическія и т. д., соответственные разряды наукъ о правственности и проч. и проч.,—находятся по большей части въ недостаточно разработанномъ и установившемся для преподаванія видѣ, отчасти лишь въ совершенно зачаточномъ состояніи. Но это, какъ видно изъ всего предыдущаго, поверхностная и ошибочная въ квадратъ точка зрѣнія. Во-первыхъ, университетъ не гимназія, гдѣ авторитетно-догматически преподаются установленныя «истины», а совсѣмъ иного рода учрежденіе, гдѣ въ лекціяхъ отражается и должно отражаться исканіе истины; во-вторыхъ, университетъ прежде всего для того и существуетъ, чтобы добывать и разрабатывать научный свѣтъ, а не ждать, пока кто то другой его разработаетъ, и тогда заимствовать чужія мысли для внѣдренія учащимся.

Въ добываніи и возможно болѣе систематической и методической, научной разработкѣ дѣйствительно еще весьма слабо разработаннаго и въ значительной степени отсутствующаго свѣта въ общественныхъ дѣлахъ, какъ разъ на данной стадіи чело-вѣческаго развитія, существуетъ, можно сказать, настоятель-

пѣйшая нужда и крайняя необходимость для общества и государства. Въ прежнія патриархальныя времена общественныя дѣла, учрежденія, нравы, правила и т. д. развивались путемъ наивно-безсознательнаго приспособленія, и продукты подлежащаго развитія, какъ разумныя по существу, такъ и неудачныя, пользовались такимъ же наивно-безсознательнымъ уваженіемъ; величайшую роль, въ частности, играло обычно-правовое развитіе и почитаніе соответствующей правовой рутинѣ и традиціи. Теперь состояніе и развитіе общественной психики въ этомъ отношеніи имѣетъ иной характеръ; вмѣсто почитанія старины—погоня за новшествами и т. д. Смѣна наивной приверженности къ старинѣ, какова бы она ни была, стремленіемъ къ сознательно-критическому мышленію и къ исканію болѣе рациональнаго устройства общественныхъ дѣлъ—процессъ на извѣстной стадіи развитія культуры необходимый и заслуживающій самъ по себѣ всяческаго одобренія, общающій ускореніе прогресса, очищеніе общественной жизни отъ устарѣвшаго, отъ нерациональныхъ оковъ прошлаго, соответственныхъ бѣдствій и страданій и т. д. Но крайне важна и для ускоренія и улучшенія дѣйствительнаго прогресса, и для предупрежденія легкомыслія въ такомъ дѣлѣ помощь и критика науки, какъ таковой, въ отличіе отъ дилетантскихъ, научно не провѣренныхъ и не обоснованныхъ публицистическихъ, партійныхъ и иныхъ мнѣній, рецептовъ и проч. Съ иллюстраціями такого легкомысленнаго и дилетантскаго прожектерства безъ научнаго свѣта пришлось намъ и въ этой книгѣ встрѣчаться. Достаточно было бы замѣны якобы устарѣвшей со времени изобрѣтенія книгопечатанія и появленія учебниковъ лекціонной системы системою такъ называемыхъ «практическихъ занятій», чтобы разрушить въ корнѣ величайшія культурныя блага въ области высшаго просвѣщенія и т. д. Подобное же повторяется въ тысячахъ другихъ областей и вопросовъ общественной жизни и культуры. Дальнѣйшее развитіе такого дилетантскаго фантазерства общааетъ, если не придетъ на помощь развитіе соответственныхъ общественныхъ наукъ (главнымъ образомъ правно-политическихъ, но не только ихъ, а и другихъ прикладныхъ наукъ, стало быть, и ихъ теоретическихъ базисовъ и т. д.) не ускореніе и улучшеніе прогресса, а задержку его, растрату и разгромъ цѣннѣйшихъ добычъ цивилизаціи. стихійныя и мрачныя реакціи послѣ неудачныхъ, неприспо-

собленныхъ къ народной психикѣ и легкомысленныхъ новшествъ и т. д. Съ другой стороны, сама наука достигла въ новое время въ разныхъ областяхъ такихъ зачатковъ свѣта въ общественныхъ дѣлахъ и ихъ развитіи, что есть почва для плодотворнаго дальнѣйшаго развитія обществовѣдѣнія и возможность разсѣять господствующій еще въ обществѣ въ его же дѣлахъ, и прежде всего въ области правовой нормировки безчисленныхъ сторонъ общественной жизни, мракъ путемъ выработки подлежащаго научнаго, сообразованнаго съ чело-вѣческой психикою, законами ея развитія и т. д., свѣта. Друзья чело-вѣчества и его преуспѣянія, культуры и прогресса должны приложить величайшія усилія къ тому, чтобы были созданы условія для энергичнѣйшей и обильнѣйшей разработки общественно - политическихъ наукъ, а путь для достиженія этой великой цѣли вѣдетъ чрезъ университеты (и, отчасти, академіи); иного средства, какъ рациональная реформа университетскаго дѣла вообще и затѣмъ включеніе въ функціи рационально-устроенныхъ и энергично дѣйствующихъ университетовъ надлежащей обильно развитой системы разработки общественныхъ наукъ, нѣтъ.

Общественныя науки—наибольше обиженныя и жалко представленныя въ университетахъ и академіяхъ науки. Но есть и много другихъ наукъ, требующихъ для своего развитія введенія въ университеты и академіи; и требуется перестройка или введеніе вновь не одного или не однихъ общественныхъ факультетовъ и отдѣленій. Надо надѣяться, съ теченіемъ времени почетную роль въ университетахъ и въ обществѣ будутъ играть факультеты педагогическихъ наукъ, и т. д.

Фактически, при обсужденіи и сочиненіи проектовъ университетскихъ уставовъ и перечисленіи каедръ, или «преподаваемыхъ» въ каждомъ факультетѣ «предметовъ», вопросы интересующаго насъ содержанія вообще не возникаютъ и не обсуждаются. Традиціонные факультеты принимаются за нѣчто, само собою разумѣющееся и сомнѣнію и провѣркѣ не подлежащее, такъ что всѣ науки, которыя находятся за предѣлами этихъ случайныхъ узкихъ рамокъ, вообще игнорируются. Что же касается устройства дѣла внутри этихъ факультетовъ, то оно обсуждается и рѣшается съ школьной точки зрѣнія, подъ рубрикой: «О преподаваніи» (составляющей часть рубрики: «Устройство учебной части»), и при томъ такъ, какъ если бы

дѣло шло объ отдѣльныхъ, замкнутыхъ учебныхъ заведеніяхъ ¹⁾).

Что касается Академіи Наукъ, то смѣшеніе этого учрежденія съ учебнымъ заведеніемъ, оправданіе, что для такихъ то специальныхъ профессій можно обойтись безъ образованности во всѣхъ другихъ областяхъ, кромѣ такихъ то частей науки, и т. п., невозможно. Къ тому же по закону (не говоря уже о вполнѣ ясной и не затемняемой никакими недоразумѣніями нравственной обязанности заботиться о развитіи науки, для чего, конечно, въ виду связи разныхъ частей ея, надо имѣть въ виду извѣстную систему и т. д.) первою обязанностью Академіи Наукъ является: «расширять предѣлы всякаго рода полезныхъ человѣчеству знаній», для чего ей, между прочимъ, предоставлено право присоединенія новыхъ наукъ, даже безъ измѣненія устава. Но, повидимому, здѣсь нѣтъ достаточно сильныхъ стимуловъ для оставленія формальнаго и спокойно-рутиннаго отношенія къ дѣлу и для исполненія подлежащей нравственной и правовой обязанности; и въ «Академіи Наукъ»

¹⁾ Поэтому, между прочимъ, критика подлежащихъ комбинацій съ защищаемой нами точки зрѣнія, т. е. съ совѣмъ иной точки, нежели та, съ какой эти комбинаціи составляются, представляется лишнею и не соответствующею существу дѣла. Только для иллюстраціи того, что можетъ получиться на почвѣ традиціоннаго отношенія къ дѣлу, приводимъ начало главы III („Устройство учебной части“), раздѣла 1 („О преподаваніи“) повѣщающаго проекта унив. устава (не отличающагося, впрочемъ, въ интересующихъ насъ отношеніяхъ отъ прежнихъ проектовъ и уставовъ):

Ст. 57. Науки, входящія въ составъ университетскаго преподаванія, распределяются по факультетамъ и кафедрамъ.

Ст. 58. Въ историко-филологическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія кафедры: 1) философія, логика, психологія и педагогика (это—одна кафедра, а для объясненія страннаго съ точки зрѣнія науки состава ея, напр., положенія психологіи, какъ придатка къ философіи, отсутствія ея въ каталогѣ т. н. „физико-математическаго факультета“, куда приурочена анатомія и физиологія, упоминанія нигдѣ въ уставѣ этики, эстетики и т. д., нужно вообще оставить какое бы то ни было существо дѣла, хотя бы и школьнаго, и обратиться къ характеру и содержанію философіи въ древности и къ дальнѣйшимъ ея судьбамъ, въ средніе вѣка и т. д.), 2) классическая филологія, 3) сравнительное языковѣдѣніе, древне-индійскій языкъ, 4) русскій языкъ, русская литература, 5) славянская филологія (языкъ и литература), 6) исторія славянъ, 7) всеобщая исторія, 8) русская исторія, 9) романская филологія, 10) германская филологія, 11) исторія религій, 12) исторія церкви, 13) исторія искусствъ, 14) византиновѣдѣніе, археологія, историческая географія и этнографія.

Если даже смотрѣть на эту смѣсь разнородныхъ вещей, явно не имѣющую никакого отношенія къ системѣ науки и ея разработкѣ, какъ

еще бѣльшая атрофія и болѣе жалкое прозябаніе науки, нежели въ университетахъ; вмѣсто «расширенія»—суженіе до сочетанія какихъ то жалкихъ обрывковъ науки безъ какой бы то ни было системы, отсутствіе всякаго вниманія къ наукамъ, заслуживающимъ, при живомъ отношеніи къ дѣлу человѣческаго прогресса и культуры, величайшаго вниманія, къ общественнымъ и государственнымъ наукамъ, и т. д.

Въ основу рациональной организаціи представительства и разработки науки въ университетахъ и академіяхъ должна быть положена научная классификація наукъ по родамъ и видамъ объектовъ изслѣдованія и по характеру тѣхъ научныхъ положеній, которыя относительно этихъ классовъ объектовъ разрабатываются разными науками.

Для уясненія вопроса о томъ, какія науки и въ какомъ размѣрѣ должны быть представлены въ университетахъ и академіяхъ, слѣдуетъ исходить изъ классификаціи послѣдняго рода, а именно изъ дѣленія наукъ по природѣ ихъ тезисовъ на пять классовъ: 1) теоретическія науки въ тѣсномъ смыслѣ, теоріи, т. е. классовыя науки, науки о разныхъ классахъ явленій, ихъ законахъ и т. д. ¹⁾, 2) дескриптивныя, описательныя, 3) исто-

на профессиональное учебное заведеніе для производства учителей для разныхъ надобностей разныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, то все таки видъ этого каталога имѣетъ довольно странный характеръ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что выраженіе „науки, входящія въ составъ университетскаго преподаванія“, неправильно; правильнѣе употребляемое иногда выраженіе: „предметы преподаванія“, „учебные предметы“ п т. п.; ибо въ каталогъ этихъ „наукъ“ входятъ и пе-науки, а только предметы школьнаго обученія, не составляющіе наукъ. Между прочимъ, несмотря на всѣ доводы и аргументы, никакъ не удастся достигнуть того, чтобы юридическій факультетъ освободился наконецъ отъ анахронизма: „энциклопедія права“ (краткое, компилятивное обзорнѣе главныхъ положеній разныхъ юридическихъ наукъ, предметъ преподаванія, годный для гимназій, кадетскихъ корпусовъ и т. п., но не для университета); теперь въ интересахъ надлежащей постановки дѣла, въ томъ числѣ въ интересахъ студентовъ, приходится нарушать законъ, и, выяснивъ несуществованіе энциклопедій, какъ наукъ, и негодность соотвѣтственной компиляціи изъ разнородныхъ наукъ и какъ предмета университетскаго преподаванія, разрабатывать и излагать нѣчто совсѣмъ другое: науку философіи (общей теоріи и политики) права. Точно также не науки, а только предметы (негоднаго въ университетѣ) преподаванія нѣмецкія: „Einführung in die Rechtswissenschaft“ (введеніе въ изученіе юридическихъ наукъ), „Institutionen“ (смѣсь исторіи и догматики римскаго права въ элементарно-школьномъ видѣ) и т. п.

¹⁾ Ср. „Введеніе въ изученіе права и нравственности“ § 5.

рическія, повѣствовательныя науки (два класса конкретных наукъ вмѣстѣ съ теоріями—три класса теоретическихъ въ общемъ смыслѣ наукъ въ отличіе отъ практическихъ), 4) нормативныя науки, разрабатывающія нормы поведенія, нравственныя, правовыя и т. д. 5) телеологическія или утилитарныя, прикладныя науки, разрабатывающія правила цѣлесообразности, въ отличіе отъ принципіальныхъ правилъ, нормъ ¹⁾ (4 и 5—два класса практическихъ въ общемъ смыслѣ, обыкновенно не различаемыхъ, смѣшиваемыхъ другъ съ другомъ, наукъ).

Относительно первыхъ четырехъ классовъ наукъ этой классификаціи, т. е. всѣхъ трехъ видовъ теоретическихъ и практическихъ—нормативныхъ, принципіальныхъ наукъ не возникаетъ сомнѣній (ср. ниже) о желательности и необходимости, и въ интересахъ университетовъ и академій (т. е. науки вообще), и въ интересахъ подлежащихъ отдѣльныхъ наукъ, ихъ полного и систематическаго представительства въ интересующихъ насъ ученыхъ учрежденіяхъ. При чемъ особенно обильнымъ, возможно болѣе щедрымъ должно быть представительство наукъ перваго класса, ибо эти науки, теоріи въ тѣсномъ смыслѣ, базисы и фундаменты науки и знанія вообще; подлежащія общія, классовыя истины — основы для объясненія и пониманія конкретныхъ явленій, т. е. базисы для научнаго построенія прочаго теоретическаго знанія, для дескриптивныхъ и историческихъ наукъ; свѣтъ этихъ же, классовыхъ теоретическихъ, наукъ основа для сознательнаго отношенія къ нормамъ и нормативнымъ наукамъ; не можетъ быть сознательно-научнаго отношенія къ нормамъ нравственности, нормамъ права и къ соотвѣтственному знанію (нормативной этикѣ, нормативному правовѣдѣнію, юриспруденціи въ тѣсномъ смыслѣ, и т. д.) безъ теоріи нравственности, теоріи права, какъ особыхъ классовъ психическихъ процессовъ и т. д.; и онѣ же, теоріи въ тѣсномъ смыслѣ слова, базисъ для всякаго прикладнаго знанія, для наукъ пятаго класса, политическихъ, техническихъ и т. д.—и соотвѣтственнаго прогресса человѣческой культуры, техники и проч. А изъ всѣхъ наукъ перваго класса величайшаго вниманія, богатѣйшаго представительства, снабженія лабораторіями и т. д. требуетъ психологія—наука, представляющая вѣнецъ естественныхъ

¹⁾ Ср. „Мотивы человѣческихъ поступковъ § 1.

наукъ (и поэтому относящаяся по существу къ факультету естествознанія) и фундаментъ для общественно-гуманитарныхъ наукъ (въ томъ числѣ, между прочимъ, и нравственныхъ, эстетическихъ, юридическихъ, экономическихъ, педагогическихъ, политическихъ и проч. и проч.).

Особое положеніе съ точки зрѣнія университетской и академической политики разработки науки занимаютъ науки пятого класса, такъ называемыя искусства, техники въ общемъ смыслѣ. Хотя университеты вообще должны стремиться къ идеалу *universitates litterarum*, и то же относится къ академіямъ, которыя тоже должны заботиться о приближеніи къ чести быть университетами, *universitates litterarum*, универсальными, а не хромыми и частичными органами науки, тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія сознательно-раціональной университетской политики въ области дисциплинъ пятого класса слѣдуетъ произвести дѣленіе по «духу» ихъ (эмоціональному составу) на двѣ категоріи, и одну категорію включить въ университеты и академіи, а другую исключить.

Подъ *litterae* и *universitas litterarum* слѣдуетъ разумѣть не всякое знаніе и изслѣдованіе, научное въ томъ смыслѣ, что оно научно обосновано, исходитъ изъ надлежащаго, научнаго базиса, примѣняетъ усовершенствованныя, научныя приемы мышленія (методическое знаніе и изслѣдованіе), и что оно не отрывочное и хаотичное, а систематическое знаніе и изслѣдованіе: мы познакомились выше съ особыми идеальными, возвышенными и возвышающими духъ и характеръ эмоціями, которыя лежатъ въ основѣ науки, какъ особаго класса явленій духа человѣческаго, сроднаго по возвышенно-идеальному характеру съ религіею, этикою, поэзіей... Соответственныя психологическія понятіе и теорія науки распространяются не на всякое обоснованное, методическое и систематическое знаніе и изслѣдованіе, а имѣютъ болѣе узкіе предѣлы (меньшій объемъ вслѣдствіе большаго богатства содержанія, включенія особаго эмоціональнаго признака и того, что изъ этого вытекаетъ). Говорятъ, въ Лондонѣ существуютъ или существовали «воровскія академіи», школы воровскаго искусства, гдѣ преподавались «теоретически и практически» (т. е. съ помощью разработки и выясненія подлежащихъ общихъ правилъ цѣлесообразности воровскаго поведенія и подлежащихъ «практическихъ занятій») правила воровскаго ремесла. Съ помощью научнаго теоретическаго знанія, въ част-

ности съ помощью знанія свойствъ разныхъ веществъ, психологическаго знанія и т. д. можно методически и систематически, и въ этомъ смыслѣ «научно», построить технику отравленія и иныхъ способовъ убійства людей, технику мошенничества, разврата и проч. и проч.; и нѣкоторые зачатки нѣкоторыхъ дисциплинъ этого рода, къ сожалѣнію, существуютъ и развиваются (хотя есть основаніе думать, что съ теченіемъ времени они исчезнутъ изъ психики человѣческой подъ влияніемъ разныхъ культурно-воспитательныхъ факторовъ, въ томъ числѣ науки въ нашемъ, тѣсномъ смыслѣ). Съ точки зрѣнія ходячихъ понятій и опредѣленій науки и такія систематическія и методическія совокупности знанія представляютъ науки; но съ точки зрѣнія изложеннаго выше психологическаго ученія о природѣ науки, онѣ пахотятся за предѣлами науки по своему эмоціональному составу. Въ области кражи, мошенничества и т. п. и соответственныхъ техникъ эмоціональная подкладка состоитъ не въ извѣстныхъ уже намъ идеальныхъ и возвышенныхъ научныхъ эмоціяхъ, а въ эмоціяхъ иного рода, корыстныхъ эмоціяхъ низменнаго и поэтому психологически враждебнаго научнымъ эмоціямъ свойства, въ области техники отравленія и иныхъ видовъ убійства дѣйствуютъ тоже низменные, одіозныя, ненавистническія эмоціи (подчасъ тоже корыстныя), въ области техники разврата—животныя, половыя эмоціи и проч. и проч.

Эти психологическія и научно-теоретическія соображенія могутъ показаться странными въ области проблемы о раціональныхъ предѣлахъ дѣйствія университетовъ и академій, ибо вопросъ о кафедрахъ воровской техники и т. п. въ этихъ учрежденіяхъ уже по другимъ соображеніямъ не возникаетъ.

Но они приведены нами съ серіозною цѣлью, для уясненія извѣстныхъ положеній, имѣющихъ весьма существенное и рѣшающее значеніе для раціональнаго устроенія *universitates litterarum*, т. е. академій и университетовъ (и не только этихъ учреждений, а и учебныхъ заведеній: высшихъ, среднихъ и низшихъ, общихъ и спеціальныхъ, вообще для всей дидактики и педагогики, о чемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ).

Они уясняютъ въ рѣзкой и драстической формѣ то положеніе, что въ области знанія пятаго разряда, телеологическаго, цѣлевого, прикладнаго знанія и мышленія слѣдуетъ различать разные категоріи, смотря по руководящимъ цѣлямъ и, тѣмъ самымъ, господствующимъ эмоціямъ (цѣль безъ такой или иной

емоціи не мыслима; цѣлью дѣлаются представленія извѣстныхъ эффектовъ возможнаго поведенія, только въ случаѣ сочетанія съ такою или иною побудительною эмоціею ¹⁾).

Оставляя въ сторонѣ разныя сферы прикладнаго знанія и мышленія съ постыдными и предосудительными цѣлями, можно указать на существованіе и возможное (и желательное) развитіе въ будущемъ множества такихъ телеологическихъ дисциплинъ, которыя по руководящимъ цѣлямъ и эмоціямъ отнюдь не предосудительны или даже весьма почтенны и въ высокой степени полезны для человѣческаго благосостоянія, но тѣмъ не менѣе по своему эмоціональному составу отличны отъ науки въ нашемъ тѣсномъ и узкомъ психологическомъ смыслѣ.

Сюда, напр., относятся: развивающаяся теперь на почвѣ психологическихъ, эстетическихъ и иныхъ данныхъ и уже имѣющая обширныя руководства техника рекламы, явленія, которое, въ предѣлахъ честнаго примѣненія, полезно въ качествѣ средства соединенія предложенія и спроса, а равно разныя другія техники коммерческаго дѣла: техники охоты, рыбной ловли, пчеловодства, коннозаводства, свиноводства, овцеводства и иного скотоводства, молочнаго хозяйства, маслодѣлія, сыроваренія и иныхъ видовъ и элементовъ сельскохозяйственной промышленности, техника пивоваренія, сахароваренія, производства анилиновыхъ и иныхъ красокъ, мыла и иныхъ косметическихъ продуктовъ, и проч. и проч.

Эти и т. п. техники къ *universitas litterarum* въ нашемъ смыслѣ не относятся по своему эмоціональному составу и подлежатъ развитію и разработкѣ (имѣющей по большей части свои особыя источники поощренія) внѣ университетовъ и академій наукъ, не въ силу бессознательной и непровѣренной рутины и традиціи, которая безъ разбору не допускаетъ въ университеты и много наукъ, университетская разработка которыхъ весьма желательна и необходима, а въ силу сознательной политики науки, политики производства научнаго свѣта; и при томъ по двумъ основаніямъ:

а) Университетская и академическая эмоціональная атмосфера должна быть атмосферою возвышенно-идейныхъ настроеній и воодушевленій, и этотъ источникъ научной энергіи и научныхъ подвиговъ и яснаго и гениальнаго видѣнія и твор-

¹⁾ Ср. «О мотивахъ человѣческихъ поступковъ», § 1.

чества и въ такихъ областяхъ знанія, которыя чужды утилитарныхъ стимуловъ и интересовъ, долженъ сохраняться въ чистотѣ; привнесеніе иныхъ эмоціональных настроеній, коммерческихъ, промышленныхъ и иныхъ утилитарно-практическихъ въ тѣсномъ смыслѣ интересовъ, темъ, разговоровъ, споровъ и т. д. было бы диссонансомъ и подрывомъ безраздѣльнаго господства и дѣйствія надлежащаго и необходимаго въ данной области идейно-эмоціональнаго фактора производства и распространенія научнаго свѣта. Тѣмъ болѣе, что съ точки людей, вращающихся въ сферѣ практичной дѣловитости и соотвѣтственнаго практично-утилитарнаго мышленія такія темы, идеи споры, и т. д., которые волнуютъ философовъ, «метафизиковъ» и разныхъ иныхъ ученыхъ, представляются подчасъ чѣмъ то такимъ, къ чему можно относиться насмѣшливо, иронически, презрительно-снисходительно и т. п.

Иногда въ самыхъ университетскихъ наукахъ появляются болѣзни, состоящія въ теченіяхъ и ученіяхъ, враждебныхъ чисто идейнымъ интересамъ и воодушевленіямъ и всему высокому и возвышенному; такъ, напр., знаменитый юристъ Іерингъ и его поклонники внесли въ науку о правѣ «практическое» направленіе далеко не высокаго полета, осмѣивали болѣе идейное и идеальное направленіе и т. д.; и вообще въ эпоху реакціи и паденія идейныхъ и идеальныхъ интересовъ во второй половинѣ истекшаго столѣтія разныя науки были загрязнены со всѣмъ не подобающимъ имъ и враждебнымъ самой эмоціональной и идейной природѣ науки духомъ; естественный и неизбежный результатъ — временное паденіе и обезсиленіе науки, отсутствіе появленія геніевъ и великихъ ученыхъ, дальнѣйшее паденіе и развращеніе общественной жизни, политики и даже правосудія, которое подъ вліяніемъ ученій о необходимости подчиненія принциповъ права разнымъ болѣе «практичнымъ» соображеніямъ и интересамъ и осмѣянія болѣе принципіальнаго и идейнаго отношенія, стало терять характеръ величія и независимости и превращаться въ служащую господствующимъ интересамъ.

Между прочимъ, теченіе, направленное противъ лекцій и въ пользу «практическихъ занятій», до изученія техники канцелярскаго дѣлопроизводства, составленія дѣловыхъ бумагъ, ознакомленія съ мундирами разныхъ вѣдомствъ и т. п. включительно, одно изъ проявленій указаннаго болѣзненнаго упадка духа и

идейнаго обнищанія правовѣдѣнія — подѣ влияніемъ воцарившихся пошло-практическихъ ученій.

Было бы грубою и элементарною ошибкою университетской политики и вообще политики науки вводить въ университеты такія, хотя и вполне научно съ интеллектуальной точки зрѣнія разрабатываемыя и вполне почтенныя въ своей области и на своемъ мѣстѣ дисциплины, эмоціональный духъ коихъ подкрѣплялъ бы подобнаго рода временныя болѣзни или заводилъ постоянныя недомогапія этого или иного рода, а во всякомъ случаѣ вносилъ бы постороннія съ точки зрѣнія желательной университетской психики примѣси. Такія ошибки дѣлаются: разные списки кафедръ, «планы преподаванія» и т. д. не выдерживаютъ критики не только съ точки зрѣнія того, чего въ нихъ нѣтъ, но и съ точки зрѣнія того, что въ нихъ есть, но съ точки зрѣнія рациональной университетской политики не подлежало бы включенію.

б) И съ точки зрѣнія политики разработки тѣхъ вѣтвей прикладнаго знанія, эмоціональная природа которыхъ не гармонируетъ съ эмоціональною природою академическаго духа, введеніе ихъ въ академіи и университеты было бы ошибкою. Такъ, желательный въ разныхъ областяхъ техники, напр., въ техникахъ сельско-хозяйственной и иныхъ видовъ промышленности (попадающихъ иногда по недоразумѣнію въ университеты, по большей части въ видѣ отдѣльных обломковъ и отрывковъ), въ техникахъ торговаго дѣла и т. п. духъ дѣловитой практичности подвергается ослабленію и портѣ въ «непрактичной» средѣ философскихъ и иныхъ чисто идейныхъ интересовъ и воодушевленій. Еще хуже и опаснѣе для подлежащихъ вѣтвей знанія и ихъ представителей потеря вѣры въ дѣло, его важность и цѣнность, подѣ влияніемъ зараженія инымъ, академическимъ духомъ, съ точки зрѣнія котораго данное, можетъ быть, вполне почтенное дѣло можетъ показаться чѣмъ-то менѣе достойнымъ уваженія и воодушевленія.

Нѣкоторые ученые пропагандируютъ идею о соединеніи техническихъ школъ и университетовъ въ одни учрежденія. Какъ видно изъ сказаннаго, этой идеи нельзя признать удачною.

То же относится къ другимъ вѣтвямъ знанія съ такимъ эмоціональнымъ характеромъ, который не гармонируетъ съ академическимъ духомъ. Напр., представители разныхъ техникъ военнаго дѣла, попавъ въ идеально-гуманистическую универ-

сетскую атмосферу, чувствовали бы себя неловко и нехорошо, или заражались бы такимъ духомъ, подъ вліяніемъ котораго у нихъ бы возникали внутреннія коллизіи, безпокойство совѣсти, падалъ бы и пропадалъ военный духъ съ его особою эмоціональною природою, и подрывалась бы любовь къ своему, военному дѣлу.

Слѣдуетъ, впрочемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оговориться, что предложенное дѣленіе разныхъ вѣтвей научно въ интеллектуальномъ смыслѣ разрабатываемаго знанія по эмоціональному характеру и направленію и соотвѣтственнымъ начала рациональной университетской политики отнюдь не означаютъ того, чтобы къ *universitas litterarum* въ нашемъ смыслѣ относились только науки, эмоціональная природа коихъ имѣетъ чисто-научный, не-смѣшанный характеръ, т. е. только тѣ науки, въ эмоціональный составъ коихъ не входятъ никакія другія эмоціи, кромѣ специфическихъ научныхъ эмоцій. Напротивъ, разныя науки, относящіяся къ *universitas litterarum* въ нашемъ смыслѣ, имѣютъ сложный эмоціональный составъ; въ ихъ основѣ, кромѣ специфическихъ научныхъ, имѣются еще разныя другія эмоціи. Въ частности, всѣ нормативныя науки имѣютъ сложный эмоціональный составъ. Въ нормативной этикѣ (морали) дѣйствуютъ сверхъ научныхъ особыя нравственныя (авторитетно-императивныя), въ нормативномъ правовѣдѣніи, юриспруденціи въ тѣсномъ смыслѣ, правовыя (императивно-атрибутивные) эмоціи, въ нормативной эстетикѣ — особыя эстетическія эмоціи *); и это въ значительной степени относится и къ соотвѣтственнымъ теоретическимъ наукамъ, напр., къ наукамъ теоріи права, теоріи нравственности, теоріи эстетическихъ явленій, а равно къ соотвѣтственнымъ прикладнымъ наукамъ, къ (несуществующимъ еще) правно-политическимъ наукамъ, политикѣ нравственности и т. д. Тѣмъ не менѣе, съ нашей точки зрѣнія, объ исключеніи ихъ изъ университетовъ и академій не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, и въ интересѣ этихъ наукъ, и въ интересѣ университетовъ и академій непремѣнно слѣдуетъ заботиться о возможно болѣе полномъ и богатомъ ихъ представительствѣ въ этихъ учрежденіяхъ. Ибо дѣло идетъ о психологически союзническихъ эмоціяхъ, расчищающихъ другъ другу почву, очищающихъ духъ отъ разныхъ мелкихъ и низменныхъ элементовъ

*) Ср. «О мотивахъ человѣческихъ поступковъ»

и взаимно укрѣпляющихъ другъ друга. Отсутствие этики и правовѣдѣнія въ академіи, отсутствие этики (нравственныхъ наукъ) на юридическихъ факультетахъ университетовъ и т. д.—большія ошибки и несообразности съ точки зрѣнія научной политики разработки науки.

Къ эмоціональному составу нѣкоторыхъ другихъ наукъ относятся каритативныя, гуманныя эмоціи, эмоціи любви къ ближнимъ, и это опять такія эмоціи, которыя состоятъ въ полной дружбѣ и согласіи съ академическимъ духомъ и составляютъ его украшеніе. Поэтому, напр., включеніе педагогическихъ и политическихъ дисциплинъ, а равно медицинскихъ, въ академіи и университеты исполнѣ умѣстно. Если университетъ и университетскій духъ кое-гдѣ портится тѣмъ, что въ нихъ есть и даже задаютъ тонъ профессора, которые на науку и кафедру смотрятъ только какъ на вспомогательное, главнымъ образомъ рекламное, средство для другой, главной профессіи и другого, главнаго источника существованія и доходовъ, и любовью къ ближнему тоже отнюдь не занимаются, а устраиваютъ стачки относительно минимальной, крупной платы для болѣе успешнаго обирания пациентовъ, и т. п., то корень этихъ, весьма печальныхъ, явленій — въ нелѣпой постановкѣ университетскаго дѣла, ведущей къ тому, что и въ другихъ университетскихъ сферахъ наука и научная дѣятельность тоже сводятся на нѣтъ или являются чисто формальными придатками къ инымъ, главнымъ, профессіямъ, или теряются среди множества разныхъ дѣлъ и занятій. Въ случаѣ рациональнаго устройства университетскаго дѣла, созданія надлежаще поставленной ученой профессіи, имѣющей въ индивидуальной и коллективной университетской психикѣ самодовлѣющее и управляющее значеніе, устраняющей холодно-циническое отношеніе къ наукѣ и заставляющей заботиться о нравственной и ученой репутации, воспитывающей путемъ вовлеченія въ научно-ислѣдовательскую дѣятельность истинныхъ, воодушевленныхъ ученыхъ вмѣсто штатныхъ преподавателей или дѣльцовъ въ постороннихъ сферахъ,—отнесеніе медицинскихъ наукъ къ университетамъ и академіямъ вообще не возбуждаетъ сомнѣній съ точки зрѣнія интересовъ этихъ учреждений, т. е. совокупности прочихъ наукъ. Что же касается интересовъ медицинскихъ наукъ и страждущаго человѣчества, то съ точки зрѣнія этихъ важныхъ интересовъ въ высокой степени рационально и необходимо помѣщеніе этихъ наукъ и ихъ

представителей въ атмосферу дѣйствія академическаго духа, соотвѣтственнаго коллегіальнаго общенія и взаимодѣйствія съ другими науками и учеными мыслителями и т. д. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду не только воспитательное, очистительное, возвышающее и облагораживающее дѣйствіе этого академическаго духа и общенія, но и другое еще, весьма существенное съ точки зрѣнія политики медицины, соображеніе: отдѣльное существованіе и развитіе медицинскихъ дисциплинъ, тѣсно связанныхъ съ особою практическою профессіею (представляющею къ тому же скользкій и богатый разными искушеніями жизненный путь), внѣ общенія съ *universitas litterarum*, въ видѣ отдѣльныхъ узко-спеціальныхъ и профессиональныхъ коллегій и кружковъ (медицинскихъ академій и т. п.), психологически неизбѣжно ведетъ къ болѣе или менѣе исключительному господству специально-профессиональныхъ интересовъ, темъ, разговоровъ, точекъ зрѣнія и т. д., къ образованію и господству болѣе или менѣе односторонней профессиональной этики, особенно снисходительно и внимательно относящейся къ интересамъ профессіи, менѣе заботящейся объ интересахъ *altera pars* (какъ это съ точки зрѣнія законовъ выработки этическихъ взглядовъ неизбѣжно бываетъ въ случаѣ кружковой замкнутости), вообще къ умаленію интересовъ науки и человѣчества и къ вредному господству болѣе мелкихъ и узкихъ интересовъ и настроеній.

Эти соображенія слѣдуетъ *mutatis mutandis* примѣнять и при обсужденіи другихъ, аналогичныхъ, вопросовъ и вообще вопросовъ надлежащей организациі общенія и взаимодѣйствія разныхъ наукъ въ университетахъ и академіяхъ.

Вообще презумпція рациональной политики развитія науки (и научнаго просвѣщенія) говоритъ въ пользу *universitas litterarum* въ смыслѣ возможно болѣе полного и обильнаго представительства науки и тѣснаго общенія разныхъ ея вѣтвей въ университетахъ и академіяхъ; и только тѣ спеціальныя периферическія техники, утилизирующія научные методы и знанія для разныхъ государственныхъ, общественно-хозяйственныхъ, частно-хозяйственныхъ, классовыхъ и т. п. надобностей, которыя по своему духу (эмоціональному составу) вносили бы диссонансы въ академическую сферу, должны быть и въ интересахъ науки и обще-научныхъ учреждений, и въ собственныхъ интересахъ устраиваемы иначе (поскольку онѣ требуютъ осо-

баго устройства, каковыя вопросы къ темъ этого сочиненія не относятся).

Менѣе существенный, но тоже не лишешный значенія съ точки зрѣнія политики развитія науки, вопросъ — объ образованіи въ общей сферѣ *universitas litterarum* рациональныхъ комбинацій и болѣе тѣсныхъ общеній и взаимодействій специальныхъ наукъ и ихъ представителей, факультетовъ, отдѣленій и т. д. Здѣсь, сверхъ различія и взаимоотношенія указанныхъ пяти классовъ наукъ по характеру ихъ тезисовъ, могущихъ касаться однихъ и тѣхъ же объектовъ, напр., государства, права и т. д., слѣдуетъ имѣть въ виду научную классификацію объектовъ научнаго изслѣдованія и соотвѣтственную, предметную, классификацію наукъ. При этомъ вообще основою дѣленія, опредѣленія родственныхъ и союзническихъ (въ томъ числѣ союзническихъ въ дѣлѣ установленія надлежащаго общаго духа) связей, должны быть подлежащія теоретическія базисы, теоріи въ тѣсномъ смыслѣ; подъ ихъ главенствомъ должны комбинироваться прочія науки: описательныя, историческія, нормативныя (гдѣ таковыя имѣются) и прикладныя. Тогда, напр., не только о такомъ сочетаніи, какъ «историко-филологическій» факультетъ, но и о такомъ факультетѣ или отдѣленіи, какъ «историческое» (безъ теоретическаго базиса), не могло бы быть рѣчи; ибо разныя историческія науки выступали бы въ связи съ соотвѣтственными теоретическими въ тѣсномъ смыслѣ науками; конкретныя исторіи обществъ—въ связи съ теоріей общества и общественнаго развитія, и т. д.

Болѣе подробная и специальная разработка обѣихъ намѣченныхъ проблемъ, какъ опредѣленіе тѣхъ наукъ, которыя должны быть введены въ университеты и академіи, такъ и распредѣленіе этихъ наукъ по группамъ, представляетъ важную и интересную задачу для будущей науки университетской политики и для будущаго университетскаго законодательства; для будущаго, и, можетъ быть, не скоро будущаго, не только потому, что сила безсознательной традиціи и инерціи здѣсь слишкомъ велика, чтобы она могла быть скоро сокрушена, и чтобы получилась психическая почва для сознательно-рациональнаго устройства дѣла, но и потому, что и въ случаѣ быстраго наступленія такого психическаго переворота надлежащей реформы нельзя было бы скоро достигнуть — за отсутствіемъ личныхъ средствъ, ученыхъ силъ для ея проведенія.

Особенно при такомъ положеніи дѣла, когда даже «штатныхъ преподавателей», не говоря уже объ ученыхъ въ собственномъ смыслѣ слова, не имѣется для заполнения тѣхъ немногихъ, представляющихъ только нѣкоторыя части системы науки, кафедръ, которыя имѣются въ университетахъ, говорить о фактическомъ введеніи надлежащаго представительства науки въ университетахъ рано. Лишь въ случаѣ введенія такой постановки университетскаго дѣла и ученой профессіи, которая бы дала въ результатъ обильное «расположеніе» ученыхъ въ собственномъ смыслѣ, и при томъ болѣе обильное, чѣмъ это необходимо для достойнаго представительства и успѣшной разработки существующихъ въ университетахъ наукъ, можно будетъ, съ теченіемъ времени, думать о постепенномъ расширеніи, развитіи университетовъ и приближеніи ихъ къ идеалу *universitas litterarum* (а равно объ учрежденіи новыхъ университетовъ, ср. ниже).

Пока, можетъ быть рѣчь лишь объ устраненіи наиболѣе поразительныхъ и несообразныхъ пробѣловъ—при условіи введенія такой реформы, которая гарантируетъ въ скоромъ будущемъ обильный притокъ силъ къ ученому поприщу и надлежащее воспитаніе ученыхъ.

Иное положеніе другого вопроса — о приведеніи Академіи наукъ въ состояніе, соответствующее тому представительству науки, какое уже имѣется въ университетахъ. Это вполне возможно и необходимо сдѣлать тотчасъ — для содѣйствія приведенію университетовъ, существующихъ уже въ нихъ наукъ, въ нормальное положеніе, для содѣйствія устраненію летаргическаго сна подлежащихъ наукъ.

VII.

Университетская политика должна быть прежде всего и главнымъ образомъ политикою производства научнаго свѣта. Производимый въ университетахъ научный свѣтъ самъ стремится распространяться и просвѣщать другихъ, въ томъ числѣ и учащуюся молодежь, тѣмъ успѣшнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ живѣе и интенсивнѣе производство этого свѣта. Рациональная политика производства научнаго свѣта есть такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рациональная политика распространенія этого свѣта, просвѣщенія, въ томъ числѣ просвѣщенія

учащейся молодежи. Политика же распространения научного свѣта безъ производства такового, куда относятся и разныя попытки «реформы высшихъ учебныхъ заведеній», въ томъ числѣ университетовъ, представляетъ внутреннее противорѣчіе, *contradictio in adjecto*, а во всякомъ случаѣ научно-психологическую несообразность. Но, несмотря на такое отношеніе политики производства и политики распространения научного свѣта въ сферѣ университетской политики (включая сюда и академическую), все таки въ области университетскаго и академическаго законодательства требуются нѣкоторыя, добавочныя, постановленія, относящіяся специально къ дѣлу распространения научнаго свѣта; и постольку въ университетской и академической политикѣ можно различать два элемента: 1) политику производства и 2) политику распространения научнаго свѣта, т. е. специальную политику распространения научнаго свѣта, добавочную къ той главной основѣ этой политики, которая уже заключается въ политикѣ производства научнаго свѣта.

Задача этой специальной, добавочной политики распространения научнаго свѣта, въ свою очередь, отнюдь не совпадаетъ съ задачей университета, какъ «учебнаго заведенія», а имѣетъ, при правильномъ ея пониманіи, значительно болѣе широкій смыслъ, касаясь множества различныхъ способовъ и путей распространения научнаго, университетскаго и академическаго, свѣта, *universi modi scientiae propagandae* (ср. выше, стр. 337 и сл.), а не одного только изъ этихъ способовъ и путей, касающагося специально студентовъ.

Несмотря на широту и разнообразіе задачъ и функцій университетовъ по распространенію научнаго свѣта, въ частности по распространенію этого свѣта среди широкихъ народныхъ массъ путемъ печати и слова (*university extension* и т. п.), особенно обильнаго и разнообразнаго по содержанію правно-политическаго въ научномъ и въ практическомъ, законодательномъ смыслѣ творчества въ направленіи нормировки подлежащихъ дѣятельностей и обязанностей здѣсь не требуется—вслѣдствіе особой (указанной выше, стр. 571 и сл.) психической природы этихъ учреждений, въ частности вслѣдствіе дѣйствія въ нихъ (предполагая рациональную постановку университетскаго дѣла въ разсмотрѣнныхъ выше отношеніяхъ) такой превосходной мотиваци, что управление и направленіе свыше, предписанія, понуканія къ исполненію и проч. представляются лишними и неумѣстными.

Въ области учреждений съ иною психическою природою, напр., въ области обыкновенныхъ административныхъ, составленныхъ изъ чиновниковъ, учреждений, большому количеству и разнообразію функцій соотвѣтствуетъ обиліе и разнообразіе содержанія подлежащей положительной правовой нормировки, а равно обиліе задачъ текущей начальственно-административной политики для надлежащаго направленія разнообразныхъ дѣятельностей подлежащихъ чиновниковъ, неукоснительнаго исполненія ими своихъ разнообразныхъ обязанностей и т. д.

По отношенію къ университетамъ (и академіямъ наукъ) такая политика со всѣмъ ея обильнымъ и сложнымъ содержаніемъ не нужна и неумѣстна, а на мѣсто нея вступаетъ указанный уже выше принципъ *laissez faire*, принципъ немѣшанія. предоставленія этимъ учреждениямъ и ихъ членамъ дѣйствовать сообразно съ ихъ естественными стремленіями въ пользу пропаганды науки, распространенія научнаго свѣта.

И такія, напр., нормы, какъ нормы германскаго университетскаго права, обязывающія профессоровъ читать въ университетѣ публичныя лекціи (съ бесплатнымъ входомъ для каждаго желающаго), или нормы, обязывающія членовъ Россійской Академіи наукъ «ежегодно представить по крайней мѣрѣ двѣ диссертациі для помѣщенія въ запискахъ Академіею издаваемыхъ» или представлять «хотя одну оригинальную статью своего сочиненія» (обязательная для академикомъ производительность таксирована по Своду законовъ почему-то различно для разныхъ отдѣленій), предписаніе «каждому Академику, сдѣлавшему какое нибудь открытіе, опытъ или полезное наблюденіе... сперва объявить оныя Академіи и потомъ объяснить въ диссертациі, которая печатается въ запискахъ, или особо, по усмотрѣнію Конференціи» и прочее въ томъ же родѣ—представляются лишними или и положительно вредными, какъ несоотвѣтствующее природѣ научной психики навязываніе.

Умѣстно лишь помѣщеніе общихъ нормъ въ уставахъ университетовъ и академій, указывающихъ на обязанность соотвѣтственныхъ коллегій, ихъ отдѣленій и отдѣльныхъ органовъ и членовъ способствовать (производству и) распространенію научнаго свѣта всяческими средствами; при чемъ эти нормы должны быть *leges imperfectae*, нормами безъ санкцій, съ предоставленіемъ ихъ исполненія совѣсти и усмотрѣнію подлежащихъ субъектовъ обязанностей (ср. выше, стр. 530).

Существующія теперь нормировки этой стороны дѣла въ университетахъ и академіи отличаются двойною правно-политическою неудачностью, сочетаніемъ правно-политическихъ ошибокъ въ двухъ направленіяхъ. Во первыхъ, подлежащіе уставы искажаютъ функціи нормируемыхъ ими учреждений путемъ неудачнаго опредѣленія обязанностей, путемъ низведенія академикомъ на уровень чиновниковъ съ назначенными урочными работами и притомъ съ весьма узкими по объему, по широтѣ, и нерациональными по содержанию повинностями, и путемъ низведенія профессоромъ университета тоже на уровень чиновниковъ, но только иного свойства, а именно «штатныхъ преподавателей», къ наукѣ, какъ таковой, сверхъ отбыванія лекціонной, экзаменаціонной и т. п. повинностей, никакого отношенія не имѣющихъ. Во вторыхъ, эти, столь неудачно опредѣленные, чиновничьи повинности обильно снабжены такими санкціями, какъ если бы дѣло шло, особенно въ Академіи, о чиновникахъ весьма низкаго уровня и плохого свойства, крайне лѣнливыхъ и не желающихъ добровольно исполнять даже этихъ, безконечно уже, чѣмъ это соответствуетъ существу дѣла, очерченныхъ обязанностей. Академики по уставу Академіи поставлены подъ строгій надзоръ президента, «блюстителя за исполненіемъ ея обязанностей», доносящаго «о членахъ Академіи, которые важными трудами, знаніемъ, ревностью и дѣятельностью заслуживаютъ отличія и награжденія, а равно и о такихъ, кои небрегутъ исполненіемъ своихъ должностей», имѣющаго дискреціонную власть въ случаѣ нарушенія порядка и внутренняго устройства въ отношеніи возстановленія порядка и наказанія виновныхъ, представляющаго объ исключеніи академикомъ, оказавшихся по своему поведенію «недостойными носить сіе званіе», наблюдающаго за тѣмъ, «чтобы въ Собраніяхъ никто не присваивалъ себѣ не принадлежащихъ правъ и чтобы сужденія происходили съ приличіемъ», въ случаѣ разногласія прекращающаго пренія путемъ голосованія или отложенія сужденія до слѣдующаго Собранія (очевидно, для успокоенія академикомъ и предупрежденія такимъ образомъ скандальныхъ исторій) и проч. Есть и другіе надзиратели, слѣдящіе за исполненіемъ академиками своихъ обязанностей и «поддерживающіе ихъ дѣятельность всѣми зависящими отъ нихъ средствами», свидѣтельствующіе «предъ президентомъ Академіи объ усердіи и трудахъ каждаго академика», представляю-

щѣ о денежныхъ наградахъ «явившимъ постоянное усердіе» и проч. и проч. Аналогично содержаніе нашего традиціоннаго университетскаго права, устава 1884 г. и предыдущихъ уставовъ, не исключая считающагося весьма либеральнымъ и предоставившимъ университетамъ автономію устава 1863 г. Здѣсь тоже разныя начальства, ректоръ, попечитель и т. д., надзирають за исполненіемъ университетскими преподавателями ихъ обязанностей, примѣняютъ дисциплинарныя мѣры въ случаѣ неисполненія, возбуждаютъ дѣла объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуютъ о награжденіи достойныхъ, и пр. и пр.

Замѣнивъ теперешнюю неудачную нормировку обязанностей органовъ и членовъ академій и университетовъ съ подлежащими санкціями указанными выше нормами общаго содержанія и безъ санкцій, слѣдуетъ затѣмъ позаботиться—и здѣсь центръ тяжести политики распространенія научнаго свѣта,—о томъ, чтобы юридически гарантировать ученымъ коллегіямъ и ея членамъ беспрепятственную возможность осуществлять свой долгъ и свое стремленіе распространять научный свѣтъ, свободно и независимо, согласно ихъ научной совѣсти и убѣжденіямъ, путемъ любыхъ, годныхъ для этой цѣли, средствъ, путемъ слова и печати, газетъ, журналовъ и иныхъ изданій, учрежденія разныхъ замкнутыхъ и публичныхъ курсовъ, вольныхъ, народныхъ университетовъ и т. п., ученыхъ обществъ, съѣздовъ и проч. (*universi modi scientiae propagandae*). Требуется и весьма важно введеніе въ области распространенія научнаго свѣта, въ частности и въ особенности въ области устной и печатной проповѣди научныхъ убѣжденій, общественно-политическихъ и другихъ, принципа *laissez faire* и гарантіи его соблюденія со стороны правительственныхъ органовъ, не исключая министровъ, ихъ кабинетовъ или совѣтовъ и т. п.

Обычныя общія конституціонныя гарантіи свободы слова, печати, союзовъ, собраній и т. д. недостаточны, потому что академіи наукъ и университеты суть государственныя учрежденія, а ихъ члены числятся на государственной службѣ, такъ что противъ нихъ, въ случаѣ, если защищаемыя ими и распространяемыя научныя убѣжденія не нравятся властвующимъ партіямъ, министерствамъ, отдѣльнымъ министрамъ и т. д., могутъ быть принимаемы такія мѣры, въ томъ числѣ лишеніе должности, которыя сводятъ свободу слова, печати и т. д. на нѣтъ. Такимъ образомъ для уравниенія въ данной области уче-

ныхъ коллегій и ихъ членовъ съ независимыми гражданами и введенія для нихъ свободы научныхъ ученій требуются соотвѣтственныя особыя нормы права. Лучшею возможною формою гарантій принципа *laissez faire*, свободы и независимости въ области распространенія научнаго свѣта, было бы введеніе въ уставы академій и университетовъ: 1) законовъ, формулирующихъ соотвѣтственныя права ученыхъ и ихъ коллегій, т. е. права свободнаго по содержанію и по средствамъ и формамъ (*universi modi*) распространенія научнаго свѣта (въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ общими законами); 2) нормъ такого же содержанія, какія выработаны и дѣйствуютъ въ областяхъ благоустроенной юстиціи, гарантирующей свободу и независимость судейской совѣсти, по отношенію къ судьямъ: о недопустимости лишенія должности или перемѣщенія безъ суда и т. д.; 3) сверхъ того, требуется снабженіе указаннымъ положеніямъ силы основныхъ законовъ путемъ помѣщенія соотвѣтственной статьи въ конституціи (предполагается рациональная постановка конституціонныхъ законовъ, гарантія ихъ относительной прочности и т. д.).

Менѣе дѣйствительною формою гарантіи свободы распространенія научнаго свѣта было бы ограниченіе первыми двумя пунктами; это не гарантировало бы противъ скорой и легкой отмѣны подлежащей независимости и подчиненія ученыхъ учреждений и ученыхъ воздѣйствіямъ и давленіямъ со стороны такихъ или иныхъ, реакціонныхъ, радикальныхъ и т. п., приобретающихъ власть, партій и временныхъ теченій. вмѣсто исключительнаго примѣненія уголовного суда мыслимо введеніе дисциплинарнаго суда, составленнаго такъ, чтобы исключить административный произволъ и гарантировать интересы науки, напр., состоящаго изъ представителей ученыхъ коллегій и юстиціи поровну и т. п. Но во всякомъ случаѣ объ оставленіи теперешняго положенія зависимости отъ произвола административнаго начальства съ точки зрѣнія рациональной государственной университетской (и академической) политики не можетъ быть рѣчи *).

*) По инициативѣ автора, положенія о свободѣ ученія и о недопустимости удаленія профессоровъ и доцентовъ отъ должности безъ приговора уголовного суда были приняты Совѣтомъ С.-Петербургскаго университета и сообщены въ качествѣ *desiderata* вмѣстѣ съ другими Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ новѣйшей министерской проектѣ

Обосновывать здѣсь предложенныя выше положенія о свободѣ распространенія научнаго свѣта съ точки зрѣнія интересовъ науки, «любяще свободу», мы считаемъ лишнимъ, такъ какъ дѣло идетъ о само собою разумѣющемся и не требующемъ особыхъ разъясненій: при томъ преслѣдованіе ученыхъ за научныя идеи признается всѣми въ культурномъ обществѣ варварствомъ, мрачною особенностью среднихъ вѣковъ, и т. д.; упускается только изъ виду, что дѣло идетъ вовсе не о чемъ то такомъ, что отошло въ область преданій, а, напротивъ, о весьма современномъ вопросѣ и явленіи, процвѣтающемъ въ Россіи и случающемся и въ другихъ государствахъ, въ томъ числѣ въ Германіи, гдѣ университеты гордятся такъ называемою свободою преподаванія (по недоразумѣнію, за отсутствіемъ надлежащихъ гарантій). Какъ въ Германіи не полагается быть социаль-демократомъ и т. п., такъ во Франціи не полагается быть приверженцемъ монархизма, а надо быть, непременно, республиканцемъ, не слѣдуетъ быть религіознымъ человѣкомъ, а надо быть атеистомъ, и т. п.

При выработкѣ подлежащихъ конституцій не догадались гарантировать свободы науки; а теперь поздно; ибо значеніе истинной свободы менѣе понятно, чѣмъ весьма недалновидные подчасъ интересы господствующихъ въ данное время партій. Общественное мнѣніе, пресса и т. д. въ Россіи сдѣлали бы тоже потомъ трудно поправимое упущеніе, если бы теперь не обратили вниманія на вопросъ и не позаботились о надлежащемъ его рѣшеніи.

Что касается интересовъ университетской дидактики, то здѣсь свобода и независимость научныхъ убѣжденій, высказываемыхъ съ кафедръ и въ печати и т. д., тоже должна быть признана аксіоматическимъ требованіемъ рациональной педагогики. Эмоціональное дѣйствіе лекцій, центръ тяжести и основа

университетскаго устава введена статья (158): «Никто изъ лицъ преподавательскаго персонала университетовъ не можетъ быть уволеннымъ отъ службы безъ прошенія иначе, какъ по судебному приговору. Временное устраненіе отъ должности допускается лишь въ случаѣ преданія суду». Это весьма существенный шагъ впередъ по сравненію съ предыдущими проектами и уставами, но пока только — въ проектѣ и при томъ проектѣ, остающемся безъ осуществленія; и до введенія подлежащаго закона еще далеко. Поэтому вопросъ (обыкновенно почему то не обращающій на себя вниманія и даже не возбуждаемый) заслуживать бы обсужденія въ печати, соответственной пропаганды, и т. д.

всякаго воспитательнаго и образовательнаго дѣйствія университетскаго преподаванія, подрывается въ корнѣ, если вмѣсто вѣры и увѣренности въ искренности, уваженія и пѣтета по отношенію къ ученымъ, какъ представителямъ свободной научной мысли, имѣется подозрительное, холодно-скептическое отношеніе къ «штатнымъ преподавателямъ» и штатной, «казенной», «официальной», подчиненной и зависимой, наукѣ (ср. выше, стр. 283). Съ точки зрѣнія университетской дидактики требуется, въ качествѣ *conditio sine qua* поп успешнаго дѣйствія этой дидактики, устраненіе всякихъ поводовъ для сомнѣній и подозрѣній; и чѣмъ больше ясно, внушительно и убѣдительно устроена гарантія свободы и независимости преподаванія, свободы отъ давленій свыше и т. д., тѣмъ больше плюсъ съ точки зрѣнія воспитательнаго и образовательнаго дѣйствія университета и университетскаго преподаванія. Поэтому, напр., введеніе подлежащихъ положеній въ конституцію и вообще придаеніе подлежащей гарантіи возможно болѣе абсолютной формы и силы означало бы усиленіе и повышеніе воспитательнаго и образовательнаго дѣйствія университетовъ.

Но интересы науки, какъ таковой, а равно интересы чистой педагогики и дидактики, научнаго воспитанія и образованія, какъ такового, мало интересуютъ тѣ сферы, отъ которыхъ требуется соотвѣтственная жертва части власти и политическаго воздѣйствія и вліянія. Поэтому практическій, законодательный центр тяжести вопроса находится въ сферѣ общей государственной политики и вообще въ сферѣ политическихъ интересовъ.

И на этой почвѣ вѣроятна и даже психологически неизбежна оппозиція; для чего, между прочимъ, имѣется въ распоряженіи и превосходная, обычно приводимая и рѣшающая въ области сходныхъ вопросовъ, аргументація, а именно ссылка на то, что университеты и академіи суть государственныя учрежденія, а ихъ члены—органы, служители государства, и послѣднее не можетъ допускать того, чтобы эти лица пользовались своимъ служебнымъ положеніемъ для такихъ дѣйствій... и т. д.

По поводу традиціонныхъ аргументовъ съ точки зрѣнія государственной службы и служебнаго положенія слѣдуетъ имѣть въ виду, что они съ равною основательностью относятся и къ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, приравненія къ которымъ ака-

демій и университетовъ и ихъ членовъ въ интересующей насъ области мы требуемъ, а именно къ судамъ и судьямъ. Суды— государственныя учрежденія и судьи находятся на государственной службѣ, однако во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ признается и гарантируется путемъ несмѣняемости судей и т. д. принципъ свободы и независимости судейской совѣсти и соотвѣтственныхъ рѣшеній; и было бы политическимъ абсурдомъ требовать, чтобы судьи постановляли удобные для правительства приговоры или чтобы они рѣшали гражданскіе иски, въ которыхъ заинтересовано государство (казна), въ пользу государства и т. п.; отъ этого была бы не польза, а величайшій вредъ, прежде всего для самого же государства.

Аналогично, вредоносною и близорукою, особенно при тене-решнемъ состояніи науки и культуры и на будущее время, слѣдуетъ признать ту политику, которая добивается путемъ такихъ или иныхъ мѣръ и воздѣйствій отъ науки удобныхъ для себя рѣшеній, социальныхъ, политическихъ ученій и направленій. Мы выше (стр. 577 и сл.) указали на важную функцію и задачу общественно-политическихъ наукъ, состоящую въ критически провѣренномъ и научно-обоснованномъ руководствѣ общественнымъ прогрессомъ, въ критикѣ и обезвреживаніи поверхностныхъ, научно не обоснованныхъ мнѣній, теченій, рецептовъ, въ предупрежденіи разрушенія цѣнныхъ культурныхъ благъ и учреждений по незнанію и непониманію ихъ цѣнности, легкомысленныхъ общественныхъ скачковъ и соотвѣтственныхъ реакцій и т. д., а равно на все возрастающую способность науки по ея содержанію, по ея умственному вооруженію, къ исполненію этой все болѣе необходимой по условіямъ развитія народной психики миссіи. Но сверхъ надлежащаго интеллектуальнаго вооруженія для успѣшнаго осуществленія этой миссіи требуется еще другое вооруженіе, обладаніе возможно болѣе высокимъ авторитетомъ и довѣріемъ среди молодежи, среди образованнаго общества и среди широкихъ массъ народонаселенія, поскольку онѣ принимаютъ участіе въ политической жизни. Между прочимъ, однимъ изъ весьма важныхъ и цѣнныхъ элементовъ указанной общей миссіи науки является судейская, третейская функція въ области противоположныхъ и противорѣчащихъ притязаній, въ борьбѣ социальныхъ интересовъ и политическихъ страстей, третейское, независимое и безпристрастное указаніе того, что въ данной области справедливо

и обосновано, что необосновано и не выдерживает критики. и предупреждение или смягчение таким образом ожесточенного столкновения слѣпыхъ страстей, содѣйствіе общественному миру и безболѣзненному политическому и социальному развитію. Какъ въ международной области наука международного права предупреждаетъ по мѣрѣ своего научнаго безпристрастія и авторитета превращеніе междугосударственныхъ споровъ о правахъ въ кровавые конфликты, или и само возникновеніе такихъ споровъ, путемъ научнаго выясненія подлежащихъ вопросовъ и рѣшенія споровъ (и тоже бываетъ въ крупныхъ вопросахъ государственнаго права, напр., въ вопросахъ о престолонаслѣдіи, о конституціонныхъ правахъ разныхъ политическихъ факторовъ и т. д.); такъ въ общественно-политической жизни вообще наука должна быть авторитетнымъ экспертомъ и судьей, устранять почву для возникновенія неосновательныхъ и легкомысленныхъ требованій и столкновений и вносить миръ, а по крайней мѣрѣ болѣшую объективность, умѣренность, безпристрастіе и спокойствіе въ среду враждующихъ и обвиняющихъ другъ друга. Но для всего этого требуется моральная сила и престижъ науки-судьи и эксперта, общая увѣренность въ безпристрастіи, неподкупности и независимости научныхъ третейскихъ рѣшеній и экспертизъ. А для достиженія этого, въ свою очередь, требуется полный и рѣшительный отказъ отъ политики давленій и воздѣйствій на представителей науки для добыванія угодныхъ ученій и направлений, устраненія неугодныхъ; требуется предоставленіе судейской независимости совѣсти, соотвѣтственнаго правового положенія, свободы отъ чиновничьяго іерархическаго подчиненія, несмѣняемости и т. д.

О предупрежденіи распространенія такихъ или иныхъ идей путемъ политики давленій и административныхъ воздѣйствій, при теперешнихъ, а тѣмъ болѣе будущихъ, условіяхъ общественной жизни серіозному политику все равно говорить не приходится; получается только такой результатъ, что искусственно создается престижъ и ореолъ гонимымъ, даже не выдерживающимъ снисходительнѣйшей научной критики, ученіямъ; а дѣйствіе научной критики ихъ дѣлается невозможнымъ или парализуется путемъ созданія подозрѣній и недоувѣрія; требуется особое гражданское мужество, чтобы выступить съ такою критикою, не боясь подозрѣній и упрековъ, и, въ концѣ концовъ, и въ случаѣ наличности этого гражданскаго мужества, дѣло

безнадежно и безрезультатно, вслѣдствіе предвзятаго, создаваемаго близорукою политикою, скептицизма въ психикѣ слушателей и читателей. Точно также политика поддержки и покровительства извѣстнымъ другимъ ученіямъ и направленіямъ, хотя бы въ высшей степени основательнымъ и правильнымъ, стѣсняетъ научную ихъ защиту и парализуетъ ея дѣйствіе, представляетъ политику медвѣжьихъ услугъ.

Мы выше сказали, что интересы науки и университетской дидактики и педагогики, какъ таковыхъ, какъ великихъ и цѣнныхъ благъ, самихъ по себѣ, независимо отъ политическихъ интересовъ и соображеній, мало интересуютъ тѣ сферы, отъ которыхъ требуется частичный отказъ отъ власти и политическаго воздѣйствія, отъ управленія по содержанію университетскою наукою. такъ что въ данной области приходится имѣть дѣло главнымъ образомъ или исключительно съ политическими интересами и соображеніями.

Съ этой точки зрѣнія не лишне указать еще на слѣд. обстоятельство: сила и успѣшное дѣйствіе университетской науки въ направленіи вовлеченія учащейся молодежи въ науку и пріобщенія ея къ научной психикѣ, на ряду со своею самодовлѣющею государственною, общественною и культурною цѣнностью, имѣетъ и политическое значеніе: оно состоитъ не только въ томъ, что, при наличности такой силы университетской науки, вмѣсто преждевременнаго занятія политикою среди учащейся молодежи процвѣтало бы занятіе наукою (мы, само собою разумѣется, здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ изложенія вопросовъ университетской политики, имѣемъ въ виду не переходное, революціонное, а нормальное время). и что эта молодежь находилась бы подъ духовнымъ руководствомъ университета и науки, а не внѣуниверситетскихъ и внѣнаучныхъ, иногда поразительно ненаучныхъ и нелѣпыхъ, но въ сезонѣ ихъ временной модности пользующихся абсолютно-догматическимъ авторитетомъ, формуль и лозунговъ, но и въ томъ,—и это еще важнѣе,—что подлинное научное университетское образованіе, при слабости и прозябаніи университетской науки сравнительно рѣдкое, несмотря на множество дипломовъ, явленіе, представляетъ въ высокой степени цѣнный для разумно понимаемыхъ общественныхъ и государственныхъ политическихъ интересовъ факторъ предупрежденія политическихъ золь и бѣдствій и нормальнаго и успѣшнаго созданія и развитія положительныхъ политиче-

скихъ благъ: подлинное научное образованіе означаетъ привитіе самостоятельно-индивидуальнаго научно-критическаго духа, освобожденіе отъ умственнаго и вообще духовнаго рабства, отъ некритическаго подчиненія ходячимъ въ данное время въ данной общественной сферѣ стаднымъ лозунгамъ, способность имѣть и смѣлость и стремленіе отстаивать и проводить свои мнѣнія, распространять дальше и такія сознательно-критическія мнѣнія, и ихъ психическую основу, сознательно-критическій научный духъ и т. д. Въ университетахъ воспитываются будущіе руководящіе общественные дѣятели, и если бы они выносили изъ университета такое, подлинное научное, образованіе, то политикою руководили бы не тупые и слѣпые реакціонные или неосмысленные и самоубійственныя радикальныя лозунги, а научно-просвѣщенный, сознательно-критическій политическій разумъ.

А для воспитанія такихъ общественно-политическихъ дѣятелей и распространенія и силы такого просвѣщеннаго и критическаго общественно-политическаго духа требуется раціональная постановка университетской науки, въ томъ числѣ снабженіе ея авторитетомъ и престижемъ свободы и независимости.

VIII.

Не единственнымъ, при нормальномъ и здоровомъ состояніи университетовъ, но весьма важнымъ и цѣннымъ способомъ распространенія университетскаго научнаго свѣта является преподаваніе науки студентамъ. Какъ должно быть устроено университетское преподаваніе, какіе принципы здѣсь должны быть осуществлены, видно изъ изложенныхъ выше началъ университетской дидактики. Въ силу этихъ началъ слѣдуетъ признать нераціональными и подлежащими устраненію такія, напр., явленія законодательной (или административной) университетской политики, какъ: навязываніе факультетамъ «обязательныхъ практическихъ занятій»; требованіе отъ разныхъ органовъ университета надзора и контроля за студенческими занятіями или особаго и усиленнаго надзора за занятіями студентовъ, получающихъ стипендіи или пособія (ст. 183 проекта 1905 г., ср. ст. 131 проекта 1906 г., выше, стр. 570); навязываніе къ бы то ни было отдѣльнымъ ученымъ такихъ или иныхъ про-

грамм преподаванія (въ томъ числѣ косвенное навязываніе путемъ установленія программъ для государственныхъ или иныхъ экзаменовъ; путемъ предписанія «представленія преподавателями программъ чтеній» для утвержденія, ср. ст. 116 проекта 1905 г. и т. п.); требованіе надзора за преподаваніемъ, выполненіемъ программъ и т. п.; навязываніе факультетамъ многократнаго производства экзаменовъ въ теченіе года (по проекту 1906 «нѣсколько разъ», по проекту 1905 «въ четыре очереди»), т. е. мѣшаніе студентамъ заниматься подлинною наукою и парализованіе университетскаго преподаванія (напротивъ, въ качествѣ экзаменнаго времени слѣдуетъ установить особое и отдѣленное извѣстнымъ промежуткомъ времени отъ академическаго года въ собственномъ смыслѣ, предвакаціонное, время, ср. выше стр. 508).

Вообще же рачіональное отношеніе законодательной (и административной) политики къ дѣлу университетскаго преподаванія должно состоять, какъ и въ разныхъ другихъ областяхъ, въ принципѣ *laissez faire*, немѣшанія, нестѣсненія, и т. д. Забота объ успѣшномъ научномъ образованіи учащейся молодежи важная и великая обязанность государства, но серьезное и разумное осуществленіе этой обязанности состоитъ вовсе не въ такихъ мѣрахъ, какія приведены только что, а совсѣмъ въ другихъ законодательно-политическихъ мѣрахъ. Въ чемъ состоятъ эти мѣры, было выяснено въ предыдущихъ раздѣлахъ, посвященныхъ университетской (и академической) политикѣ и вообще во всемъ предыдущемъ изложеніи (не исключая психологической теоріи науки и университетскаго преподаванія), которое такимъ образомъ, съ точки зрѣнія интересующихся университетами исключительно, какъ учебными заведеніями, можетъ быть разсматриваемо въ совокупности, какъ изложеніе началъ школьной университетской политики (съ подлежащимъ теоретическимъ базисомъ).

Такъ какъ такимъ образомъ главные и основные вопросы университетско-школьной политики уже разсмотрѣны выше, хотя и *implicite*, въ формѣ болѣе широкихъ или кажущихся не относящимися къ вопросамъ университетскаго преподаванія науки проблемъ, и въ этихъ проблемахъ, а не въ регламентаціи преподаванія и студенческихъ занятій, надзора за ними и т. п., центръ тяжести и вся суть и политики успѣшнаго университетскаго преподаванія, и вообще успѣшнаго дѣйствія

университетовъ, какъ учебныхъ заведеній, то въ этомъ раздѣлѣ, касающемся специально школьной стороны дѣла, мы считаемъ возможнымъ ограничиться предыдущими краткими замѣчаніями.

Только въ виду существованія и большого значенія у насъ вопроса о переполненіи университетовъ и придумыванія разныхъ мѣръ для устраненія этого явленія и даже для приближенія къ такому «идеалу» университетскаго воспитанія и преподаванія, чтобы профессора могли лично хорошо знать своихъ учениковъ, быть съ ними въ близкомъ общеніи, сообразоваться въ учебныхъ занятіяхъ съ ихъ индивидуальными особенностями, нравственно на нихъ воздѣйствовать, и проч. и проч., считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній относительно рациональнаго отношенія университетской политики къ этой сторонѣ дѣла — къ вопросу о количествѣ учащихся и ихъ распредѣленіи по существующимъ (или имѣющимъ быть учрежденными для устраненія переполненія) университетамъ.

Изъ изложеннаго выше о психологіи науки и ученыхъ и о дѣйстви *professio scientiae* видно, въ чемъ можетъ и должно состоять воспитательное, въ частности нравственно-воспитательное вліяніе отдѣльныхъ ученыхъ и университета на учащуюся молодежь; и видно также, что идея воспитательнаго, нравственнаго воздѣйствія и т. д. въ томъ, такъ сказать, гувернерскомъ и правоучительномъ смыслѣ, въ какомъ эта идея понимается у насъ въ разныхъ правительственныхъ актахъ, въ прессѣ и въ разныхъ дилетантскихъ брошюрахъ и статьяхъ по университетскому вопросу — совершенно поверхностная и ложная идея. Вступленіе ученыхъ, напр., математиковъ, химиковъ, астрономовъ и т. п., въ близкое общеніе со своими учениками для нравственнаго или иного житейскаго (въ томъ числѣ, подразумѣваемаго, политическаго) руководства, морализованія и т. п., даже если бы эти физики, химики, астрономы и т. д. обладали вообще нужными для педагоговъ въ этомъ смыслѣ склонностями и способностями (ср. выше стр. 184), вело бы только къ разрушенію авторитета этихъ ученыхъ и научнаго престижа и авторитета университетской кѣедры вообще въ психикѣ ихъ учениковъ и всего студенчества. Это происходило бы, психологически неизбѣжно, уже вслѣдствіе того, что эти ученые-спеціалисты, выйдя изъ сферы своей дѣйстви-

тельной авторитетности, пытались бы играть несвойственную имъ роль авторитетовъ въ такихъ областяхъ и вопросахъ, въ которыхъ студенты, взрослые люди, ихъ никоимъ образомъ не признавали бы авторитетами или даже приучались бы смотрѣть на нихъ свысока, въ лучшемъ случаѣ снисходительно. Разрушались бы необходимыя для университета ассоціаціи и создавались бы такія ассоціаціи, которыя бы парализовали дѣйствіе университетской дидактики, въ томъ числѣ и ея высокое этическое-воспитательное дѣйствіе. Итакъ, соответственныя, воспитательныя ожиданія отъ реформы университетскаго дѣла и соответственныя требованія, обращаемыя со стороны правительства, прессы и т. д. къ профессорамъ, независимо отъ этой реформы, упреки и порицанія за то, что профессора не умѣютъ или не желаютъ заниматься этимъ дѣломъ—основываются на незнаніи и непониманіи дѣла.

Что же касается специально политическихъ совѣтовъ, усовершенствованій въ случаѣ студенческихъ волненій и т. п., то здѣсь слѣдуетъ еще принять во вниманіе изложенныя въ предыдущемъ раздѣлѣ соображенія. Особенно при отсутствіи указанныхъ въ предыдущемъ раздѣлѣ мѣръ, обращенія къ студентамъ съ такими рѣчами могутъ себѣ, безъ вреда для дѣла, безъ подливанія масла въ огонь, позволять въ исключительныхъ случаяхъ лишь такіе профессора, которые пользуются исключительнымъ довѣріемъ и уваженіемъ со стороны молодежи; да и то въ такихъ случаяхъ приходится сознавать, что дѣлается это насчетъ капитала необходимаго личнаго научнаго авторитета и съ нѣкоторою жертвою престижа и авторитета университетской кафедры вообще, чѣмъ профессора не имѣютъ права и не должны легкомысленно распорядиться. Но, затѣмъ, поскольку такія или т. п. попытки «нравственнаго воздѣйствія» на студентовъ въ исключительныхъ случаяхъ допустимы и возможны, онѣ имѣютъ смыслъ при томъ условіи, если онѣ обращаются по адресу не группы «не болѣе 20—30 человѣкъ», а по адресу возможно большаго количества, возможно ббльшей массы студенчества, многихъ сотенъ.

Устранивъ неудачную и совершенно напрасно припутываемую къ вопросу о нормальномъ и желательномъ количествѣ учениковъ у отдѣльныхъ профессоровъ и о количествахъ студентовъ въ отдѣльныхъ университетахъ и факультетахъ идею о воспитаніи, нравственномъ воздѣйствіи и т. д., слѣдуетъ

указанный вопрос обсуждать и рѣшать исключительно съ просвѣтительной, научно-образовательной точки зрѣнія (т. е. тѣмъ самымъ и съ этическо-воспитательной точки зрѣнія, но только не въ наивномъ и несообразномъ въ университетѣ гувернерскомъ смыслѣ, а совѣтъ въ иномъ смыслѣ, выясненномъ выше).

Для научнаго, сознательно-раціональнаго рѣшенія вопроса о нормальномъ и желательномъ количествѣ учащихся въ этомъ смыслѣ необходимо имѣть въ виду слѣдующія, отчасти уже установленныя выше, отчасти и безъ особыхъ доказательствъ ясныя и несомнѣнныя истины: 1) лекціи разныхъ лекторовъ, начиная со штатныхъ преподавателей худшаго типа и кончая выдающимися и воодушевленными учеными высшихъ категорій; до великихъ и геніальныхъ включительно, представляютъ по своей цѣнности, въ томъ числѣ по своему дѣйствию въ направленіи привитія соотвѣтственныхъ свойствъ интеллекта и перерожденія характера—прогрессію крайне различныхъ величинъ; точнѣе, онѣ представляютъ двѣ прогрессіи: прогрессію положительныхъ, отъ минимальныхъ и скромнѣйшихъ—до грандіозныхъ и величайшихъ, цѣнностей (въ сферѣ ученыхъ) и прогрессію отрицательныхъ, вредныхъ, охлаждающихъ къ наукѣ и т. д. величинъ (въ сферѣ штатныхъ преподавателей); 2) соотвѣтственныя положительныя цѣнности и полезности относятся къ разряду тѣхъ полезностей, которыя умножаются при умноженіи количества пользующихся; онѣ удваиваются, утраиваются, удесятерятся и т. д. при удвоеніи, утроеніи, удесятереніи количества слушателей, до границъ физической возможности увеличенія этого количества (т. е. до границъ голосовыхъ средствъ даннаго проповѣдника науки); если, напр., оцѣнить полезность годичной *professio scientiae* выдающагося ученаго, въ качествѣ учителя молодежи, т. е. соотвѣтственнаго привитія свойствъ высшаго мышленія, способности къ идейному подъему и воодушевленію, любви къ науке и т. д., на деньги (для наглядности, хотя дѣло идетъ о неоцѣнимыхъ и несоизмѣримыхъ съ деньгами духовныхъ приобрѣтеніяхъ для индивидовъ и народа), напр., при идеальной съ точки зрѣнія сторонниковъ малыхъ группъ учениковъ нормѣ слушателей—20 человекъ, въ 20,000 рублей, то, въ случаѣ удвоенія количества слушателей, цѣнность производимыхъ общественныхъ благъ будетъ = 40,000; увеличивъ это количество слушателей въ 10 разъ, т. е. при налич-

ности 400 слушателей, получимъ цѣнность въ 400,000 рублей, при наличности 1,000 слушателей (о вмѣстимости аудиторій ниже) — миллионъ; вмѣсто 20,000 въ случаѣ «идеальной» нормы; вообще цѣнность и полезность драгоценнаго народно-общественнаго живого капитала—ученыхъ, въ качествѣ учителей молодежи, прямо пропорціональна качествамъ учителя и количеству учениковъ (въ предѣлахъ физической умножаемости этого количества *); такой теоремы прямой пропорціональности, поскольку дѣло идетъ о качествахъ лекцій, нельзя установить въ сферѣ другой прогрессіи, прогрессіи разныхъ разрядовъ штатныхъ преподавателей и отрицательныхъ дидактическихъ величинъ, лекцій охлаждающихъ къ наукѣ, разочаровывающихъ, возбуждающихъ скептицизмъ, дискредитирующихъ науку и университетъ и кафедрѣ, прививающихъ тѣмъ, которые все таки слушаютъ, неудачное и жалкое мышленіе и т. д.; такая теорема была бы здѣсь ошибочною потому, что главный результатъ такихъ лекцій имѣетъ однородный характеръ, несмотря на различіе степеней ихъ отрицательныхъ свойствъ, а именно омертвѣніе и прозябаніе данной науки въ данномъ университетѣ, непосѣщеніе лекцій, отсутствіе интереса и импульсовъ къ инымъ занятіямъ данною наукою (кромѣ отзубриванія учебника къ экзамену въ предѣлахъ необходимости этого) и т. д. Вмѣсто геометрической пропорціональности здѣсь имѣется только арифметическая. Что касается зависимости подлежащаго вреда отъ количества приуроченныхъ къ такимъ штатнымъ преподавателямъ учениковъ, напр., путемъ прикрѣпленія къ округамъ, установленія комплектовъ или иныхъ ограниченій приѣма въ лучшіе университеты и т. п., то здѣсь сохраняется прямая пропорціональность; минусъ для народнаго духовнаго хозяйства, разрушеніе духовныхъ благъ тѣмъ больше, чѣмъ большее количество молодыхъ людей подвергается участи прикрѣпленія къ такимъ штатнымъ преподавателямъ.

Существо идеаловъ и проектовъ такого распредѣленія учащихся, чтобы ихъ было у каждаго профессора 20 — 30 чело-

*) При этомъ мы оставляемъ въ сторонѣ психологическій законъ (тенденцію) вліянія количества слушателей на эмоціональное состояніе оратора и слушателей; въ полупустой аудиторіи не можетъ быть такого воодушевленія лектора и слушателей, какъ въ большой и полной аудиторіи; вмѣсто высокой научной температуры и сильной лекціи съ сильнымъ эмоціональнымъ и интеллектуальнымъ дѣйствіемъ получается низкая научная температура и т. д.

вѣкъ, соотвѣтственнаго увеличенія количества «высшихъ учебныхъ заведеній», постройки губернскихъ университетовъ, прикрѣпленій къ округамъ, комплектовъ и иныхъ ограниченій приѣма слушателей въ лучшіе университеты (между прочимъ, и заботъ составителей новыхъ проектовъ университетской реформы о томъ, чтобы университетскія начальства каждый годъ устанавливали комплекты) и вообще всякихъ мѣръ и стремленій къ уменьшенію количества слушателей большихъ университетовъ и къ равномерному или болѣе равномерному распредѣленію слушателей между разными университетами — сводится къ сочетанію дѣйствія законовъ двухъ указанныхъ выше прогрессій въ направленіи соотвѣтственно усугубленнаго, комбинированнаго разрушенія дидактическихъ, просвѣтительныхъ капиталовъ и ихъ полезностей, къ культурному вандализму въ квадратѣ.

Особенно же нелѣпый и ужасный смыслъ имѣеть «упорядоченіе», устраненіе «переполненія» аудиторій наиболѣе крупныхъ и выдающихся ученыхъ-учителей молодежи въ странѣ и доведеніе подлежащаго числа до «нормальнаго» или «идеальнаго», по мнѣнію и указаніямъ нашихъ глубокомысленныхъ радѣтелей университетскаго просвѣщенія, съ закрѣпленіемъ стремящихся къ такимъ источникамъ духовнаго свѣта за тѣми штатными преподавателями, отъ которыхъ, хотя они находятся въ своей губерніи, болѣе сознательная молодежь стремится въ другія мѣста. Но и передвиженія въ среднихъ сферахъ указанной двойственной прогрессіи положительныхъ и отрицательныхъ дидактическихъ цѣнностей имѣють соотвѣтственно разрушительный смыслъ.

Принципомъ и директивомъ не мотовской, культурно-разрушительной, а экономной и производительной университетской политики утилизациі для народнаго просвѣщенія того количества ученыхъ-профессоровъ въ надлежащемъ смыслѣ слова, которые имѣются въ распоряженіи, а тѣмъ болѣе выдающихся и величайшихъ въ данной странѣ ученыхъ-учителей, является, какъ видно изъ приведенныхъ выше теоретическихъ положеній, начало, прямо противоположное тому, что у насъ официально и неофициально выставляется, какъ нормальное и идеальное, а именно, начало скопленія у такихъ источниковъ научнаго свѣта и духовнаго перерожденія возможно большаго количества учениковъ.

Если бы въ какой либо странѣ, въ которой надлежащихъ ученыхъ-профессоровъ меньше или даже много меньше, чѣмъ подлежащихъ кафедръ (университетовъ), по какимъ либо причинамъ такой, зловредной для учащейся молодежи и вообще для просвѣщенія, аномалии нельзя было исправить, такъ что и впредь разные университеты, факультеты, кафедры осуждены были бы продолжать быть породіями того, чѣмъ бы они должны быть, и причинять духовные убытки той части учащейся молодежи, которая по незнанію или инымъ причинамъ попадаетъ подъ соотвѣтственныя вліянія, то единственно разумнымъ, хотя и имѣющимъ ужасный видъ, исходомъ было бы закрытіе пѣкоторыхъ или большинства университетовъ съ концентраціею подлинныхъ ученыхъ-профессоровъ и учащейся молодежи въ тѣхъ немногихъ университетахъ, которые можно было бы такимъ путемъ обставить надлежащимъ образомъ учено-преподавательскими силами. Построеніе же новыхъ «университетовъ», т. е. соотвѣтственныхъ зданій и т. д., было бы при такихъ условіяхъ, т. е. при неизбѣжности карикатурнаго съ научной и педагогической точки устройства прочихъ, за исключеніемъ зданій и т. д., сторонъ дѣла, или, сверхъ того, увеличенія степени худосочности и карикатурности другихъ университетовъ, было бы прямо преступленіемъ противъ учащейся молодежи, предназначенной къ вовлеченію въ соотвѣтственную, крайне невыгодную для ихъ духовнаго развитія, «сдѣлку».

Такъ какъ фактически болѣзненные явленія указаннаго рода поддаются иному методу лѣченія, противъ нихъ имѣются иныя рациональныя средства, состоящія въ рациональной постановкѣ ученой профессіи, то, конечно, безъ указанныхъ хирургическихъ операций можно обойтись, но только подъ условіемъ прекращенія худосочія и гніенія подлежащихъ органовъ путемъ предпріятія надлежащихъ, обѣщающихъ нормальное питаніе и оживленіе, мѣръ.

Установленный принципъ наиболѣе экономной и производительной утилизаціи лучшихъ учено-преподавательскихъ силъ даннаго народа сохраняетъ, впрочемъ, свою силу (хотя и не въ столь острой формѣ) и въ случаѣ принятія мѣръ для достиженія достойнаго представительства науки, ея дѣйствительной жизни и дѣйствія во всѣхъ университетахъ. Разумѣется, его осуществленіе не должно состоять въ принудительномъ прикрѣпленіи части учащихся къ извѣстнымъ университетамъ (не-

посредственно или путемъ ограниченія пріема въ другіе университеты), только въ противоположномъ практикуемому и проповѣдуемому направленіи; это было бы болѣе просвѣщеннымъ деспотизмомъ, но все таки деспотизмомъ, нарушеніемъ элементарныхъ правъ гражданъ и нарушеніемъ важнаго принципа высшей педагогики и дидактики: принципа ненавязыванія, предоставленія свободы автодидактическаго выбора.

Рациональнымъ способомъ возможно лучшаго осуществленія принципа экономной, производительной утилизаціи драгоценнаго капитала учено-учительскихъ силъ, въ особенности драгоценнѣйшихъ изъ нихъ, является такое устройство университетскаго дѣла, чтобы, предоставивъ молодежи полную свободу выбора университета, въ тѣхъ университетахъ и факультетахъ, гдѣ концентрируются главныя, большія массы учащейся молодежи, была и концентрація и особенно тщательный подборъ лучшихъ учено-учительскихъ силъ.

И это было принято въ соображеніе при выработкѣ изложенной выше (стр. 534 и сл.) схемы рациональнаго устройства университетскаго дѣла.

Поэтому въ эту схему введенъ принципъ различенія университетовъ по количеству слушателей, и дѣло устроено такъ, чтобы тамъ, гдѣ имѣются не десятки, а сотни и тысячи слушателей, то, что они слушаютъ, было превосходнаго качества: чѣмъ больше слушателей, тѣмъ больше гарантія надлежащаго и выдающагося преподаванія *). Вообще, въ случаѣ осуществленія изложенной выше или иной, модифицированной, но на тѣхъ же основныхъ правно-политическихъ принципахъ построенной, системы университетскаго права, произошло бы оживленіе научной работы и тѣмъ самымъ существенное измѣненіе характера и уровня преподаванія во всѣхъ, въ томъ числѣ и наиболѣе теперь худосочныхъ и мертвыхъ, университетахъ и факультетахъ, такъ что не было бы вообще «вовлеченія въ невыгодныя сдѣлки». и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ лучшихъ силъ извлекалась бы наибольшая для общества и культуры польза.

Говоря о рациональности сосредоточенія возможно большаго количества слушателей вокругъ лучшихъ и величайшихъ уче-

*) Для еще болѣе продуктивной утилизаціи учено-учительскихъ силъ можно было бы примѣнить подлежащія градаціи по количеству слушателей по отдѣльнымъ факультетамъ, такъ какъ здѣсь возможны несовпаденія.

ныхъ-учителей, мы не упомянули о разныхъ физическихъ препятствіяхъ для осуществленія этого, играющихъ теперь, на ряду съ разными неудачными идеями и требованіями и соотвѣтственнымъ недостаткомъ «просвѣщеннымъ» произволомъ, извѣстную, кое гдѣ даже весьма существенную, роль въ дѣлѣ растраты и разрушенія полезности и тѣхъ, сравнительно немногихъ и потому особенно драгоценныхъ, учено-учительскихъ силъ, которыя имѣются въ распоряженіи и могли бы быть утилизированы съ гораздо большимъ, удвоеннымъ, утроеннымъ или даже большимъ культурнымъ результатомъ. Дѣло идетъ о постройкахъ, о помѣщеніяхъ и ихъ матеріальномъ оборудованіи. Мы уже указали въ другомъ мѣстѣ, что поскольку въ разныхъ официальныхъ документахъ и т. п. говорится о переполненіи аудиторій, о необходимости собразовать количество слушателей (числящихся студентами) съ количествами мѣстъ въ аудиторіяхъ, то это формально-официальные, по существу не особенно серьезные разговоры въ виду неравномѣрнаго распредѣленія слушателей и существованія аудиторій разныхъ размѣровъ и сверхъ того огромныхъ актовыхъ залъ *). Болѣе серьезное, и дѣйствительно существенное, а не только циркулярно-бумажное, значеніе имѣетъ недостатокъ мѣстъ въ лабораторіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ такъ называемыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ факультетахъ, гдѣ таковыя имѣются и необходимы. Подлежащіе факультеты болѣе выдающихся университетовъ дѣйствительно принуждены отказывать въ приемѣ мно-

*) Когда пишутся эти строки, на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета имѣется не бывавшее никогда скопленіе массы студентовъ (вслѣдствіе прибавленія новыхъ поколѣній безъ выпуска старыхъ, вслѣдствіе допущенія поступленія многихъ, прежде не допускавшихся, категорій лицъ, вслѣдствіе комплекта въ московскомъ университетѣ; въ суммѣ на первомъ курсѣ имѣется больше, чѣмъ утроеніе такого числа, которое раньше признавалось подлежащимъ существенному уменьшенію, какъ чрезмѣрное). И тѣмъ не менѣе, бѣдствій съ аудиторіями, т. е. ихъ недостаточною вмѣстимостью, а во всякомъ случаѣ такихъ неудобствъ, пзъ-за которыхъ можно было бы лишать молодежь того научнаго свѣта, къ которому она стремится, не существуетъ. Если иногда (на нѣкоторыхъ, немногихъ лекціяхъ) нѣкоторымъ тѣсно или неудобно сидѣть или даже приходится стоять, а профессору, какъ и слушателямъ, случается утирать потъ, то это не великія бѣды. Пахарь потѣетъ при трудѣ съ гораздо болѣе скромнымъ производительнымъ результатомъ, можно и пахарю науки и свѣтелю болѣе драгоценныхъ сѣмянъ потерпѣть малыя неудобства въ виду тѣмъ бѣдшей, умноженной, продуктивности его общепользнаго труда. Въ церкви скромныхъ проповѣдниковъ слу-

жеству желающих учиться въ данномъ университетѣ изъ-за недостатка мѣстъ въ лабораторіяхъ и т. п. Тѣмъ не менѣе нашъ принципъ рациональной утилизаціи преподавательскихъ силъ не содержитъ въ себѣ соотвѣтственнаго ограниченія. И можно думать, что, въ случаѣ возникновенія и развитія науки университетской политики и обсужденія рациональныхъ принциповъ экономной утилизаціи учено-учительскихъ силъ для просвѣщенія учащейся молодежи со стороны разныхъ представителей этой науки, никакой серьезный университетскій политикъ не введетъ такого ограниченія. Ибо наука университетской политики будетъ разрабатывать начала рациональнаго, разумнаго отношенія къ университетскому дѣлу и предполагать со стороны государства и его органовъ, министра народнаго просвѣщенія и т. д., готовность содѣйствовать именно разумному, рациональному устроенію дѣла, а безразлично-халатное отношеніе, устроеніе, какъ попало, безъ вниканія въ существо дѣла и радѣнія о немъ. Между тѣмъ такое положеніе дѣла, при которомъ учащаяся молодежь не допускается къ лучшимъ (и весьма немногимъ въ странѣ) источникамъ научнаго свѣта — потому, что не заботятся о приспособленіи необходимыхъ для этой цѣли построекъ, относится къ области исключительныхъ аномалій, а не къ области рациональнаго устроенія дѣла. И въ случаѣ крайней народнои и государственной

шають стоя, часто въ большой тѣспотѣ; не такъ уже велика бѣда прослушать нѣсколько лекцій въ году стоя, именно такихъ лекцій, слушать которыя собирается столько людей, что нѣкоторымъ приходится стоять. Общее правило всетаки и при данномъ, совершенно исключительномъ, степеніи обстоятельствъ таково, что удобныхъ мѣстъ достаточно (и даже на всѣхъ курсахъ, кромѣ перваго, вслѣдствіе устройства на нихъ помѣхи преподаванію и слушанію въ видѣ экзаменовъ въ теченіе года — этихъ мѣстъ много больше, чѣмъ достаточно; слишкомъ пусто и уныло въ аудиторіяхъ!). Гораздо болѣе существенныя неудобства имѣются отъ того, что нѣтъ достаточнаго числа аудиторій, такъ что многимъ приходится читать лекціи въ неудобное время или ютиться въ неприспособленныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ. И эти бѣдствія и осложненія съ каждымъ годомъ возрастаютъ и будутъ возрастать дальше, по мѣрѣ увеличенія количества доцентовъ, хотя бы количество студентовъ низвести на относительно незначительное. Ибо эти бѣдствія зависятъ отъ неприспособленности зданія не къ количеству студентовъ, а къ количеству преподающихъ и ихъ курсовъ. Впрочемъ, въ ближайшемъ будущемъ возможно наступленіе переизобилія университета и въ смыслъ переполненія аудиторій.

бѣдности, такое хозяйство, при которомъ растрачиваются и разрушаются рѣдкіе и драгоценнѣйшіе просвѣтительные капиталы съ великимъ вредомъ для ежегодно смѣняющихся поколѣній учащейся молодежи изъ-за отсутствія заботы о такихъ несоизмѣримо менѣ цѣнныхъ аксессуаряхъ, какъ нѣсколько новыхъ построекъ или расширеніе прежнихъ въ двухъ, трехъ городахъ, нельзя охарактеризовать иначе, какъ нелѣпое и безобразное, не бережливое и продуктивное, а халатно-расточительное хозяйство. Въ безчисленныхъ мѣстахъ продажи казенной водки устроены или наняты безчисленные же, вообще весьма просторныя и удобныя, помѣщенія, а два лучшихъ университета не могутъ распространять того научнаго свѣта, который имѣется въ распоряженіи и могъ бы быть утилизированъ.—изъ-за тѣсноты помѣщеній этихъ двухъ учреждений! Лишь сравнительно скромное дополненіе къ картинѣ этого культурнаго режима—большая забота о привлеченіи хорошихъ чиновниковъ къ завѣдыванію и управленію дѣломъ продажи водки и сообразно съ этимъ лучшая оплата труда этихъ, даже сравнительно мелкихъ, чиновниковъ, чѣмъ забота о привлеченіи надлежащихъ силъ къ разработкѣ науки и университетскому преподаванію и оплата труда этихъ дѣятелей, подчасъ всемірно заслуженныхъ и поддерживающихъ міровую репутацию и престижъ народа и государства.

Идея установленія комплектовъ для того, чтобы у каждаго профессора была лишь малая группа учениковъ, «не больше 20—30 человекъ» или т. п.—не особенно глубокомысленная и гениальная идея, столь же мало гениальная, какъ, напр., идея установленія такихъ же комплектовъ, въ 20—30 человекъ слушателей, для оперы.

Но и такое устроеніе университетскаго дѣла, при которомъ просвѣтительное дѣйствіе лучшихъ университетовъ разрушается и сокращается для сообразованія съ тѣсными помѣщеніями, тоже нѣчто нелѣпое и чудовищное; столь нелѣпое, какъ если бы въ оперу пускалось только немного слушателей за отсутствіемъ надлежащаго числа вѣшалокъ для пальто или гардеробнаго помѣщенія, или (такъ какъ въ подлежащихъ комплектахъ и урѣзываніяхъ заключается жестокость по отношенію къ учащейся молодежи), какъ если бы нормировка больничнаго дѣла гласила такъ, чтобы въ виду недостаточной длины больничныхъ кроватей больнымъ обрубать ноги или не принимать больныхъ,

за исключеніемъ людей, длина тѣла которыхъ сообразована съ длиною этихъ, слишкомъ короткихъ, кроватей.

Если проекты новаго устройенія на будущее время университетскаго дѣла вводятъ статьи, возводящія явленіе комплектовъ вообще (проектъ 1906 г. ст. 118) или спеціально комплектовъ по соображенію съ размѣрами учебныхъ помѣщеній и средствами учебно-вспомогательныхъ установленій (проектъ 1905 г. ст. 165) въ законы для будущаго существованія и дѣйствія университетовъ, то по этому поводу слѣдуетъ сказать, что ужъ само государственное приличіе требуетъ иного отношенія дѣлу. Вообще задача серіозной реформы всякаго дѣла состоитъ не въ томъ, чтобы закрѣплять на будущее время прежнее плохое и безобразное положеніе дѣла и съ этимъ, напр., съ отсутствіемъ привлеченія лицъ надлежащаго качества, съ надлежащимъ цензомъ, съ отсутствіемъ мотивовъ для надлежащаго занятія дѣломъ, съ отсутствіемъ необходимаго матеріальнаго благоустройства, необходимыхъ помѣщеній, орудій для работы и т. п., сообразовать сочищаемыя статьи будущаго закона, а въ томъ, чтобы привести устрояемое дѣло въ надлежащее и цвѣтущее состояніе. Это очень банальная истина, но въ университетскомъ дѣлѣ она упускается изъ виду и поэтому приходится обращать на нее вниманіе и на пей настаивать.

IX.

Въ предыдущемъ разсмотрѣны главныя и основныя вопросы университетской (и академической) политики, какъ политики производства и распространенія научнаго свѣта. У насъ, при обсужденіи и выработкѣ «реформы высшихъ учебныхъ заведеній», эти вопросы, въ частности основной и капиталнѣйшей изъ нихъ, вопросъ о средствахъ такой постановки научнаго дѣла, чтобы ученые занимались наукою и были подлинными учеными и профессорами, проповѣдниками науки, а не штатными преподавателями въ чиновничьемъ, формальномъ смыслѣ, не только не играютъ роли главныхъ и основныхъ вопросовъ, но даже не возникаютъ, не обсуждаются или рѣшаются между прочимъ, попутно, при составленіи новыхъ редакцій касающихся этихъ вопросовъ традиціонныхъ статей, которыя имѣются въ накопившихся вслѣдствіе періодически повторяющихся универси-

тетскихъ реформъ и контръ-реформъ образцахъ уставовъ *). Роль главныхъ и основныхъ вопросовъ, вмѣсто разсмотрѣнныхъ выше, играютъ вопросы совсѣмъ другого свойства и содержанія, а именно вопросы административнаго свойства, вопросы управленія университетскими, хозяйственными и иными, дѣлами, главнымъ образомъ и на первомъ мѣстѣ вопросъ о такъ называемой автономіи, самоуправленіи высшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ университетовъ. Объясняется это историческими и политическими причинами, связанными съ прежнимъ режимомъ. На мрачномъ фонѣ этого режима университетская автономія представлялась свѣтлымъ мѣстомъ и драгоценнымъ приобрѣтеніемъ либерализма, на ряду съ земствомъ и судебными уставами. Для стремящагося къ свободѣ просвѣщенію и передового общества это былъ предметъ любви и культа, для реакціонныхъ теченій предметъ вражды и ненависти. Вполнѣ естественно, что другія стороны университетскаго дѣла оставались въ тѣни или совсѣмъ не замѣчались.

Теперь, послѣ кореннаго измѣненія и несоизмѣримо болѣе широкой постановки политическихъ вопросовъ, можно было бы и слѣдовало бы въ интересахъ университетскаго дѣла, въ томъ числѣ и въ интересахъ сохраненія и укрѣпленія на будущее время предоставленной недавно университетамъ («высшимъ учебнымъ заведеніямъ») автономіи, соотвѣтственно перемѣнить уголъ зрѣнія, взглянуть на дѣло иначе.

По существу управленіе дѣлами, хотя въ университетахъ и много дѣлъ, сложное управленіе, большое хозяйство и т. д. есть средство, и при томъ, въ виду характера дѣятельности—производства и распространенія научнаго свѣта, и величія соотвѣтственныхъ задачъ, рѣшаемыхъ отнюдь не административнымъ порядкомъ, относительно весьма скромное средство.

Поэтому, соблюдая различеніе важнаго и неважнаго и соотвѣтственный масштабъ изложенія и не входя въ (весьма многочисленныя) детальныя вопросы управленія, мы въ области

*) Между прочимъ, установившійся здѣсь традиціонный шаблонъ, опредѣляющій темы нормировки, порядокъ изложенія и т. д., повидимому, въ значительной степени способствуетъ дальнѣйшему господству рутины и шаблонности, мѣшаетъ возникновенію и дѣйствию самостоятельной и оригинальной мысли, возникновенію и обсужденію такихъ вопросовъ, которые не вмѣщаются въ рамки этого окаменѣвшаго шаблона и т. д.

административной стороны университетскаго дѣла ограничимся слѣдующими общими положеніями:

1. Изъ психологіи науки и научнаго дѣла, въ частности изъ изложеннаго выше, въ раздѣлѣ V, о существованіи и дѣйстви въ университетѣ, на почвѣ научной психики, сильной и превосходной по направленію и характеру дѣйствія мотивациі, превосходящей не только административно-понукательную и т. п., но даже высшую этическую мотивацию, ясно и неизбежно вытекаетъ то положеніе, что рациональному устройству университетскаго дѣла соотвѣтствуетъ въ области управленія принципъ децентрализаціи этого управленія. При томъ изъ указанныхъ, всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ обстоятельно выясненныхъ и обоснованныхъ, посылокъ вытекаетъ, съ точки зрѣнія административно-правовой техники, не такая, болѣе чѣмъ скромная, весьма частичная и непоследовательная, административная децентрализація, какая была введена сдѣлавшимся предметомъ воодушевленія и культа уставомъ 1863 г. и получила громкое, совершенно не соотвѣтствующее существу дѣла, имя «автономіи», а дѣйствительная и последовательная децентрализація. Административныя нормы устава 1863 г. предоставили нѣсколько больше самостоятельности университетамъ, нежели нормы предшествовавшаго (1835 г.) и послѣдующаго (1884 г.) уставовъ; тѣмъ не менѣе соотвѣтственное право нельзя охарактеризовать иначе, какъ право чрезмѣрной и мелочной административной централизаціи съ надзоромъ и обиліемъ мѣръ воздѣйствія по отношенію ко всѣмъ органамъ и членамъ университетовъ (профессорамъ, факультетамъ, завѣдующимъ лабораторіями, клиниками и т. д.) со стороны цѣлой іерархической системы разныхъ за всѣмъ смотрящихъ, утверждающихъ, окончательно рѣшающихъ и перерѣшающихъ разныя мелочи начальствъ *).

Принципъ децентрализаціи управленія университетскими

*) Изображеніе здѣсь соотвѣтственныхъ порядковъ потребовало бы, именно вслѣдствіе указаннаго въ текстѣ характера ихъ, слишкомъ много мѣста. Интересующіеся пусть прочтутъ статьи, опредѣляющія положеніе и компетенціи «главнаго начальника» — министра, затѣмъ попечителя, ректора, совѣта и т. д., обратятъ вниманіе на размѣръ вопросовъ, подлежащихъ инстанціоннымъ пересмотрамъ, и количество инстанцій, которыя требуются для окончательнаго ихъ рѣшенія, на количество надзирателей за поведеніемъ и исполненіемъ обязанностей (не исключая соблюденія программъ) іерархически подчиненныхъ чиновниковъ-преподавателей и т. д.

дѣлами долженъ быть проведенъ не только во внѣшнихъ отношеніяхъ университетовъ, въ отношеніяхъ къ попечителю округа и министру, но и внутри университетовъ. Въ частности, нѣтъ никакого смысла обременять центральные университетскіе органы: совѣтъ и ректора, обязанностями рѣшать, утверждать, надзирать и т. д. въ области такихъ, касающихся непосредственно другихъ, болѣе частныхъ и специальныхъ, органовъ и учреждений (факультетовъ, профессоровъ, завѣдующихъ разными специальными учреждениями, музеями, кабинетами, лабораторіями и т. п.) специальныхъ мелочей, которыя центральнымъ органамъ по существу дѣла совершенно чужды и неизвѣстны.

Такъ обоснованный и проведенный, какъ указано выше, и названный надлежащимъ именемъ (а не именемъ «автономія»; неправильно перенесеннымъ изъ сферы иныхъ, политическихъ отношеній) принципъ децентрализціи университетскаго управленія ничего не имѣетъ общаго съ политикою въ обыденномъ смыслѣ слова; въ частности онъ не состоитъ ни въ какой связи и зависимости отъ либеральной (или, при послѣдовательномъ проведеніи, отъ радикально-либеральной) политики. Дѣло идетъ о рациональной, сообразованной съ характеромъ и психикою учрежденія, техникѣ управленія, о технической ненадобности и вредности централизціи, лишняго навязыванія, лишней потери времени и энергіи и т. д. И эта техническая рациональность, единственная разумность такого именно, децентрализованнаго, а не иного способа управленія въ данной области администраціи, отнюдь не перестаетъ быть таковою и вообще ни въ чемъ не измѣняется въ томъ случаѣ, если проводится не либеральная, а консервативная или реакціонная политика. И точно также она не имѣетъ по существу никакого отношенія къ формѣ государственнаго устройства. И на почвѣ абсолютистическаго или даже социалистическаго, также какъ и на почвѣ либерально-конституціоннаго, режима было бы технически несообразно и неразумно портить здѣсь дѣло и растрачивать напрасно энергію на централизованное управленіе.

То же относится и къ академіи наукъ. И управленіе этого учрежденія нуждается въ реформѣ въ такомъ же направленіи, какъ и университетская администрація.

2. Какъ уже указано и подчеркнуто выше, управленіе дѣлами, хозяйственными и иными, является въ университетской

области не цѣлью и чѣмъ то главнымъ, а, напротивъ, весьма скромнымъ средствомъ для великихъ цѣлей—производства для общества и человѣчества научнаго свѣта и его печатнаго и устнаго распространенія. Поэтому слѣдуетъ признать явную и поразительною несообразностью такое устройство управленія, при которомъ это мелкое средство вытѣсняетъ самую великую цѣль, при которомъ ученые превращаются въ административныхъ чиновниковъ, занятыхъ дѣлами управленія (хотя бы и «автономнаго») и не имѣющихъ возможности безпрепятственно заниматься наукою. Въ послѣдніе годы бывали періоды, когда разные засѣданія, совѣтскія, факультетскія, комиссіонныя, длящіяся иногда до поздней ночи съ переутомленіемъ и неспособностью къ научной работѣ и на слѣдующіе дни, превращались въ хроническую и непрерывную язву, совершенно лишаящую возможности не только заниматься научно-писательскою работою, но даже слѣдить за успѣхами науки въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ученые занимаются наукою. А если осуществляются нѣкоторые выработанныя предположенія на будущее время, или будетъ введена тому подобная система управленія, то, особенно принимая во вниманіе увеличеніе числа членовъ коллегій, этого рода помѣха осуществленію цѣли университета со стороны средства сдѣлается нормальнымъ и постояннымъ явленіемъ.

Основнымъ и капитальнымъ требованіемъ рациональной политики университетскаго управленія является постулатъ величайшей бережливости, возможно меньшей растраты времени и физической и психической энергіи ученыхъ на дѣла управленія. При (рациональной) реформѣ университетскаго дѣла слѣдуетъ исходить изъ того, что въ будущемъ не будетъ питатныхъ преподавателей, которымъ, послѣ отбытія лекціонной повинности по старымъ, неизмѣннымъ запискамъ, затѣмъ нечего дѣлать; слѣдуетъ исходить изъ того, что всѣ или почти всѣ члены университетовъ будутъ активными учеными, обладающими соотвѣтственными высокими духовными квалификаціями, утилизирующими время и энергію на высоко квалифицированный и высоко продуктивный трудъ, а среди нихъ многіе—такіе люди, продукты творчества которыхъ, стало быть и каждый часъ времени этого творчества и каждая единица соотвѣтственной энергіи, имѣютъ великую общечеловѣческую, всемірную цѣнность. Сообразно съ этимъ и слѣдуетъ относиться къ этому времени и этой энергіи.

Отсюда вытекают, между прочимъ, слѣдующія частныя положенія унiversитетской (и академической) административной политики:

А. Все то, что можно отнести къ компетенціи единоличныхъ (выборныхъ) органовъ (ректора, проректора, декановъ, секретарей факультета, отдѣльныхъ профессоровъ, въ частности профессоровъ, завѣдующихъ разными специальными учрежденіями), слѣдуетъ перенести изъ сферы коллегіальнаго (совѣтскаго, факультетскаго, правленскаго, комиссіоннаго и т. п.) управленія въ сферу единоличнаго. А fortiori, тѣ мелочи, которыя на почвѣ ненужной централизаціи проводятся чрезъ нѣсколько коллегіальныхъ инстанцій, подвергаются многократному сообщенію, обсужденію и т. д., слѣдуетъ предоставить единоличной децентрализованной компетенціи или (если этого нельзя) компетенціи только одной, болѣе близкой къ дѣлу, коллегіи.

Коллегіальное обсужденіе вмѣсто единоличнаго рѣшенія означаетъ умноженіе затрачиваемаго времени и энергіи, и при томъ умноженіе не пропорціональное количеству членовъ коллегіи, а гораздо большее; если, напр., вопросы, которые могли бы быть рѣшаемы деканомъ, вносятся на обсужденіе факультета, то, при участіи 15-и, 20-и или т. п. членовъ факультета въ застѣваніи, затрата, т. е., въ случаѣ отсутствія необходимости коллегіальнаго обсужденія, растрата драгоценнаго времени и энергіи ученыхъ увеличивается не въ 15, 20 и т. д. разъ, а во много разъ больше, иногда въ 1000 и больше разъ. Ибо то, что для рѣшенія единоличною властью потребовало бы нѣсколькихъ секундъ или минутъ времени, дѣлается предметомъ доклада, вопросовъ со стороны тѣхъ, которымъ что либо неясно, и соответственныхъ разъясненій, а затѣмъ дебатовъ. Произносятся болѣе или менѣе длинныя рѣчи; при чемъ психологія ученыхъ такова, что они привыкли и любятъ разбирать вопросъ, независимо отъ его практическаго значенія, хотя бы оно было совершенно микроскопично или = 0, весьма основательно и обстоятельно, освѣщать его всесторонне, находить новыя стороны, ко всѣмъ другимъ мнѣніямъ, стало быть и къ мнѣніямъ, высказаннымъ предыдущими ораторами, относиться критически, тоже съ весьма основательнымъ и обстоятельнымъ разборомъ по пунктамъ и критическимъ освѣщеніемъ; а говорятъ они солидно, медленно, съ разстановкою, какъ въ аудиторіи; и получается нѣчто поистинѣ ужасное, если имѣтъ

въ виду цѣнность времени и энергій; вопросъ занимаетъ въ сотни разъ больше времени, чѣмъ при единоличномъ рѣшеніи, и это столь умноженное время нужно умножить на количество засѣдающихъ въ коллегіи ученыхъ.

Еще много болѣе грандіозная растрата времени и энергій получается въ области дѣятельности другой университетской коллегіи — совѣта, громадной коллегіи, съ теченіемъ времени возрастающей и уже теперь превышающей по числу членовъ парламенты разныхъ небольшихъ государствъ.

Здѣсь, по сравненію съ факультетами, ораторовъ больше, рѣчи, въ виду количества слушателей, еще болѣе старательны и обстоятельны; и подлежащія произведенія отъ умноженія разныхъ множителей нужно умножить на соотвѣтственно большое число ученыхъ членовъ засѣданія, изъ которыхъ каждый теряетъ соотвѣтственные часы и вечера для научной работы (съ отрицательными результатами въ случаѣ переутомленія и для научной работы слѣдующаго дня).

Между тѣмъ, у насъ существуетъ тенденція возвеличенія совѣта путемъ возведенія его во все знающій, все контролирующій, все рѣшающій, всегдѣ управляющій органъ («Совѣтъ представляетъ собою высшій органъ университетскаго управленія. Онъ объединяетъ, направляетъ и контролируетъ дѣятельность всѣхъ остальныхъ органовъ этого управленія», ст. 6 новѣйшаго проекта университетскаго устава 1906 г.). И, напр., надлежащимъ поведеніемъ и отношеніемъ ректора къ совѣту считается такое отношеніе, чтобы онъ не смѣлъ что либо самъ предпринимать, рѣшать и т. д., вообще проявлять какую либо власть и самостоятельную дѣятельность помимо совѣта, а все бы почтительнѣйше докладывалъ совѣту и проч. Со словомъ «автономія» ассоціировалась (по разнымъ историческимъ и психологическимъ причинамъ) идея всевластія и всеуправленія совѣта.

Такъ какъ теперь ректоръ, деканы и т. д. — выборные, пользующіеся довѣріемъ подлежащихъ коллегій, единоличные органы, то и слѣдуетъ довѣрить имъ самостоятельную власть и компетенцію, на ряду съ властью и компетенціею подлежащихъ, большихъ и все возрастающихъ, коллегій, и по возможности расширить эту компетенцію; и это ни для кого не потеря, а соотвѣтственно грандіозное, какъ видно изъ предыдущаго, сбереженіе времени и энергій множества ученыхъ (въ томъ числѣ,

какъ опять таки вытекаетъ изъ сказаннаго выше, и самого ректора, декановъ и т. д.) для науки.

В. Тѣмъ болѣе несообразное и еще значительно умноженное разрушеніе культурныхъ силъ и цѣнностей представляетъ установленіе многократнаго, въ разныхъ инстанціяхъ, обсужденія вопросовъ, которые могли бы безъ вреда или съ пользою для дѣла рѣшаться и обсуждаться разъ въ соотвѣтственной низшей инстанціи, не доходя до совѣта или даже факультета (вмѣсто обсужденія въ факультетѣ, а затѣмъ еще разъ въ высшей инстанціи—въ совѣтѣ).

Вообще проведеніе принципа децентрализаціи вмѣсто «автономіи», понимаемой какъ всевластіе совѣта, что означаетъ крайнюю и совершенно лишнюю централизацію, было бы важно и цѣпно, независимо отъ другихъ, указанныхъ выше, соображеній, и съ точки зрѣнія экономіи драгоцѣнной продуктивной энергіи, устраненія растраты и разрушенія культурныхъ благъ, поглощенія великой цѣли неважнымъ средствомъ.

С. Тѣ вопросы, отъ которыхъ нельзя освободить коллегіи путемъ переноса изъ коллегіальныхъ въ единоличныя компетенціи и путемъ проведенія принципа децентрализаціи управленія, перепоса власти окончательнаго рѣшенія изъ общихъ и высшихъ въ спеціальныя низшія инстанціи, должны быть предоставлены, по возможности, не большимъ, а малымъ коллегіямъ. Какъ видно изъ предыдущихъ (стр. 619) поясненій, замѣна коллегіи въ 100 челоуѣкъ коллегіей въ 10 или 5 челоуѣкъ (напр., коллегіей изъ ректора и декановъ) означаетъ выигрышь времени и энергіи не въ 10 или 20 разъ, а много болѣе въ слѣдствіе болѣе, чѣмъ пропорціональной, растраты времени при увеличеніи числа теряющихъ время членовъ коллегіи. Для достиженія подлежащей экономіи можно создать по нѣмецкому образцу университетскій «сенатъ», но только не уничтожалъ смысла и цѣпности этого учрежденія умноженіемъ его членовъ; или можно передать соотвѣтственные вопросы правленію, состоящему изъ ректора, проректора и декановъ, освободивъ въ свою очередь правленіе отъ хозяйственныхъ мелочей путемъ передачи ихъ единоличной компетенціи или малой спеціальной комиссіи изъ трехъ лицъ.

Во всякомъ случаѣ такое университетское законодательство, которое забываетъ и не заботится о наукѣ, не только ничего

не дѣлаетъ для того, чтобы происходила научная работа и процвѣтала наука въ университетахъ, но даже устраиваетъ помѣхи и препятствія для тѣхъ, которые, несмотря на общую ложную и несообразную постановку ученой дѣятельности, по особой индивидуальной психикѣ желали бы заниматься наукою, не можетъ быть признано дѣльнымъ и серьезнымъ законодательствомъ.

И, въ видѣ еще одного *graterea senso*, добавлю: друзьямъ, уже признанной, автономіи слѣдуетъ имѣть въ виду, что нормы и институты права, дѣйствующіе сами по себѣ или въ сочетаніи съ другими хорошо и превосходно, приобрѣтаютъ и сохраняютъ уваженіе, укрѣпляются въ общественной психикѣ; и они долговѣчны; а иные—недолговѣчны и осуждены на гибель. А когда еще разъ качнется маятникъ университетскаго, уже конституціоннаго, законодательства, напр., въ связи съ временною реакціею, то пробьетъ послѣдній часъ исторіи университетской автономіи, а во всякомъ случаѣ новая контръ-реформа не наступитъ такъ скоро, какъ до сихъ поръ вводились и отмѣнялись университетскіе законы.

З а к л ю ч е н і е .

Высказывая изложенныя выше, отличныя отъ ходячихъ и традиціонныхъ взглядовъ и популярныхъ лозунговъ, положенія по университетскому вопросу, авторъ слѣдовалъ указаніямъ и требованіямъ своей научной совѣсти. Что же касается практическихъ результатовъ этихъ положеній съ ихъ обосновапіями, то, кромѣ отрицательной критики таковыхъ, авторъ, по крайпей мѣрѣ въ ближайшее время, не предвидитъ; и даже считалъ бы наивною предполагать возможность осуществленія предлагаемаго измѣненія постановки университетскаго дѣла въ предстоящемъ университетскомъ законодательствѣ. Конечно, традиціонная постановка научнаго, университетскаго и академическаго, дѣла, несмотря на всю ея психологическую ложность и несообразность и на всю ея гибельность для науки и просвѣщенія, останется и на будущее время. Летаргическій сонъ науки, эпидемическое превращеніе начинающихъ ученыхъ по дости-

женіи каедры въ штатныхъ преподавателей, фиктивность выдаваемыхъ дипломовъ объ университетскомъ образованіи и т. д.—будутъ и впредь, можетъ быть еще очень долгое время, продолжаться. Для осуществленія дѣйствительной и серьезной реформы постановки научнаго дѣла требовалась бы наличность соотвѣтственнаго интереса къ дѣлу и воодушевленія, охоты и готовности бороться съ разными затрудненіями и возраженіями, въ томъ числѣ съ финансовой стороны и т. д., вообще иное отношеніе къ наукѣ, нежели то, которое имѣется и господствуетъ въ рѣшающихъ сферахъ.

Достаточное препятствіе, при отсутствіи необходимыхъ для преодоленія психическихъ факторовъ, составляетъ уже сила инерціи, установившіеся шаблоны и традиціи, привычныя и укоренившіяся воззрѣнія, съ точки зрѣнія которыхъ не ограничивающееся мелочами и виѣшними декораціями, болѣе существенное, коренное и радикальное новшество, психологически неизбѣжно, представляется чѣмъ то страннымъ, невозможнымъ, недопустимымъ и т. д. За тѣмъ къ существующему, не требующему ни способностей и талантовъ, ни научнаго труда, порядку приноровлены естественно и личные интересы, характеры, образъ жизни и т. д., а такихъ, для которыхъ измѣненіе этого порядка представлялось бы желательнымъ, мало. Если бы прежде дѣйствовалъ иной, рациональный, возбуждающій научную дѣятельность и энергію, порядокъ, то попытка его отмѣны вызвала бы многочисленные и энергичные протесты; напр., въ Германіи мысль объ уничтоженіи значенія научныхъ талантовъ и научнаго труда и заслугъ для социальнаго положенія ученыхъ и введеніе подобнаго нашему порядку вызвала бы такой отпоръ и такое негодованіе съ точки зрѣнія интересовъ науки, что о проведеніи такой мысли и рѣчи бы быть не могло. Но *beati possidentes*; при существующемъ положеніи вещей, именно въ виду его существованія и соотвѣтственнаго дѣйствія, установившаяся и господствующая психологія такова, что есть психическая почва для протестовъ и негодованій, но только прямо противоположныхъ по содержанію, смыслу и направленію.

Къ тому же не трудно вайти и съ успѣхомъ использовать чрезвычайно удобную и даже красивую и свидѣтельствующую о благородствѣ протестующаго формулу для побѣдоноснаго отраженія всякой попытки сообразовать положеніе ученыхъ съ ихъ научными заслугами и ввести соотвѣтственные стимулы къ продолженію научной работы по достиженіи каедры.

Намъ выше пришлось имѣть дѣло съ имѣющей весьма благородный видъ аргументаціей сторонниковъ сокращенія числа учащихся въ университетахъ, съ указаніями на то, что «храмъ науки» слѣдуетъ очистить отъ поступающихъ туда ради диплома и карьеры, что въ университетахъ должны быть только тѣ, которые направляются туда по высокимъ мотивамъ чистой и незаинтересованной любви къ наукѣ, что поэтому необходимо устранить «привилегіи», связанныя съ окончаніемъ университета и т. д. (стр. 193). И хотя съ той же стороны указывается, конечно въ другихъ мѣстахъ, на необходимость для серьезнаго образованія и подготовки къ практической дѣятельности, государственной службѣ и т. д. обильнѣйшихъ университетскихъ «практическихъ занятій», т. е. университетскаго образованія по указаніямъ сторонниковъ этихъ идей (имѣющимъ въ виду не «храмъ» и интересы науки, а просто студенческіе беспорядки и мнимую возможность устранить ихъ путемъ занятія студентовъ обильными и обязательными практическими занятіями), тѣмъ не менѣе аргументація въ пользу упраздненія этого образованія и замѣны его экзаменами по вѣдомствамъ имѣетъ весьма благородный видъ. Мы указывали по этому поводу въ своемъ мѣстѣ, что, конечно, семейныя и личныя соображенія по окончаніи гимназій имѣютъ житейскій характеръ, касаются карьеры и средствъ будущаго самостоятельнаго и сноснаго социальнаго положенія и т. д.; но задача раціональнаго устройства дѣла образованія состоитъ не въ томъ, чтобы упразднить изъ за этого университетское образованіе на почвѣ предположенія наличности несуществующихъ обыкновенно и не могущихъ существовать, а во всякомъ случаѣ имѣть единственное и исключительное значеніе, высокихъ и идеальныхъ мотивовъ чистой любви къ наукѣ у думающихъ послѣ окончанія гимназій о дальнѣйшемъ устройствѣ жизни; а въ томъ, чтобы привести ихъ въ соприкосновеніе и общеніе съ истинною наукою и по возможности привить имъ любовь къ ней, воспитывать умъ и характеръ въ соответственномъ направленіи и т. д.

Совершенно тѣ же фразы о высокихъ мотивахъ чистой любви къ наукѣ и т. д., съ такою же основательностью и съ такимъ же конечнымъ результатомъ, т. е. упраздненіемъ науки и любви къ ней, вмѣсто созданія условій и стимуловъ для занятія наукою и развитія и поддержанія любви къ этому дѣлу, примѣнимы и въ интересующей насъ теперѣ области; и на

почвъ обычнаго смѣшенія идеализма (стремленія къ достиженію идеальныхъ результатовъ) съ (наивнымъ или лицемѣрнымъ) оптимизмомъ, съ предположеніемъ существованія несуществующаго идеальнаго, подлежація формулы покажутся, особенно не знающимъ дѣла и дѣйствительнаго положенія вещей, весьма ясными, убѣдительными и благородными, въ отличіе отъ противоположнаго, опровергаемаго такими аргументами, мнѣнія.

Какъ бы то ни было, ожидать непосредственнаго успѣха и реальныхъ результатовъ отъ изложенныхъ тезисовъ университетской (и академической) политики было бы наивнымъ заблужденіемъ. Но въ такомъ случаѣ въ значительной степени упраздняется непосредственное практическое значеніе и того, что было изложено раньше по вопросамъ университетской дидактики. Ибо важнѣйшій элементъ системы подлежащихъ началъ и важнѣйшее фактическое условіе удовлетворительнаго дѣйствія всей системы — интенсивная и непрерывная учено-писательская дѣятельность профессоровъ. А достигнуть этого путемъ разъясненій и аргументовъ въ пользу соотвѣтственнаго труда, и въ томъ случаѣ, если бы аргументація была сто-кратъ болѣе убѣдительная и внушительная, чѣмъ та, которая содержится въ этой книгѣ, трудно, если условія жизни и структура профессіи этому не благоприятствуютъ.

Большее непосредственно-практическое значеніе могутъ имѣть изложенныя выше начала рациональнаго университетскаго и внѣ-университетскаго самообразования въ связи съ подлежащимъ теоретическимъ базисомъ. Въ этой области весьма много зла, роковыхъ ошибокъ и блужданія происходитъ отъ отсутствія научнаго свѣта, отъ отсутствія знанія и пониманія природы науки и научнаго образованія, смысла и значенія разныхъ факторовъ этого образованія, рациональныхъ началъ выбора и пользованія ими и важности этого выбора, отъ господства совершенно ложныхъ и для успѣха самообразования крайне вредныхъ представленій въ данной области, подкрѣпляемыхъ поверхностными и дилетантскими газетными статьями, брошюрами по университетскому вопросу и т. д., напр., о предпочтительности слушанію лекцій и большей продуктивности ученія по учебнику и проч. Особенно въ тѣхъ университетахъ и факультетахъ, гдѣ имѣется не мало дѣльныхъ и выдающихся курсовъ, важно выясненіе смысла и значенія пользованія ими;

но и тамъ, гдѣ таковыхъ мало или даже на своемъ факультетѣ совсѣмъ не имѣется, важно пользованіе тѣмъ, что имѣется хотя бы въ области другихъ факультетовъ; а также важно знаніе и пониманіе необходимости и рациональныхъ средствъ замѣны не имѣющей въ распоряженіи лекціонной помощи и т. д. и т. д.

Къ сожалѣнію, то, что изложено выше, на стр. 341—501, подъ заглавіемъ «Общія начала высшей автодидактики», и въ предыдущихъ частяхъ въ качествѣ теоретическаго базиса къ сознательной автодидактикѣ, представляетъ нѣчто весьма неполное, несовершенное, и отъ того, что могла и должна была бы представлять и давать учащимся въ качествѣ рациональнаго руководства наука высшей автодидактики, еще весьма далекое.

Прежде всего, изложенныя теоретическія и практическія положенія, касающіяся высшаго научнаго образованія и самообразованія, имѣютъ въ виду только общій характеръ, общіе элементы и общія свойства научной психики и научнаго образованія и соответственныя общія начала научнаго самообразованія, независимо отъ особенностей разныхъ специальныхъ вѣтвей науки и научнаго образованія; между тѣмъ, разныя спеціальныя науки отличаются разными особенностями интеллектуальнаго и эмоциональнаго состава и характера, требующими дополнительнаго построенія особаго, спеціальнаго теоретическаго базиса и выработки дополнительныхъ, специальныхъ практическихъ правилъ рациональной техники самообразованія. То, что изложено выше, страдаетъ въ этомъ направленіи неполнотою; въ нѣкоторыхъ областяхъ, напр., въ области философскихъ, экономическихъ, юридическихъ и другихъ общественныхъ и политическихъ, вообще такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ эта неполнота менѣе чувствительна, въ другихъ болѣе; въ тѣмъ большей степени, чѣмъ болѣе данная вѣтвь науки и научнаго образованія отличается такими особенностями, которыя требуютъ особыхъ средствъ и приѣмовъ научнаго самообразованія. А есть такія науки, напр., въ области теоретическаго знанія — химія, въ области прикладнаго практическаго знанія — хирургія, гдѣ эти особые средства и приемы самообразованія, лабораторныя работы и т. д., имѣютъ настолько важное значеніе, что предъ ними общіе приемы и средства научнаго самообразованія, слушаніе лек-

цій, чтеніе, ученіе по учебнику и т. д. отстають на задній планъ.

Будущая наука высшей автодидактики будетъ состоять изъ двухъ частей: общей (съ общимъ теоретическимъ базисомъ) и специальной (со специальными базисами). И то же относится и къ двумъ другимъ, необходимымъ для сознательно-раціональной постановки и процвѣтанія научнаго дѣла, наукамъ, къ высшей дидактикѣ и университетской политикѣ (включая сюда и вопросы, касающіеся академіи наукъ).

Но и независимо отъ указанной неполноты, и въ предѣлахъ поставленной болѣе скромной, начальной и частичной, съ точки зрѣнія подлежащаго развитія высшей автодидактики, задачи, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы предыдущее изложеніе давало достаточно полное, глубокое и всестороннее теоретическое выясненіе и познаніе того, что требуется знать и понимать въ области столь сложнаго и тонкаго процесса, какъ процессъ развитія научной, въ частности и въ особенности научно-эмоціональной, психики, и сколько нибудь достаточное и удовлетворительное руководство къ лучшему, наиболѣе сознательному и раціональному, веденію дѣла научнаго самообразования. Для достиженія удовлетворительныхъ, а тѣмъ болѣе совершенныхъ техническихъ результатовъ въ этомъ направленіи, требуется работа многихъ, внесеніе въ дѣло гораздо болѣе обширныхъ психологическихъ знаній, главнымъ образомъ и прежде всего знаній, касающихся эмоцій и специально научныхъ эмоцій, ихъ дѣйствія, законовъ развитія и т. д.—области, представляющей въ современной психологіи еще *terra incognita*, еще ждущей разработки и познанія; затѣмъ требуется гораздо болѣе глубокая, всесторонняя и детальная разработка соответственныхъ практическихъ правилъ и т. д., чѣмъ это могло быть достигнуто слабыми единичными усиліями въ настоящемъ изслѣдованіи. И то же, конечно, въ еще большей степени, въ виду еще большей краткости и суммарности изложенія, относится къ изложеннымъ выше началамъ университетской дидактики и университетской политики.

Все таки, по сравненію съ тѣмъ отсутствіемъ научнаго свѣта, съ тѣмъ мракомъ и туманомъ, который господствуетъ теперь въ области высшей научной автодидактики, и то немногое, что сдѣлано выше, смѣю думать, представляетъ нѣкоторый свѣтъ и прогрессъ, разсѣиваетъ нѣкоторыя вредныя не-

доразумѣнія, даетъ нѣкоторую ориентировку и принесетъ нѣкоторую пользу тѣмъ, которые примутъ его къ свѣдѣнію и руководству.

Но рѣшающее значеніе при большомъ трудѣ, затраченномъ на это сочиненіе, имѣли для автора и въ области университетской дидактики и политики, и въ области высшей автодидактики не вопросы ближайшей и непосредственной пользы. Намъ пришлось выше имѣть дѣло съ движеніемъ въ пользу основанія и разработки особой новой науки, «педагогикѣ высшихъ учебныхъ заведеній», и учрежденія институтовъ для обученія этой высшей педагогикѣ. Движеніе не дало результатовъ, и сама вѣра въ возможность такой науки смѣнилась сомнѣніемъ и отрицаніемъ—вслѣдствіе отсутствія теоретическаго базиса, который бы могъ дать какіе либо цѣнные практическіе выводы или, по крайней мѣрѣ, выяснилъ возможность добыванія и разработки подлежащаго научно-прикладнаго свѣта и опредѣлилъ характеръ и направленіе возможныхъ и необходимыхъ для этого изслѣдованій и построеній. Главною задачею этого сочиненія, кромѣ начальной его части, газетныхъ статей, написанныхъ главнымъ образомъ для предупрежденія подготавливавшейся вредной для университетскаго дѣла реформы университетскаго преподаванія, является выясненіе возможности и необходимости основанія и разработки на почвѣ научныхъ, психологическихъ, данныхъ не только той науки, которую имѣло въ виду упомянутое движеніе, но еще двухъ дисциплинъ, не менѣе важныхъ и необходимыхъ для развитія и процвѣтанія науки и научнаго просвѣщенія: науки высшей автодидактики и науки университетской политики.

И если бы это сочиненіе (въ подлинникѣ или переводѣ) оказало содѣйствіе возникновенію соотвѣтственнаго движенія научной мысли, появленію дальнѣйшихъ, лучшихъ, углубляющихъ пониманіе и расширяющихъ подлежащее знаніе, трудовъ, и, въ концѣ концовъ, выработалась дѣйствительно научная, сознательно-раціональная техника въ дѣлѣ «расположенія наукъ», въ великомъ дѣлѣ усиленія и умноженія научнаго свѣта и связаннаго съ этимъ духовнаго и матеріальнаго прогресса человѣчества, такъ что изложенное въ этомъ сочиненіи представлялось бы лишь жалкими и примитивными зачатками, то это было бы несопзмѣримо болѣе важнымъ и крупнымъ результатомъ, чѣмъ непосредственное практическое значеніе и

осуществленіе такихъ или иныхъ отстаиваемыхъ авторомъ практическихъ предложеній.

Поэтому сознание безнадежности и неосуществимости въ близкомъ будущемъ главныхъ практическихъ предложеній по университетскому вопросу и наличности психической почвы для протестовъ и отрицательной критики не смущаетъ автора. А такая, хотя бы весьма отрицательная и ожесточенная критика, которая бы оперировала не поверхностными фразами и лозунгами, а научными аргументами, научнымъ обсужденіемъ дѣла по существу, т. е. была направлена на дальнѣйшую разработку искомаго научнаго свѣта, относилась бы именно къ тѣмъ результатамъ, изъ за которыхъ авторъ работалъ и трудился.

СПбГУ

Приложение I.

О вышихъ спеціальныхъ учебныхъ
заведеніяхъ.

Тема и задача этой книги—теоретическое и практическое изучение университетскаго дѣла, соотвѣтственнаго образованія, самообразованія и т. д. Важная, сложная и обширная тема, такъ что, несмотря на большой объемъ книги, намъ приходилось во многихъ мѣстахъ ограничиваться лишь главными и основными вопросами, оставляя въ сторонѣ болѣе детальную разработку, и въ области этихъ главныхъ вопросовъ довольствоваться краткимъ и суммарнымъ изложеніемъ. Осложнять изложеніе разсмотрѣніемъ смежныхъ, но непосредственно университетскаго дѣла не касающихся, вопросовъ о высшихъ спеціальныхъ и иныхъ школахъ, о соотвѣтственныхъ видахъ образованія, дидактики, школьной политики и т. д.—представлялось намъ при такомъ положеніи дѣла невозможнымъ.

Эти умолчанія въ связи съ противопоставленіемъ университетовъ учебнымъ заведеніямъ могутъ возбудить недоразумѣнія, а именно выводы (*per argumenta a contrario*), что тѣ положенія, которыя выставляются нами относительно университетовъ, университетской автодидактики, университетской дидактики и политики, примѣнны и умѣстны исключительно въ университетской области и непримѣнны по отношенію къ другимъ учрежденіямъ, другимъ видамъ образованія и т. д.

Во избѣжаніе такихъ недоразумѣній и въ дополненіе и поясненіе къ изложенному въ главномъ изслѣдованіи, считаемъ нужнымъ здѣсь, въ приложеніи, подчеркнуть, что такого смысла наше изложеніе не имѣетъ и что, напротивъ, многое изъ того, что для упрощенія и сокращенія изложенія было сказано спеціально относительно университетовъ, имѣетъ болѣе общее значеніе и допускаетъ распространеніе и на другія учрежденія, въ томъ числѣ разныя учебныя заведенія.

Это въ особенности относится къ нѣкоторымъ «высшимъ учебнымъ заведеніямъ».

Прежде всего то положеніе, что университетъ есть ученое учрежденіе, а не учебное заведеніе только, что его члены—

ученые или должны быть таковыми, а не «штатные преподаватели» и т. д.—примѣнимо въ большей или меньшей степени и къ нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ, разсматриваемымъ теперь какъ учебныя заведенія и только учебныя заведенія, хотя и высшія. Напр., нѣкоторые техническіе институты, особенно нѣкоторые, пользующіеся міровою репутаціею, политехники, представляютъ несомнѣнно нѣчто высшее и значительно большее, нежели учебныя заведенія, и должны быть признаны учеными учрежденіями, органами разработки подлежащаго спеціально-прикладного (отчасти и теоретическаго, напр., въ области математики, физики, химіи) свѣта. А если нѣкоторыя изъ тѣхъ учрежденій, которыя могутъ быть и бывають учеными учрежденіями, фактически играютъ только роль учебныхъ заведеній, то это относится и къ нѣкоторымъ, особенно низко стоящимъ, университетамъ, а по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ ихъ факультетамъ. И какъ по отношенію къ университетамъ требуются такія мѣры, чтобы они не были только учебными заведеніями, а достигли уровня выдающихся и блестящихъ ученыхъ учрежденій, такъ и по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ спеціальныхъ школъ желательно или даже необходимо стремиться къ такой же цѣли. Сообразно съ этимъ и тѣ принципы политики разработки научнаго свѣта, которые мы выставили и обосновывали по адресу университетовъ, примѣнимы съ соотвѣтственными измѣненіями и къ этимъ учрежденіямъ. Въ частности, напр., изъ этихъ принциповъ вытекаетъ желательность учрежденія, для поощренія разработки подлежащихъ областей знанія, въ особенности разныхъ видовъ и вѣтвей техническаго знанія, для содѣйствія техническимъ усовершенствованіямъ, прогрессу промышленности и т. д., соотвѣтственныхъ академій спеціальныхъ наукъ, академій техническаго знанія и т. д.

И въ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя представляютъ только учебныя заведенія, напр., въ «Училищѣ правовѣдѣнія» (высшихъ классахъ), «Александровскомъ лицѣ» и т. п., преподавателями бывають и должны по возможности привлекаться ученые, профессора университетовъ и др. Сообразно съ этимъ тѣ теоретическія положенія, которыя были изложены относительно лекцій ученыхъ, а равно выводы изъ этихъ положеній для высшей дидактики и автодидактики имѣють значеніе не только для университетовъ, но и для разныхъ дру-

гихъ высшихъ учебныхъ и учено-учебныхъ заведеній, поскольку въ нихъ имѣются свои или заимствуемые изъ университетовъ и т. д. ученые. То же относится въ значительной степени и къ другимъ вопросамъ высшей дидактики и автодидактики, къ научно-образовательному чтенію и выбору матеріала для этого, и т. д.

Конечно, слѣдуетъ принимать во вниманіе и разныя отличія подлежащихъ видовъ дисциплинъ и учено-учебныхъ, а тѣмъ болѣе только учебныхъ заведеній, подлежащихъ видовъ и цѣлей спеціального образованія и т. д.

Университетская комбинація наукъ, университетъ, какъ учебное учрежденіе, университетское образованіе и т. д.—все таки специфическія явленія, отличныя отъ другихъ, въ томъ числѣ и наиболѣе родственныхъ и смежныхъ явленій.

Той эмоціональной атмосферы, того господства специфически научныхъ, чисто идейныхъ настроеній и воодушевленій, которыя свойственны университету, въ техническихъ, агрономическихъ, коммерческихъ и т. п. учебныхъ или учено-учебныхъ заведеніяхъ ни въ средѣ учащихся, ни въ средѣ учащихся нѣтъ, быть не можетъ и не должно быть (ср. выше, стр. 586). Здѣсь имѣется и должно быть на лицо господство духа практической дѣловитости; интересуютъ и воодушевляютъ, или должны интересоватъ и воодушевлять, не научныя идеи, какъ таковыя, не знаніе и познаваніе само по себѣ, а энергичное, предприимчивое и практичное приложеніе на дѣлѣ, практической эффектъ, въ частности достиженіе этого эффекта наиболѣе дешевыми средствами, съ наименьшей затратой капитала, труда, вообще хозяйственной энергіи. Такова желательная въ данной области эмоціональная психика и къ ея внушенію и воспитанію слѣдуетъ стремиться.

Фактически же нерѣдко эмоціональная психика получаетъ здѣсь иное направленіе. Интересы, стремленія (вообще эмоціональныя движенія) направляются не на объективно-техническіе эффекты, цѣнныя изобрѣтенія, улучшенія, объективно удачное приложеніе, а на эффекты эгоистическаго, лично-практическаго, профессионально-пріобрѣтательнаго свойства *) съ соотвѣтственнымъ направленіемъ развитія профессиональной этики. При-

*) Ср. мою «Теорію права въ связи съ теоріей нравственности», § 1.

ходится наблюдать такіа, напр., явленія, что безукоризненно честные и идеально настроенные до поступленія въ заведеніе юноши уже въ концѣ перваго года съ воодушевленіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отстаиваютъ допустимость нѣкоторыхъ сомнительныхъ профессиональныхъ доходовъ, доказываютъ, что это вовсе не взятки, а вполне резонное взиманіе и т. д.

Особенно легко заводятся такіа болѣзни весьма злокачественнаго свойства въ такихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя посвящены одной спеціальной профессіи; ибо въ такомъ случаѣ, какъ учащіе, такъ и учащіеся возвращаются въ соответственномъ узкомъ кругѣ профессиональныхъ интересовъ.

Важнымъ школьно-политическимъ принципомъ является соединеніе школъ въ сложныя комбинаціи, какъ это имѣетъ мѣсто въ такъ называемыхъ политехникахъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы элиминировать, устранить профессионально-карьерные интересы, темы, разговоры и т. д. и развить и укрѣпить эмоціональное направленіе объективно-техническаго, практически-утилитарнаго, но не узко-профессиональнаго типа.

Сверхъ того подлежащая рациональная школьная и болѣе широкая и дальновидная, чѣмъ чисто школьная, политика должна стремиться къ достиженію того, чтобы преподавали не «штатные преподаватели», а люди, работающіе и воодушевляющіеся въ области подлежащихъ дисциплинъ, направленныхъ на объективные эффекты и объективный прогрессъ, а не на личную наживу или т. п.

Но и въ случаѣ рациональной и удачной постановки дѣла въ техническихъ и другихъ спеціальныхъ учено-учебныхъ и учебныхъ заведеніяхъ имѣется, психологически неизбежно, иная эмоціональная атмосфера, нежели въ университетѣ, а слѣдовательно получается и иное развитіе характера, иное воспитаніе, вообще иной типъ духовнаго образованія.

Это слѣдуетъ имѣть въ виду стремящимся къ высшему образованію, ихъ родителямъ и инымъ совѣтующимъ и помогающимъ рѣшать вопросы о выборѣ высшей школы, а равно и государству (а также земствамъ, городамъ и т. д.) въ разныхъ областяхъ школьной и иной законодательной и административной политики, напр., политики юстиціи, санитарной, медицинскій политики и т. д. Для такихъ государственныхъ должностей и вообще социальныхъ функцій, гдѣ важно не

столько предприимчивая деловитость, хозяйственная и вообще утилитарная практичность и т. п., сколько принципиальное, идеальное и гуманное настроение, напр., для функций судьи, учителя гимназии, врача, для службы в области контроля, министерства народного просвещения, в области общего внутреннего управления и т. п. — желателен университетский тип воспитания. Для разных таких областей управления, где важна иная психика, в особенности для разных областей предпринчиво-продуктивного государственного и иного общественного хозяйства, имеющего, в виду быстро прогрессирующей социализации разных отраслей производства, великую будущность, предпочтительно иное воспитание (независимо даже от необходимости таких или иных специальных познаний); при чем, впрочем, пока вообще не достигнута такая психическая, в частности этическая, культура, чтобы можно было ожидать вездѣ безукоризненной честности, примѣсь университетского элемента может быть желательна и здѣсь.

Затѣм, в области дидактики, слѣдует имѣть в виду, что в технических и иных утилитарно-прикладных школах наука и научное исканіе истины представляет не что-то самодовлѣющее, само по себѣ увлекающее и воодушевляющее, а средство для достиженія определенных практических эффектов; при этом для подготовки къ достиженію этих эффектов требуются отчасти весьма разнородныя и другъ съ другомъ ничѣмъ, или почти ничѣмъ, кромѣ подлежащей утилитарной цѣли, не связанные знанія; поэтому подлежащая дидактика не может вообще рассчитывать на такую мотивацию, мотивацию увлеченія такую или иною областью мышленія и исканія истины и т. д., какую слѣдует имѣть в виду в университетѣ.

Поэтому и тѣ принципы дидактики, которые были установлены выше в виду особой эмоциональной психики университета и мотивации университетского самообразования (стр. 504 и сл.), в специальных утилитарно-прикладных школах непримѣнимы или примѣнимы лишь съ известными ограниченіями. Здѣсь неизбѣженъ болѣе школьный режим; болѣе допустимо или даже необходимо установленіе определенных школьных рамокъ, введеніе элементовъ обязательности, экзаменнаго давленія, даже подчасъ репетицій и т. п.

Но все таки и здѣсь слѣдует соблюдать величайшую осто-

рожность и бережливость и по возможности не пользоваться такими средствами виѣ предѣловъ настоящей необходимости; слѣдуетъ по возможности не мѣшать учащимся самостоятельно заниматься облюбованнымъ предметомъ, надо заботиться о возможно большей подвижности и эластичности образовательныхъ комбинацій (безъ лишняго принудительнаго обремененія множествомъ не-необходимаго зубренія); главнымъ же образомъ и прежде всего надо заботиться о томъ, — это слѣдуетъ повторить и подчеркнуть и здѣсь — чтобы на кафедрахъ были не «штатные преподаватели», чиновники только или люди, интересующіеся только своими директорскими въ области разныхъ промышленныхъ предпріятій и т. п. посторонними дѣлами, а воодушевленные (хотя и иначе, съ иною эмоциональною подкладкою, чѣмъ ученые въ области философіи, исторіи, астрономіи и т. п.) ученые-техники, и чтобы такимъ образомъ въ возможно большей степени сдѣлать лишними и упразднить элементы грозно-школьнаго режима и замѣнить ихъ по возможности элементами внушаемаго отдѣльными выдающимися учителями и общою бодро-воодушевленною атмосферою свободнаго влеченія.

Другою особенностью дидактики въ области утилитарно-прикладнаго, не-университетскаго образованія является допустимость и умѣстность большаго приближенія къ практикѣ въ житейскомъ смыслѣ, большаго передвиженія отъ науки къ практической жизни и даже такъ сказать къ ремесленнымъ ея элементамъ, — сообразно меньшей важности здѣсь чистоты и высоты идейныхъ настроеній и большей важности практической дѣловитости, стремленія къ приложенію съ умѣніемъ считаться съ конкретною, фактическою обстановкою и т. д. Баникулярная и иная, во время ученія, практика въ промышленныхъ предпріятіяхъ и введеніе элементовъ обученія соответственнаго стиля здѣсь имѣеть совсѣмъ иное значеніе, нежели въ университетѣ. Но и здѣсь слѣдуетъ принимать во вниманіе, что школа существуетъ не для того, чтобы замѣнять житейскую практику и спеціальнй стажъ, а для того, чтобы доставить дѣльную научную подготовку къ необходимой все равно и во всякомъ случаѣ житейской практикѣ. И нѣкоторый элементъ высшаго идейнаго полета, хотя бы это вело къ необходимости послѣдующаго особаго приуроченія къ реальнымъ условіямъ, лучше, чѣмъ заведеніе слишкомъ низкаго,

ремесленно-профессіональнаго стіля. Питомцямъ техническихъ, горныхъ, коммерческихъ, лѣсныхъ, агрономическихъ и т. п. высшихъ школь предстоитъ имѣть дѣло не только съ машинами, паромъ, электричествомъ, каменнымъ углемъ, паразитными хлѣбными или лѣсными насѣкомыми, почвою, навозами и т. п., а и съ людьми, ихъ семьями, нуждами, несчастіями; они будущіе начальники, подчасъ надъ многими, отъ нихъ зависимыми; они будутъ подвергаться разнымъ, подчасъ весьма сильнымъ, искушеніямъ, выше которыхъ имъ слѣдуетъ быть...

То, что сказано о дидактикѣ въ области спеціального утилитарно-прикладнаго образованія, примѣнимо *mutatis mutandis* и въ области соотвѣтственной автодидактики; при чемъ здѣсь еще больше слѣдуетъ подчеркнуть, что желательно быть не только дѣльнымъ и практичнымъ спеціалистомъ, а и образованнымъ человѣкомъ въ общирномъ и высокомъ смыслѣ этого слова и слѣдуетъ заботиться объ автодидактическомъ дополненіи избраннаго типа ученія путемъ научно-образовательнаго чтенія въ разныхъ областяхъ знанія, въ томъ числѣ философскаго и гуманитарнаго.

Вообще о простомъ переносѣ правилъ политики, дидактики и автодидактики, рациональныхъ въ университетѣ, на ищущую почву технического и т. п. спеціального образованія не можетъ быть рѣчи; и нѣкоторыя явленія рабскаго копированія университетскихъ порядковъ, особенно въ области такихъ учебныхъ заведеній, которыя представляютъ только учебныя заведенія и при томъ простыя, не-сложныя, посвященныя одной спеціальной профессіи, съ малымъ кружкомъ подлежащихъ спеціалистовъ, безъ болѣе широкаго кругозора, общенія и общественнаго мнѣнія, слѣдуетъ признать нераціональными и неудачными. Но, съ другой стороны, то великое и прекрасное, что имѣется въ университетѣ, и тѣ начала, которыя способствуютъ осуществленію этого великаго и прекраснаго, заслуживаютъ вниманія, изученія и примѣненія и въ другихъ сферахъ высшаго образованія, поскольку это совместиемо съ особыми задачами этого образованія.